В ПОИСКАХ ТИГРА
КОЛЛИН ХОУК
Бестселлер «Нью-Йорк таймс»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вернувшись в Орегон, Келси пытается собрать свою жизнь воедино и забыть о прекрасном индийском принце по имени Рен. Но опасность предостерегает ее за каждым поворотом: она возвращается в Индию, где ей предстоит разгадать еще одну тайну – на этот раз с помощью брата Рена, мрачного и жестокого Кишана, который тоже пал жертвой проклятия тигра. Страстные желания, заманчивые искушения, мучительный выбор и судьбоносное решение – жизнь героев никогда не будет прежней.

- Коллин Хоук
  -
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
    - Свидание № 1
    - Свидание № 2
    - Свидание № 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- 26
- 27
- 28
- Эпилог
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Коллин Хоук
В поисках тигра

Моему мужу Брэду – живому доказательству того, что и в нашем мире есть такие мужчины.

Colleen Houck
TIGER`S QUEST
Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и The Van Lear Agency
© 2011 by Colleen Houck
© В. Максимова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ»

Ткацкий станок времени

Автор неизвестен

Нашу жизнь на стане времени ткут
По канве, что сокрыта от глаз.
А ткачи все плетут, челноки все снуют
От начала времен по сей час.

На одних челноках канитель серебра,
На других – золотая нить,
А на третьих пряжа тускла и сера,
И ничем ее не расцветить.

Подчиняясь канве, что Творцом создана,
Всяк челнок, послушен, снует.
И каждая нить – золота иль черна —
Место свое займет.

Лишь Творцу видна вся краса полотна,
Он узор продолжает свой,
И Его рукой чернота вплетена
Рядом с роскошью нити златой.

Лишь когда наш станок навсегда замолчит,
Челноки перестанут порхать,
Нам увидеть узор целиком предстоит,
И Творец нам позволит узнать,

Почему нити тьмы были столь же нужны,
Как и золото с серебром,
И с каким совершенством они вплетены
В тот узор, что задумал Он.

Пролог
Домой

Я судорожно вцепилась руками в подлокотники кожаного кресла и почувствовала, как у меня оборвалось сердце, когда частный самолет взмыл в небо, уносясь прочь от Индии. Если бы я отстегнула ремень безопасности, то непременно просочилась бы сквозь пол и, пролетев тысячу футов, свалилась бы в простиравшиеся внизу джунгли. Только тогда меня бы отпустило. Я оставила свое сердце в Индии. И ощущала пустоту на его месте. От меня осталась лишь осиротевшая оболочка – бесчувственная, безжизненная, ненужная.

И хуже всего было то, что мне некого было в этом винить, кроме самой себя.

Как так могло случиться, что я влюбилась? Да еще в кого-то настолько… непростого? Последние месяцы пролетели как сон. Каким-то чудом я перешла от работы в цирке к путешествию по Индии в компании белого тигра – который, между прочим, оказался заколдованным индийским принцем, – а затем и к сражениям с бессмертными тварями в процессе разгадки давно забытого древнего пророчества. Но теперь мое путешествие закончилось, и я осталась одна.

Мне уже с трудом верилось в то, что всего несколько минут назад я распрощалась с мистером Кадамом. Он был немногословен. Только ласково похлопал меня по спине, когда я обняла его из всех сил и никак не хотела отпускать. Наконец мистер Кадам вежливо разжал тиски моих рук, пробормотал какие-то утешительные слова на прощание и передал меня на попечение своей прапрапраправнучки Нилимы.

Нужно отдать должное Нилиме, она мне не докучала. Видимо, почувствовала, что я не в настроении общаться. Она принесла мне обед, но я даже думать не могла о еде. Не сомневаюсь, что обед был самый изысканный, однако меня преследовало ощущение, будто я иду по краю ямы с зыбучими песками. В любое мгновение меня могло засосать в бездонную воронку отчаяния. И меньше всего на свете мне хотелось есть. Я чувствовала себя мертвой, брошенной и никчемной, как смятая упаковочная бумага после Рождества.

Забрав поднос с нетронутой едой, Нилима предприняла попытку поднять мне настроение моим любимым напитком – ледяной водой с лимоном, – но я оставила его на столике. Не помню, сколько времени я тупо смотрела на высокий стакан,

наблюдая за тем, как капли влаги собираются на стенках и, соединяясь, медленно скатываются вниз, растекаясь вокруг донышка.

В какой-то момент я решила поспать, чтобы хотя бы на несколько часов перестать терзаться воспоминаниями, но блаженная тьма забвения ускользала от меня. Отчаявшись уснуть, я долго сидела, отрешенно глядя перед собой, а в голове у меня вихрем проносились мысли о белом тигре и древнем проклятии, околдовавшем его. Временами я то косилась на кресло мистера Кадама, пустовавшее через проход от меня, то выглядывала в иллюминатор, то следила за бликами света, скользившими по стене, или рассматривала свою ладонь, выискивая то место, где скрывалась невидимая татуировка Пхета.

Снова пришла Нилима, на этот раз с плеером, набитом тысячами песен. Там были и индийские исполнители, однако большую часть составляли американцы. Я промотала список, выбирая самые душераздирающие песни. Потом заткнула уши наушниками и нажала на кнопку проигрывания.

Расстегнув рюкзак, я вытащила оттуда бабушкино лоскутное одеяло и вдруг вспомнила, что перед отъездом завернула в него Фаниндру. Осторожно отогнув края одеяла, я отыскала золотую змею, подарок богини Дурги, вытащила ее и положила на подлокотник рядом с собой. Изящная золотая змейка сейчас была свернута спиралью, словно отдыхала, – по крайней мере, мне так показалось. Я погладила ее по гладкой золотой головке и прошептала:

– Теперь ты – все, что у меня осталось.

Закутав одеялом ноги, я откинулась в кресле, уставилась в потолок и стала слушать «One Last Cry»[1]. Потом отрегулировала звук, сделав его пониже и потише, положила Фаниндру себе на колени и стала поглаживать ее блестящие кольца. Зеленое сияние изумрудных змеиных глазок, тускло светившихся в салоне самолета, утешало меня все время, пока музыка заполняла пустоту в душе.

1
Западный Орегонский университет

Спустя энное количество отупляющих часов наш самолет все-таки приземлился в аэропорту Портленда, штат Орегон. Выйдя на покрытую гудроном площадку перед ангаром, я с усилием оторвала взгляд от стен терминала и посмотрела на серое пасмурное небо. Потом закрыла глаза и подставила лицо прохладному ветерку. Он пах лесом. Кажется, здесь недавно прошел дождь, потому что мои голые руки мигом покрылись мелкими освежающими брызгами. Хорошо вернуться домой.

Я вдохнула полной грудью, чувствуя, как Орегон возвращает меня в реальность. Я была частью этой земли, а она – частью меня. Здесь было мое место. Здесь я выросла и провела большую часть жизни. Здесь были все мои корни. Здесь похоронены мои родители и бабушка. Орегон встретил меня, как любимое дитя, заключил в прохладные объятия, утихомирил пляску мыслей и пообещал покой среди своих шелестящих сосен.

Нилима спустилась по трапу следом за мной и молча ждала, пока я впитаю в себя знакомый пейзаж. Потом я услышала жужжание двигателя, и из-за угла выехал кобальтово-синий кабриолет. Обтекаемая спортивная машина в точности такого же цвета, как *его* глаза.

Должно быть, мистер Кадам заранее заказал ее для меня. Я закатила глаза, привычно поражаясь его экстравагантному вкусу. Мистер Кадам все и всегда продумывал до мелочей – и всегда в своем стиле. «Ладно, по крайней мере, машина арендованная», – пробормотала я.

Поставив вещи в багажник, я прочитала название машины, красовавшееся сзади: «Порше Бокстер PC 6 ˚Спайдер». Я покачала головой и не удержалась от замечания:

– Ну, ничего ж себе, мистер Кадам! Да я бы запросто обошлась экспрессом до Сейлема!

– Простите? – вежливо переспросила Нилима.

– Нет, ничего. Просто рада вернуться домой.

Я захлопнула багажник и утонула в мягчайшем кресле двух оттенков – голубого и серого. Мы ехали молча. Нилима прекрасно знала дорогу, так что мне даже не пришлось давать ей указания. Я просто откинула голову и смотрела на небо и деревья, стремительно проносившиеся мимо.

Проезжавшие мимо молодые ребята свистели нам вслед из своих машин. Наверное, таким образом они выражали свое

восхищение экзотической красотой Нилимы с ее развевающимися на ветру длинными черными волосами, а может быть, им просто нравилась наша машина. Короче, точно не знаю, что именно вызывало весь этот свист, но уж точно не моя скромная персона. Я, как всегда, была в футболке, джинсах и кедах. Пряди золотисто-каштановых волос, выбившиеся из моей распустившейся косы, липли к покрасневшим от слез карим глазам и опухшему лицу. Впрочем, мужчины постарше тоже сбавляли скорость, поравнявшись с нами. Они не свистели, но откровенно любовались тем, что видели. Нилима не обращала на них ни малейшего внимания, а я внутренне отгородилась, решив: «Я выгляжу так же ужасно, как себя чувствую, так мне и надо».

Въехав в пригород Сейлема, мы почему-то свернули в сторону от моста Марион-стрит, который должен был привести нас на другой берег реки Уилламетт и дальше, по двадцать второму шоссе, прямиком к сельским просторам Монмута и Далласа. Я сказала Нилиме, что она пропустила поворот, но она лишь пожала плечами и ответила, что мы немного срежем.

– Ну конечно, – съязвила я, – что такое несколько лишних минут по сравнению с многодневным путешествием!

Нилима отбросила назад свои прекрасные волосы, улыбнулась мне и как ни в чем не бывало покатила дальше, легко маневрируя в потоке машин, следующих в сторону южного Сейлема. Я никогда не ездила этой дорогой. И это, совершенно определенно, был не самый близкий путь в Даллас.

Нилима ехала прямо на большую гору, поросшую зеленым лесом. Неспешно наматывая мили, мы все выше и выше взбирались по красивой дороге, с обеих сторон обсаженной деревьями. Несколько раз нам попадались грунтовые дороги, убегавшие куда-то в чашу. То тут, то там из леса выглядывали дома, но большей частью местность была совершенно глухая. Даже странно, что город до сих пор не поглотил ее и не начал застраивать. Здесь было очень мило.

Сбросив скорость, Нилима вырулила на какую-то частную дорогу, которая вела еще выше на гору. Мы миновали несколько петляющих подъездных дорожек, но я не увидела ни одного дома. Наконец дорога привела нас к небольшому дому на две семьи, стоявшему посреди соснового бора.

Обе части дома представляли собой зеркальные отражения друг друга. В каждой было два этажа, гараж и небольшой общий дворик. И огромное окно-фонарь, смотревшее на лес. Деревянные стены дома были выкрашены в кофейно-коричневый и темно-зеленый цвета, а крыша покрыта серовато-зеленым деревянным гонтом. Проще сказать, вылитый уютный домик с рекламы

горнолыжного курорта.

Нилима ловко въехала в гараж и выключила двигатель.

– Ну, вот мы и дома, – объявила она.

– Дома? В смысле, дома? Разве вы не отвезете меня к моим приемным родителям? – спросила я, совсем растерявшись.

Нилима понимающе улыбнулась. Потом спокойно ответила:

– Нет. Вот ваш дом.

– Мой дом? Что вы такое говорите? Я живу в Далласе! А тут кто живет?

– Вы. Войдем, я все вам объясню.

Мы прошли через закуток для стирки на кухню – довольно маленькую, но при этом напичканную самой современной техникой из нержавеющей стали, с веселыми лимонно-желтыми занавесками и светлыми стенами, украшенными трафаретными рисунками желтых лимонов. Нилима подошла к холодильнику и вытащила оттуда две бутылки диетической колы.

Я сбросила на пол свой рюкзак и попросила:

– Послушайте, Нилима, объясните мне, в чем дело!

Она пропустила мой вопрос мимо ушей. Просто протянула мне газировку, а когда я отказалась, пригласила идти за ней.

Тяжко вздохнув, я сбросила с ног кеды, чтобы не пачкать плюшевое ковровое покрытие домика, и поплелась следом за Нилимой в гостиную, оказавшуюся тоже небольшой и при этом весьма милой. Мы уселись на прелестный кожаный диванчик каштанового цвета. Высокий книжный шкаф, битком набитый классикой в твердых переплетах, наверняка стоившей целое состояние, так и манил меня к себе из угла, но залитое солнцем окно и огромный телевизор с плоским экраном, висевший над полированным комодом, вполне успешно соперничали с ним за мое внимание.

Нилима порылась в бумагах, лежавших на кофейном столике.

– Мисс Келси, – сказала она. – Этот дом принадлежит вам. Это часть вашего гонорара за летнюю работу в Индии.

– Но, Нилима, ведь я не вполне работала…

– Для нас все, что вы делали, было самой важной работой на свете. Да мы и мечтать не могли о том, сколько вам удалось сделать! Мы все в огромном долгу перед вами, и это лишь малая часть вашего вознаграждения. Вы преодолели немыслимые преграды, мисс Келси, вы рисковали жизнью, едва не погибли. Поверьте, мы очень благодарны вам!

Совсем смутившись, я попыталась обратить все дело в шутку:

– Ну, раз уж вы так ставите вопрос, то… Нет, постойте! Вы говорите, что этот дом – только часть моего гонорара? Значит, есть еще что-то?

Нилима кивнула.

– Да.

– Нет! Я просто не могу принять такой подарок. Целый дом – это слишком много, не говоря уже обо всем остальном! Это гораздо больше того, о чем мы договаривались. Я просто хотела немного заработать, чтобы оплатить учебники в колледже. А все остальное – это уже перебор.

– Келси, но он так решил.

– Значит, пусть перерешит! Это слишком много, Нилима. Нет, серьезно!

Она со вздохом посмотрела на мое лицо, превратившееся в маску железной решимости.

– Но он в самом деле очень хочет, чтобы вы приняли этот дом, Келси. Это доставит ему счастье.

– Но ведь это… неудобно! Как он думает, я буду добираться отсюда до автобуса, чтобы ездить в колледж? Между прочим, вернувшись домой, я планирую поступить в колледж, но в эту глушь, скорее всего, нет ни одного автобусного маршрута!

Нилима озадаченно подняла брови.

– А в чем проблема с автобусом? То есть если вы предпочитаете ездить на автобусах, то почему не можете доехать до остановки?

– Доехать до остановки? Что за чушь!

– Нет, мисс Келси, это вы городите чушь. Повторяю, что вам мешает ездить в свой колледж на машине?

– На машине? Какой машине?

– На той, что стоит в гараже, на какой же еще?

– На той, что… О, нет! Нет-нет-нет! Вы что, шутите?

– Нет, мисс Келси. Я не шучу. «Порше» принадлежит вам.

– Нет, не мне! Вы хоть представляете, сколько он стоит? Нет, ни за что.

Я вытащила мобильник и стала искать телефон мистера Кадама. Но прежде чем нажать на кнопку, вспомнила еще кое о чем.

– Так, выкладывайте все до конца. Что еще я должна узнать?

Нилима слегка поморщилась.

– Видите ли… Он также взял на себя смелость записать вас в Западный Орегонский университет. Обучение и учебники уже оплачены. Книги на столе, там же список дисциплин, спортивная форма «Западных волков» и карта кампуса.

– Он… он записал меня в Западный Орегонский университет? – недоверчиво пролепетала я. – Вообще-то я собиралась поступить в муниципальный колледж и работать, но… но не поступать в Западный Орегонский университет!

– Должно быть, он решил, что этот университет вам больше понравится. Занятия начинаются на следующей неделе. Что касается работы, то можете, конечно, и подрабатывать, хотя это не обязательно. Он открыл банковский счет на ваше имя. Ваша новая банковская карточка там же, на столе. Кстати, не забудьте расписаться на обороте.

Я сглотнула.

– А… то есть… а сколько денег на этом счету?

Нилима пожала плечами.

– Понятия не имею, знаю только, что там с лихвой хватит на оплату ваших текущих расходов. Разумеется, сюда счета приходить не будут. Они все будут отсылаться непосредственно бухгалтеру. Дом и машина полностью оплачены, как и все расходы на обучение.

Она пододвинула мне стопку бумаг, а сама откинулась на спинку дивана и отхлебнула глоток диетической колы.

Потрясенная до глубины души, я минуту-другую сидела в полном оцепенении и только потом вспомнила о своем желании позвонить мистеру Кадаму. Я снова откинула крышечку мобильного телефона и стала искать его номер.

Нилима не дала мне закончить.

– Мисс Келси, вы уверены, что хотите отказаться от всего этого? Видите ли, я знаю, что для него это очень много значит. Он хочет порадовать вас этим.

– А я хочу, чтобы мистер Кадам понял, что я не нуждаюсь в его благотворительности! Я просто объясню ему, что муниципальный колледж подходит мне гораздо больше и для меня совсем не проблема жить в общежитии и ездить на автобусе!

Нилима чуть наклонилась вперед.

– Но послушайте, мисс Келси, при чем тут мистер Кадам? Это все организовал совсем не он.

– Что? Но если это не мистер Кадам, то кто… О! – Я с громким щелчком захлопнула телефон. Нет, кому-кому, а *ему* я звонить не собиралась, ни за что, никогда и ни по какому поводу. – Вы сказали, для него это очень много значит, да?

Изогнутые брови Нилимы сомкнулись, на ее лице появилось выражение терпеливого недоумения.

– Да, я уверена, что это так.

«Я порвала свое сердце в клочья, чтобы улететь от него за 7,19625 миль, но он все равно умудряется не отпускать меня!»

И я пробурчала себе под нос:

– Замечательно! Он всегда получает все, чего хочет! Какой смысл пытаться вернуть ему все это? Он просто изобретет какой-нибудь новый подарок, еще грандиознее этих, что лишь еще

больше осложнит наши отношения.

Какая-то машина посигналила снаружи.

– О, это за мной, я возвращаюсь в аэропорт, – сказала Нилима, вставая. – Да, чуть не забыла! Это тоже для вас. – Она вложила мне в руку новенький мобильный телефон, наскоро обняла и направилась к выходу.

– Нет, постойте! Нилима!

– Не волнуйтесь, мисс Келси. Все будет замечательно. Все документы, которые вам понадобятся для университета, на кухонном столе. Еда в холодильнике, ваши вещи наверху. Если захотите, можете вечерком съездить навестить свою приемную семью. Кстати, они ждут вашего звонка.

С этими словами она повернулась ко мне спиной, грациозной походкой вышла за дверь и села в машину. Напоследок она помахала мне рукой с пассажирского сиденья. Я мрачно махнула ей в ответ и смотрела вслед обтекаемому черному седану, пока тот не скрылся из виду. А потом осталась совершенно одна в незнакомом доме посреди безмолвного леса.

Но раз уж Нилима уехала, стоило исследовать место, которое отныне станет моим домом. Распахнув холодильник, я убедилась в том, что он действительно набит до отказа. Я открутила крышечку с бутылки, сделала глоток колы и проинспектировала кухонные шкафчики. Там были стаканы, тарелки, всевозможная кухонная утварь, столовые приборы, кастрюли и сковородки. Повинуясь какому-то наитию, я выдвинула нижний ящик холодильника и обнаружила, что он доверху забит лимонами. Скорее всего, это был личный вклад мистера Кадама. Этот заботливый джентльмен знал, что вода с лимоном поможет мне освоиться.

Как выяснилось, лимонный вклад мистера Кадама в оформление интерьера дома не ограничился кухней. Туалетная комната на первом этаже была выдержана в полынно-зеленой и ярко-желтой гамме. Даже жидкое мыло в дозаторе оказалось с ароматом цитрусовых.

Я бросила свои кеды в плетеную корзину, стоявшую на плиточном полу закутка для стирки, рядом с ультрасовременной стиральной машиной фронтальной загрузки и сушильным автоматом, и перешла в небольшой кабинет.

Мой древний компьютер стоял посреди письменного стола, но рядом с ним красовался новехонький ноутбук. Кожаное кресло, картотечные ящики и стеллаж с запасом бумаги и прочих канцелярских принадлежностей завершали убранство комнаты.

Подхватив с пола рюкзак, я устремилась наверх, чтобы оценить свою новую спальню. Возле стены стояла роскошная

двуспальная кровать, на которой запросто можно было растянуться по диагонали, укрытая толстым пуховым покрывалом цвета слоновой кости с россыпью подушек нежного персикового оттенка и со старинным деревянным сундуком в изножии. Перед большим окном, выходившим на лес, разместились уютные бежевые кресла для чтения.

На кровати лежала записка, которая сразу же подняла мне настроение.

Привет, Келси.

С возвращением. Позвони нам сразу же, как только сможешь!

Ждем не дождемся рассказа о твоем путешествии!

Все твои вещи в целости и сохранности.

Мы просто влюбились в твой новый дом!

С любовью,

Майк и Сара

Записка от Майка и Сары и возвращение в Орегон вернули мне ощущение твердой почвы под ногами. Мои приемные родители жили самой нормальной жизнью. И моя жизнь с ними была совершенно нормальной, так что будет просто замечательно вновь обрести нормальную семью и пожить нормальной человеческой жизнью. Просто так, ради разнообразия. Спать на земле в джунглях, беседовать с индуистскими богинями, влюбляться в… в тигра! – нет-нет, все это было абсолютно ненормально. Категорически.

Я открыла шкаф, в котором обнаружила свою коллекцию лент для волос и всю одежду, очевидно, перевезенную сюда из дома Сары и Майка. Рассеянно перебрала вешалки с вещами, которые не видела несколько месяцев. За другой створкой шкафа оказалась вся новая одежда, купленная для меня в Индии, и несколько совсем новых вещей в платяных мешках.

«Ума не приложу, как мистер Кадам сумел доставить все это сюда до моего приезда? Ведь я оставила все эти вещи в Индии, в шкафу!»

Я с грохотом захлопнула в шкафу свою одежду вместе с воспоминаниями, решив никогда больше не открывать эту секцию.

Перейдя к комоду, я выдвинула верхний ящик. Заботливая Сара разложила мои носки именно так, как мне нравилось. Пары черных, белых и цветных носков, скатанных аккуратными мячиками, были рассортированы ровными рядами по цветам. Но стоило мне открыть следующий ящик, как улыбка тут же сползла

у меня с лица. Там лежала моя шелковая пижама, которую я нарочно бросила в Индии.

Я провела рукой по нежной ткани, и в груди сразу стало так горячо, что пришлось поспешно захлопнуть ящик и перейти в ванную комнату – глянцево-кафельную, белую с пыльно-голубым. Повернувшись к выходу из этой нарядной, полной света и воздуха комнаты, я вдруг поняла одну вещь, от которой у меня предательски вспыхнули щеки.

Моя спальня была оформлена в сливочно-персиковых тонах.

«Должно быть, он сам выбрал этот цвет, – догадалась я. – Когда-то он сказал, что я пахну персиками и сливками. Получается, он нашел способ напомнить мне о себе даже с другого континента! Как будто я могу его забыть…»

Я с досадой шмякнула рюкзак на кровать, но тут же пожалела об этом, вспомнив о лежавшей внутри Фаниндре. Бережно вытащив золотую змею, я извинилась перед ней и поудобнее устроила на белой подушке с персиковой вышивкой. С минуту я поглаживала ее по золотой головке, а потом принялась разбирать дорожную одежду.

Когда с этим было покончено, я растянулась лицом вверх на кровати и вытащила из кармана джинсов свой новый мобильный телефон. Как и все остальное, он был очередным дорогим излишеством. Дизайн «Прада», скажите пожалуйста! Я включила телефон, не сомневаясь, что первым высветится *его* номер, но ошиблась. Текстовых сообщений тоже не было. Там вообще в памяти не было никаких номеров, кроме телефонов мистера Кадама и моих приемных родителей.

Самые разные чувства пронеслись у меня в душе. Сначала я испытала облегчение. Потом растерялась. Следом почувствовала разочарование. При этом какая-то часть меня недоумевала: «Между прочим, мог бы и позвонить! Просто чтобы убедиться, что я добралась благополучно».

Разозлившись на саму себя за эти мысли, я позвонила приемным родителям и сказала, что прилетела, очень устала и заеду к ним на ужин завтра вечером. Отсоединившись, я скорчила гримасу, гадая, какое блюдо из тофу будет ждать меня завтра. Впрочем, какой бы разновидностью здоровой пищи меня ни собирались потчевать, я знала, что с радостью проглочу все, лишь бы поскорее повидаться с семьей.

Спустившись вниз, я включила стереосистему, приготовила себе сэндвич из яблочных ломтиков и арахисового масла и перебрала пачку документов, лежавшую на комоде. Оказалось, что мистер Кадам выбрал для меня профилирующим курсом международные отношения, а дополнительным – историю

искусств.

Я проглядела расписание. Каким-то чудом мистер Кадам сумел определить меня, первокурсницу, в группы третьей и четвертой уровней сложности. Более того, он умудрился закрепить за мной места на осенний и зимний семестры, несмотря на то, что запись на зиму еще даже не началась!

«Судя по всему, ЗОУ получил нехилое пожертвование из Индии, – решила я, понимающе ухмыляясь. – Не удивлюсь, если в этом же году начнется строительство нового кампуса!»

КЕЛСИ ХАЙЕС, УЧАЩАЯСЯ, СТУДЕНЧЕСКИЙ БИЛЕТ № 69428L7
ЗАПАДНЫЙ ОРЕГОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОСЕННИЙ СЕМЕСТР

Учебная письменная речь 115 (4 зачетных балла). *Начальный курс написания учебных работ.*

Латынь, первый год обучения 101 (4 зачетных балла). *Начальный курс латыни.*

Антропология 476Д: Религия и ритуалы (4 зачетных балла). *Изучение мировых религиозных практик. Обзор религиозных обрядов через призму антропологии, особое внимание уделяется таким аспектам, как одержимость, мистицизм, анимизм, колдовство, чародейство, культ предков и магия. Рассмотрение проблемы синтеза большинства мировых религий с местными традициями и верованиями.*

География 315: Полуостров Индостан (4 зачетных балла). *Изучение Южной Азии и ее географии, особое внимание уделяется Индии. Экономические связи Индии с другими странами; рассмотрение особенностей, проблем и аспектов, имеющих отношение к географии; изучение этнического, религиозного и лингвистического разнообразия населения региона в прошлом и настоящем.*

ЗИМНИЙ СЕМЕСТР

История искусств 204А: От первобытности до романского периода (4 зачетных балла). *Изучение всех видов изобразительного искусства данного периода с учетом исторических и культурных особенностей.*

История 470: Женщины в индийском обществе (4 зачетных балла). *Изучение положения женщин в Индии, их системы взглядов, культурного места в обществе, а также связанной с этим мифологии, как прошлой, так и*

настоящей.

Учебная письменная речь-2 135 (4 зачетных балла). *Второй год обучения, правила и способы написания научной работы, основанной на результатах исследования.*

Политология 203Д: Международные отношения (3 зачетных балла). *Сравнительный анализ мировых проблем и политики мировых групп, обладающих сходными и (или) конкурирующими интересами.*

«Это все совершенно официально! Значит, я теперь полноправная студентка университета. То есть студентка университета, а в свободное от учебы время – разрушительница древнего индийского проклятия», – поправилась я, вспомнив о продолжающемся исследовании мистера Кадама. После всего, что случилось в Индии, мне было не так-то просто сосредоточиться на занятиях, преподавателях и книгах. Но особенно тяжело было поверить в то, что я могу вот так просто вернуться и продолжить свою старую жизнь в Орегоне. Странно, но эта старая жизнь почему-то перестала меня удовлетворять.

К счастью, все перечисленные предметы в ЗОУ казались весьма интересными, особенно религия и магия. Мистер Кадам записал меня на дисциплины, которые я наверняка выбрала бы сама – кроме, разве что, латыни. Я сморщила нос. «Языки мне никогда не давались, – стала думать я. – Жаль, что в ЗОУ не предлагалось изучение индийского! Я бы не отказалась выучить хинди, особенно если мне придется когда-нибудь вернуться туда, чтобы выполнить три оставшихся задания, которые, если верить пророчеству Дурги, позволят снять проклятие тигра. Возможно…»

И тут по радио заиграла песня «I told you so» в исполнении Кэрри Андервуд. Текст этой песни заставил меня расплакаться. Вытерев слезы, я твердо сказала себе, что он, наверное, в самом деле очень скоро найдет себе другую. Я бы на его месте ни за что не простила себя! Но думать о нем, даже недолго, было слишком мучительно. Я поспешно скомкала свои воспоминания и заперла их в самом тесном уголке сердца. И призвала на место болезненных мыслей целую стаю жизнеутверждающих. Я стала думать о школе, о своей приемной семье и о возвращении в Орегон. Я складывала эти мысли, как книги, одну на другую, чтобы придавить тяжестью стопки все остальное.

Думать о других проблемах и людях оказалось довольно эффективным средством отвлечься. Но я все равно чувствовала, что *его* призрак обитает в тихом и темном тайнике моего сердца, ожидая, когда я ослаблю бдительность или почувствую себя одинокой, чтобы вновь обрушить на меня запретные мысли.

«Значит, нужно постоянно занимать себя чем-то, – решила я. – В этом мое спасение. Я буду учиться как сумасшедшая, буду ходить в гости и… и встречаться с другими молодыми людьми!

Да! Вот что я сделаю. Буду бегать на свидания и ни минуты не сидеть без дела, чтобы некогда было даже думать о нем. Жизнь продолжается. Что ей еще остается?»

Когда пришло время ложиться спать, было уже поздно, и я валилась с ног от усталости. Погладив Фаниндру, я забралась под одеяло и тут же уснула.

На следующий день раздался телефонный звонок. Это оказался мистер Кадам, что меня искренне обрадовало и столь же искренне разочаровало.

– Здравствуйте, мисс Келси! – жизнерадостно воскликнул он. – Я был очень рад узнать, что вы благополучно добрались домой. Надеюсь, все устроено, как нужно, и вы всем довольны?

– Это все стало для меня полной неожиданностью, – призналась я. – Теперь мне страшно неудобно – и за дом, и за машину, и за кредитку, и за университет.

– Даже не думайте об этом! Мне доставило огромное удовольствие сделать это для вас.

Любопытство, как всегда, оказалось сильнее меня, поэтому я спросила:

– Как продвигаются дела с пророчеством? Еще не разгадали его?

– Я пытаюсь перевести надписи на оставшихся гранях монолита, мисс Келси. Когда вы уехали из Индии, я вернулся в храм Дурги и сделал фотографии трех других обелисков. Рискну высказать предположение, что каждая из четырех колонн символизирует определенную стихию: землю, воздух, воду и огонь.

– Вполне может быть, – согласилась я, вспомнив пророчество Дурги. – Тот обелиск, который мы открыли, скорее всего, имел отношение к земле, потому что на нем были изображения крестьян, подносящих богине фрукты и злаки. Кроме того, Кишкиндха находится под землей, и первый дар, который Дурга попросила нас отыскать, оказался плодом, хоть и золотым.

– Да, конечно, но теперь выясняется, что некогда существовал пятый обелиск, уничтоженный в глубокой древности. Он олицетворял собой стихию пространства, характерную для индийских верований…

– Знаете, если кто-то и может в этом разобраться, то только вы, мистер Кадам! Спасибо, что позвонили, – выпалила я, прежде чем мы пообещали друг другу как-нибудь созвониться или списаться.

Следующие пять часов я провела за новыми учебниками, а потом отправилась в магазин игрушек, чтобы купить парочку

оранжево-полосатых плюшевых тигров для Ребекки и Сэмми, раз уж я не удосужилась привести им какие-нибудь подарки из Индии. Не знаю, где был мой разум, когда в том же магазине я неожиданно для самой себя приобрела гигантского, безумно дорогого, белоснежного плюшевого тигра.

Вернувшись домой, я вытащила тигра из пакета и зарылась лицом в его плюшевую шерсть. Тигр был мягкий, но пах неправильно… А вот *он* пах волшебно – водопадами и сандаловым деревом. Плюшевый зверь был всего лишь жалкой подделкой с блестящими и пустыми голубыми пластмассовыми глазами. А у *него* глаза были густо-синего цвета. Даже полоски у плюшевого тигра оказались не такие, как надо.

«Да что это со мной такое? Зачем я вообще его купила? Теперь мне будет еще труднее забыть его!»

Отогнав ненужные чувства, я пошла переодеваться для поездки в приемную семью.

По дороге я нарочно сделала огромный крюк, чтобы подальше объехать ярмарку графства Полк и связанные с ней мучительные воспоминания. Не успела я припарковаться перед домом Майка и Сары, как дверь широко распахнулась. Майк бросился было ко мне… но, ослепленный красотой «порше», пронесся мимо меня к машине.

– Келси! Можно? – вкрадчиво попросил он.

– Валяй, развлекайся, – со смехом ответила я. «Узнаю старину Майка!» – подумала я про себя, протягивая ему ключи, чтобы он мог несколько раз объехать вокруг квартала.

Сара обняла меня за талию и повела в дом.

– Мы так рады тебя видеть! Мы оба, разумеется! – прокричала она, бросив грозный взгляд на Майка, который радостно помахал нам рукой и был таков. – Когда ты улетела в Индию, мы поначалу страшно волновались, ведь ты не баловала нас звонками, но потом мистер Кадам стал звонить нам через день и рассказывать, чем ты занимаешься и как страшно занята.

– Вот как? И что же именно он вам рассказал? – поинтересовалась я, мне было любопытно узнать, какую историю сочинил для них мистер Кадам.

– Послушай, это все так чудесно, правда? Так, дай-ка вспомнить, что же он говорил… Рассказывал о твоей новой работе и о том, что ты каждое лето будешь проходить у него практику, чтобы трудиться над разными проектами. Я и не знала, что тебя интересуют международные отношения! Восхитительная специализация! Просто сказочная. Еще мистер Кадам сказал, что когда ты закончишь университет, то сможешь получить постоянную работу в его компании. Это же потрясающая

возможность!

Я улыбнулась ей.

– Да, мистер Кадам замечательный человек. Лучшего босса и пожелать нельзя. Он относился ко мне скорее как к внучке, чем как к служащей, и боюсь, страшно меня избаловал. Ну, ты же видела дом, машину, а теперь еще университет.

– Он тоже очень тепло отзывался о тебе по телефону. Даже признался, что стал полностью зависеть от тебя, представляешь? Прекрасный человек, и такой любезный! Представляешь, он уверял нас, что ты… как же он выразился… «инвестиция, которая стократно окупится в будущем», вот как!

Я с большим сомнением покосилась на Сару.

– Будем надеяться, что он во мне не ошибся.

Она рассмеялась, потом посерьезнела.

– Мы прекрасно знаем, что ты особенная, Келси, и заслуживаешь всего самого лучшего! Может быть, таким образом мироздание компенсирует тебе потерю родителей. Хотя я понимаю, что ничто и никогда их не заменит.

Я кивнула. Сара была искренне рада за меня. Не говоря уже о том, что уверенность в моей полной финансовой независимости наверняка стала огромным облегчением для них с Майком.

Сара еще раз порывисто обняла меня и бросилась вытаскивать из духовки какое-то подозрительно пахнущее блюдо. Водрузив его на стол, она объявила:

– Ну, а теперь давайте поедим!

Я изобразила полный восторг и спросила:

– Хм… а что у нас на ужин?

– Лазанья из органической муки, тофу и шпината, с соевым сыром и льняным семенем!

– Ням-ням, объедение! – сказала я, выдавив кривую улыбку. При этом я с тоской подумала о Золотом плоде, оставшемся в Индии. Этот волшебный артефакт мог наколдовать любую еду, какую захочешь. Кто знает, попади он в руки Сары, может быть, даже здоровая еда стала бы съедобной. Я украдкой отщипнула кусочек органической лазаньи. «Нет, пожалуй, вряд ли…»

Шестилетняя Ребекка и четырехлетний Сэмюель ворвались в комнату и запрыгали передо мной, пытаясь привлечь к себе внимание. Я обняла их обоих и отвела к столу. Потом подошла к окну, чтобы посмотреть, не вернулся ли Майк. Оказалось, он только что вышел из «порше» и теперь пятился спиной к двери, не в силах отвести глаз от машины.

Я открыла ему дверь.

– Хм, Майк, пора ужинать.

Он машинально отозвался, не глядя на меня:

– Да-да, конечно… Уже иду.

Усевшись между детьми, я положила каждому из них по огромному ломтю лазаньи, а потом взяла крохотный кусочек для себя. Сара вопросительно подняла брови, но я объяснила, что недавно плотно пообедала. Майк, наконец-то занявший свое место, принялся с жаром расхваливать «порше». Он попросил у меня разрешения одолжить машину на вечер пятницы, чтобы свозить Сару на свидание.

– Да конечно! Я даже могу приехать к вам и посидеть с ребятишками.

Майк просиял, а Сара закатила глаза.

– У тебя свидание со мной или с машиной? – уточнила она, пристально глядя на мужа.

– Разумеется, с тобой, любовь моя! Машина – это лишь средство похвастать красоткой, сидящей рядом со мной.

Мы с Сарой переглянулись и ухмыльнулись.

– Десять с плюсом, Майк! – оценила я.

После ужина мы перебрались в гостиную, где я вручила детям оранжевых тигров. Они запищали от радости и стали с рычанием носиться друг за другом. Сара и Майк забросали меня всевозможными вопросами об Индии, я рассказала им о руинах Хампи и доме мистера Кадама в джунглях. Строго говоря, дом был не его, но зачем Саре и Майку вдаваться в такие детали? Потом они спросили меня о том, как тигр из цирка синьора Маурицио прижился на новом месте.

Я оцепенела, но только на долю мгновения, после чего бодро доложила, что тигр прекрасно себя чувствует и несказанно доволен жизнью. На мое счастье, мистер Кадам рассказал моим приемным родителям, что мы часто выезжали на разные индийские руины, где описывали достопримечательности. По версии мистера Кадама, я выполняла обязанности его помощницы, регистрировала все находки и стенографировала, что в целом было не слишком далеко от истины. Кроме всего прочего, это объясняло выбор истории искусств в качестве моей дополнительной специализации.

Провести вечер в семье Майка и Сары было приятно, но в то же время очень утомительно, поскольку нужно было постоянно следить за собой, чтобы не проболтаться и не сболтнуть ничего лишнего. Они бы ни за что не поверили в то, что со мной случилось. Признаться, порой я и сама с трудом в это верила.

Помня о том, что в этом доме рано ложатся спать, я встала и стала прощаться. Напоследок я крепко обняла всех по очереди и пообещала заглянуть на следующей неделе.

Дома я позанималась еще пару часов, потом приняла горячий

душ. Не зажигая света, я забралась в постель и невольно ойкнула, коснувшись рукой чьей-то мягкой шерсти. В следующее мгновение я вспомнила о своей безумной покупке, отодвинула плюшевого тигра на край постели и положила руку под щеку.

Нет, я не могла перестать думать о *нем*. Я гадала, чем он сейчас занимается, думает ли обо мне, скучает ли хоть немного. Что-то он поделывает? Может быть, бегает по душным джунглям? Или дерется с Кишаном? Вернусь ли я когда-нибудь в Индию – и, самое главное, хочу ли вернуться? Мысли выскакивали одна за другой, как головы у гидры. Стоило расправиться с одной, как из подсознания тут же выпрыгивала другая. Вздохнув, я протянула руку, схватила плюшевого тигра за лапу и подтащила поближе к себе. Обняв его поперек живота, я зарылась носом в мягкую шерсть и уснула, положив голову на его плюшевую лапу.

2
Ушу

Следующие несколько дней пролетели быстро и незаметно, а затем пришло время начала занятий. Получив все задания на семестр, я с радостью убедилась в том, что мой индийский опыт пришелся как нельзя кстати. Судите сами, я могла написать о Хампи в качестве реферата по индийским древним городам, обсудить религиозно-символическое значение цветка лотоса на занятиях по антропологии, а темой итоговой аттестации выбрать что– нибудь, связанное с культом Дурги. Как я и предполагала, единственным предметом, представлявшим трудность, оказалась латынь.

Вскоре я втянулась в приятную рутину. Я часто виделась с Майком и Сарой, ходила на занятия и каждый вторник беседовала по телефону с мистером Кадамом. В первую неделю занятий он помог мне подготовить устное сообщение на тему «Внедорожник или “Тата Нано”»[2], и колоссальная эрудиция моего советчика вкупе с моим собственным леденящим кровь описанием стиля вождения в Индии принесли мне высший балл в группе. Мой разум был настолько поглощен всевозможными контрольными заданиями, что у меня просто не оставалось времени беспокоиться о чем-то еще – или думать о *ком-то* еще.

Но однажды в пятницу у меня дома раздался неожиданный телефонный звонок. После обычного разговора о занятиях и моем последнем реферате на тему климата Гималаев мистер Кадам вдруг огорошил меня следующим известием:

– Я записал вас еще на один семинар, мисс Келси. Надеюсь, он вам понравится, однако потребует довольно много времени. Впрочем, если вы слишком загружены, можете отказаться, я пойму.

– Вообще-то, еще один предмет – это здорово, – промямлила я, гадая, что он придумал для меня на этот раз.

– Великолепно! Я записал вас на занятия ушу в Сейлеме, – объявил мистер Кадам. – Тренировки по понедельникам, средам и четвергам, с половины седьмого до восьми вечера.

– Ушу? Это еще что за зверь? Какой-то индийский диалект? – спросила я, в глубине души надеясь, что это не так.

Мистер Кадам рассмеялся.

– О, как я скучаю без ваших шуток! Нет, ушу – это разновидность боевых искусств. Помнится, вы когда-то выражали желание попробовать себя в единоборствах?

Я с облегчением перевела дух.

– Ура! Да, это просто замечательно! Конечно, я смогу втиснуть тренировки в свое расписание! Когда начинаются занятия?

– В следующий понедельник. Признаться, я рассчитывал на то, что вы согласитесь, поэтому выслал вам посылку со всем необходимым. Полагаю, вы получите ее завтра.

– Мистер Кадам, честное слово, вам не стоит столько для меня делать! Прошу вас, перестаньте заваливать меня подарками, или я уже никогда не смогу с вами расплатиться!

Он ласково пожурил меня:

– Мисс Келси, это я никогда не смогу расплатиться с вами за все, чем вам обязан. Прошу вас, не стоит больше говорить об этом! Примите мои скромные подношения и знайте, что тем самым вы доставите старику большую радость!

– Ах, мистер Кадам, не стоит так драматизировать, – рассмеялась я. – Конечно, я приму ваши подарки, если это доставит вам удовольствие! Но по поводу машины решение еще не принято, так и знайте.

– Что ж, поживем – увидим. Кстати, я расшифровал небольшой фрагмент надписи на втором обелиске. Похоже, эта часть пророчества действительно имеет какое-то отношение к воздушной стихии, однако делать окончательные выводы пока еще рано. Между прочим, отчасти поэтому я и записал вас на ушу. Занятия позволят вам обрести более глубокое равновесие между разумом и телом, что может оказаться очень полезным в том случае, если наше следующее путешествие будет проходить вне земной тверди.

– Знаете, вообще-то я и сама не прочь научиться драться, чтобы постоять за себя в случае необходимости. Это ваше ушу очень пригодилось бы мне при встрече с каппами! – пошутила я и добавила: – Кстати, как продвигаются дела с проклятием? Вы еще не выяснили, как его разрушить? Перевод трудно дается?

– Видите ли, он весьма… весьма сложный, но интересный. Географические названия, которые мне удалось расшифровать, не относятся к Индии. Здесь таких мест нет и никогда не существовало. Поэтому я начинаю опасаться того, что три оставшихся предмета, которые нам предстоит найти, могут находиться вообще не в нашем мире. Впрочем, возможно, что я просто переутомился.

– Вы опять работали всю ночь, до рассвета? Вам нужно поспать, мистер Кадам. Заварите себе чаю с ромашкой и отдохните немного.

– Может быть, вы правы. Пожалуй, я выпью чаю и почитаю

что-нибудь легкое о Гималаях для вашего будущего реферата.

– Так и сделайте! Я имею в виду чай, разумеется. Я очень скучаю по вам, мистер Кадам.

– Я тоже, мисс Келси. До свидания.

– Пока.

Впервые после возвращения домой я почувствовала мощный прилив адреналина. Но стоило мне выключить телефон, как меня вновь охватило уныние. Я всю неделю ждала звонка из Индии и каждый раз впадала в отчаяние, когда разговор подходил к концу. Похожее чувство я всегда испытывала после Рождества. Сначала месяц нарастающего радостного предвкушения, а потом, когда все подарки уже открыты, вся еда съедена и гости разъезжаются, чтобы продолжить жить каждый своей жизнью, меня накрывало горькое ощущение утраты.

В глубине души я знала причину своей грусти: на самом деле мне нужен был только один-единственный подарок. Чтобы *он* позвонил мне. Но он ни разу этого не сделал. И каждая неделя, прошедшая без его звонка, убивала мою надежду. Я знала, что сама бросила его, что уехала из Индии именно для того, чтобы он смог начать новую жизнь с кем-нибудь другим. Так что теперь я по справедливости должна была только радоваться за него. Можно сказать, я даже радовалась – насколько могла, конечно, – что не мешало мне горько оплакивать свою жизнь.

Меня терзала тоска из разряда «каникулы закончились, пришло время идти в школу». Он был самым главным человеком в моей жизни, моим персональным, лично мне посланным чудом, а я его упустила. Даже не упустила – оттолкнула своими руками. Все равно что раздобыть бесценную проходку за кулисы, чтобы увидеть вживую своего рок-кумира, и пожертвовать свой билет на благотворительность. Больно. Очень больно.

В субботу курьер привез мне таинственную посылку для занятий боевыми искусствами. Она оказалась большой и тяжелой. Я поставила коробку на пол в гостиной и схватила канцелярские ножницы, чтобы разрезать веревку. Внутри лежали тренировочные штаны и футболки с логотипом студии боевых искусств «Шинг», на котором один мужчина целится кулаком в лицо другому, а тот в это время метит ему ногой в живот.

Следом я извлекла пару спортивных туфель, шелковую алую куртку и такие же брюки. Куртка оказалась с черными застежками из плетеного шнура и с черным же поясом. Я даже не представляла, когда и где буду носить это чудо, но костюм привел меня в восторг.

Однако главную тяжесть посылки составляло разнообразное оружие, лежавшее на дне. Там обнаружились пара мечей, какие-

то крюки, цепи, непонятная штуковина из трех секций и прочие предметы совершенно загадочного назначения.

«Если мистер Кадам решил сделать из меня ниндзя, то его ждет огромное разочарование, – подумала я, вспомнив, как позорно оцепенела во время нападения пантеры. – Неужели он прав, полагая, что в будущем мне понадобятся боевые навыки? Наверное, они не будут лишними, если я когда-нибудь вернусь в Индию и мне придется сразиться с тем, что будет охранять второй дар Дурги». При одной мысли об этом у меня по телу побежали мурашки.

Когда утром в понедельник я, как всегда, пришла на латынь, моя спасительная ежедневная рутина была грубо нарушена неожиданным вторжением Арти, лаборанта нашего преподавателя латыни, который подошел к моей парте. И встал очень близко ко мне. Слишком близко. Я подняла на него глаза, надеясь, что разговор будет коротким и он скоро уберется за пределы моего личного пространства. Арти был единственным знакомым мне молодым человеком, которому хватало смелости носить вязаный жилет с галстуком-бабочкой. Все бы ничего, но жилет был ему катастрофически мал, и Арти приходилось постоянно одергивать его на своем изрядном животике. Вообще, он был похож на молодого студента из далекого седого прошлого.

– Привет, Арти! Как дела? – нетерпеливо спросила я.

Указательным пальцем Арти поправил на переносице очки с толстыми стеклами и открыл свой ежедневник. После чего незамедлительно приступил к делу.

– Скажи мне, ты свободна в среду в пять вечера?

Арти занес над строкой карандаш и замер, его двойной подбородок пышной складкой уперся в шею. Водянистые карие глазки в упор разглядывали меня, ожидая ответа.

– Хм… да, кажется. Профессор хочет со мной поговорить?

Арти стал деловито царапать в ежедневнике, стирая какие-то записи и внося поправки. Мой вопрос он проигнорировал. Закончив писать, он с громким ХЛОПКОМ закрыл органайзер, сунул его под мышку и привычным жестом одернул свой коричневый вязаный жилетик до ременной пряжки. Я сделала вид, что не заметила, как упрямая ткань вернулась на прежнее место.

Арти одарил меня едва заметной улыбкой.

– Нет. Просто на это время я приглашаю тебя на свидание.

И, не прибавив больше ни слова, он обогнул мою парту и направился к двери.

«Стоп, я правильно расслышала? – пронеслось у меня в голове. – Что это было?»

– Арти, подожди! Что ты сказал?

Но вязаный жилет уже скрылся из виду, а тут и семинар начался. Я плюхнулась на свое место и стала ломать голову над этим загадочным разговором. «Может быть, он имел в виду не свидание в смысле *свидание*? – гадала я. – Возможно, мы с ним вкладываем разный смысл в это слово. Да, наверняка так и есть. Но все-таки лучше проверить».

Весь день я пыталась застать Арти в лаборатории, но не преуспела. Поэтому уточнение терминологии пришлось отложить до лучших времен.

Вечером этого же дня у меня состоялась первая тренировка. Я вырядилась в черные брюки, футболку и белые кроссовки. И опустила крышу своего кабриолета, пока ехала через лес в Сейлем. Все тело приятно отдыхало под свежим вечерним ветерком. Только что закатившееся солнце раскрашивало облака всеми оттенками лилового, розового и оранжевого.

Школа боевых искусств занимала половину здания. Я прошла внутрь. Огромный зал, кругом зеркала, пол застлан широкими голубыми матами. В зале ожидали пятеро. Трое молодых людей и спортивного вида девушка разминались в одном углу. В другом выполняла растяжку женщина средних лет, чем-то похожая на мою маму. Женщина улыбнулась мне, и я заметила, что она слегка напугана, но держится молодцом. Я села рядом с ней и тоже согнулась пополам.

– Привет, меня зовут Келси.

– Дженифер, – отозвалась она, сдув челку со лба. – Приятно познакомиться.

Наш наставник вошел в зал в сопровождении какого-то молодого человека. Седовласый инструктор показался мне довольно пожилым, но при этом выглядел очень поджарым и мускулистым. Он говорил с сильным акцентом, сказал, что его зовут Чу… как-то там, но мы можем звать его просто Чук. Молодой человек, вошедший вместе с ним, оказался внуком Чука по имени Ли. Этот Ли был молодой копией своего дедушки – высокий, жилистый, мускулистый, с коротко подстриженными черными волосами и приятной улыбкой.

Чук начал урок с небольшой речи.

– Ушу – это китайское боевое искусство. Вы слышали о легендарных монахах Шаолиня? Так вот, все они владели ушу. Моя студия носит название «Шинг», что по-китайски означает «победа». Овладев ушу, вы все сможете одержать победу. Вы знаете, что такое кунг-фу?

Мы закивали.

– «Кунг-фу» означает «мастерство». Это не стиль и не разновидность боевого искусства. Кунг-фу означает лишь владение неким мастерством. Это может быть умение плавать или ездить верхом. Понимаете? А ушу – это стиль. Ушу – это растяжки, гимнастика, удары ногами и оружие. Вы можете назвать великих мастеров ушу?

Все промолчали.

– Джет Ли, Брюс Ли и Джеки Чан – все они использовали приемы ушу. Первым делом я научу вас правильному приветствию. Так вы будете здороваться со своим наставником перед каждым занятием. Я буду говорить «Ни хао ма?», а вы будете отвечать: «Во хен хао». В переводе это означает: «Как ваши дела?» – «У меня все хорошо».

– *Ни хао ма*?

Мы вразнобой ответили:

– *Вуу хена хау*.

– Во. Хен. Хао.

Чук улыбнулся нам.

– Молодцы, ученики! А теперь давайте займемся растяжкой.

Он показал нам разминку на икры и предплечья, затем велел сесть на пол и дотянуться руками до кончиков пальцев на ногах. Чук сказал, чтобы мы выполняли это упражнение по нескольку раз в день, чтобы повысить гибкость тела. Затем он заставил нас выполнять махи ногами. Четверо моих одноклассников отлично справились с заданием, но я страшно переживала за Дженифер. Бедняжка и так едва дышала после растяжек, но старалась изо всех сил.

Чук улыбался всем нам, включая упорную Дженифер, поощряя ее усилия. Затем вызвал вперед своего внука, чтобы тот показал нам первую стойку, над которой нам предстояло работать. За ней последовали стойка лука, которая едва не убила мои икроножные мышцы, и кошачья стойка. Но труднее всего оказалась низкая стойка. Ступни нужно было поставить параллельно, потом согнуть правую ногу, развернув колено наружу, так что все тело неловко выворачивалось набок. Напоследок мы освоили так называемую стойку отдыха, которую, как вскоре выяснилось, назвали так не иначе, как в насмешку.

Остаток урока мы отрабатывали все пять стоек. Ли помог мне правильно поставить ступни и несколько раз показал, как выполнять низкую стойку, только я все равно ничего не поняла. Но Ли без устали подбадривал меня и постоянно улыбался.

Когда занятие подошло к концу, лицо у Дженифер прибрело свекольный оттенок, однако она выглядела донельзя довольной. Время пролетело незаметно. Мне понравилась тренировка, и я с

нетерпением ожидала следующей, которая должна была состояться в тот же вечер, что и свидание с Арти.

Во вторник я трижды заходила в лаборантскую в поисках Арти, чтобы окончательно прояснить вопрос со свиданием и, если повезет, как-нибудь от него отвертеться. Когда мы наконец встретились, Арти устроил целое представление из-за изменения в расписании и возмущенно шуршал страницами своего органайзера, пока я лепетала свои извинения. В конце концов я почувствовала себя виноватой и решила, что от меня не убудет, если я разок встречусь с ним. Пусть я не испытывала к нему ни малейшего романтического интереса, кто знает, может быть, мы могли бы стать друзьями. Короче, я приняла предложение перенести свидание на несколько недель.

Следующие несколько недель прошли без происшествий, но вскоре я снова оказалась в непривычной ситуации. Джейсон, мой одногруппник по антропологии, пригласил меня на ближайший футбольный матч.

В первый момент это предложение меня ошеломило. Потом в мозгу у меня что-то щелкнуло, и я поняла, что с начала учебного года игнорировала сигналы, которые он регулярно мне посылал. Оказывается, все это время я смотрела на мир словно через слой пластиковой пленки. Я настолько загрузилась учебой, что вообразила, будто Джейсона тоже интересует исключительно антропология.

Он казался славным малым, разве что в подметки не годился тому, кого я бросила в Индии. Я быстренько провела сравнительный анализ, и команда Джейсона с разгромным счетом вылетела из игры. Разумеется, я понимала, что несправедливо сравнивать их друг с другом. Никто не мог сравниться с *ним*. Что же касается Джейсона, то он не внушал мне ни страха, ни волнения, ни счастья, ни беспокойства. При виде его мое сердце не начинало биться чаще. Я сильно сомневалась в том, что между нами вообще что-то возможно. Иными словами, я просто ничего к нему не чувствовала.

«Но ведь когда-нибудь мне все равно придется вырвать *его* из сердца, начать жить дальше, попытаться с кем-то встречаться, – думала я, закусив губу. – Боюсь, он навсегда угробил мои шансы быть счастливой с кем-нибудь другим. Как я могу полюбить кого-то, если никто не может даже отдаленно сравниться с ним?»

Разозлившись на саму себя за эти однообразные аргументы, я сказала Джейсону, что с радостью схожу с ним на матч. Он так искреннее обрадовался, что я даже забеспокоилась, как бы он не

принял мое желание забыть прошлое за искренний интерес к его персоне.

Вечером на тренировке мы приступили к изучению ударов ногами. Оказывается, их существует несколько разновидностей: прямой мах ногой, боковой мах ногой, махи вовнутрь и наружу, а также удар носком ноги вперед. Мне больше всего понравился хлещущий удар носком ноги, или прием «пружинная нога». Благодаря ему я наконец-то поверила в то, что однажды в самом деле смогу кому-нибудь как следует врезать.

Мы весь вечер отрабатывали махи, а потом Чук начал вразбивку называть нам разные приемы, чтобы проверить, как мы их запомнили. Последнюю часть занятия мы работали в парах, и мне выпало тренироваться с Дженифер. Ли попросил меня продемонстрировать махи, но прежде чем я приступила к упражнениям, он показал мне, как правильно держать руки, и поправил стойку. Вскоре он объявил об окончании занятия. Я поблагодарила Ли и еще какое-то время позанималась самостоятельно.

– Ты ему приглянулась, – заговорщически шепнула мне на ухо Дженифер, когда я закончила. – Уж не знаю, хватит ли ему смелости признаться, но это очевидно. Он просто глаз с тебя не сводит. Тебе он нравится?

– Ни капельки. Он славный парень, но я никогда даже не думала о нем в этом смысле.

– Ага! Значит, у тебя есть кто-то еще.

Я помрачнела:

– Нет! Уже нет.

– Ах, дорогуша, разве можно допустить, чтобы жизнь проходила мимо, пока ты нянчишь свое разбитое сердечко? Нужно забыть свою ошибку и попробовать еще разок. Жизнь слишком коротка для того, чтобы в ней не было места любви!

Я знала, что Дженифер вот уже пятнадцать лет счастливо замужем. Ее муж был очаровательным лысым мужчиной, обожавшим свою женушку. Каждый вечер после тренировки он говорил ей, что она выглядит просто потрясающе и так похудела, что ее уже не видно сбоку. Потом он целовал ее мокрые от пота каштановые кудряшки и предупредительно открывал дверцу машины. Иными словами, если кто-то и знал толк в счастливой любви, то это Дженифер.

Она пристально смотрела на меня, пока я обдумывала ее слова. Да, она была права, умом я это понимала. Но как объяснить это сердцу?

Дженифер понимающе улыбнулась, собрала свои вещи и взяла меня за плечо.

– До следующей недели, Келси.

Я помахала ей рукой, а потом долго тупо смотрела на пустую темную улицу, думая о своем. Когда я наконец вышла из ступора и побрела собирать свои вещи, оказалось, что все уже разошлись. Только Ли стоял возле двери, терпеливо ожидая, когда я выметусь наружу и позволю ему запереть класс.

– Извини, Ли. Кажется, я забыла о времени.

Он улыбнулся мне.

– Ничего страшного.

Я взяла свое полотенце, ключи и бутылку с водой и устремилась к двери.

Когда я села в машину, Ли крикнул:

– Эй, Келси, подожди! – Он подбежал к дверце машины, и я опустила стекло. – Я хотел пригласить тебя вечером на игру. Мои друзья собираются на Хэллоуин, чтобы сыграть в «Колонизаторов». Это такая настольная игра вроде «Цивилизации», и угощение будет знатное. Моя бабушка обожает стряпать. Не хочешь прийти? Я научу тебя играть.

– Хм-м-м.

Вообще-то, у меня не было никаких планов на Хэллоуин. Я знала, что ребятишки не придут клянчить сладости под моими окнами, поскольку мой дом стоял слишком далеко от протоптанных дорог. Визит к Майку и Саре тоже не обещал ничего интересного. Все соседские дети обходили их дом за милю, и неудивительно – кому нужны диетические конфеты без сахара и нудные лекции на тему страшного вреда злоупотребления сладостями?

Ли терпеливо стоял, ожидая моего ответа. И я проговорила:

– Конечно, звучит очень заманчиво.

Он просиял.

– Здорово! Тогда до встречи!

Я возвращалась в странном настроении. Войдя в дом, я швырнула сумку на диван, вытащила из холодильника бутылку воды. Потом поднялась наверх, вошла в спальню, открыла дверь на балкон и уселась в шезлонг. Запрокинула голову и стала смотреть на звезды.

Три свидания. У меня должно быть три свидания на следующей неделе, но я не ждала ничего хорошего ни от одного из них. Нет, все-таки со мной в самом деле было что-то не так.

3
Свидания

Свидание № 1

Просто невероятно, как быстро настало время свидания с Арти. Я приехала в кампус, припарковала машину и осталась сидеть, оттягивая время встречи. Мне смертельно не хотелось никуда идти с Арти. Во-первых, он добился от меня согласия исключительно благодаря своему занудству, а во-вторых, я подозревала, что эту тактику он использовал далеко не в первый раз.

Решив раз и навсегда покончить с этим свиданием, я поплелась в языковую лаборантскую. Арти стоял там, глядя на часы и держа под мышкой бандероль в коричневой оберточной бумаге. Я подошла к нему, предварительно спрятав руки в карманы джинсов.

– Здравствуй, Келси. Идем. Мы уже опаздываем, – сказал он и деловито зашагал по коридору. – Мне еще нужно занести на почту посылку для одного старинного друга.

Арти был не только крупным, но и довольно высоким, поэтому его шаги оказались намного длиннее моих. Мне приходилось быстро семенить, чтобы успевать за ним. Выйдя из корпуса, Арти широким шагом пересек парковку, ступил на тротуар и направился в сторону города.

– Хм… Постой, разве мы не поедем на машине? – спросила я. – Отсюда до почты не меньше полутора миль.

– Нет, ни в коем случае! У меня нет машины. Я пока не могу позволить себе такую роскошь.

«Хорошо, что я надела кеды, – уныло подумала я. – Кажется, я была права, когда не ждала ничего хорошего от этого свидания!»

Арти безмолвно и торжественно шагал вперед. Немного подумав, я решила, что поддерживать разговор, наверное, полагается мне.

– Э-э-э… Арти… А для кого эта посылка?

– Для моей девушки, с которой я встречался в старшей школе. Она поступила в другой колледж, но я принял решение поддерживать связь с ней. Моя девушка сейчас, разумеется, встречается со многими, как и я, – похвастался Арти. – О, я встречаюсь с кучей девушек! Ты бы видела мой органайзер, у меня свидания распланированы на годы вперед!

Это была самая длинная прогулка в моей жизни. Я пыталась вообразить, будто иду через индийские джунгли, но какая Индия в такой холод! Было пасмурно, низкие тучи затянули небо, дул пронзительный ветер. Иными словами, погода выдалась явно не для прогулок. Трясясь мелкой дрожью в своей легкой куртке, я

вполуха слушала разглагольствования Арти и вполглаза любовалась домами, украшенными в преддверии Хэллоуина.

Наконец мы добрались до почты, и Арти вошел внутрь, чтобы отправить посылку. Ожидая его на улице, я рассматривала маленькие ресторанчики на Мэйн-стрит, гадая, в котором из них мы будем ужинать. Я умирала от голода. Дело в том, что я опять так заучилась, что забыла пообедать. Не удивительно, что у меня сводило живот от ароматов китайской еды, струившихся из-за двери соседнего кафе.

К тому времени, когда Арти наконец вышел на улицу, я совершенно окоченела. Чтобы хоть немного согреться, я приплясывала на месте, хлопала ладонями и терла их друг о друга. Если бы я знала, что нам предстоит провести столько времени на свежем воздухе, я бы надела перчатки! Зато Арти, само собой, предусмотрительно захватил пару теплых кожаных перчаток, которые с видимым удовольствием надел на свои озябшие руки.

Мой внутренний голос, уже привыкший истязать меня постоянными напоминаниями, тут же заметил, что *он* конечно же отдал бы свои перчатки мне. Да что там перчатки, он снял бы с себя единственную рубашку, если бы думал, что она мне нужна!

– Ну, куда дальше? – спросила я, жадно косясь на дверь китайского ресторанчика.

– Обратно в кампус. Я приготовил для тебя кое-что особенное!

Я с трудом растянула губы в улыбке.

– Это… просто замечательно.

На обратном пути в кампус Арти продолжил говорить о себе. Он рассказал мне о своем детстве и семье. Он перечислил все полученные им призы и награды, поведал, что был президентом пяти клубов, включая шахматный. При этом он ни разу не задал ни единого вопроса мне. Возможно, он уже забыл, как меня зовут.

Краем уха слушая монотонные разглагольствования Арти, я незаметно для себя погрузилась в мысленный разговор с совсем другим человеком.

Словно наяву, я слышала его ласковый, завораживающий голос. Внезапно я вновь очутилась под тем деревом, где навсегда простилась с ним, где в последний раз заглянула в густую синеву его глаз. Холодный, режущий ветер Орегона стих где-то далеко вдали, я купалась в душистом индийском ветерке, ласково перебиравшем мои волосы. Пасмурный вечер тоже исчез, надо мной в ночном небе ярко мерцали звезды. *Он* дотронулся до моего лица и заговорил:

«Келси, дело в том… Я люблю тебя. Уже давно люблю. Я не

хочу, чтобы ты уезжала. Пожалуйста… пожалуйста… пожалуйста… скажи, что ты останешься со мной».

Он был так прекрасен, настоящий ангел-воитель, сошедший с небес. Как я могла поступить с ним так жестоко, как могла отказать ему во всем, чего он хотел, тем более что он хотел только меня одну?

«Я хочу подарить тебе кое-что… Это ножной браслет. Они очень популярны в Индии, и я выбрал для тебя вот этот, чтобы нам больше никогда не пришлось искать колокол».

У меня зачесалась щиколотка, когда я вспомнила прикосновение его пальцев.

«Келс, прошу тебя. Ты нужна мне».

Как я могла бросить его?

Рывком вернувшись в реальность, я поспешила загнать обратно чувства, захлестнувшие меня при одном воспоминании о *нем*. В то время как Арти продолжал бубнить о своей эпохальной победе в каком-то диспуте, я ругала себя на чем свет стоит за то, что снова позволила своим мыслям увлечь меня на опасную дорожку. В конце концов, даже если предположить, что мое решение уехать было ошибкой, *он* все равно ни разу мне не позвонил! Получается, я поступила правильно! Если бы он в самом деле любил меня так сильно, как говорил, он бы обязательно позвонил. Он не смог бы меня отпустить. Он приехал бы за мной! Нет, ему нужна была свобода. Я правильно сделала, что сбежала. Может быть, со временем я излечусь от своих чувств и смогу по-настоящему отпустить его.

С огромным трудом я заставила себя переключиться на Арти и вслушаться в его нудные речи. Впрочем, мне и так было ясно, что Арти мне совершенно не подходит – как, впрочем, и любой другой девушке. Но ведь на нем свет клином не сошелся! На следующий день мне предстояло свидание с Джейсоном, а еще через неделю – с Ли.

К тому времени, когда мы вернулись в кампус, в животе у меня урчало так громко, что слышно было в трех кварталах от университета. Я уже не могла думать ни о чем, кроме ужина в университетском кафетерии.

Но Арти повел меня в медиацентр при библиотеке Хэмерсли, попросил у служащей две пары наушников и вручил ей какую-то бумагу. Затем он придвинул два деревянных стула к шестидюймовому черно-белому телевизору, стоявшему в углу медиацентра.

– Скажи, отлично придумал? Мы посмотрим кино, и это не будет стоить мне ни цента! – Он широко улыбнулся, а у меня упала челюсть. – Умный ход, согласись?

Я с трудом расклеила губы.

– О да, это исключительно умно.

После этого я поспешно захлопнула рот и прикусила язвительный комментарий, уже готовый сорваться с языка. Неужели он думает, будто девушкам нравится, когда с ними так обращаются? Нет, я не говорю, что свидание обязательно должно быть дорогим или вообще стоить каких-то денег! Но меня бесила напыщенная самовлюбленность Арти, который, видимо, не считал нужным хотя бы для вежливости задать пару вопросов девушке, которую сам же пригласил на свидание. Я была зла и голодна. Когда начался фильм, Арти нахлобучил себе на уши гигантские серые наушники и жестом указал мне на мою пару.

Я вытерла их о свитер и вставила штекер в телевизор, заранее изнемогая при мысли о том, что мне придется просидеть здесь еще целых два часа. Когда на экране замелькали вступительные титры к фильму «Бригадун», я стала мысленно просить Джин Келли танцевать быстрее.

Примерно через час после начала просмотра Арти сделал первое движение. Не отрывая взгляда от крошечного экрана, на котором разворачивались события, он поднял свою здоровенную ручищу и закинул ее на спинку моего деревянного стула.

Я украдкой покосилась на него. На лице Арти играла самодовольная ухмылка. Я представила, как он мысленно ставит галочки в своем органайзере.

Заинтересовать девушку рассказом о других своих девушках.

Произвести на нее впечатление перечнем своих наград и успехов.

Не потратить на нее ни цента.

Заставить девушку смотреть допотопный фильм в медиацентре.

Отпустить несколько лестных замечаний о своей бережливости.

Обнять девушку за плечи ровно на середине фильма.

Я передвинулась вперед и всю вторую половину фильма промучилась на самом краешке своего стула. Потом не выдержала, извинилась, сказав, что мне нужно посетить туалет, и встала. Арти тоже поднялся со своего места и подошел к служительнице за стойкой. Выходя, я услышала, как он попросил девушку остановить фильм и промотать его назад, чтобы мы не забыли, на каком месте остановились.

«Замечательно! Плюс пять дополнительных минут к этому фантастическому вечеру!» – подумала я и заторопилась изо всех

сил, боясь, как бы он не предложил возобновить просмотр с самого начала. Признаться, я всерьез обдумывала идею побега, но с того места, где мы сидели, Арти была хорошо видна дверь уборной, а мне не хотелось поступать с ним совсем грубо. Скрепя сердце я приняла героическое решение дотерпеть до конца фильма.

Когда фильм наконец – о, наконец! – закончился, я сорвалась со своего места, словно услышала сигнал пожарной сирены.

– Спасибо, Арти, это было незабываемо. Моя машина стоит как раз под окнами, так что увидимся в понедельник, ладно? Спасибо за вечер.

К сожалению, он не понял намека и вызвался проводить меня до машины. Открыв дверь, я поспешила спрятаться за ней.

Тогда Арти положил руку на дверцу машины и наклонил ко мне свое упитанное тело. Его галстук-бабочка замаячил в нескольких дюймах от моего носа. Арти с видимым усилием изобразил на лице подобие улыбки.

– Я также провел весьма приятный вечер и хотел бы пригласить тебя снова, на следующей неделе, – без тени смущения заявил он. – Как насчет следующей пятницы?

«О нет, это нужно задавить в зародыше!»

– Не могу, Арти. У меня на этот день уже запланировано другое свидание.

Однако мой отказ нисколько не обескуражил Арти.

– Вот как, – кивнул он, даже не поморщившись. – А в субботу?

Я лихорадочно порылась в мозгах, выискивая путь к спасению.

– Э-э-э… Прости, я не захватила с собой свой ежедневник, поэтому сейчас не помню своего расписания.

Он кивнул с таким видом, будто услышал нечто исключительно разумное.

– Знаешь, Арти, у меня что-то жутко разболелась голова. Увидимся в лаборантской через неделю, идет?

– Несомненно, договорились. Я тебе позвоню.

Я быстро захлопнула дверь. Улыбаясь до ушей при мысли о том, что у меня хватило ума не давать ему номер своего телефона, я поехала по тихим улочкам Монмута в горы, к своему милому уединенному дому.

Свидание № 2

На этот раз я гораздо лучше подготовилась к погодным условиям. Надела красный университетский свитер, захватила с собой теплую куртку, красный кашемировый шарф и перчатки.

Увидев Джейсона на парковке перед стадионом, я тут же стала составлять мысленный список его достоинств. Он был симпатичный, чуть ниже среднего роста и немного более худощавый, чем хотелось бы, зато умел подбирать вещи и выглядел весьма привлекательно. Джейсон ждал меня, прислонясь к своей старенькой «королле», и изумленно вздернул брови, увидев, как я вылезаю из «порше».

– Ничего себе, Келси! Классная тачка!

– Спасибо.

– Готова?

– Да! Веди.

Мы влились в толпу людей, двигавшихся на поле. Большая часть зрителей была в футболках «Западных волков», но попадалась и сине-белая форма наших соперников, команды университета Западного Вашингтона. Я разглядела в толпе даже парочку высоких шляп «Викингов». Джейсон подвел меня к пикапу, вокруг которого расположились парочки, наслаждавшиеся импровизированным пикником. На маленьком гриле дымились гамбургеры и сосиски.

– Привет, ребята! Это Келси. Мы с ней вместе ходим на антропологию.

Несколько лиц повернулись к нам, чтобы получше рассмотреть меня. Я робко помахала им рукой:

– Привет.

В ответ раздалось несколько «Привет-привет» и «Приятно познакомиться», после чего все вернулись к прерванным разговорам, забыв о моем существовании. Джейсон наполнил для меня тарелку и открыл переносной холодильник.

– Келси, пиво будешь?

Я отрицательно помотала головой.

– Мне газировку, пожалуйста. Диетическую, если есть.

Джейсон протянул мне запотевшую банку, взял себе пиво и показал рукой на два пустых раскладных кресла.

Усевшись, он первым делом запихал в рот половину хотдога и принялся шумно жевать, улыбаясь мне. Смотреть на это было примерно так же приятно, как наблюдать за трапезой тигра, разве что обошлось без крови.

«Фу! Что со мной такое? Я что, нарочно выискиваю во всем

только самое отвратительное? Мне в самом деле нужно немного расслабиться, иначе Дженифер окажется права – я просто пущу свою жизнь псу под хвост».

Я отвернулась от жующего Джейсона и принялась за еду.

– Выходит, ты у нас не любительница выпивки, да?

– Э-э-э. Пожалуй, нет. Во-первых, я пока несовершеннолетняя. А во-вторых, для меня алкоголь потерял всю привлекательность после того, как несколько лет мои родители погибли в аварии по вине пьяного водителя.

– Ох… Прости. – Он поморщился и убрал свое пиво под кресло.

А я мысленно застонала: «Это что же такое я вытворяю?!» Пришлось немедленно извиниться:

– Да все нормально, Джейсон! Прости, что испортила тебе настроение. Обещаю, что во время игры буду вести себя повеселее.

– Ерунда, Келси. Даже не бери в голову!

И он продолжил уминать свою еду и хохотать с друзьями. Но проблема заключалась в том, что для меня это была совсем не ерунда. Я понимала, что смерть моих родителей – это не самая лучшая тема для беседы на первом свидании, и все-таки… И все-таки я знала, что *он* повел бы себя совсем не так, как Джейсон! Возможно, потому, что он был старше – больше чем на триста лет старше. Или потому, что он не был американцем. Также может статься, что все дело в его личной утрате, ведь он тоже потерял своих родителей. А может быть, просто потому, что он был… идеальным.

Я хотела убить эту мысль, но было уже поздно. Я снова перенеслась в ту ночь, когда мне приснился жуткий кошмар, в котором были мои родители и смерть, а он оказался рядом и успокоил меня. Я до сих пор чувствовала прикосновение его руки, вытиравшей слезы с моих щек, и то, как он уложил меня к себе на колени.

«Ну все, все. Успокойся. *Мейн аапка ракша карунга*. Я здесь. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, *прийатама*». Он гладил меня по волосам и шептал ласковые слова, пока кошмар не отпустил меня.

После этого я нашла время посмотреть в словаре те индийские слова, которые не поняла в ту ночь. «Я буду тебя охранять. Я с тобой. Моя любимая. Моя возлюбленная». Если бы он был со мной сейчас, то обнял бы или посадил бы к себе на колени и мы погрустили бы вместе. Он бы гладил меня по волосам и без всяких слов понимал, что у меня на сердце…

Раздосадованная, я грубо одернула себя: «Нет. Ничего этого

он бы не сделал! Возможно, это было когда-то, но теперь прошло. Его больше нет в моей жизни, поэтому неважно, что бы он сказал, что бы сделал и как бы на что отреагировал. Все кончено!»

Джейсон наполнил еще одну тарелку, а я постаралась проявить заинтересованность и принять участие в разговоре. Через полчаса мы все встали и отправились на футбольное поле.

Конечно, пребывание на свежем осеннем воздухе очень бодрит и закаляет, но деревянные скамейки трибун оказались настолько холодными, что у меня мигом замерз нос. Зато Джейсону и его друзьям холод, похоже, был нипочем. Они то и дело вскакивали со своих мест и орали во всю силу глоток. Я старалась не отставать, хотя ни разу не поняла, чему радуюсь. Мяч все время находился слишком далеко от меня, к тому же он был так мал, что я все равно ничего не видела. Честно признаться, я никогда не интересовалась футболом. Я предпочитала книги и фильмы.

Через какое-то время я покосилась на табло. Первый тайм подходил к концу. Две минуты. Одна минута. Двадцать секунд. БЗЗЗЗЗЗ! Прозвучал сигнал, и обе команды убежали с поля. Начался университетский парад с участием нескольких старинных автомобилей, объезжавших поле по периметру. Красивые девушки в шелках и шифоне стояли на задних сиденьях и махали руками зрителям.

Джейсон и его друзья оглушительно свистели и вопили вместе с разгоряченной толпой. Запах сандала поплыл над трибунами, и нежный шелковистый голос шепнул мне на ухо: «Ты самая красивая девушка на этом стадионе».

Я повернула голову, но *его* не было у меня за спиной. Джейсон и его друзья продолжали надрываться. Я откинулась назад. «Замечательно. Теперь у меня галлюцинации». Я сжала кулаки, уперлась костяшками пальцев в виски и как следует надавила, пытаясь загнать *его* обратно в глубины памяти.

Когда начался второй тайм, я оставила попытки выжать из себя энтузиазм. Это было уже второе свидание, превратившее меня в ледышку. Я медленно коченела на скамейке, втянув голову в плечи и стуча зубами. После игры Джейсон проводил меня к машине, неуклюже приобняв за плечо, и даже попытался растереть его, чтобы согреть, но не рассчитал силы и едва не спустил с меня кожу. Я даже не стала интересоваться, кто выиграл.

– Слушай, Келси, я отлично провел время и рад, что получше узнал тебя.

«О чем это ты? – устало подумала я. – Ты даже не пытался меня узнать!»

– Да-да, я тоже.

– Значит, я могу позвонить тебе еще разок?

Я задумалась. Джейсон не был плохим парнем; он был просто обычным. Впрочем, первые свидания всегда проходят натянуто, пожалуй, можно было дать ему второй шанс.

– Да, конечно. Ты знаешь, где меня найти, – сказала я, выдавив неискреннюю улыбку.

– Заметано! Тогда пересечемся на антропологии в понедельник. До скорого!

– Угу, до скорого.

Он повернулся и убежал к своей развеселой компании, оставив меня гадать, есть ли у нас с ним хоть что-то общее.

Свидание № 3

Не успела я оглянуться, как наступил Хэллоуин – а вместе с ним и мое свидание с Ли.

В Ли было нечто такое, что позволяло мне чувствовать себя непринужденно. Общаться с ним было гораздо приятнее, чем с Джейсоном, и я не преминула сварливо отметить, что причина этого ясна как день: Ли немного напоминал мне того, кого я пыталась забыть.

Скрепя сердце я открыла дверцу шкафа, которую поклялась никогда не открывать, и вытащила оттуда прелестную блузку коричневато-оранжевого цвета, похожую по крою на коротенький двубортный плащ. Сходство дополняли деревянные пуговки и тонкий ремешок на талии. Я выбрала к блузке темно-синие эластичные джинсы. Они сидели идеально, словно были сшиты специально для меня. На дне сумки отыскалась пара темных ботинок, и, одевшись, я несколько раз покрутилась перед зеркалом. В этом наряде я выглядела высокой, нарядной и… стильной, что было для меня совершенно не характерно.

Для разнообразия я распустила волосы, позволив им вьющимися прядями рассыпаться по спине. Размазав по губам немного блеска с абрикосовым оттенком, я отправилась на встречу с Ли в студию, стараясь ехать как можно медленнее на тот случай, если маленькие попрошайки сладостей вздумают забрести в наши леса.

Ли сидел в своей машине и слушал музыку, качая в такт головой. Заметив меня, он тут же выключил радио и вышел.

Расплылся в улыбке.

– Вот это да, Келси! Выглядишь великолепно!

Я без малейшего стеснения рассмеялась.

– Спасибо, Ли. Очень мило с твоей стороны. Если ты готов, то я сию секунду последую за тобой к твоей бабушке.

Я направилась было к своей машине, но Ли обогнал меня и распахнул передо мной дверь.

– Ох, чуть не опоздал! – Он снова улыбнулся мне. – Моя бабушка учила меня всегда открывать двери женщинам.

– О! Что ж, ты настоящий джентльмен.

Ли отвесил мне небольшой поклон, потом рассмеялся и отошел к своей машине. Он тоже ехал медленно и постоянно поглядывал в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что я не отстала. Мы остановились в уютном старом районе.

– Вот и дом моей бабушки, – сказал Ли, когда мы вошли в вестибюль. – Мы всегда собираемся здесь на вечернюю игру,

потому что у нас самый большой стол. И еще потому, что моя бабушка – великая кулинарка.

Он взял меня за руку и втащил на уютную кухоньку, в которой пахло в тысячу раз вкуснее, чем во всех китайских ресторанах, где мне довелось побывать. Миниатюрная седая женщина следила за рисоваркой. Когда она подняла голову, я увидела, что у нее запотели очки.

– Келси, это моя бабушка Чжи. Бабушка Чжи, *хуо Келси.*

Старушка улыбнулась, кивнула и взяла мои пальцы в свои.

– Здравствуй, Келси. Приятно познакомиться.

Я улыбнулась ей в ответ.

– Мне тоже.

Ли сунул палец в булькающую кастрюлю, но бабушка тут же схватила деревянную ложку и легонько шлепнула его по руке. Потом сказала что-то по-китайски.

Ли расхохотался, а бабушка показала ему язык.

– Ну, мы пошли, бабушка.

Когда мы вышли, я успела заметить, как старушка с гордостью улыбнулась ему вслед.

Ли привел меня в гостиную. Вся мебель в этой комнате была сдвинута к стене, чтобы освободить место для огромного обеденного стола, сейчас полностью разложенного. Вокруг стола сгрудилась компания молодых людей азиатской внешности, которые горячо спорили по поводу расположения карточек на поле. Ли подвел меня к ним.

– Знакомьтесь, ребята. Это Келси, она сегодня будет играть с нами.

Один из мальчиков вздернул брови.

– Как скажешь, Ли.

– Теперь понятно, почему он так задержался!

– Хорошо, что Вэнь принес дополнительный набор.

Были и другие слова, а также скрип стульев. Кажется, я услышала чье-то негромкое замечание по поводу того, что не стоит-де приглашать девушек в игру, но мне не удалось заметить, кто это сказал. Вскоре все расселись по местам, и схватка началась.

Ли сидел рядом со мной и помогал мне на протяжении всей партии. На первых порах я не могла сообразить, разумно ли обменять муку на кирпичи, а руду на овец, поэтому каждый раз смотрела на Ли, ожидая подсказки. Но через несколько ходов я почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы обходиться без посторонней помощи. Когда я превратила два своих поселка в города, игроки хором застонали.

– Я выиграла!

Несколько молодых людей отпустили скептические замечания по поводу удачливости новичков и устроили целое представление из пересчета моих очков, чтобы убедиться, что нигде нет ошибки. Если бы не голодное урчание в пустом животе, я бы и не заметила, что мы провели за игрой несколько часов.

Ли встал и потянулся.

– Пора ужинать!

Его бабушка накрыла для нас роскошный шведский стол. Гости быстро наполнили свои тарелки жареным рисом, мелкими китайскими пельменями, пышными дымящимся баозцы со свиным фаршем, различными смесями жареных овощей и крошечными жареными блинчиками с овощной начинкой. Ли взял для нас газировки, и мы расселись в гостиной.

Ловко подцепив палочками баоцзы, Ли сказал:

– Расскажи мне о себе, Келси. О чем-нибудь, кроме ушу. Чем ты занималась этим летом?

– Ах, летом… Я… хм-м-м… работала в Индии, на стажировке.

– Ничего себе! Это же потрясающе! И чем ты занималась?

– В основном составляла описи разных руин, произведений искусства и прочих исторических достопримечательностей. А ты? Что ты делал этим летом? – поспешно спросила я, чтобы уйти от обсуждения Индии.

– В основном работал на дедушку в студии. Пытаюсь заработать денег на учебу в медицинском. Я получил степень бакалавра на биофаке Портлендского университета.

Я сделала в уме вычисления, которые он по какой-то причине опустил.

– Сколько же тебе лет, Ли?

Он улыбнулся.

– Двадцать два. А еще я посетил кучу лекций и ходил на летние курсы в университете. Вообще, все наши сегодняшние партнеры по игре – студенты. Шэн изучает компьютерную инженерию. Мэйи специализируется на химии. Вэнь закончил университет и сейчас работает над магистерской работой по статистическому анализу, а я, как ты уже знаешь, посвятил себя медицине.

– Вы, ребята, такие… целеустремленные.

– А ты? Какая у тебя специализация?

– Международные отношения, а дополнительная – история искусств. Сейчас я изучаю Индию. Но в данный момент я думаю только о том, как мне придется выложиться на ушу, чтобы сжечь все лишние калории, набранные за этим ужином, – пошутила я.

Ли рассмеялся и взял у меня тарелку. Мы снова вернулись в комнату, где проходила игра, и я остановилась, чтобы

полюбоваться фотографией, на которой были запечатлены Ли и Чук, державшие по три кубка каждый.

– Ничего себе! Это все награды нашей студии?

Ли посмотрел на фотографию и покраснел.

– Нет, это все… мои. Я выиграл их в состязании по боевым искусствам.

Я потрясенно подняла брови.

– Подумать только, я и не подозревала, насколько ты хорош! Вот это достижение!

– Не сомневаюсь, что мои дедушка с бабушкой прожужжат тебе этим все уши, – ответил Ли, выталкивая меня обратно в кухню. – Их хлебом не корми, дай только похвастать своими потомками. Правда, бабушка Чжи? – Ли звонко чмокнул старушку в щеку, а та замахала на него руками, чтобы не мешал мыть посуду.

Мы начали новую игру, с гораздо более простыми правилами. На этот раз я проиграла, но все равно получила море удовольствия. Когда игра закончилась, было уже за полночь. Холодной звездной ночью Ли проводил меня до машины.

– Спасибо, что пришла, Келси. Это был замечательный вечер. Скажи, ты не откажешься заглянуть к нам как-нибудь еще? Мы собираемся каждые две недели.

– Конечно. Звучит очень заманчиво. Но хотелось бы уточнить заранее: могу я надеяться, что в честь моей победы в первой игре ты будешь более милосердно относиться ко мне на тренировках? – пошутила я.

– Ни в коем случае! Каждый раз, когда ты будешь выигрывать, я буду с утроенной силой вымещать на тебе свою досаду в зале! – поклялся Ли.

Я расхохоталась.

– В таком случае в следующий раз напомни мне, чтобы я проиграла. Кстати, а что будет, когда ты выиграешь?

Он ухмыльнулся.

– Я должен хорошенько обдумать этот вопрос.

Он вернулся к дому, встал под фонарем на крыльце и смотрел мне вслед, когда я отъезжала.

Устало рухнув в постель, я подумала о том, что со временем, наверное, сумею полюбить Ли. Он был веселый и милый. Я не испытывала к нему ничего, кроме дружеского расположения, но, возможно, в будущем все изменится. Нормальная жизнь потихоньку начала восприниматься… как нормальная. Я перекатилась на бок, свернулась под бабушкиным одеялом и случайно сбросила с кровати белого плюшевого тигра.

Минуту-другую я размышляла, оставить его валяться на полу или убрать в шкаф. Неподвижно лежа на спине, я молча глядела в потолок, собираясь с силами, чтобы встать и расправиться с тигром. Мне хватило твердости ровно на пять минут, после чего, проклиная себя за малодушие, я свесилась с кровати, подобрала тигра, прижала его к груди и горячо попросила прощения за то, что могла даже подумать об этом.

4
Рождественский подарок

После Хэллоуина у меня появились новые занятия – подготовка к экзаменам и прятки от Арти. Он каким-то образом заполучил номер моего мобильного и теперь названивал мне ежедневно, ровно в пять часов вечера. Несколько раз он ждал меня после занятий. Этот парень просто не понимал намеков!

Разумеется, я не раз пыталась определиться со своими чувствами к Джейсону. Мы с ним встретились еще несколько раз, но меня не покидало ощущение, будто мы общаемся на разных частотах. Он считал Шекспира, стихи и книги смертной скукой, а я никак не могла запомнить, чем университетская команда отличается от профессиональной. Впрочем, не думаю, что Джейсона хоть как-то волновала наша несовместимость. В глубине души я знала, что наши с ним отношения не имеют никакого будущего, но все-таки он был вполне безобидным, и мне нравилось работать с ним в паре на занятиях.

Но как это всегда бывает в жизни, именно в тот момент, когда я начала находить удовольствие в свиданиях без обязательств, Ли решил все усложнить. Мы с ним болтали в студии после занятий, и тут он вдруг притих. И принялся нервно крутить в руках бутылку с водой.

Потом, не глядя на меня, он сказал:

– Келси… Я хотел спросить… ты не откажешься встретиться со мной? Только ты и я. Как настоящее свидание.

В голове у меня все пошло кругом.

– Ах… Хм-м-м, ну да, конечно, – медленно выдавила я. – Мне нравится общаться с тобой. Ты очень приятный, и с тобой легко разговаривать.

Он поморщился.

– Да, но я хотел бы знать: тебе нравлюсь именно я или я тебе просто нравлюсь?

Я надолго задумалась.

– Знаешь, я буду с тобой откровенна. Я думаю, что ты замечательный, и ты мне очень нравишься. Скажу тебе больше, ты сейчас номер один в моем списке предпочтений. Но я не уверена, что готова сейчас к серьезным отношениям с кем бы то ни было. Понимаешь, я совсем недавно рассталась с одним человеком и до сих пор не пришла в себя.

– Вот оно что. Да, такое трудно пережить. Я понимаю. И все-таки я очень хочу с тобой встретиться. Разумеется, если ты готова

и не возражаешь.

Я снова задумалась.

– Хорошо, с удовольствием.

– Может быть, начнем с фильма о боевых искусствах? Я знаю одно место, где каждую пятницу по ночам показывают старое кино. Не хочешь сходить?

– Ладно, только пообещай, что научишь меня какому– нибудь крутому приему из фильма, – попросила я, радуясь тому, что мы покончили с этим делом.

«Более или менее покончили», – поправилась я, когда мы расстались.

С этих пор мы с Ли стали видеться не только в зале или за игрой. Он был настоящим джентльменом, и наши свидания всегда проходили весело и интересно. Он сдувал с меня пылинки, но я все равно чувствовала себя одинокой. И это было не то одиночество, которое лечится общением с другими людьми. Это одиночество иссушало мою душу. Хуже всего было по ночам, потому что я чувствовала *его* присутствие даже через разделявший нас океан. Нас соединяли невидимые узы, туго обмотанные вокруг моего сердца. Неослабевающее натяжение этих пут влекло меня назад. Оставалось надеяться только на то, что со временем веревки изветшают и разорвутся.

Тренировки ушу оказались отличным каналом для выброса отчаяния, переполнявшего мою жизнь. Фильмы, на которые мы ходили, были весьма динамичными и при этом не вызывали никаких эмоций, что тоже казалось приятным разнообразием. Постепенно я стала делать успехи в зале. Мои руки и ноги начали двигаться гораздо точнее, я заметно окрепла. Теперь я знала, что если на меня кто-нибудь нападет, я смогу дать ему сдачи, и эта уверенность придавала мне сил. Мне больше не нужна была тигриная защита! Я могла сама надрать врагам задницы.

Даже Ли признал, что мои удары ногами становятся все сильнее. Я прекрасно понимала, что ученики нашей студии вряд ли думали на тренировках о том же, о чем думала я, но ведь им, в отличие от меня, не приходилось сталкиваться лицом к лицу с бессмертными каппами, жадными до человечины! Поэтому в качестве противников я представляла себе целые полчища капп и расправлялась с ними с утроенным воодушевлением.

Ли сдержал свое слово и научил меня одному приему из фильма. Он даже разрешил мне попрактиковаться на нем, но у меня ничего не получалось, и в конце концов мы, сцепившись, с хохотом рухнули на маты.

– Келси, ты цела? Я не сделал тебе больно?

Но мне смешинка в рот попала. Прошло немало времени, прежде чем я перестала корчиться от смеха и вытерла мокрые от слез глаза.

– Нет. Все замечательно. Отличный прием, скажи?

Ли наклонился надо мной, его лицо оказалось совсем близко от моего лица.

– Совсем неплохой. С его помощью ты оказалась именно там, где мне хотелось.

В ту же секунду счастливое, беззаботное настроение улетучилось, сменившись тоскливым напряжением. Он придвинул свое лицо еще ближе к моему и замер, следя за моей реакцией. А я вся оцепенела, и в то же время меня охватила грусть. Потом я закрыла глаза и слегка отвернулась, продолжая чувствовать на себе его взгляд. Ли сел и поднял меня с мата. Я чувствовала себя отвратительно, но поцеловать его было выше моих сил. Наверное, это было бы вполне мило, только без бабочек в животе. Иными словами, это просто было бы не то.

– Я… прости, Ли.

Он легонько потрепал меня по подбородку.

– Выбрось из головы. Давай-ка лучше выпьем по молочному коктейлю, что скажешь?

Глаза у него оставались печальными, но, видимо, он решил во что бы то ни стало сохранить непринужденность наших отношений, поэтому быстро переключил мое внимание на другие темы.

Мою хандру из-за неудачных свиданий развеял мистер Кадам со своими замечательными новостями. Ему удалось расшифровать главную секцию обелиска с пророчеством, и он попросил меня провести кое-какие исследования, на что я с превеликой радостью согласилась. Раскрыв блокнот, я деловито спросила:

– Что делать?

– Поискать сведения о четырех домах. Да-да, не удивляйтесь. В пророчестве говорится о доме тыкв-горлянок, доме сирен и доме каких-то крылатых созданий.

– Каких крылатых созданий? – икнула я.

– Понятия не имею.

– А четвертый дом?

– Мне кажется, речь идет о двух домах с крылатыми существами. Первоначально я предположил, что в одном случае говорится о некой птице, но далее в пророчестве отдельно упоминаются птицы из металла или железа. Второе крылатое животное упоминается вместе со знаком, обозначающим большой

размер, точно такой же знак встречается дальше. Я бы хотел, чтобы вы поискали все мифы, в которых упоминаются подобные дома, и сообщили мне, если удастся пролить свет на эти загадки.

– Непременно, мистер Кадам.

– Очень хорошо.

Остаток разговора был посвящен разным будничным вещам, и хотя я была очень рада, что мистер Кадам вновь привлек меня к расследованию, мне становилось не по себе при мысли о возвращении в Индию. Я была полностью готова к опасностям, магии и прочим сверхъестественным фокусам, но возвращение означало неизбежную встречу с *ним*. За последнее время я неплохо научилась справляться с рутиной повседневной жизни, но под поверхностью, на глубине, где я прятала свои самые потаенные чувства, – там все бурлило. Я продолжала оставаться отрезанным ломтем и никак не могла обрести свое место. Индия звала меня, порой нежно, иногда грозно, но этот зов не смолкал ни днем, ни ночью, и я все чаще задумывалась о том, смогу ли когда-нибудь по-настоящему вернуться к нормальной жизни.

День благодарения означал неизменный ужин с индейкой у Сары и Майка. Хотя их праздничные тыковки и слегка помятые рога изобилия выглядели вполне безобидно, я старалась держаться от них подальше, ломая голову над тем, какую роль будут играть загадочные тыквы-горлянки в нашем следующем поиске. День выдался холодным и дождливым, поэтому мои приемные родители разожгли камин в гостиной. Как ни странно, на этот раз мне даже понравились некоторые овощные блюда. Разумеется, это не относилось к пирогу, испеченному без сахара и глютена. По-моему, это просто извращение.

– Ну, что новенького? Не хочешь рассказать нам ни о каких славных мальчиках из университета? – поддразнила меня Сара.

– Ну, вообще-то… я вроде как встречаюсь кое с кем, – смущенно призналась я. – Во-первых, с парнем по имени Ли, а еще с Джейсоном. Но ничего серьезного. Мы встречались всего несколько раз.

Сара пришла в восторг, и они с Майком забросали меня градом вопросов, на которые мне совсем не хотелось отвечать.

На мое счастье, Дженифер тоже пригласила нас с Ли на ужин в честь Дня благодарения, поэтому я смогла пораньше уехать от приемных родителей, чтобы успеть в гости. Дженифер жила в очаровательном доме в Западном Сейлеме. В качестве подарка я везла с собой лимонный пирог с меренгами, который испекла впервые в жизни, и страшно гордилась полученным результатом. Правда, я слегка передержала меренги в духовке, но если не

присматриваться, то пирог выглядел просто замечательно.

Ли весь просиял, когда увидел меня в дверях, и сказал Дженифер:

– Что я говорил? Стоит только сломать счастливую косточку, и желание сбудется!

Он признался, что уже наелся до отвала у себя дома, но припас в животе местечко для моего пирога – и сдержал свое слово. В один присест Ли расправился с половиной моего кулинарного чуда.

Дженифер испекла пирог из тыквы, пирог из ягод марион и чизкейк. Я съела по куску от каждого, и это было просто божественно. Ли стонал от восторга и причитал, что так объелся, что не может пошевелиться, поэтому останется ночевать в гостях. Ребятишки Дженифер в нахлобученных на головы шляпах первых колонистов запрыгали от радости, но мгновенно угомонились, когда мать поставила им диск с фильмом «День благодарения Чарли Брауна».

Я помогала Дженифер убираться на кухне, когда она вдруг спросила:

– Ну?

И многозначительно прибавила:

– Как дела с Ли?

– Э-э-э, неплохо.

– Значит, вы теперь вместе?

– Трудно сказать. Мне кажется, нас еще рано называть парой.

Она заметно сникла и хмуро уставилась в посудомоечную машину.

– Значит, тот бывший, о котором ты никогда не говоришь, все еще держит тебя?

Я застыла, прижав влажное кухонное полотенце к красивому блюду для индейки, которое вытирала.

– Извини, если я вела себя грубо. Честно говоря, мне просто тяжело о нем говорить. Что ты хотела узнать?

– Хм-м-м. – Дженифер взяла еще одну тарелку и подставила ее под струю воды. – Для начала – кто он такой. Где он? Почему вы не вместе?

– Ну, он… Он в Индии. И мы не вместе, потому что… – Голос у меня вдруг сорвался, и я прошептала: – Потому что… я его бросила.

– Он тебя обидел?

– Нет, нет! Ничего подобного! Он был… само совершенство.

– Значит, он не хотел, чтобы ты уезжала?

– Нет.

– А с тобой уехать хотел?

Уголок моего рта дрогнул в слабой улыбке.

– Мне пришлось умолять его не делать этого.

– В таком случае я ничего не понимаю. Почему ты его бросила?

– Он весь такой… А я вся такая… – Я прерывисто вздохнула. – Все слишком сложно.

– Ты его любила?

Я отставила блюдо, которое натирала не меньше пяти минут, и скрутила в руках полотенце. Потом очень тихо ответила:

– Да.

– А теперь?

– А теперь… когда я осталась одна… Я иногда чувствую, что не могу дышать.

Она кивнула и ополоснула еще несколько тарелок. Столовые приборы тихо позвякивали в пенной воде. Дженифер слегка повернула голову.

– Как его зовут?

Я тупо уставилась в кухонное окно. Снаружи было темно, и я видела в стекле свое отражение со сгорбленными плечами и мертвым взглядом.

– Рен. Его зовут Рен.

Звук его имени наждаком прошелся по моему и без того истерзанному сердцу. Я почувствовала, как слезы побежали по моим щекам, и снова взглянула на окно, чтобы на этот раз увидеть отражение Ли, стоявшего у меня за спиной. Он тут же повернулся и вышел из кухни, но я успела заметить выражение его лица. Я причинила ему боль. Дженифер подошла и сжала мою руку.

– Иди, поговори с ним. Такие вещи лучше обсуждать сразу, не откладывая. А иначе сама знаешь – все горы были когда-то песчинками.

Лично мне казалось, что гора уже выросла, но Дженифер была права. Я должна была поговорить с Ли.

Он уже вышел на улицу. Я быстро собрала свои вещи и поблагодарила хозяев за приятный вечер, а Дженифер вышла из кухни и помахала мне на прощание.

Я выскочила из дома и увидела Ли, стоявшего возле своей машины, скрестив на груди руки.

– Ли?

– Да?

– Мне очень жаль, что ты услышал это.

Он громко вздохнул.

– Все нормально. В самом начале наших отношений ты предупредила меня, что все будет непросто. Пожалуй, у меня есть

только один вопрос.

– Задавай.

Он повернулся ко мне и пристально заглянул в глаза:

– Ты все еще любишь его?

– Я… наверное, да.

Он сник прямо на глазах.

– Но послушай, Ли, это не имеет никакого значения. Его больше нет. Он остался на другом континенте. Если бы он хотел быть со мной так сильно, как говорил, он был бы здесь, но его нет. Его нет, понимаешь? Более того, он мне даже ни разу не позвонил. Мне просто нужно… время. Еще немного времени, чтобы… чтобы избавиться от этих чувств. Я хочу это сделать! – Я протянула руку и дотронулась до его ладони. – Я понимаю, это несправедливо по отношению к тебе. Ты достоин встречаться с девушкой, свободной от всех этих… обременений.

– Келси, у нас у всех есть свои обременения, – ответил он, пнув ногой колесо своей машины. – Ты мне нравишься, и я хочу понравиться тебе. Может быть, все получится, если мы не будем торопиться. Например, сначала научимся быть друзьями.

– И тебе этого достаточно?

– А что мне остается? Я не вижу никаких других вариантов, кроме как порвать с тобой, а это не представляется мне хорошим выходом.

– Тогда ладно, давай не будем торопиться.

Ли улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Ты стоишь того, чтобы тебя ждать, Келси. И еще, для протокола, твой парень был сумасшедшим, раз отпустил тебя.

Несмотря на горы книг, взятых в библиотеке, и бессчетные часы, проведенные в Сети, мне так и не удалось отыскать никакой полезной информации о четырех домах. Хотелось, конечно, надеяться, что крылатые твари окажутся невинными бабочками, но в глубине души я очень в этом сомневалась. «По крайней мере, теперь мы знаем, каким образом воздушная стихия даст о себе знать в этом пророчестве», – решила я.

Я так закопалась в книгах, что не заметила, как День благодарения сменился предрождественской суетой. Красочные украшения засияли на всех улицах и в витринах магазинов. Я продолжала встречаться с Ли и Джейсоном, а в середине декабря Ли пригласил меня на свадьбу своего двоюродного брата.

Все две недели до этого события я неустанно твердила себе, что очень хочу наладить отношения с Ли и что будет просто замечательно, если я смогу его полюбить. Он выглядел изумительно, когда заехал за мной. Черный смокинг так ему шел,

что у меня екнуло сердце. Пусть не от любви, но, по крайней мере, от удовольствия быть с ним рядом.

– Ах, Келси! Превосходно выглядишь!

Я снова залезла в запретный шкаф и вытащила оттуда настоящее платье принцессы из атласа и органзы нежного персикового цвета. Тесный приталенный лиф, скроенный как корсет, переходил в пышную юбку из органзы длиной до середины икры.

Свадьбу праздновали в загородном клубе. После окончания церемонии появились музыканты и танцоры, исполнявшие традиционный танец льва, и все гости торжественно отправились вслед за ними в зал. Один из музыкантов заиграл на мандолине. Этот музыкальный инструмент был очень похож на гитару, висевшую на стене в музыкальной комнате мистера Кадама.

Столовая была украшена красными бумажными зонтиками, золотыми веерами и изысканными оригами. Ли сказал мне, что такова традиция китайской свадьбы. Даже новобрачная была в алом платье, а вместо коробок с подарками гости вручали молодым красные конверты с деньгами.

Ли жестом показал мне на группку молодых людей в черных костюмах и солнцезащитных очках. Я вытаращила глаза и поперхнулась смешком, узнав наших партнеров по настольным играм. Они заулыбались мне и помахали руками. У одного из них к запястью был пристегнут туго набитый портфель.

– Почему они так странно оделись? – спросила я. – И что у него в портфеле?

Ли расхохотался.

– Тысяча долларов в новеньких бумажках по одному доллару. Они собираются пристегнуть этот портфель наручниками к жениху. Это такая шутка. До того как с головой уйти в работу, мой двоюродный брат был членом нашей компании по играм. Он первый из нас женился, значит, получит портфель.

Мы прошлись вдоль вереницы гостей, и Ли представил меня своему кузену и его молодой жене. Она оказалась миниатюрной, очень красивой и немного застенчивой. Затем мы нашли свои места за столом, где к нам вскоре присоединились друзья Ли. Они дразнили его за то, что он не надел черные очки.

Молодые совершили очень красивую церемонию зажжения свеч, чтобы почтить предков, после чего было подано угощение: рыба, символизировавшая достаток; целый лобстер, олицетворявший зрелость и цельность; пекинская утка для веселья и радости; суп из акульих плавников для крепкого здоровья; лапша для долголетия и салат из морских огурцов, обещавший молодым супружескую гармонию. Ли уговаривал

меня отведать сладкие бутоны лотоса, отвечавшие за плодовитость.

– Хм-м-м, спасибо, конечно, – неуверенно отказалась я. – Но я пока воздержусь.

Получив добрые напутствия от представителей обеих семей, молодые исполнили свой первый танец.

Ли взял меня за руку и встал.

– Келси, можно тебя пригласить?

– Конечно.

Он успел только раз провести меня вокруг зала, а потом его друзья начали наперебой приглашать меня. Так мне и не удалось протанцевать с Ли больше одного танца. Когда танцоры выдохлись, в зал внесли трехэтажный торт ярко-оранжевого цвета, политый сверху жемчужно-белой миндальной глазурью и украшенный роскошными сахарными орхидеями.

Этой ночью, когда Ли отвез меня домой, я была почти счастлива. Мне понравилось быть частью его мира. На прощание я обняла его и чмокнула в щеку, а он улыбнулся так, словно выиграл титул чемпиона мира по боевым искусствам.

Рождество я встретила в гостях у приемной семьи. Прихлебывая горячий шоколад, я смотрела, как дети разворачивают свои подарки. Сара и Майк подарили мне спортивный костюм для бега трусцой. Они все еще не теряли надежды приобщить меня к радостям утренних пробежек. Дети приготовили для меня шарф и перчатки, и я заверила их, что с осени мечтала о них. Я планировала провести в семье все утро, а потом встретиться с Ли.

Он должен был заехать за мной в два часа дня. Подарок для него – коллекция фильмов о боевых искусствах – дожидался на кофейном столике в гостиной. Я решила, что если он не попытается поцеловать меня после свидания, то я сама это сделаю. Для этого я даже повесила ветку омелы над входной дверью. Иррациональная часть моего разума отчего-то решила, будто этот поцелуй может разрушить связь, которую я все еще ощущала с тем, кого оставила. Рациональная часть предупреждала, что все будет далеко не так просто, но когда-то надо было сделать первый шаг!

Я погрузилась в мысли о свидании. Дети играли с новыми игрушками, взрослые сидели возле елки, слушали рождественские песни и негромко разговаривали, когда вдруг раздался звонок в дверь.

– Ты кого-то ждешь, Сара? – спросила я, вставая.

– Наверное, это посылка от мистера Кадама. Он сказал, что

это будет сюрприз.

Я повернула ручку и распахнула дверь.

На верхней ступеньке крыльца стоял самый красивый мужчина на всем белом свете. Мое сердце остановилось, потом пустилось в бешеный галоп. Взволнованные ярко-синие глаза жадно впились в мое лицо. Постепенно тревога и напряжение исчезли из взгляда гостя, и он шумно вздохнул, как человек, проведший слишком много времени под водой.

Обретя уверенность, ангел-воитель ласково улыбнулся мне, протянул руку и бережно дотронулся до моей щеки. Я почувствовала, как соединяющая нас нить обмотала его пальцы вокруг моего сердца и натянулась, привлекая нас друг к другу. Вот он обнял меня, сначала робко и нерешительно, а потом вдруг с силой сгреб меня в охапку и притянул к себе, прижавшись лбом к моему лбу. Нежно покачивая меня из стороны в сторону, погладил по волосам. Судорожно вздохнул и прошептал только одно слово:

– Келси.

5
Возвращение

Спеленатая кольцом его рук, я стояла и слушала, как стремительно разбухающее сердце гулко колотится у меня в груди. Как у злого Гринча, похитителя Рождества, за эти месяцы мое сердце съежилось, став в два раза меньше обычного. Но стоило Рену дотронуться до меня, как все чувства, которые я так долго сдерживала, хлынули наружу, медленно заполняя пустоту.

Я чувствовала, как расцветаю и стремительно расту. Рен был солнцем, а его нежность ко мне – живительной влагой. Дремлющая часть моего существа очнулась, наполнившись трепетом жизни, пустила глубокие корни, развернула сочные зеленые листья и выстрелила во все стороны вьющимися побегами, которые начали оплетать нас, еще крепче прижимая друг к другу.

Тут Сара окликнула меня с кухни, напомнив о существовании мира за пределами нас двоих.

– Келси? Келси! Кто там?

Вернувшись в реальность, я сделала шаг назад. Он отпустил меня, но провел ладонью вниз по моей руке и переплел свои пальцы с моими. Я онемела. То есть я разинула рот, чтобы ответить Саре, но не смогла произнести ни слова.

Рен почувствовал мое состояние и громко объявил о своем присутствии:

– Мистер и миссис Нейлсон?

Майк и Сара остолбенели при виде нежданного гостя. Рен улыбнулся им своей убийственной улыбкой и протянул руку:

– Здравствуйте. Я внук мистера Кадама, Рен.

Он обменялся дружеским рукопожатием с Майком и протянул руку Саре. Когда он озарил ее своей улыбкой, Сара вспыхнула до корней волос и потупилась, как школьница. Мне стало немного спокойнее на душе, когда я убедилась, что другие женщины, оказывается, тоже теряют голову в его присутствии. Значит, гипнотическому обаянию Рена подвержены все возрасты!

Майк первый нарушил молчание:

– Гм, привет, Рен. Какое совпадение! Послушай, Келси, разве того тигра…

Я поспешила перебить его:

– А, ну да! Забавно, правда? – Я посмотрела на Рена и незаметно ткнула его в бок. – Вообще-то, Рен – это его прозвище. А зовут его… Эл! – выпалила я, ущипнув его за руку. – Правда,

Эл?

Его брови сошлись вместе в выражении насмешливого недоумения.

– Правда, Келси, – подтвердил он и добавил, повернувшись к Саре и Майку: – Мое полное имя Алаган, но вы можете звать меня просто Рен. Меня все так зовут.

К этому времени Сара уже сумела справиться с собой:

– Хорошо, Рен. Заходи же в дом и познакомься с нашими детьми.

Он снова улыбнулся ей и ответил:

– С огромным удовольствием.

В ответ Сара смущенно хихикнула и пригладила рукой волосы. Рен задержался, чтобы взять несколько больших свертков, которые он поставил возле двери, а я прямиком направилась в гостиную.

Пока Майк помогал Рену внести вещи, Сара подошла ко мне и прошептала:

– Келси, когда вы с ним познакомились? Еще минуту назад я была уверена, что сейчас наконец-то увижу Ли. Что происходит?

Я уставилась на рождественскую елку и промямлила:

– Хотела бы я это знать.

Мужчины вошли в гостиную, где Рен снял короткое серое пальто в елочку и повесил его на спинку стула. Он был в джинсах и сером шерстяном свитере с воротником на молнии, туго обтягивавшем его грудь и плечи.

– Кто такой Ли? – спросил он.

У меня отвисла челюсть.

– Откуда ты… – выдавила я, потом быстро захлопнула рот. Как я могла забыть о его уникальном тигрином слухе! – Ли – это… хм… один парень… мой знакомый…

Сара приподняла брови, но промолчала.

Несколько секунд Рен внимательно смотрел на меня, вежливо дожидаясь, когда я сяду, потом опустился на диван рядом со мной. В тот же миг малыши набросились на него.

– Я привез для вас подарки, – заговорщическим голосом сказал им Рен. – Сумеете открыть их и не подраться?

Ребекка и Сэмми серьезно закивали головами, а Рен, расхохотавшись, вручил им большую коробку. Ребятишки торопливо открыли ее и достали полную серию книг доктора Сьюза. В первое мгновение книги показались мне немного странными. Я взяла одну из них и быстро поняла, что держу в руках первое издание.

– Ты купил первые издания? – горячо зашептала я на ухо Рену. – Для детей? Да они же стоят по несколько тысяч долларов

каждое!

Он заправил прядку волос мне за ухо, потом наклонился и прошептал:

– Я приготовил такое же собрание для тебя, оно дома. Не надо завидовать.

Я надулась, а он с хохотом нагнулся за следующим подарком. Майк тем временем прилип к окну, жадно разглядывая машину Рена.

– Я вижу, Рен, ты приехал на «хаммере»?

Рен поднял глаза на Майка.

– Да.

– Послушай, ты не мог бы как-нибудь дать мне прокатиться? Видишь ли, я всегда мечтал проехаться на такой машине…

Рен потер ладонью челюсть.

– Конечно, только, если можно, не сегодня. Мне нужно будет доехать до своего нового дома.

– О… Выходит, ты к нам надолго?

– По крайней мере, планирую пожить до конца семестра. Я записался на несколько предметов в Западном Орегонском университете.

– Это просто замечательно! Значит, ты будешь ходить на занятия вместе с нашей Келси!

Рен ухмыльнулся.

– Да, точно. Наверное, будем пересекаться в кампусе.

Майк, улыбаясь до ушей, снова уставился на машину. А Сара не сводила глаз с меня. Я постаралась придать своему лицу самое равнодушное выражение, но внутри у меня клокотали вопросы.

«Что он задумал? Остаться здесь? Но где? Ходить в университет вместе со мной? Что же мне делать? И главное, зачем он здесь?»

Рен разогнулся и вручил какой-то большой подарок Саре и Майку.

– А это для вас.

Майк помог Саре открыть коробку, и они вытащили оттуда новенький красный миксер со всеми насадками, какие только известны роду человеческому. Не удивлюсь, если при помощи этого агрегата можно было даже высекать ледяные статуи. Сара тут же принялась возбужденно перечислять все виды органической безмучной выпечки, которые она теперь непременно освоит при помощи этого чуда техники.

Рен вытащил сверток поменьше и отдал мне.

– Это от мистера Кадама.

Я открыла коробку и увидела переплетенные в кожу книги: индийскую «Махабхарату», китайские «Записи о трех царствах» и

японскую «Повесть о Гэндзи», все в переводе на английский. Там же лежала короткая записочка, в которой мистер Кадам справлялся о моих успехах и желал мне счастливого Рождества.

Погладив кожаные переплеты, я бережно сложила книги на столик перед диваном и сделала себе зарубку на память: непременно позвонить мистеру Кадаму и поблагодарить его за чудесные подарки.

– А это от Кишана.

Сара оторвалась от своего миксера и спросила:

– Кто такой Кишан?

– Мой младший брат, – ответил Рен.

Сара бросила на меня возмущенный материнский взгляд, на который я отреагировала беспечным пожатием плеч. Да, я никогда не рассказывала ей ни о Рене, ни о Кишане, и теперь Сара, наверное, ломала голову над тем, как я могла забыть о таком чуде. Признаться, теперь я и сама не понимала, что заставляло меня молчать о нем.

Я открыла коробку и достала изящную коробочку от Тиффани. Внутри оказалась тоненькая цепочка из белого золота. На приложенной карточке было написано изящным наклонным почерком:

> Привет, Келс.
>
> Скучаю по тебе.
>
> Возвращайся скорее.
>
> Я решил, что для моего амулета тебе нужно что-нибудь более женственное.
>
> Там, в коробке, есть еще один подарок для тебя, на всякий случай.
>
> *Кишан.*

Отложив цепочку, я порылась в коробке и нащупала маленький цилиндрический предмет, завернутый в папиросную бумагу. Когда я развернула ее, на ладони у меня очутилась крохотная металлическая капсула. Перцовый баллончик? К баллончику прилагалась распечатанная на принтере картинка – перечеркнутая тигриная морда в круге. И надпись «Тигриный репеллент» черными буквами сверху.

Я невольно прыснула, и Рен тут же забрал у меня подарок. Прочитав надпись на этикетке, он насупился и бросил баллончик обратно в коробку. Потом пошарил рукой на дне и вытащил еще один сверток.

– А это от меня.

От этих слов я мгновенно посерьезнела и украдкой

покосилась на Сару и Майка. Кажется, Майк даже не замечал моего состояния, зато Сара проявила гораздо большую чуткость и внимательно разглядывала меня. Я быстро закрыла глаза, молясь про себя, чтобы лежащее в коробке не вызвало града вопросов, на которые я не смогу ответить.

Потом просунула пальцы под толстый слой оберточной бумаги и вскрыла упаковку. Пробравшись внутрь, наткнулась пальцами на гладкую поверхность отполированного дерева. Ребятишки помогли мне сдернуть картонный чехол, и я увидела то, что лежало внутри.

Резную шкатулку для драгоценностей ручной работы.

Рен наклонился ко мне.

– Открой-ка.

Я нервно провела рукой по поверхности. Поставив шкатулку на колени, осторожно приподняла крышку. Внутри оказались маленькие ящички, выстланные бархатом, и в каждом лежала свернутая колечком лента для волос.

– Все ящики снимаются, видишь?

Он приподнял верхнюю секцию, затем следующую. Пять этажей, примерно по сорок лент в каждом.

– Ленты все разные. Из всех стран мира, причем нет двух штук одного цвета.

Я только и могла прошептать:

– Рен… Я…

Потом я подняла глаза. Майк, похоже, не увидел в этом подарке ничего необычного. Наверное, ему казалось, что девушкам сплошь и рядом дарят резные шкатулки с сотнями лент для волос! Зато Сара смотрела на Рена совсем другими глазами. Всю ее настороженность и тревогу словно рукой сняло.

На лице ее появилась едва заметная одобрительная улыбка, и она сказала:

– Что ж, Рен. Я вижу, ты хорошо знаешь нашу Келси. Она обожает ленты для волос.

Затем она вдруг громко откашлялась, встала и попросила нас присмотреть за детьми, пока они с Майком выйдут на небольшую пробежку. Они принесли нам две кружки горячего шоколада и убежали наверх, чтобы переодеться. Майк и Сара бегали каждый день, но на Рождество обычно делали перерыв. «В чем дело? – всполошилась я. – Неужели Сара хочет дать нам возможность побыть наедине? Ума не приложу, то ли обнять ее за такую догадливость, то ли попросить отменить пробежку!»

Шкатулка все еще стояла у меня на коленях, я рассеянно поглаживала ленту, когда Майк и Сара помахали нам и выскочили за дверь.

Рен протянул руку и дотронулся до моей ладони.

– Тебе понравилось?

Я заглянула в его синие глаза и сипло ответила:

– Это самый лучший подарок, который я получала в жизни.

Он ослепительно улыбнулся, взял мою руку и нежно поцеловал пальцы.

Потом повернулся к детям и сказал:

– Кто хочет сказку?

Ребекка и Сэмми схватили новую книжку и мгновенно забрались к нему на колени. Рен обнял обоих и стал читать бодрым голосом диктора:

– «Я – Сэм. Сэм – вот такой. Ты любишь зеленый омлет с ветчиной?»

Он споткнулся только на слове «повсюду», но ребятишки помогли ему правильно выговорить его, и после этого Рен уже не ошибался. Я была потрясена. Должно быть, мистер Кадам научил его читать по-английски!

Потом Рен попросил Сэмми подержать книгу, а сам обнял меня свободной рукой. Я бережно поставила свою шкатулку на пол и привалилась к нему. Он теснее прижал меня к себе, я положила голову ему на плечо. Рен шутливо водил пальцами вверх и вниз по моему предплечью.

Как только Майк и Сара вернулись, я вскочила и принялась лихорадочно собирать свои вещи. Нервно покосившись на Рена, я обнаружила, что он, не таясь, наблюдает за мной твердым, чуть насмешливым взглядом. Майк и Сара поблагодарили нас и помогли отнести мои вещи в машину. Рен тоже попрощался и вышел, чтобы подождать меня снаружи.

Сара наградила меня многозначительным взглядом, означавшим, что мне придется очень многое ей объяснить. Потом она закрыла дверь, оставив нас посреди холодного декабря. Мы наконец-то были одни.

Рен снял перчатку и провел теплыми пальцами по моему лицу.

– Поехали домой, Келс. Не спрашивай меня ни о чем. Здесь не место. У нас будет достаточно времени позже. До встречи.

– Но…

– Потом, *раджкумари*. – Он надел перчатку и пошел к своему «хаммеру».

Интересно, когда он успел научиться водить? Я выехала на дорогу и следила за «хаммером» в зеркало заднего вида до тех пор, пока не свернула на боковую улицу, потеряв его из виду.

Тысячи вопросов пульсировали у меня в мозгу, и по дороге в гору я снова и снова перебирала их. Но поскольку шоссе слегка

обледенело за ночь, все эти жгучие вопросы пришлось отложить до лучших времен, сосредоточившись на дороге. Когда я проехала поворот и увидела свой дом, что-то показалось мне странным. Понадобилась целая минута, прежде чем до меня дошло, что именно. В окне дома, соседнего с моим, были задернуты занавески. Туда кто-то въехал!

Я поставила машину в гараж и подошла к соседской двери. Постучала, но никто не ответил. Я повернула ручку – дверь оказалась не заперта. Внутри дом обставлен почти так же, как мой, только в более темных, мужских тонах. Мои растущие подозрения подтвердились, когда я увидела старую мандолину, лежащую на кожаном диване. Значит, сюда въехал Рен!

Я прошла на кухню и убедилась, что холодильник и кладовка пусты. Еще я отметила, что нижняя створка задней двери снабжена огромной откидной дверцей.

«Хм-м-м, это может привлечь внимание грабителей. Они запросто проберутся сюда через эту дверь. Боюсь только, что внутри их будет ждать весьма неприятный сюрприз…»

Я бросилась на свою половину и заперла за собой дверь. Мне не нужно было подниматься наверх или заглядывать в платяной шкаф в поисках модной мужской одежды, я и так знала, что она там. Как знала и то, что моим новым соседом стал Рен.

Не успела я сбросить куртку и ботинки, как услышала снаружи шум, который не мог быть ничем иным, кроме как звуком подъехавшего «хаммера». Я выглянула в окно. Рен оказался неплохим водителем. Каким-то чудом ему удалось провести огромную машину между торчащими ветками, грозившими поцарапать краску. Он поставил свой «хаммер» во второй гараж, и я услышала хруст его шагов по обледеневшей тропинке, ведущей к моей двери.

Отперев ее, я прошла в гостиную и уселась в глубокое кресло с откидывающейся спинкой, подвернув под себя ноги и скрестив руки на груди. Я знала, что на языке тела эта поза называется защитной, но мне было все равно.

Я услышала, как он закрыл за собой дверь, сбросил ботинки, снял пальто и повесил его в шкаф. Завернув за угол, вошел в гостиную. Несколько мгновений он внимательно изучал мое лицо, потом пробежал рукой по волосам и уселся напротив меня. Волосы у него были длиннее, чем в Индии. Черные шелковистые пряди упали ему на лоб, и он раздраженно отбросил их. Он выглядел крупнее и сильнее, чем я его помнила. Должно быть, питался лучше, чем раньше.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

Наконец я сказала:

– Значит… ты мой новый сосед.

– Да. – Он тихо вздохнул. – Я больше не могу оставаться вдали от тебя.

– Я не знала, что ты пытался это делать.

– Разве не об этом ты меня просила? Я старался с уважением отнестись к твоему желанию. Хотел дать тебе время подумать. Привести мысли в порядок. Прислушаться… к своему сердцу.

«У меня определенно было время подумать, – горько вздохнула я про себя. – К сожалению, мои мысли оказались в том же смятении, что и раньше. С тех пор как я уехала из Индии, я утратила способность рассуждать здраво. И я не прислушивалась к своему сердцу с того дня, когда проснулась рядом с Реном в Кишкиндхе. Я на долгие месяцы закрыла от себя голос своего сердца».

– Вот как. Значит, твои чувства… не изменились?

– Мои чувства стали еще сильнее, чем раньше.

Его синие глаза впились в мое лицо. Он снова провел рукой по волосам и подался вперед.

– Келси, каждый день, проведенный вдали от тебя, был для меня сплошной мукой. Я сходил с ума. Если бы мистер Кадам постоянно не занимал меня разными делами, я бы уже через неделю сел на самолет. День за днем я терпеливо исполнял его поручения, но ведь человеком я бываю только шесть часов в сутки. Превращаясь в тигра, я протоптал тропу в ковре своей спальни, часами мечась туда-сюда. Мистер Кадам даже приготовил охотничье ружье, чтобы выстрелить в меня транквилизатором, если я не успокоюсь. Но я не мог утихомириться. Я был словно в горячке, настоящий дикий зверь, сходящий с ума без своей… подруги.

Я вздрогнула и поерзала в кресле.

– Я сказал Кишану, что мне нужно постоянно тренироваться, чтобы вернуть себе боевые навыки. Мы целыми днями дрались, и как тигры, и как люди. Тренировались сражаться разным оружием, когтями, клыками, голыми руками. Пожалуй, драки с Кишаном были единственным, что спасало меня от безумия. Каждую ночь я падал на свой ковер, обливаясь кровью, вымотанный и выжатый до предела. И все равно я… я чувствовал тебя. Ты была на другом конце света, но я часто просыпался от твоего запаха. Я тосковал по тебе, Келс. Как бы сильно Кишан не молотил меня, боль утраты была намного страшнее. Ты снилась мне, я протягивал к тебе руки, но ты все время ускользала. Кадам твердил мне, что это к лучшему и что я должен многому научиться, прежде чем отправиться в Орегон. Наверное, он был прав, но я не желал его слушать.

– Но если ты так хотел быть со мной, то почему… почему ты мне не позвонил?

– Я хотел. Для меня было пыткой слышать твой голос каждую неделю, когда ты звонила Кадаму. Ведь я все время сидел рядом, ждал, что ты захочешь поговорить со мной, но ты ни разу не попросила позвать меня. А я не хотел на тебя давить. Я старался уважать твои желания. Хотел, чтобы ты сама захотела.

«Какая злая насмешка! Сколько раз я хотела позвать его к телефону, но таки не смогла заставить себя решиться на это!»

– Ты слушал все наши разговоры?

– Конечно. У меня отличный слух, не забыла?

– Ну да, конечно. Так что же… изменилось? Почему ты приехал?

Рен горько рассмеялся.

– Это все Кишан. Однажды мы дрались, и он лупил меня, как обычно. В последнее время я ему уже не соперник. Какое там, ведь я хотел только одного – чтобы он каждый день причинял мне боль! Это помогало. Внезапно Кишан остановился. Он обошел вокруг меня, внимательно разглядывая. А я просто стоял, скрестив руки, и ждал, когда он возобновит поединок. Наконец Кишан остановился передо мной, потер подбородок, отвел кулак назад и со всей силы врезал мне в лицо. Прямо в челюсть. А я не тронулся с места и принял удар. Даже не попытался закрыться. Тогда он снова замахнулся и ударил меня еще раз – на этот раз в живот. Я согнулся пополам, переждал боль, потом распрямился и снова встал перед ним, как ни в чем не бывало. Тогда Кишан зарычал на меня и вдруг стал орать.

– Что он сказал?

– Много чего, все больше такое, что я не стану повторять. Но смысл был тот, что я должен взять себя в руки и что если я настолько жалок, то… почему я не пошевелю задницей и не сделаю хоть что-нибудь.

– Ох…

– Он насмехался надо мной, он говорил, что великий принц Муджулайнской империи, верховный защитник народа, победитель Битвы ста колесниц и наследник трона повержен какой-то девчонкой. Сказал, что нет на свете более жалкого зрелища, чем тигр, трусливо зализывающий свои раны. Сначала его насмешки оставляли меня равнодушным. Но потом Кишан сказал, что нашим родителям было бы стыдно за меня. Что они вырастили не мужчину, а труса. Вот тогда я очнулся и принял решение.

– Ты решил приехать сюда.

– Да. Я решил, что мне необходимо быть рядом с тобой. Я

решил, что даже в том случае, если ты сможешь предложить мне только свою дружбу, я все равно буду счастливее, чем если останусь в Индии без тебя.

Рен встал, опустился передо мной на колени и взял мою руку в свои ладони.

– Я решил найти тебя, броситься к твоим ногам и умолять тебя о жалости. Клянусь, что приму любое твое решение, Келси. Только прошу, не отсылай меня обратно. Потому что… потому что я не могу.

Разве я могла остаться непреклонной? Слова Рена прорвались сквозь хрупкие барьеры, которые я возвела в своем сердце. Я думала, будто выстроила там заборы из колючей проволоки, но оказалось, что все мои колючки из мягкой пастилы. Рен с легкостью прошел через них. Он просто уткнулся лбом в мою ладонь, и мое зефирное сердце растаяло.

Я обняла его за шею, прижала к себе и прошептала на ухо:

– Индийскому принцу не годится вставать на колени и просить о чем бы то ни было. Хорошо. Оставайся!

Он вздохнул и крепче обнял меня.

Я невесело усмехнулась.

– Кроме всего прочего, мне совсем не улыбается иск от организации «Люди за гуманное обращение с животными» по поводу издевательства над тигром.

Рен тихонько рассмеялся.

– Подожди-ка, – попросил он и вышел в дверь, соединявшую наши половины дома. Вскоре он вернулся со свертком, перевязанным алой лентой.

Это была еще одна коробочка – длинная, узкая и черная. Я открыла ее и увидела внутри браслет. Тоненькая цепочка с овальным медальоном из белого золота. В медальоне хранились две фотографии – Рен-принц и Рен-тигр.

Я улыбнулась.

– Ты знал, что тигр мне тоже дорог.

Рен застегнул браслет у меня на запястье и вздохнул.

– Да. Хотя я немного ревную тебя к нему. Он проводит с тобой гораздо больше времени, чем я.

– Хм-м-м. Вообще-то, уже не так много, как раньше. Я скучаю по нему.

Он недовольно поморщился.

– Уверяю тебя, в ближайшие недели ты насмотришься на него вдоволь.

Его теплые пальцы коснулись моей щеки, и у меня тут же участился пульс. Он поднял мою руку к своим глазам, разглядывая браслет, и поцеловал тыльную сторону моего

запястья.

Лукавые искорки заплясали в его синих глазах.

– Значит, понравился?

– Да. Спасибо. Только… – Я помрачнела. – Я ничего тебе не подарила.

Он прижал меня к себе и обнял за талию.

– Ты подарила мне лучший в мире подарок. Ты подарила мне сегодняшний день. О большем я и мечтать не мог.

Я засмеялась и пошутила:

– Жаль, упаковка подкачала.

– Хм-м-м, а вот здесь ты права. Дай-ка я как следует тебя запакую.

Он схватил со спинки кресла бабушкино лоскутное одеяло и запеленал меня в него, как мумию. Я брыкалась и пищала, но он сгреб меня в охапку и водрузил себе на колени.

– А теперь давай немного почитаем, Келс. Я с нетерпением жду очередную пьесу Шекспира. В Индии я пытался прочесть одну самостоятельно, но у меня проблемы с произношением некоторых слов.

Я шумно откашлялась в своем коконе:

– Сам видишь, похититель мой, уж я не в силах шевельнуть рукой!

Он наклонился, чтобы потереться носом о мое ухо, и вдруг застыл, напрягшись.

– Кто-то пришел.

В следующую секунду в дверь позвонили. Рен вскочил, поставил меня на ноги и в мгновение ока вытащил из одеяла. Ошарашенная и растерянная, я застыла посреди комнаты. Потом вспыхнула от смущения и зашипела:

– Куда подевался твой тигриный слух?

Он ухмыльнулся.

– Я отвлекся, Келс. Не суди меня так строго! Ты кого-то ждешь?

И тут до меня дошло.

– Ли!

– Ли?

Я сморщилась.

– У нас… свидание.

Глаза Рена потемнели, он тихо повторил:

– У тебя свидание?

– Да! – с запинкой ответила я.

Мои мысли лихорадочно метались между мужчиной, стоявшим передо мной, и тем, что ждал за дверью.

«Рен вернулся, но что это означает? Что мне теперь делать?»

Звонок прозвенел еще раз. Ладно, вопросы вопросами, но не могла же я вечно держать Ли за дверью!

Я повернулась к Рену и объяснила:

– Я должна идти. Прошу тебя, останься здесь. В холодильнике найдешь все, что нужно для приготовления сэндвичей, перекуси. Я вернусь поздно. Пожалуйста, потерпи, ладно? И еще… ты… не злись.

Рен скрестил руки на груди и прищурился.

– Хорошо, если ты так хочешь.

Я с облегчением перевела дух.

– Спасибо. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

Сунув ноги в ботинки, я схватила со столика коллекцию дисков, купленных в подарок Ли. Рен, поджав губы, помог мне надеть новое белое пальто и ушел на кухню. Там он прислонился к стойке и застыл, скрестив руки на груди и сощурив глаза. Я одарила его жалкой молящей улыбкой и бросилась к двери.

Мне было немного стыдно за то, что для Ли у меня есть подарок, а для Рена нет, но я быстро заставила свою совесть заткнуться и распахнула дверь с таким видом, будто ничего необычного не произошло.

– Привет, Ли!

– С Рождеством, Келси, – сказал он, даже не подозревая о том, что в моей жизни снова все встало с ног на голову.

Наше свидание прошло совсем не так, как было задумано. Мы договорились сходить на очередной фильм о боевых искусствах, после чего отправиться на праздничный ужин к бабушке Чжи. Но настроение у меня испортилось, я не могла думать ни о чем, кроме Рена. Как я ни старалась, мне никак не удавалось сосредоточиться на Ли – или на чем-нибудь еще.

– Что с тобой, Келси? Ты такая молчаливая.

– Ли, ты не будешь против, если мы пропустим кино и пораньше поедем на ужин? Мне… мне сегодня нужно сделать кучу звонков. Поздравить всех с Рождеством, ну, ты понимаешь.

Ли явно огорчился, однако принял удар со своей обычной стойкостью:

– Вот как… Да, конечно! Не вопрос.

Строго говоря, это была не вполне ложь. Я действительно собиралась позвонить мистеру Кадаму вечерком, но этот довод не мог успокоить мою нечистую совесть.

В доме у бабушки Чжи игровой марафон был в самом разгаре. Я села играть, но была так рассеяна, что постоянно ошибалась в стратегии, да так грубо, что даже ребята не удержались от комментариев.

– Что с тобой сегодня, Келси? – поинтересовался Вэнь. –

Раньше ты никогда не спускала мне такой ход.

Я улыбнулась ему.

– Не знаю. Наверное, всему виной рождественская меланхолия.

Я жестоко проигрывала, поэтому Ли взял меня за руку и увел в гостиную открывать подарки. Мы с ним обменялись дарами и одновременно открыли их.

Сняв оберточную бумагу, мы долго и от души хохотали. Оказалось, что мы купили друг другу совершенно одинаковые диски. Отсмеявшись, я почувствовала, что на душе у меня немного полегчало.

– Получается, мы с тобой оба любим фильмы о боевых искусствах, – хихикнул Ли.

– Прости, Ли. Мне следовало придумать что-нибудь получше.

Но он продолжал смеяться.

– Даже не думай расстраиваться! Это хороший знак. Бабушка Чжи сказала бы, что в Китае это считается добрым предзнаменованием. Это означает, что мы с тобой сочетаемся друг с другом!

– Да, – задумчиво протянула я. – Пожалуй.

После ужина мы вернулись к игре, и я продолжала машинально делать ходы, раздумывая о словах Ли. Во многом он был совершенно прав. Мы с ним в самом деле были во многом схожи и, вероятно, подходили друг другу гораздо больше, чем мы с Реном. Мы с Ли были, как Сара и Майк, обычные люди, обычная семья. А Рен… Рен – нет. Он был бессмертным и роскошным. Слишком прекрасным, слишком идеальным.

Я с легкостью могла представить себе свое будущее с Ли. Крепкая семья, милая, уютная и размеренная жизнь. Он станет врачом, обзаведется практикой в пригородах. У нас будет двое ребятишек и ежегодные каникулы в Диснейленде. Наши дети будут заниматься ушу и гонять в футбол. Мы будем отмечать праздники с бабушкой и дедушкой Ли и приглашать всех его друзей с женами на барбекю.

Представить жизнь с Реном было гораздо сложнее. У меня не было ощущения, что мы с ним принадлежим друг другу. Это было все равно что женить Кена на принцессе Клубничке. Ему нужна Барби. «Что Рен будет делать в Орегоне? Найдет себе работу? Купит таймшер в каком-нибудь природном заповеднике, чтобы работать главной достопримечательностью на выходных?» Нет, бессмыслица какая-то. С другой стороны, я больше не могла игнорировать свои чувства к Рену.

Как ни больно было это признавать, но мое мятежное сердце тосковало по нему. И как бы я ни старалась уверить себя в

чувствах к Ли, меня постоянно тянуло к Рену, и только к нему. Мне нравился Ли. Возможно, когда-нибудь я бы даже смогла его полюбить. И я совсем не хотела причинить ему боль. Это было несправедливо.

«Ну и что же мне теперь делать?»

Мы кое-как поиграли еще часок, после чего Ли отвез меня домой. Было еще рано, когда он остановился на дорожке перед моим домом. Я посмотрела в окно, ожидая увидеть знакомую тень, но там никого не было. Дом был погружен во тьму. Ли проводил меня до дверей.

– Постой-ка, или это обман зрения, или здесь в самом деле висит настоящая омела? – спросил он, сжимая мой локоть.

Я посмотрела на венок из омелы и вспомнила свое решение поцеловать Ли. Казалось, все это было сто лет назад.

«Теперь все изменилось. Или нет? Но как же Рен? Неужели мы с ним сможем остаться просто друзьями? Может, стоит рискнуть всем на свете и попытать счастья с ним? Или все-таки пристать к надежному берегу вместе с Ли? Что выбрать?»

Я очень долго молчала, а Ли терпеливо ждал моего ответа. Наконец я посмотрела на него и сказала:

– Да. Она самая.

После чего положила ладонь ему на щеку и поцеловала в губы. Это оказалось очень приятно. Ничего похожего на страстный поцелуй, который я запланировала, но Ли все равно был счастлив. Он робко дотронулся до моего лица, тут же отдернул руку и улыбнулся. Его прикосновение тоже было приятным. Безопасным. Но совершенно не похожим на то, что я испытывала с Реном. Поцелуй Ли был все равно что песчинка по сравнению с Вселенной, капля воды рядом с ревущим водопадом, снежинка перед Эверестом.

«Как же ты сможешь прожить жизнь с такой посредственностью, зная, что своими руками отвергла нечто исключительное? Наверное, научишься по-настоящему ценить воспоминания!» – съехидничал внутренний голос.

Я повернула ключ в замке и приоткрыла дверь.

Счастливый Ли крикнул:

– Доброй ночи, Келси! До понедельника!

Я посмотрела, как он отъезжает, и вошла в дом, где меня ждал индийский принц.

6
Выбор

Я перешагнула порог, закрыла за собой дверь и подождала, когда глаза привыкнут к темноте. Стояла и думала, здесь ли Рен и стоит ли обсуждать с ним то, что случилось.

Войдя в гостиную, я ахнула от неожиданности, увидев белого и синеглазого тигра, вальяжно развалившегося на кожаном диване. Рен поднял голову – и заглянул мне в душу.

Слезы навернулись мне на глаза. До сих пор я даже не представляла, как сильно тосковала по этой его ипостаси, по моему мохнатому другу. Я присела на корточки перед диваном, обняла тигра за шею и разразилась потоком крокодиловых слез, которые сбегали у меня по щекам прямо в мягкую белую шерсть. Я похлопывала его по голове и гладила по спине. Рен был здесь. Наконец-то он был со мной. Я больше не была одна. Внезапно я поняла, что он точно так же страдал, оставшись без меня на все эти долгие месяцы.

Я подавила приступ рыданий.

– Ах, Рен, я… Я так по тебе скучала! Так хотела поговорить с тобой! Ведь ты мой лучший друг. Просто я считала, что не имею права лишать тебя выбора. Ты можешь меня понять?

Поскольку я продолжала обнимать его за шею, то сразу почувствовала начавшиеся изменения. Тигриное тело стало превращаться, и вот уже крепкие мужские руки обняли меня, и я очутилась у Рена на коленях. Его белая рубашка насквозь промокла от моих слез.

Он прижал меня к себе и сказал:

– Я тоже скучал по тебе, *йадала*. Больше, чем ты думаешь. И да, я понимаю, почему ты решила уехать.

– Правда? – промямлила я в его рубашку.

– Да. Но я хочу, чтобы ты тоже кое-что поняла. Ты не лишала меня выбора, Келси. Ты – мой выбор.

Я шмыгнула мокрым носом.

– Но, Рен…

Он положил мою голову себе на плечо.

– Этот молодой человек, Ли. Ты его целовала?

Я молча кивнула, не отрывая голову от его груди. Какой смысл отрицать? Я знала, что он все слышал через дверь.

– Ты его любишь?

– Я уважаю его и ценю как друга, он мне очень нравится, но нельзя сказать, что я от него без ума. По крайней мере, пока.

– Зачем же тогда ты его целовала?

– Я его поцеловала, чтобы… Наверное, чтобы сравнить. Чтобы разобраться, что чувствую к нему на самом деле.

Рен поднял меня и пересадил на диван рядом с собой. Похоже, ему хотелось поговорить об этом, но я никак не могла взять в толк почему. Я ожидала, что он будет на меня сердиться, но он оставался совершенно спокойным.

– Значит, свидания – это твой способ узнать человека?

– Да, – неуверенно ответила я.

– Это первое свидание или были еще?

– Ты имеешь в виду, с Ли? – уточнила я.

Он вздернул бровь.

– А есть и другие?

– Да, – насупилась я.

– И сколько их?

– Всего трое – Ли, Джейсон и Арти. Хотя Арти можно не считать. Рен, к чему все эти расспросы? Чего ты добиваешься?

– Просто интересуюсь современными ритуалами в области знакомств. И чем ты занимаешься на этих своих свиданиях?

– Хожу в кино, ужинаю, один раз была с Ли на свадьбе, ходила на световое шоу с Джейсоном.

– И ты целуешься со всеми тремя?

– Нет! Я целовала только Ли, да и то сегодня в первый раз.

– Значит, этот Ли нравится тебе больше других, – задумчиво пробормотал Рен себе под нос. Потом повернулся ко мне и взял меня за руку. – Келси, я думаю, тебе нужно продолжать встречаться с ними.

Я только рот разинула.

– Что?

– Серьезно. Я думал об этом все время, пока тебя не было. Ты говорила о том, что хотела дать мне выбор. Я свой сделал, а ты, как мне кажется, еще нет.

– Рен, ты спятил? О чем ты вообще говоришь?

– Встречайся с Ли, с Джейсоном и с кем захочешь. Даю слово, что не буду тебе мешать. Единственное, чего я хочу, – это чтобы у всех были равные шансы. Я тоже хочу с тобой встречаться.

– Мне кажется, ты просто не понимаешь, о чем говоришь! Я не могу вечно встречаться с тремя или четырьмя молодыми людьми. Смысл свиданий в том, чтобы выбрать из всех вариантов тот, который тебе больше всего подходит!

Рен покачал головой.

– Нет, Келси. Смысл свиданий в том, чтобы выбрать того, кого ты любишь.

Этого я уже не могла стерпеть.

– Ну и что, даже если так? Я не могу просто подойти к Ли и сказать: «Привет, Ли! Кстати, тут Рен вернулся, надеюсь, ты не возражаешь, если я буду встречаться с вами обоими?»

Он только плечами пожал.

– Если твой Ли не готов к честному состязанию, тебе полезно заранее узнать об этом. И потом, если ты можешь встречаться с ним и с другими, то почему нельзя включить в список меня?

– Как ты не понимаешь, что это безумно осложнит мои тренировки по ушу!

– Почему это?

– Потому что он мой тренер!

Рен ухмыльнулся.

– Вот и замечательно. Значит, я тоже в деле. Очень хочу познакомиться с ним, к тому же мне все равно нужны тренировки.

– Послушай, Рен, это класс для новичков. Ты уже перерос этот уровень, к тому же я не желаю, чтобы ты дрался с Ли. И вообще не хочу, чтобы ты приходил в класс!

– Но я буду вести себя паинькой. – Он склонил голову набок и умильно заглянул мне в глаза. – Или ты боишься, что твой выбор сразу окажется в мою пользу?

– Нет! – раздраженно прошипела я. – Я гораздо больше опасаюсь того, что ты прихлопнешь его, как жука!

– Разве я способен на такое, Келси? Даже если допустить, что мне бы этого хотелось, это вряд ли лучший способ добиться твоей благосклонности. Даже я это понимаю. Ну что, будешь со мной встречаться?

– Для меня это будет… тяжело.

– Почему? Только прошу тебя, больше не надо рассказывать мне про редиску. Это просто глупо. Почему со мной тебе встречаться труднее, чем с другими?

– Потому что, – очень тихо ответила я. – Потому что, если у нас с тобой ничего не получится, я потом уже никогда не смогу быть с другими.

Он поцеловал мои пальцы, заглянул в глаза и сказал:

– *Йадала*, я никогда тебя не оставлю. Всегда буду рядом. Дай мне шанс, Келс. Пожалуйста.

Я вздохнула, обреченно глядя в его прекрасное лицо.

– Ладно. Давай попробуем.

– Спасибо! – Он откинулся на спинку дивана, довольный собой. – Я просто хочу все сделать правильно. Так что относись ко мне так же, как к остальным своим кавалерам.

«Ну да, конечно. Какие могут быть проблемы? Просто относись к самому прекрасному и замечательному человеку на земле, который совершенно случайно оказался индийским

принцем, превращенным в тигра, как к самому обыкновенному молодому человеку. Да любой нормальной девушке – даже не знающей о нем всего, что знаю я, – достаточно один раз взглянуть на него, чтобы понять: он какой угодно, только не обыкновенный!»

Через несколько минут он наклонился и чмокнул меня в щеку.

– Спокойно ночи, *раджкумари*. Я завтра позвоню.

На следующее утро телефонный звонок раздался немного раньше, чем я ожидала. Рен пригласил меня на ужин, то есть на наше первое официальное свидание.

Я сонно зевнула.

– И где ты хочешь поесть?

– Понятия не имею. Что ты посоветуешь?

– Вообще-то молодой человек обычно выбирает место до того, как звонит, но я, так и быть, готова закрыть на это глаза, учитывая, что ты пока новичок в свиданиях. Ладно, я знаю, куда можно пойти. Одежда повседневная, зайди за мной в половине шестого. Впрочем, можешь и до этого заглянуть, если хочешь.

– До половины шестого, Келс.

Большую часть дня я прослонялась по дому, тоскливо глядя на смежную дверь, но Рен упрямо отсиживался на своей половине. Я даже напекла печенья с шоколадной крошкой, надеясь выманить его на запах, но все оказалось тщетно.

Ровно в пять тридцать он постучал в мою входную дверь. Когда я открыла, он вручил мне одну розовую розу и протянул руку. Одет он был, как всегда, возмутительно элегантно, особенно для обычного свидания – в темно– серую полосатую рубашку с длинным рукавом и стеганый жилет на пуху.

Когда мы вышли, Рен открыл мне дверь «хаммера». Меня обдало теплым воздухом из вентиляторов, а Рен обхватил меня за талию, поднял и посадил в кресло. Убедившись, что я как следует пристегнулась, он спросил:

– Ну, куда едем?

– Я покажу тебе гордость нашего северо-запада. Едем в «Бургевиль».

По дороге Рен рассказывал мне о том, чему он научился за последние месяцы, включая вождение. Он позабавил меня смешной историей о Кишане, который въехал на джипе в фонтан, после чего мистер Кадам строго-настрого запретил ему приближаться к своему «роллс-ройсу».

– Мне кажется, на свете нет такого предмета, которому Кадам

не учил меня в эти месяцы, – говорил Рен. – Под его руководством я штудировал мировую политику, историю, финансовое дело и бизнес. Как выяснилось, наше долголетие вкупе с мудрыми инвестициями мистера Кадама дало свои плоды. Мы довольно богаты.

– Насколько богаты?

– Достаточно, чтобы управлять собственной страной.

Я даже рот разинула.

А Рен продолжал как ни в чем не бывало:

– Оказывается, на протяжении столетий наш мистер Кадам не терял времени даром, а налаживал деловые знакомства по всему миру. Личные связи – это очень важный ресурс, а ты себе даже представить не можешь, сколько важных шишек в долгу у нашего Кадама.

– Важных шишек? Каких, например?

– Генералы, председатели правлений, политики всех более-менее солидных мировых стран, члены королевских семей и даже религиозные лидеры. Говорю тебе, он человек со связями! Знаешь, даже если бы я все эти столетия не был тигром, а проводил все свое время с Кадамом, то все равно не смог бы даже близко сравниться с ним по широте и глубине познаний. Он и раньше был блестящим советником моего отца, но теперь его без преувеличения можно назвать гением. Мы с Кишаном никогда в жизни не сможем должным образом отблагодарить его за преданность нашей семье. Ты не представляешь, как бы я хотел найти достойный способ выразить ему свою благодарность.

Когда мы припарковались перед рестораном и Рен подал мне руку, я оперлась на нее и сказала:

– Бессмертие имеет свою цену, Рен. Мне кажется, мистер Кадам очень одинок. Как и вы с Кишаном. Жизнь свела вас вместе, сплотила, сделав одной семьей. Никто не поймет того, через что тебе пришлось пройти, лучше, чем Кишан и мистер Кадам. Я думаю, лучший способ воздать мистеру Кадаму должное – это отплатить ему той же преданностью. Он относится к вам с Кишаном как к сыновьям, а для любого отца нет большей радости, чем вырастить сына, которым можно гордиться.

Рен остановился, улыбнулся и поцеловал меня в щеку.

– Ты очень мудра, *раджкумари*. Ты дала мне прекрасный совет.

Когда подошла наша очередь в «Бургевиле», Рен заказал семь гигантских сэндвичей, три порции жареной картошки, большую газировку и огромный черничный коктейль. Когда девушка спросила, не нужно ли упаковать ему все это с собой, Рен затряс головой и смущенно признался, что будет есть в ресторане. Я со

смехом сказала девушке, что мой спутник очень проголодался.

Возле автомата с напитками Рен перепробовал все вкусы и остановился на рутбире. Наблюдать за тем, как он открывает новые для себя вкусы и блюда, было невероятно увлекательно.

За ужином мы болтали об университете, о моих незадавшихся поисках информации для мистера Кадама, о загадочных крылатых существах и еще более загадочных четырех домах. Я также рассказала ему о Джейсоне и о своем кошмарном свидании с Арти. Рен нахмурился и заметил, что не понимает, почему девушки вообще соглашаются на свидания с подобными типами.

– Ну, можно сказать, что он измором заставляет девушек давать согласие, – объяснила я. – Он просто чудовищный эгоист и зациклен на своей персоне!

– Хм. – Рен развернул последний сэндвич и принялся жевать, размышляя над моими словами.

Я рассмеялась.

– Насытился, Тигр? Будет обидно, если у тебя не останется места для черничного коктейля. Он здесь лучший в штате.

Он вытащил чистую соломинку и воткнул ее в стаканчик.

– Давай пополам, а?

Я отпила глоточек, а Рен перегнулся через стол и в один присест высосал треть стакана. Потом поднял глаза и ухмыльнулся.

– Кажется, ты клялась никогда в жизни не делиться со мной молочным коктейлем?

Я изобразила искреннее возмущение.

– О, нет! Как я могла забыть? Ну ладно, этот не считается. Ведь в тот раз я обращалась к твоей лучшей, тигриной половине. Так что мое обещание остается в силе.

– Не юли, ты изменила своему слову! К тому же моя тигриная половина вовсе не лучшая. Следовательно, у меня есть все основания усомниться в твоей правоте!

После ужина мы поехали в ближайший парк и решили немного прогуляться.

– Можно мне взять тебя за руку на первом свидании? – поинтересовался Рен.

– Да ты же всегда держал меня за руку!

– Но не на свидании.

Я закатила глаза, но дала ему руку. Мы немного побродили по парку, и он расспрашивал меня об Америке, ее истории и культуре. С ним было очень легко разговаривать. Его все удивляло и восхищало.

Мы остановились возле пруда. Рен сел, привлек меня к себе и

обнял за плечи.

– Просто беспокоюсь, как бы ты не замерзла, – с готовностью выпалил он, поймав мой выразительный взгляд.

Я прыснула.

– Эта уловка стара, как мир, мистер Тигр!

В ответ он расхохотался и коснулся губами моего уха.

– Неужели? Не подскажешь, какие еще уловки можно испробовать на тебе?

– Будет честно, если ты выяснишь это самостоятельно.

Но несмотря на мой шутливый тон, мне было тепло и уютно рядом с ним, и мы просидели так несколько часов, разговаривая и любуясь лунным светом на воде.

Рена интересовало все, чем я занималась после отъезда из Индии. Он хотел увидеть Серебряный водопад, съездить на шекспировский фестиваль, сходить в кино и посетить все городские рестораны. После того как он выпытал у меня полный список всех достопримечательностей и развлечений Орегона, наш разговор переменился.

Он теснее прижал меня к себе и шепнул:

– Я скучал по тебе.

– Я тоже скучала по тебе.

– Все переменилось после твоего отъезда. Сама жизнь ушла из нашего дома. Все это почувствовали. Не только я скучал по тебе, Келс. Даже Кадам сник. Кишан твердил, что современный мир ничего не может ему дать, и постоянно грозил уехать от нас. Но однажды я поймал его за тем, что он подслушивал твой телефонный разговор с Кадамом.

– Я не хотела осложнять вам жизнь. Совсем наоборот, я надеялась, что без меня все станет проще. Что тебе будет легче вернуться в мир.

– Ты не осложнила мою жизнь. Ты ее упростила. Когда ты рядом, я точно знаю, где мое место – оно возле тебя. Когда ты уехала, я мог лишь метаться кругами. Моя жизнь потеряла точку опоры. Разбалансировалась.

– Выходит, я твой риталин?

– Что, прости?

– Это такое лекарство, помогает людям сосредоточиться.

– Похоже на то. – Он встал, подхватил меня и сказал: – И не забывай, что я нуждаюсь в частом употреблении этого снадобья!

Я рассмеялась и чмокнула его в щеку. Он обнял меня за плечи и повел к «хаммеру».

Мне было хорошо. Впервые за эти месяцы я чувствовала себя цельной, спокойной и счастливой.

Проводив меня до дверей, Рен сказал:

– *Шубхаратри*, Келс.

– Что это значит?

Он одарил меня ослепительной, подкашивающей ноги улыбкой и запечатлел долгий-долгий поцелуй на моей ладони.

– Это значит – спокойной ночи.

Смущенная и слегка разочарованная, я отправилась спать.

Смущение и легкое разочарование стали постоянными спутниками моих свиданий с Реном. Я хотела, чтобы он проводил со мной гораздо больше времени, но Рен твердо вознамерился следовать ритуалу так называемого традиционного ухаживания. Это означало, что я была предоставлена сама себе, за исключением тех вечеров, когда у нас было назначено свидание. Более того, он мне даже в образе тигра не показывался!

Каждый день он звонил и спрашивал, свободна ли я. Затем он приглашал меня в кино, на ужин, выпить горячего шоколаду в городе или наведаться в книжный магазин. Когда он решал, что свидание окончено, то прощался и уходил. Полностью исчезал, так что я до конца дня не видела даже тени его полосатой личности. А еще он отказывался меня целовать, заявляя, что не желает пользоваться нечестным преимуществом. И хотя он все время был за стеной от меня, я изводилась от тоски по нему.

Мы начали вместе читать «Отелло», и Рену очень нравился мавр, пока тот не попался на обман Яго.

– Отелло погубил свою жизнь и жизнь Дездемоны так же, как это сделал Ромео, – задумчиво сказал он. – Он не доверял своей жене. Ему было достаточно лишь спросить ее о том, куда подевался платок или что она испытывает к Кассио, и он бы немедленно узнал правду!

– Отелло и Дездемона очень мало знали друг друга, – возразила я. – Возможно, они не любили друг друга по-настоящему. Может быть, единственное, что их связывало – это его рассказы и увлекательные приключения. В этом он, кстати, похож на тебя.

Рен лежал, положив голову мне на колени. Какое-то время он задумчиво перебирал мои пальцы, а потом неуверенно спросил:

– Ты поэтому со мной, Келси? Из-за приключений? Тебе скучно сидеть в гостиной и читать книги, ты мечтаешь путешествовать по Индии, искать магические талисманы и сражаться с демонами?

Я серьезно задумалась над его словами.

– Нет. Мне просто нравится быть с тобой, даже если мы всего лишь едим попкорн и читаем.

Он довольно хрюкнул и поцеловал мои пальцы.

– Это хорошо.

Я начала читать дальше, но он вскочил и потащил меня на кухню, поскольку ему вдруг приспичило научиться делать попкорн в микроволновке.

Однажды вечером я настолько истосковалась по своему тигру, что решила увидеть его без всякого свидания. Я постучалась в нашу смежную дверь и, не получив ответа, вошла в гостиную Рена. Если бы не куча неоткрытых посылок на комоде, дом казался бы нежилым. Я решила подняться наверх.

– Рен? – позвала я, но никто не ответил.

«Куда же он подевался?» – подумала я, просовывая голову в кабинет. Его ноутбук был включен, на экране виднелись три открытых окна.

Усевшись в удобное кожаное кресло, я быстро выяснила, что первая вкладка оказалась сайтом очень дорогого модного магазина одежды, а вторая – описанием различных ритуалов ухаживания разных эпох. В третьей вкладке была электронная переписка с мистером Кадамом. Сначала мне было немного неловко заглядывать в чужие письма, но они оказались такими короткими, что я опомниться не успела, как все прочитала.

От: masteratarms@rajaracorp.com
Кому: whttgr@rajaramcorp.com
Тема: Документы
Рен,
Оформление документов закончено.
Кадам

От: masteratarms@rajaracorp.com
Кому: whttgr@rajaramcorp.com
Тема: Передислокация
Рен,
По твоей просьбе прикрепляю файл на случай крайней необходимости.
Кадам

Документы? Какие такие документы? Что они там затевают у меня за спиной? Я навела курсор на прикрепленный файл. Удерживая палец на правой кнопке мыши, я задумалась, не слишком ли далеко захожу в своем любопытстве, как вдруг негромкий голос Рена заставил меня подскочить от неожиданности.

– Тебе не кажется, что принято спрашивать разрешения,

прежде чем совать свой нос в чужую переписку?

Я свернула окно и резко вскочила из-за стола. Он стоял в дверях кабинета, небрежно привалившись плечом к косяку и скрестив на груди руки.

– Я… я просто искала тебя и… немного отвлеклась, – промямлила я.

– Ну да. – Он подошел к столу, спокойно закрыл ноутбук и оперся бедром на стол, внимательно разглядывая меня. – Можно сказать, ты нашла больше, чем искала.

Несколько секунд я виновато разглядывала свои шнурки, пока не отыскала в душе искру раздражения, которая помогла погасить всякие следы раскаяния. Я с вызовом вскинула голову.

– Ты от меня что-то скрываешь?

– Нет.

– Хорошо, спрошу по-другому: происходит что-то важное, о чем ты мне не рассказываешь?

– Нет, – спокойно повторил он.

– Поклянись, – тихо потребовала я. – Дай королевское слово.

Он взял мои руки в свои, заглянул мне в глаза и сказал:

– Я даю тебе слово принца империи Муджулайн, что тебе не о чем беспокоиться. Если хочешь, спроси Кадама. – Он наклонился чуть ближе. – Но я очень хочу, чтобы ты мне доверяла, Келси. Поверь, я никогда не обману твое доверие.

– Только попробуй! – прошипела я, для пущей убедительности ткнув его кулаком в грудь.

Рен поднес мои пальцы к губам, и загадка писем мгновенно потеряла для меня всю свою важность.

– Не буду, – тихо поклялся он и, не дав мне опомниться, выпроводил за дверь.

Романтический туман рассеялся, и мне осталось только злиться и раздраженно бурчать себе под нос, что у него появились от меня секреты и что он вьет из меня веревки одним небрежным прикосновением.

В следующий после Рождества понедельник начались занятия ушу, а я так и не сумела придумать, что сказать Ли. Рен согласился пропустить этот урок, чтобы я могла поговорить с Ли наедине. На протяжении всего занятия я никак не могла сосредоточиться и только делала вид, что отрабатываю позиции рук. Я даже названия позиций не смогла запомнить! В памяти остались только какие-то когти орла или обезьяны.

После занятий настало время расхлебывать заваренную кашу. «И что я ему скажу? – терзалась я. – Он же меня возненавидит!»

– Ли, я хотела поговорить с тобой.

– Конечно, – улыбнулся он.

Он был счастлив и беспечен – в отличие от меня. Я так нервничала, что мне пришлось усесться себе на руки, чтобы они перестали дрожать.

Ли вытянул свои длинные ноги поперек мата и привалился спиной к стене.

Отпив большой глоток воды из бутылки, он вытер губы и спросил:

– В чем дело, Келси?

– Э-э-э… Честно говоря, я понятия не имею, как об этом сказать, поэтому вывалю как есть. Рен вернулся.

– О! Я так и думал, что он рано или поздно появится. Мне было ясно, что он не сможет навсегда расстаться с тобой! Значит, ты даешь мне отставку, – сухо и буднично добавил он.

– Ох, нет, то есть не совсем. Рен не возражает, чтобы я продолжала встречаться с тобой, но он тоже хочет приглашать меня на свидания.

– Что?! Да какой мужчина захочет… стой, погоди… значит, ты меня не бросаешь?

Я бросилась объяснять:

– Нет. Но я пойму, если ты не захочешь больше видеться со мной. Понимаешь, Рен считает, что я должна какое-то время встречаться с вами обоими, а потом сделать свой выбор.

– Что ж, это очень… спортивно с его стороны. А ты-то сама как считаешь?

Я дотронулась до его руки.

– Я согласна попробовать, но я сказала ему, что встречаться с двумя молодыми людьми одновременно у нас не очень принято и что ты никогда на это не пойдешь.

– И что он ответил?

Я вздохнула.

– Сказал, что если ты не готов к честному состязанию, то мне будет полезно узнать об этом.

Ли стиснул кулаки.

– Если он думает, что я сниму шляпу и уступлю ему место, то он ошибается! Хорошо, пусть будет честное состязание!

– Ты что, шутишь? Издеваешься надо мной?

– Дедушка учил меня, что в любом состязании нужно первым делом определить цель, а затем бороться за ее достижение, так что я никогда не уступлю без боя. Молодой человек, который не способен ни найти девушку, с которой он хочет быть, ни постараться ее добиться, не достоин ее.

Я опустила глаза. Рен и Ли принадлежали к разным эпохам, их разделяли столетия, но сделаны они были из одного теста.

Тем временем Ли продолжал:

– Значит, он здесь, в городе?

– Не совсем, – выдавила я. – Он мой сосед.

– Вот как, – процедил Ли. – В таком случае у него есть существенное преимущество передо мной!

– Такое впечатление, будто вы собираетесь брать штурмом укрепленный замок, – процедила я.

Но Ли то ли не расслышал мое замечание, то ли намеренно пропустил его мимо ушей. Погрузившись в свои мысли, он рассеянно поднял меня с мата и повел к машине.

Когда он наклонился к моему опущенному окну, я быстро выпалила:

– Да, кстати, он тоже хочет ходить на ушу.

Ли хлопнул в ладоши и рассмеялся.

– Замечательно! Вот и посмотрим, что он за фрукт! Приводи его завтра. Передай ему, что ради такого случая я отказываюсь от платы за урок.

– Послушай, Ли, вообще-то он не на моем уровне…

– Это еще лучше! Новичку всегда есть чему поучиться.

– Нет. Ты не понял. Он…

Но Ли вдруг наклонился и заткнул мне рот поцелуем. Потом выпрямился, самодовольно ухмыльнулся и захлопнул мою дверцу прежде, чем я успела что-то добавить. Взмахнув рукой на прощание, он скрылся в темноте студии.

На следующий вечер я нашла в холодильнике на бутылке с апельсиновым соком записку, выведенную каллиграфическим почерком:

> Из всех видов осторожности осторожность в любви наиболее губительна для подлинного счастья.
>
> *Бертран Рассел*

Я вздохнула, сорвала записку с бутылки и спрятала в свой дневник. Поскольку Рен не проявлял никакого желания общаться со мной за рамками официальных свиданий, мне пришлось самой позвонить ему. Я сообщила, что он может посещать занятия ушу, прибавив все, что я думаю об этой затее. Он отмахнулся от моих сомнений, сказал, что считает Ли прекрасным соперником и с нетерпением ждет встречи.

Клокоча от досады, я оставила попытки переубедить его и бросила трубку. Рен несколько раз перезвонил, но я решила проявить твердость, поэтому не стала подходить к телефону, а отправилась принимать ванну с пеной. Вечером Рен выгнал из

гаража свой «хаммер» и зашел за мной. Неужели он не понимал, что я очень, просто очень не хотела находиться в одном помещении с ним и Ли? Какое счастье, что нам не преподавали уроки единоборств с оружием!

Рен улыбнулся до ушей.

– Готова? Мне не терпится приступить к первому занятию!

Мое мрачное молчание, похоже, нисколько его не обескуражило, и он всю дорогу беспечно болтал о своих первых занятиях в университете.

Мы опоздали на несколько минут. Тренировка уже началась, и Дженифер вовсю разминалась в нашем уголке. Рен уверенно вошел в зал следом за мной. Не поднимая глаз, я торопливо прошла на свое место, швырнула сумку на пол и сбросила куртку.

Потом украдкой покосилась на Дженифер, которая растягивала ноги, сидя на полу. Она застыла с поднятой ногой, уставившись на Рена. Глаза у нее округлились, грозя выкатиться из обрит. Ли тоже посмотрел поверх моей головы на Рена, который без тени смущения встретил его взгляд и принялся заинтересованно разглядывать в ответ, словно выискивал слабые места.

Затем Рен снял свою куртку, чем исторг слабый стон у Дженифер, которая уже не могла отвести глаз от его золотисто-бронзовых бицепсов. Идеально сидящая борцовка подчеркивала великолепно развитую мускулатуру рук и груди Рена.

Не выдержав, я тихо зашипела:

– Ради всего святого! Ты доведешь женщину до инфаркта.

Он непонимающе приподнял брови.

– О чем ты говоришь, Келс?

– Ты! Да ты… Ты просто… – Я раздраженно смолкла. – Неважно. Делай, что хочешь!

Я откашлялась и сказала:

– Прошу прощения, Ли. Позвольте представить вам моего гостя, его зовут Рен. Он приехал к нам из Индии.

Дженифер разинула рот, превратившийся в огромную беззвучную букву «О».

Ли вопросительно посмотрел на меня, а затем вернулся к своим обязанностям. Он продемонстрировал нам махи ногами и разные позиции и заметно разозлился, убедившись, что Рен знает все нужные движения. Тогда Ли велел нам работать в парах, причем Рена поставил с Дженифер, а сам стал тренироваться со мной.

Рен добродушно улыбнулся Дженифер, и та вся вспыхнула, от пяток до корней волос. Мы отрабатывали зажимы. Сначала Ли перед всем классом продемонстрировал прием на мне, после чего

попросил всех повторить его в парах. К этому времени Рен уже запросто болтал с Дженифер и очень бережно помог ей выполнить упражнение, дав по ходу несколько советов и подсказок. Просто удивительно, как быстро ему удалось расположить ее к себе. Он был сама предупредительность, дружелюбие и обворожительность. Когда Дженифер довольно неуклюже провела зажим, Рен театрально рухнул на мат и стал с таким удрученным видом потирать шею, что она покатилась со смеху.

Глядя на них, я с невольной улыбкой подумала: «Да-да, на меня он действует точно так же!» Впрочем, я была рада, что Рен так мило ведет себя с моей подругой. Внезапно я очутилась на спине, ошеломленно уставившись в люминесцентные лампы на потолке. Оказывается, пока я считала ворон, любуясь Реном и Дженифер, Ли швырнул меня на маты. Правда, я не столько ударилась, сколько растерялась. Зато увидела, как решительное выражение на лице Ли сменилось настоящим испугом.

– Прости меня, Келси. Ты ушиблась? Я не хотел…

Не успел он закончить свои извинения, как подлетел в воздух и приземлился через несколько матов от меня. Рен бросился на колени рядом со мной.

– Он сделал тебе больно, Келс? Ты цела?

Сгорая от стыда и злости, я зашипела:

– Рен! Я в порядке! Ли ничего мне не сделал. Я просто была недостаточно внимательна. Это бывает.

– Ему следует быть осторожнее, – процедил Рен.

Я еще тише прошептала:

– Со мной все в порядке. И вообще, в чем дело? Неужели обязательно было швырять его через весь зал?

Он хмыкнул что-то неразборчивое и помог мне встать.

Ли тоже подошел ко мне, делая вид, будто не замечает Рена.

– Ты в порядке, Келси?

Я дотронулась до его руки.

– В полном! Даже не думай беспокоиться. Я сама виновата, что отвлеклась.

– Да, именно. Отвлеклась, – повторил он, быстро взглянув на Рена. – Неплохой бросок, но я хотел бы взглянуть, сумеешь ли ты повторить его.

Рен улыбнулся ему до ушей.

– В любое время.

Ли едва заметно приподнял уголки губ и сощурил глаза.

– В следующий раз.

Я стояла рядом с Дженифер, которая вся трепетала от волнения. Она открыла было рот, приготовившись обрушить на

меня первый из сотни вопросов, но я предупредительно подняла палец:

– Запомни, что хотела спросить. А сейчас я хочу закончить тренировку. Потом расскажу тебе, в чем дело, обещаю.

Она строго уточнила:

– Обещаешь?

Я кивнула.

Остаток урока Дженифер бдительно следила за мной, Реном и Ли. Я буквально видела, как шестеренки ворочались у нее в мозгу по мере того, как она зорко ловила каждое замечание, скрупулезно систематизируя каждый взгляд и случайное прикосновение. До конца занятия Ли показывал нам простейшие позиции рук, а затем очень быстро отпустил класс. Напоследок они с Реном устроили игру в гляделки. Оба стояли, скрестив руки на груди, и холодно разглядывали друг друга. Я проводила Джен до выхода.

Она быстро пожала мою руку.

– Твой Рен просто чудо! А собой хорош, ну просто пальчики оближешь. Теперь я понимаю, почему ты локти кусала, когда отпустила его. Будь я на пару лет моложе да несчастлива замужем, я бы приковала его к себе и ключик проглотила бы, так и знай. Что собираешься делать?

– Рен хочет, чтобы я встречалась с ними обоими.

Дженифер разинула рот, а я поспешила договорить:

– Но я пока ничего не решила.

– Ах, вот это интрига! Да это будет покруче моего любимого сериала. Удачи тебе, Келси. До вторника.

Когда мы с Реном ехали домой, я спросила:

– И о чем вы с Ли договорились?

– Я буду посещать его занятия, но мне придется внести плату – кстати, совершенно фантастическую, видимо, он назвал сумму с потолка, думая, что я ее не потяну.

– Мне все это не нравится. Я чувствую себя ребенком, над которым враждующие родители получили совместную опеку.

Он спокойно ответил:

– Ты не ребенок. Все зависит только от тебя, Келси. Можешь встречаться с нами обоими, а можешь порвать с Ли прямо сейчас. Но справедливости ради тебе стоит дать ему хотя бы неделю.

– Вот так, значит? С чего это ты взял, что я выберу тебя? Ли тоже хороший парень!

Рен потер подбородок и так же тихо ответил:

– Да. Мне тоже так кажется.

Этот ответ озадачил меня, и весь оставшийся путь я провела в размышлениях. Возле дома Рен помог мне выйти из машины и

скрылся на своей половине, как обычно.

Встречаться одновременно с Ли, Реном и Джейсоном было глупейшей затеей. Мне казалось, будто меня со всех сторон осаждают рыцари, соперничающие за благосклонность девицы. Пока они топали вокруг меня, бряцая доспехами, оттачивали копья и готовились седлать коней, я взвешивала свои возможности. Но к концу каждого дня у меня по-прежнему оставался выбор. Я могла назвать победителя или проигравшего, а могла отложить решение. Хорошая новость заключалась в том, что у меня по-прежнему оставалось время на размышления.

Я еще могла понять, пусть с натяжкой, смысл этого романтического соперничества с точки зрения Рена. В его время было принято сражаться за женщин, да и тигриные инстинкты наверняка заставляли Рена отгонять других самцов от облюбованной самки. Но я оказалась совершенно не готова к реакции Ли. Кто мог подумать, что я так много для него значу? Насколько было бы проще, если бы Ли просто порвал со мной! «Чем-то все это кончится? – снова и снова думала я. – Вдруг они поубивают друг друга в процессе или в конце вообще все погибнут, как в “Гамлете”?»

* * *

Во вторник на тренировке Ли и Рен, словно сговорившись, не смотрели друг на друга. Вся группа настороженно наблюдала за ними, но ничего любопытного не произошло. Ни Ли, ни Рен больше не тренировались со мной в паре.

Ли продолжал играть свою партию, угощая меня прекрасными ужинами и приглашая на увлекательные пикники. Рен довольствовался тем, что читал или смотрел со мной кино, не выходя из дома. Попкорн, сделанный в кастрюле, стал его любимой закуской, и он научился мастерски его готовить. Мы смотрели старое кино, и он засыпал меня кучей вопросов. Ему нравились самые разные фильмы, особенно «Звездные войны». Рен полюбил Люка, а Хана Соло считал плохим парнем.

– Он не достоин принцессы Леи, – говорил он. Да уж, Рен определенно принадлежал к героям категории «рыцарь без страха и упрека».

Вечером в пятницу мы с Реном как раз собрались посмотреть очередной фильм, когда я вдруг вспомнила, что у меня запланировано свидание с Джейсоном. Я сказала Рену, чтобы он

посмотрел кино без меня. Он поворчал немного, но потом взял пакет с попкорном и отправился на кухню.

Когда я спустилась вниз в темно-синем платье, в открытых босоножках на ремешках и с выпрямленными волосами, Рен выронил миску с попкорном на пол.

– Ты зачем так нарядилась? Куда ты идешь?

– Джейсон пригласил меня на спектакль в Портленде. Кстати, я полагала, что ты следуешь джентльменскому правилу невмешательства в мою личную жизнь.

– Когда ты так одеваешься, мне хочется активного вмешательства.

Прозвенел звонок, и не успела я открыть дверь, как Рен переместился мне за спину и помог надеть пальто. Джейсон смущенно мялся на крыльце, бросая косые взгляды на Рена.

– Э-э-э, Джейсон, это мой друг Рен. Он приехал из Индии.

Рен протянул руку и улыбнулся ему убийственной улыбкой.

– Хорошенько присматривай за моей девушкой, Джейсон.

В конце предложения совершенно ясно слышалось невысказанное «а то…». Джейсон шумно сглотнул.

– Ну да, типа. Конечно.

Я пихнула Рена в глубь дома и захлопнула дверь перед его носом. Как ни странно, провести вечер с Джейсоном оказалось огромным облегчением. По крайней мере, с ним я не испытывала постоянного напряжения, как с Ли или Реном. Нет, не подумайте, будто они на меня давили. Совсем нет, а Рен и вовсе проявлял безграничное самообладание. Наверное, в этом сказывалось влияние его терпеливой тигриной половины.

Джейсон повел меня на «Короля Льва». Костюмы и декорации были просто восхитительные, и на какую-то долю мгновения мне захотелось, чтобы рядом со мной был Рен, а не Джейсон. Ему бы понравилось, как на сцене представлены характеры животных.

После спектакля толпа выплеснулась на тротуар. Люди беспечно рассыпались во все стороны по мостовой, так что машинам приходилось выделывать опасные пируэты, чтобы не задеть рассеянных театралов. Одна пожилая дама уронила программку на проезжую часть и наклонилась за ней как раз в тот момент, когда из-за угла выехала машина.

Не раздумывая, я выбежала на дорогу перед старушкой и замахала руками. Водитель нажал на тормоз, но слегка замешкался. Отбегая в сторону, я угодила каблуком в щель между плитками мостовой. Машина толкнула меня бампером, и я упала.

Джейсон бросился мне на помощь, водитель выскочил из машины. К счастью, я не сильно ударилась. Пострадали только платье и гордость, в остальном я отделалась несколькими

ушибами и царапинами. Театральный фотограф подскочил сделать несколько кадров. Джейсон горделиво позировал на фоне моего порванного платья и перепачканного лица, потом сообщил фотографу мое имя и сказал, что я настоящий герой и спасительница старушек.

С отвращением сняв испорченную туфлю, я кое-как дохромала до машины. Всю дорогу Джейсон возбужденно тараторил о происшествии, твердя, что у меня есть неплохие шансы попасть в номер театрального журнала. Еще он болтал о следующем семестре и о последней вечеринке, на которой как следует оторвался. Подъехав к моему дому, он даже не подумал открыть мне дверь. Я глубоко вздохнула, отметив про себя: «Нынешняя молодежь понятия не имеет о рыцарстве»! Еще я заметила, что Джейсон все время нервно косится то на мое рваное платье, то на окна дома. Наверное, боялся, что Рен оторвет ему голову за то, как плохо он за мной присматривал. Я повернулась в кресле, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Джейсон, нам нужно поговорить.

– Как скажешь, а о чем?

Я тихо вздохнула и сказала:

– Мне кажется, нам лучше перестать встречаться. У нас с тобой слишком мало общего. Но я буду рада, если мы останемся друзьями.

– У тебя кто-то есть? – спросил он, стрельнув глазами на дверь дома.

– Можно и так сказать.

– Ну да. Ладно, если передумаешь – только свистни.

– Спасибо, Джейсон. Ты отличный парень.

«Немного бесхарактерный, но вполне милый», – добавила я про себя.

Я поцеловала его в щеку на прощание, и он уехал в превосходном настроении.

Что ж, это оказалось совсем не страшно. Но я точно знала, что в следующий раз мне так легко не отделаться.

Войдя в дом, я обнаружила еще одну записку на кухонном столе рядом с мисочкой попкорна.

Намек был вполне прозрачен. Взяв бутылку диетической колы и миску попкорна, я медленно поплелась наверх, держа в руке свои изуродованные босоножки.

«Один выбыл. Остался еще один».

Ты никогда не проиграешь, если будешь любить,
Но всегда проиграешь, если будешь сдерживаться.

Барбара де Анджелис

7
Снова в школу

На следующее утро Рен позвонил узнать, не сможем ли мы позавтракать вместе. Я ответила, что сможем, и отключилась. Все тело слегка саднило после вчерашнего падения, поэтому я выпила аспирин и приняла горячий душ.

Запах горелых блинчиков поднимался снизу. Я присоединилась к Рену на кухне. На сковородке у него шипели кусочки бекона, а сам он разбивал яйца в большую миску. На поясе у него красовался мой кухонный фартук с оборочками. Видели бы вы эту картинку!

– Подождал бы, пока я спущусь, – сказала я, снимая подгоревший блинчик со сковородки.

– Я хотел сделать тебе сюрприз.

– Ты уже сделал, – рассмеялась я, поглядев на плиту. – Для чего тебе арахисовое масло?

– Ну как же, банановые блинчики с арахисовым маслом!

Я снова рассмеялась.

– Правда? И как ты пришел к такому открытию?

– Методом проб и ошибок.

– Ладно, – сдалась я. – Но тебе придется попробовать блинчики по моему рецепту, с шоколадными чипсами.

– Договорились.

Когда я нажарила стопку блинчиков, достаточно высокую, чтобы удовлетворить аппетит тигра, мы сели к столу. Рен откусил первый кусочек.

– Ну как? Что скажешь?

– Восхитительно. Но будет еще лучше с арахисовым маслом и бананом.

Я протянула руку за бутылочкой сиропа, нечаянно продемонстрировав длинную багровую ссадину на предплечье. Рен тут же дотронулся до моей руки.

– Что это? Что с тобой приключилось?

– Что? А, это… Меня вчера вечером машина ударила.

– Тебя… что?

– Я хотела спасти старушку от выезжающей машины, в результате машина наехала на меня. И я упала.

Рен тут же вскочил со своего места и принялся ощупывать и осматривать меня, проверяя целостность моих костей и подвижность суставов.

– Где болит?

– Рен! Честное слово, со мной все в порядке. Только несколько ушибов и царапин. Ой! Не нажимай тут! – Я отпихнула его. – Отвяжись, Рен! Ты мне не доктор. Я же сказала, всего парочка синяков и ссадин. И вообще, Джейсон был со мной рядом.

– Он тоже пострадал?

– Нет.

– Значит, он не был рядом. Когда я увижу его в следующий раз, он у меня получит несколько синяков и ссадин, чтобы понял, каково это!

– Рен, хватит грозиться. И вообще, это все уже неважно, потому что я вчера сказала Джейсону, что больше не хочу его видеть.

Рен не удержался от самодовольной ухмылки.

– Очень хорошо. Тем не менее этому мальчику следует кое-чему научиться.

– Возможно, но ты не тот мужчина, которому следует его учить, и за это сегодня я выбираю кино. Выберу самый-самый чувствительный фильм для девочек, так и знай!

Он фыркнул, пробурчал что-то неразборчивое насчет соперников, синяков и девушек и вернулся к своим блинчикам.

После завтрака Рен помог мне убраться, но я не собиралась так легко прощать мистера Поучайку. Я вставила диск с фильмом в проигрыватель и с широченной улыбкой уселась рядом с Реном, предвкушая, как он будет корчиться. Когда заиграла начальная тема, открывающая «Звуки музыки», я не выдержала и захихикала. Но беда заключалась в том… что ему понравилось. Не отрываясь от экрана, он обнял меня за плечи, рассеянно поигрывая лентой на кончике моей косы. И насвистывал мелодии «Эдельвейса» и «Моих любимых вещей». Потом поставил фильм на паузу, принес свою мандолину и стал подбирать австрийскую песню. Звук у мандолины оказался гораздо более экзотичным, чем у гитары в фильме.

– Как красиво! – не выдержала я. – Ты давно играешь?

– Начал снова после твоего отъезда. У меня всегда был хороший слух, мама часто просила меня поиграть ей.

– Но ты очень быстро подобрал эту песню. Ты уже слышал ее раньше?

– Нет. Но мне всегда было достаточно раз услышать мелодию, чтобы сыграть ее.

Он заиграл «Мои любимые вещи», и знакомая песня незаметно перетекла в какую-то грустную, но прелестную мелодию. Я закрыла глаза, откинула голову на спинку дивана и отдалась музыке. Песня, начавшая с мрачной темы тоски и

одиночества, постепенно разрасталась, наполняясь надеждой и нежностью. Мое сердце билось в такт с мелодией, чувства, нахлынув, переполняли меня по мере того, как мандолина рассказывала свою историю. Конец прозвучал печально и меланхолично. Мне показалось, будто у меня разбилось сердце. И тут все смолкло.

Я открыла глаза.

– Что это было? Я никогда не слышала ничего подобного!

Рен вздохнул и бережно положил мандолину на столик.

– Я написал это после твоего отъезда.

– Это… ты написал?

– Да. И назвал «Келси». Это о тебе… о нас. Наша история.

– Но у нее печальный конец.

Он провел рукой по волосам.

– Так я чувствовал, когда ты меня оставила.

– Ох, Рен. Но ведь наша история пока не закончена, правда? – Я повернулась к Рену и обвила руками его шею.

Он обнял меня, прижался лицом к моей щеке, прошептал мое имя и сказал:

– Нет. Она определенно еще не закончена.

Я убрала волосы с его лба и тихо шепнула:

– Это очень красивая песня, Рен.

Он обнимал меня очень крепко. Мое сердце забилось чаще. Я смотрела в его живые синие глаза, потом перевела взгляд на великолепно очерченные губы, и мне захотелось, чтобы он меня поцеловал. Он опустил голову еще ниже, но замер, не касаясь меня. Несколько мгновений он внимательно изучал выражение моего лица, потом приподнял брови и отвернулся.

– В чем дело? – спросила я.

Он со вздохом заправил мне за ухо выбившуюся прядь.

– Я не буду целовать тебя, пока мы просто встречаемся. Я хочу, чтобы ты выбрала меня обдуманно, полностью отдавая себе отчет в том, что делаешь. Но ты мгновенно теряешь волю, стоит мне до тебя дотронуться, не говоря уже о поцелуях. Нет, Келси, я не хочу пользоваться таким преимуществом. Обещание, данное в порыве страсти, слишком легко достается, но недорогого стоит, а я не хочу, чтобы у тебя были малейшие сомнения или сожаления о сделанном выборе.

– Погоди-ка, – недоверчиво пробормотала я. – Давай убедимся, что я правильно тебя поняла. Ты не будешь меня целовать, потому что считаешь, будто от твоих поцелуев я теряю голову и не могу рассуждать здраво? Что я не могу принять взвешенное решение, потеряв рассудок от страсти к тебе?

Он осторожно кивнул.

– Ты все это почерпнул в книгах о брачных ритуалах? Спешу тебя разочаровать – большинство из них устарели!

– Я это знаю, Келси, – ответил он, снова пробежав пальцами по своим волосам. – Но я принял твердое решение не оказывать на тебя никакого давления.

Клокоча от злости, я вскочила с дивана и принялась бегать кругами по комнате.

– В жизни не слышала такой возмутительной глупости! – Я направилась на кухню за газировкой и по пути поняла, что взбесилась не на шутку, причем правота Рена лишь подливала масла в топку моего гнева. Я действительно теряла волю, стоило ему дотронуться до меня.

Внезапно я почувствовала себя фишкой в одной из настольных игр Ли. Ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет! Я задумала месть. Если они сражаются за мою благосклонность, то почему я не могу сама вступить в игру? «У девушек есть собственное, уникальное, оружие», – решила я, обдумывая свою боевую стратегию. Первым делом я решила испытать стойкость Рена. Я заставлю его поцеловать меня!

Разумеется, я немедленно приступила к исполнению своего плана. Когда мы возобновили просмотр фильма, я положила голову на плечо Рену, так что мои губы оказались в нескольких дюймах от его губ, и принялась водить пальцем по тыльной стороне его кисти. Мой агрессивный натиск заставил его занервничать. Весь фильм он ерзал и вертелся на своем месте, однако не встал и, к сожалению, не поддался.

Когда фильм закончился, Рен вскочил и объявил, что наше свидание окончено. «Что ж, прекрасно. Баланс сил нарушен в мою пользу!» – обрадовалась я, бросаясь в атаку. Я провела пальцами по его мускулистому предплечью, потом, притворяясь обиженной, стала рассеянно чертить сердечки на его коже.

– Твой человеческий срок и так слишком короток! Неужели ты не хочешь подольше побыть со мной?

Он дотронулся до моего лица.

– Я хочу этого больше, чем воздуха, которым дышу.

Тут я не выдержала и запрокинула лицо, подставляя ему губы.

Но он перехватил меня в воздухе и несильно встряхнул.

– Я не буду тебя целовать, Келси. Я буду ждать до тех пор, пока ты не поймешь, чего хочешь. Разумеется, если ты сама решишь поцеловать меня, я не буду слишком сопротивляться.

Отпрянув от него, я злобно прошипела:

– Ха! Раз так, тебе придется очень долго ждать, мистер Самоуверенность! – Подбоченившись, я делано расхохоталась. –

Представляю, какая это ошеломляющая новость для мужчины, привыкшего получать все, чего он только пожелает!

Он обхватил меня за талию, притянул к себе и наклонил голову, так что его губы оказались совсем близко от моих.

– Ничего… на свете… я не желал бы… больше.

Он немного помедлил, ожидая моей реакции, но я не тронулась с места. Я твердо решила заставить его поцеловать меня первым. Поэтому ждала и улыбалась ему в лицо. Это был молчаливый поединок двух воль, и никто не хотел уступать.

Наконец он отстранился от меня.

– Ты невероятно соблазнительна, Келси. Свидание окончено.

Внезапно мир перевернулся, и для меня важнее всего на свете стало во что бы то ни стало выиграть эту битву характеров.

Я прильнула к нему, невинно похлопала ресницами и проворковала самым притягательным голоском, на который оказалась способна:

– Ты точно-точно уверен, что должен идти?

Я почувствовала, как напряглись его руки, а сердце заколотилось быстрее. Он взял меня за подбородок. Рассчитывая свести его с ума, я накрыла его руку своей, нежно поцеловала в ладонь. Стала водить губами по коже и с удовлетворением услышала, как он подавил вздох. «А я и не догадывалась, что он вот так реагирует на меня! Что ж, значит, все будет еще проще, чем я думала!»

Слегка пожав ему руку, я отстранилась и медленно направилась к лестнице, чувствуя спиной пристальный взгляд Рена. Войдя, насколько это позволяли мои данные, в образ пленительной Скарлетт О'Хара, я в последний раз повернулась к нему и томно обронила:

– Ну что ж… Тигр… если передумаешь, ты знаешь, где меня искать.

После этого я рассеянно провела пальцами по перилам и пошла вверх по ступенькам.

Как ни странно, Рен за мной не последовал. А я-то уже назначила его на роль Ретта Батлера, живо представив, как, не в силах совладать с собой, он хватает меня в охапку и в безумном порыве страсти несет наверх! Но Рен лишь бросил на меня насмешливый взгляд и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

«Проклятие! Выходит, выдержка у него крепче, чем я думала!»

Но это все не имело ровно никакого значения. Подумаешь, небольшая заминка! Остаток дня я провела за разработкой плана генерального наступления. «Итак, как заманить в западню очень старого и очень чуткого тигра? Нужно использовать его слабости:

пищу, женские чары, поэзию и гипертрофированное чувство ответственности. Против такого натиска ему не устоять! У бедняжки просто нет шансов».

На следующее утро я снова открыла запретное отделение шкафа, вытащила темно-синий кардиган, юбку с рисунком, узкий пояс и новенькие коричневые ботинки. Я не поленилась выпрямить волосы и уделила особое внимание косметике, в особенности персиковому блеску для губ.

После этого я приготовила Рену гигантский дагвудский сэндвич и вложила в него любовную записочку. «Посмотрим, чья теперь возьмет», – самодовольно ухмыляясь, подумала я.

> Душа, способная говорить глазами, может целовать взглядом.
>
> *Густаво Адольфо Беккер*

Зайдя за мной, чтобы ехать на занятия, Рен осмотрел меня с головы до ног и сказал:

– Ты выглядишь восхитительно, Келс, но это не подействует. Я тебя раскусил.

С этими словами он галантно подал мне пальто, а я невинно переспросила:

– Не пойму, о чем ты говоришь? Что не подействует?

– Ты со вчерашнего дня пытаешься заставить меня поцеловать тебя.

Я улыбнулась ему и сладко пропела:

– Девушка не должна выдавать свои секреты, согласен?

Он наклонился ко мне, коснулся губами моего уха и прошептал своим бархатным голосом:

– Отлично, Келс. Храни свои секреты. Но знай, я слежу за тобой. Поэтому что бы ты ни задумала, это не сработает. Тем более что у меня в запасе тоже есть парочка секретов.

После этого он до вечера не общался со мной. Когда он вылез из машины перед тренировкой, я украдкой сунула ему в спортивную сумку еще одну записочку.

Сидя на полу, я растягивала ноги и украдкой подглядывала за Реном, поэтому заметила, как он вытащил из сумки мою записку. Рен перечитал ее несколько раз, потом поднял голову и посмотрел на меня. Я ответила на его обжигающий взгляд самой невинной улыбочкой и как ни в чем не бывало замахала рукой Дженифер, шедшей по залу.

Когда мы вернулись домой, Рен поставил машину в гараж и открыл мне дверь. Но на этот раз он не стал помогать мне выйти, а наклонился к моему окну и кашлянул. Его губы коснулись

нежной кожи под моим ухом. А голос прозвучал опасно и соблазнительно:

– Хочу предупредить тебя, Келси. Я исключительно терпеливый человек. Не забывай, у меня огромный опыт в выслеживании врагов. Тигриная жизнь научила меня, что настойчивость и усердие всегда вознаграждаются. Будем считать, что ты получила предостережение, *прийятама*. Я вышел на охоту. Я почуял твой запах, и никакая сила не заставит меня свернуть с избранного пути.

Он отошел и протянул мне руку, чтобы помочь выйти. Но я пренебрегла его помощью и молча прошествовала в дом, с прямой спиной и на подгибающихся ногах. Я успела услышать, как он негромко рассмеялся, а потом ушел на свою половину дома.

Он сводил меня с ума. Мне хотелось выбить дверь и броситься ему на шею, но я не собиралась сдаваться. На этот раз я соблазню его, а не наоборот! Это он будет умолять меня о снисхождении!

Вскоре выяснилось, что война характеров между мной и Реном заставила меня совершенно забыть о Ли. Каждый раз, когда я была с ним, мои мысли блуждали где-то далеко-далеко, изобретая все новые способы соблазнить Рена. Это было настолько очевидно, что даже Ли заметил.

– Вернись на землю, Келси. Ты вообще замечаешь мое существование? – натянуто спросил он однажды вечером после просмотра его любимого фильма о боевых искусствах.

– В каком смысле?

– Келси, последнюю неделю ты ведешь себя как зомби. Ты и сейчас отсутствуешь.

– Понимаешь… Начался новый семестр, и я постоянно думаю о домашних заданиях.

– Ты думаешь не о домашних заданиях, Келси. Ты думаешь о нем.

И тут мне стало стыдно. Ли не сделал мне ничего плохого, и я могла хотя бы быть к нему внимательна!

– Прости меня, Ли. Я даже не замечала, что игнорировала тебя. Ты совершенно прав. Все, теперь я здесь и с тобой, на все сто процентов. Расскажи мне еще раз, почему этот фильм считается классикой.

С минуту Ли всматривался в мое лицо, а потом начал терпеливо рассказывать мне о «Змее в тени орла», первом фильме с Джеки Чаном. Постепенно мне стало интересно, и Ли, кажется, остался доволен.

Остаток вечера прошел гладко, но я все равно чувствовала себя виноватой перед Ли. Я не уделяла ему того внимания, которого он заслуживал. Но что было еще хуже, в глубине души я хотела смотреть этот фильм не с ним, а с Реном.

Домой я вернулась очень поздно и первым делом пришпилила к нашей смежной двери записку для Рена.

О страсть! О поцелуя пыл,
Которым с губ он трепет жил,
Как солнца луч – росинки, пил!

Альфред Теннисон[3]

Рен не целовал меня вот уже три недели, и, похоже, я слабела гораздо быстрее, чем он. Я перепробовала все мыслимые уловки, но так и не заставила его сорвать наживку с моих готовых губ. Мои трехнедельные усилия окончились ничем. У меня скопилась огромная коллекция помад и блесков для губ всех цветов и оттенков, и я перепробовала каждый из них, и все безрезультатно.

На уроке ушу Рен вытащил из своей сумки еще одну записку, прочитал ее и посмотрел на меня, приподняв брови. Это была самая-пресамая убийственная цитата, которую я нарочно приберегла напоследок. Да, это был мой последний рубеж.

А начнем-ка поцелуям нашим счет:
Где двадцать, там дойдем и до двухсот,
Из сотен сделать тысячи – резон,
Целуй, и превратим их в миллион.
А миллион утроим, и потом
Мы целоваться сызнова начнем.

Роберт Геррик[4]

Рен не сказал ни слова, только посмотрел на меня своими жаркими, внимательными глазами. Я храбро уставилась на него в ответ, чувствуя, как раскаленная добела обжигающая нить, рассыпая искры, протянулась между нами. Вот она соединила нас и прожгла меня насквозь, хотя мы стояли в разных концах зала. Я не могла оторвать от него глаз и видела, что он терзается тем же чувством.

Ли вдруг объявил, что мы будем снова отрабатывать захваты с броском, которых он избегал после памятного первого занятия с Реном. Более того, на этот раз Ли и Рен должны были демонстрировать прием всем нам. Ли велел нам всем сесть вдоль стены. Рен нехотя оторвал взгляд от меня и подошел к своему

противнику.

Они начали кружить друг перед другом. Ли первый сделал быстрый выпад, применив удар с разворота, рассчитывая блеснуть техникой и одновременно приблизиться к противнику, но Рен изящно блокировал его удар. Тогда Ли перенес вес на одну ногу, чтобы подсечь Рена под колено и нацелить удар ему в грудь. В ответ Рен лишь слегка переместился вправо, так что подсечка прошла мимо, и пресек удар ладонью. После этого Ли использовал очень сложный штопорный маневр, опершись одной рукой о пол и взмахнув ногами, как ножницами. Рен схватил его за ступню и повернул, так что Ли, перекувырнувшись, грянулся на живот. Вскочив с пола, Ли сгруппировался и вернулся к ударам руками. Рен блокировал их – выше, ниже и даже сзади, с легкостью нейтрализуя все атаки.

Вскоре Ли осознал, что ничего не добился. Тогда он сделал ложный выпад, а сам схватил Рена за руку и с силой дернул на себя, готовясь ударить другой рукой в лицо, но Рен легко сшиб его с ног, и Ли снова покатился по матам. Он тут же вскочил, снова встал перед Реном, и они возобновили свое кружение друг перед другом.

– Ты точно хочешь продолжать? – спокойно спросил Рен. – Ты уже доказал, что хорошо владеешь техникой.

– Я ничего не пытаюсь доказать! – усмехнулся Ли. – Я лишь хочу, чтобы ты перестал строить глазки моей девушке! – С этими словами он нанес быстрый двойной удар в грудь Рену. Но мой Тигр просто перехватил его запястья и повернул их внутрь. Ли взвыл и отскочил, но тут же бросился вперед, метя ногой Рену в лицо.

Тот схватил его за пятку.

– Она еще не решила, чья она девушка, – ответил он, а потом резко вздернул руки, перевернув Ли вверх ногами. – Но если бы я держал пари, то на тебя много не поставил бы.

Я сидела, затаив дыхание, сгорая от стыда, гнева и досады. В какой-то момент Рен повернулся ко мне. Воспользовавшись этим, Ли схватил его сзади за руки и подтянулся на них, так что любой человек на месте Рена оказался бы в безвыходном положении. Но Рен не моргнув глазом взбежал по стене вместе с Ли, висевшим у него на руках, и перекувырнулся через него в воздухе.

Приземлившись, он легко тряхнул запястьями, в мгновение ока поменяв позиции противников. Теперь локти Ли оказались задраны вверх, и Рен слегка усилил нажим. Но стоило Ли охнуть от боли, как он тут же разжал руки. Ли стремительно обернулся, снова попытавшись подсечь Рена под колени, но тот без труда перепрыгнул через его ноги, повернулся и с легкостью опрокинул

Ли на мат.

Дженифер нервно покосилась на меня и крепко сжала мою руку. Ли был вне себя от ярости. Он вытер ладонью рот и процедил:

– Тебе не стоит тревожиться о моих ставках!

Затем он подпрыгнул, врезав обеими ногами в грудь Рена. Удар был такой силы, что обоих отшвырнуло на несколько шагов друг от друга. Ли ядовито усмехнулся.

– По крайней мере, я не уступлю ее и не отойду в сторонку!

Теперь их движения стали настолько стремительными, что я не успевала за ними следить. Подсечки, блоки руками, сальто с переворотом, боковые удары и блоки ногами мелькали, словно в калейдоскопе. Помню, как Рен бросился на Ли, выполнил сложнейшее сальто в группировке, дважды перевернувшись в воздухе, и завис прямо над своим противником. Приземляясь, он уперся ладонью в спину Ли, использовав силу падения для того, чтобы опрокинуть его ничком на маты. Весь класс разразился криками и аплодисментами.

Рен прижал ладонь к спине Ли, удерживая его на месте, и негромко прорычал:

– Нет. Но ты все равно уйдешь. Она моя.

С этими словами он снова отпустил Ли, после чего тот совсем обезумел от бешенства и стал бросаться на Рена всеми известными ему способами. Лицо его блестело от пота, он хрипло дышал. Его атаки стали гораздо более свирепыми, и Рену тоже пришлось стать жестче. В конце концов Ли все-таки удалось нанести ему несколько ударов. Я умирала от страха при мысли о том, что они сражаются за меня. При всех! И в то же время я не могла отвести глаз от поединка.

Ли оказался серьезным противником. Вне всякого сомнения, он был настоящим мастером единоборств. Каждое его движение представляло собой отточенный до совершенства прием боевого искусства. Я невольно любовалась его идеальной выдержкой и силой. Он был поистине великолепен. И часто оказывался достойным соперником моего тигра.

Я была готова рвать и метать из-за того, что Рен при всех назвал меня своей. И в то же время я втайне наслаждалась тем, что он так горячо желал меня. Он был настоящим ангелом-воителем. «Моим ангелом-воителем», – ревниво уточнила я про себя.

Тем временем ученики уже делали ставки. Лицо Дженифер пылало восторгом, она то и дело нервно прижимала руку то ко рту, то к горлу. После четверти часа ожесточенного, но безрезультатного поединка Ли, тяжело дыша, отпустил класс.

Я хотела поговорить с ним, но он отмахнулся от меня, схватил полотенце и закрыл им голову.

Всю следующую неделю Ли не звонил мне и не приглашал на свидания. Но в пятницу, после тренировки, он попросил разрешения поговорить со мной, сказав Рену, что сам отвезет меня домой. Рен кивнул и ушел, не сказав ни слова. После памятной драки они держались друг с другом с преувеличенной любезностью.

Ли сел на мат и похлопал ладонью по месту рядом с собой.

– Келси, я хотел спросить тебя кое о чем и очень надеюсь на честный ответ.

– Хорошо.

– Почему ты бросила Рена?

Я смущенно поерзала.

– Я его бросила, потому что… потому что мы не подходим друг другу.

– Что это значит?

Я долго молчала, потом ответила:

– Тут несколько причин. Но главная, наверное, в том… Пойми, это трудно объяснить. Главное, он необыкновенный, а я… увы. И еще он очень богатый. Вообще-то, он из царской семьи. Потом, он принадлежит к другой культуре, у него совершенно иное происхождение; кроме того, он почти ни с кем не встречался до меня, и еще…

– Постой, Келси, мы с тобой тоже принадлежим к разным культурам, и происхождение у нас разное, однако мне казалось, тебя это не беспокоит. Возможно, его семья тебя не приняла?

– Да нет… Его родители уже умерли. А его брат очень хорошо ко мне относится. – Я нервно выкручивала пальцы рук, сцепленных на коленях. – Наверное, меня останавливает мысль о том, что однажды он очнется и поймет, что никакая я не принцесса. Ведь понятно, что рано или поздно он непременно это увидит и променяет меня на другую девушку, получше.

Ли резко повернул ко мне, недоверчиво впился глазами в мое лицо.

– Иными словами, ты бросила его потому, что сочла слишком хорошим для себя?

– Ну, в целом, да. Он мог бы привязаться ко мне и стать несчастным.

– Скажи, ты замечала, чтобы он был несчастен с тобой?

– Нет.

И тогда Ли задумчиво сказал:

– Келси, мне больно это говорить, но Рен показался мне очень

глубоким, умным и осмотрительным человеком. В ходе нашего поединка я использовал против него все известные мне грязные приемы, применил все свои навыки и мастерство, но он с легкостью дал мне отпор. Признаю, он намного сильнее меня. Никогда в жизни я не встречал столь искусного соперника. Такое впечатление, будто он учился у великих мастеров прошлого.

«Так и есть».

– Но это еще не все. Во время поединка он нарочно поддавался, чтобы не покалечить меня. А это говорит не только о невероятном мастерстве, но и о несравненной предусмотрительности.

Я небрежно пожала плечами.

– Ну и что? Я и так знаю, что он хороший боец.

– Нет, ты меня не поняла. Чтобы добиться такого мастерства, чтобы сражаться так, как сражался он, нужна колоссальная дисциплина ума и тела. Он мог бы размазать меня по полу, но не сделал этого. – Ли горько рассмеялся. – Более того, большую часть времени он вообще не следил за мной! Он смотрел на тебя, наблюдал за твоей реакцией. Пойми, он не обращал внимания на человека, который всерьез пытался его убить!

– Что ты хочешь этим сказать, Ли?

– Я пытаюсь объяснить тебе, что Рен без ума от тебя. Это очевидно мне, это ясно всем остальным. И если ты его любишь, то должна сказать ему это. Твои страхи по поводу того, что он тебя бросит, совершенно необоснованны. Не такой он человек. Как я уже сказал, он относится к типу мужчин, которые однажды принимают решение и твердо придерживаются его дальше. И ничто в поведении Рена не позволило мне усомниться в его искренности.

– Но ведь…

Ли взял мои руки в свои и заглянул в мои глаза.

– Келси. Он видит только тебя.

Я опустила взгляд на свои руки.

– Что касается того, что ты якобы недостаточно хороша для него, то все обстоит ровно наоборот. Это он недостаточно хорош для тебя.

– Это все слова.

– Нет. Нет, Келси. Ты потрясающая, нежная, прелестная, и Рену безумно повезло с тобой.

– Ли, зачем ты это делаешь?

– Потому что… Потому что мне искренне нравится Рен. Я уважаю его. И еще потому, что я вижу главное – твои чувства к нему гораздо сильнее того, что ты испытываешь ко мне. С ним ты будешь намного счастливее.

– Но с тобой я тоже счастлива.

– Да, но не так. Возвращайся к нему, Келси. Ты любишь его, это же ясно. Скажи ему об этом. Дай ему шанс. – Он негромко усмехнулся. – Но не забудь сказать ему, что я был сильным соперником. – Он протянул руки и крепко-крепко обнял меня. – Мне будет тебя не хватать, Келси.

И тогда во мне что-то щелкнуло, и пелена упала с глаз. Стало ясно, что Ли пришло время уйти. Было бы нечестно продолжать играть его чувствами. Мое сердце никогда не принадлежало ему, и в глубине души я уже давно это знала. Все это время я использовала его в качестве уловки. Все мои отношения с ним были лишь поводом отложить объяснение с Реном. Неважно, порву я с Реном или нет, но между мною и Ли все должно закончиться здесь и сейчас.

Взволнованная, я обняла его в ответ.

– Мне тоже будет тебя не хватать. Ты прекрасно относился ко мне и вообще был прекрасным. Я никогда тебя не забуду. Передай ребятам мою благодарность за то, что научили меня играть.

– Конечно. Идем. – Он встал, помог мне подняться и нежно поцеловал в щеку. – Давай-ка отвезем тебя домой. И знаешь что еще, Келси?

– Да?

– Если он когда-нибудь тебя бросит, передай ему, что я найду его на краю света.

Я невесело рассмеялась.

– Прости, что втравила тебя во все это, Ли.

Он пожал плечами.

– Ты стоила этого. Подозреваю, что если бы сразу после приезда Рена я надавил на тебя, попросив определиться, ты бы все равно выбрала его. А так я, по крайней мере, смог подольше побыть с тобой.

– Но это было несправедливо по отношению к тебе!

– Разве кто-то обещал, что в любви и на войне все будет по справедливости? А у нас получилось все разом – немного любви с примесью небольшой войны. Нет, Келси, я бы никогда от этого не отказался.

Я взяла его руку в свои ладони и пожала.

– Когда-нибудь ты встретишь девушку, которую сделаешь очень счастливой, Ли. Надеюсь, это случится очень скоро.

– Что ж, если у тебя есть сестра-близнец, будь добра, дай ей мой адрес.

Я рассмеялась, хотя мне хотелось плакать.

Ли отвез меня домой. По дороге мы оба молчали, а я думала обо всем, что он сказал. Ли был прав. Рен в самом деле был

глубоким и осмотрительным человеком. У него были долгие столетия на то, чтобы понять, чего он хочет. И он, неизвестно почему, хотел меня. В глубине души я всегда знала, что он любит меня и никогда не бросит. И еще я знала, что если бы даже я выбрала кого-то другого, он все равно всегда был бы рядом, чтобы протянуть мне руку помощи в нужный момент.

Что касается моих чувств к нему, то здесь все было очевидно. Ли был прав. Я должна была признаться Рену. Сказать ему, что сделала свой выбор.

Но все было так непросто. Несколько недель я безуспешно пыталась соблазнить мужчину, и вот теперь, когда я была близка к тому, чтобы получить желаемое… Я почему-то нервничала. Моя решимость пошатнулась. Я вдруг почувствовала себя слабой, ранимой. Мысли путались. Что я ему скажу?

Остановившись возле моего дома, Ли помог мне выйти и еще раз горячо напутствовал напоследок:

– Скажи ему, Келси.

Он коротко обнял меня и уехал. Не помню, сколько минут я простояла перед домом, обдумывая то, что мне предстояло сказать.

Дверь открылась, Рен вышел во двор и подошел ко мне. Он был босиком, в борцовке и в белых штанах, в которых занимался на ушу. Он требовательно заглянул мне в лицо и тяжело вздохнул.

– О чем ты должна мне сказать, Келси?

Сдавленным голосом я спросила:

– Ты слышал, да?

– Да. – Его лицо было напряженным и осторожным. Внезапно я поняла, что он думает, будто я выбрала Ли.

Рен пробежал рукой по моим волосам.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Я хочу тебе сказать, что сделала свой выбор.

– Я так и понял.

Вместо ответа я обвила его руками за шею, но он остался неподатлив и неподвижен. Тогда я встала на цыпочки, чтобы крепче его обнять. Рен со вздохом наклонился, чтобы обнять меня и приподнять повыше. Он прижал меня к своей каменной груди, так что мои ноги повисли в нескольких дюймах от земли. И тогда я смогла тихо шепнуть ему на ухо:

– Я выбрала тебя.

Он застыл… потом откинул голову назад и заглянул мне в лицо.

– Значит, Ли…

– Выбыл.

Он одарил меня ослепительной улыбкой, озарившей темноту ночи.

– Значит, теперь мы…

– Будем вместе!

Я притянула его голову к себе и нежно поцеловала. Он снова вырвался только для того, чтобы удивленно взглянуть в мое лицо, а потом крепко обнял меня и поцеловал в ответ. Только уже не тепло и нежно. Его поцелуй был страстным, плавящим и воспламеняющим.

Существует множество разновидностей поцелуев. Есть страстные прощальные поцелуи – такие, каким Ретт поцеловал Скарлетт перед тем, как уйти на войну. Бывают поцелуи типа «я-не-могу-быть-с-тобой-хотя-очень-очень-хочу», как у Супермена с Лоис Лейн. Еще есть первый поцелуй – нежный, робкий, теплый и беззащитный. А бывает поцелуй собственнический – именно таким Рен целовал меня в тот вечер.

Это было больше, чем страсть, больше, чем желание. Конечно, в его поцелуе присутствовали и жажда, и нужда, и любовь, все как положено по жанру. Но при этом его поцелуй был полон зароков и обещаний, как нежных и ласковых, так и опасных и волнующих. Рен вступал во владение мною. Утверждал свое право.

Он сжимал меня с такой откровенностью, с какой тигр держит свою добычу. Спасения не было. Да мне и не хотелось спасаться. Я бы с радостью умерла в его лапах. Я хотела быть его добычей. И Рен сделал все, чтобы я это окончательно поняла. Мое сердце распустилось тысячей прекрасных цветов, сплошь сорта тигровые лилии. И в этот миг я с уверенностью, которой никогда не испытывала раньше, поняла, что мы с ним принадлежим друг другу.

Наконец он поднял голову и прошептал мне в губы:

– Уже очень поздно, женщина!

8
Ревность

Рен поцеловал меня еще раз, а потом подхватил под коленки. Он ухитрился открыть ногой дверь и внести меня в дом, не прерывая поцелуя. Наконец-то я дождалась своей сцены с Реттом Батлером! Рен опустился в кресло, усадил меня к себе на колени, стащил со спинки мое одеяло и тепло закутал меня.

Он целовал меня всюду – в волосы, в шею, в лоб и в щеки, но каждый раз возвращался к губам, словно они были центром его вселенной. Я только тихонько вздыхала, плавясь в огне его поцелуев – нежных и пылких, дурманящих и жгучих, то кратких, как мгновение, то долгих, как вечность. Как тут было не поверить, что мой ангел-воитель похитил меня и унес на небеса?

Низкое рычание заклокотало в его груди.

Я со смехом отпрянула.

– Ты что это, рычишь на меня?

Он негромко рассмеялся, обмотал мою ленту вокруг своих пальцев и тихонько потянул, расплетая мне косу. Потом слегка укусил за ухо и прошептал с угрозой:

– Ты целых три недели сводила меня с ума. Так что скажи спасибо, что я всего лишь рычу.

Он стал медленно целовать меня в шею.

– Значит, теперь ты будешь со мной чаще?

Он ответил, не отрывая губ от моего горла:

– Целыми днями, каждую минуту.

– О… Значит, ты не намеренно избегал меня все это время?

Он подцепил пальцем мой подбородок, повернул лицом к себе.

– Я бы ни за что на свете не стал намеренно избегать тебя, Келс. – Он стал гладить кончиками пальцев мою шею и ключицы, так что я едва не забыла обо всем на свете.

– Но ты это делал!

– Это была печальная необходимость. Я не хотел давить на тебя, поэтому держался подальше, хотя всегда был рядом. Я все время слышал тебя. – Он зарылся лицом в мои рассыпавшиеся волосы и глубоко вздохнул. – И чувствовал твой соблазнительный сливочно-персиковый запах, который сводил меня с ума. Но я твердо решил встречаться с тобой только во время свиданий. А когда ты начала нарочно соблазнять меня, я чуть рассудка не лишился.

– Ага! Значит, ты все-таки терзался искушением?

– О, *пралобхана*, твои искушения были для меня опаснее всего на свете! Ведь ради секундного обладания тобой я мог потерять тебя навсегда. Поэтому я крепился из последних сил, чтобы не схватить тебя и не унести к себе.

Все это было так странно… Стоило мне открыто признаться, что я хочу быть с ним, как все сомнения, страхи и колебания оставили меня. Я чувствовала себя… освобожденной. Радостной. Я осыпала десятками поцелуев его щеки, лоб, нос и, наконец, скульптурно очерченные губы. Он не шевелился, пока я исследовала его лицо кончиками пальцев. Мы долго-долго смотрели друг на друга, его прекрасные темно-синие глаза не отрывались от моих карих. Потом Рен улыбнулся, и мое сердце затрепетало от радостного осознания того, что он, во всем своем совершенстве, принадлежит мне и только мне.

Я скользнула ладонями вверх по его плечам, зарылась в его волосы, откинула их со лба и тихо сказала:

– Я люблю тебя, Рен. И всегда любила.

Его улыбка стала еще шире. Он крепче прижал меня к себе и прошептал мое имя.

– Я люблю тебя, *камана*. Если бы я знал, что ты будешь моей наградой за столетия плена, я бы с радостью терпел все лишения.

– Что такое *камана*?

– Это означает прекраснейшее и самое сильное желание.

– Хм-м-м. – Я прижалась губами к его шее, вдохнула его теплый сандаловый запах. – Рен?

– Да? – Он задумчиво перебирал пальцами мои волосы.

– Прости, что вела себя как последняя дура. Это я во всем виновата. Стыдно вспомнить, сколько времени я потеряла! Ты меня простишь?

Его пальцы замерли в моих волосах.

– Мне нечего тебе прощать. Должно быть, я слишком давил на тебя. Недостаточно убедительно ухаживал за тобой. Не говорил то, что нужно было сказать.

– Нет, Рен! Честное слово, нет! Ты сказал мне все самые правильные слова. Наверное, я просто была не готова их услышать или поверить в них.

– Значит, я должен был догадаться об этом и не пугать тебя. Я не был достаточно терпелив, а тигр, не научившийся терпению, как известно, остается без ужина.

Я рассмеялась.

– А ты знаешь, что я впервые начал испытывать к тебе чувства еще в то время, когда ты считала меня тигром? Помнишь, как я вдруг занервничал во время циркового представления?

– Конечно.

– Мне тогда показалось, что ты ушла. Я слышал, как Мэтт сказал своему отцу, что одна из новых девочек уволилась. И я почему-то решил, что речь о тебе. Мне вдруг позарез понадобилось убедиться, что ты все еще здесь. Но в тот день ты так и не пришла к моей клетке, и я впал в отчаяние, потерял покой. Я просто не мог совладать с собой, пока не увидел тебя в зале, среди зрителей.

– Ах, бедный мой Тигр! Но теперь я с тобой и больше никогда тебя не покину.

Он зарычал, обнял меня и пригрозил:

– Нет, не оставишь. Ибо я больше никогда глаз с тебя не спущу. Кстати, по поводу тех стихотворений, которые ты цитировала мне в последнее время… Я полагаю, некоторые из них заслуживают самого пристального изучения.

– Целиком и полностью согласна!

Он снова поцеловал меня. На этот раз долго и нежно. Когда он взял мое лицо в свои ладони, мне показалось, что сердце вот-вот выскочит у меня из груди. Рен отстранился, поцеловал меня в уголки губ и глубоко вздохнул. Потом мы крепко обнялись и сидели так до тех пор, пока его время не истекло.

* * *

Следующим вечером я приготовила для Рена особый ужин. Когда фаршированные ракушки-конкильони по любимому рецепту моей мамы были готовы, Рен навалил себе полную тарелку, подцепил вилкой ракушку и с довольным видом принялся жевать.

– Это одно из вкуснейших блюд, которые я когда-либо ел! Скажу откровенно, оно у меня на втором месте после арахисового масла, *читтахарини*.

Он поцеловал мои пальцы.

– Это означает – похитившая мой разум.

– А что такое *йадала*?

– Милая.

– Значит, ты тоже мой *йадала*. А как сказать – я тебя люблю?

– *Муджхе тумсе пьархай.*

– А как будет – я влюблена?

Он расхохотался.

– Можно сказать *ануракта*, что означает, что ты испытываешь влечение или привязанность. А если сказать *каамаарт*, то все поймут, что ты – юная дева, опьяненная или застигнутая любовью. Мне больше нравится второй вариант.

Я усмехнулась.

– Да уж. Не сомневаюсь, что тебе хотелось бы растрезвонить на весь свет, будто бы я пьяна от любви к тебе! Лучше скажи, как будет – мой молодой человек красивый?

– *Мера сакха сундара.*

Я промокнула губы салфеткой и спросила, не хочет ли он помочь мне приготовить десерт. Рен галантно отодвинул мой стул, и мы отправились на кухню. Я всей кожей ощущала его близость, тем более что он не упускал ни единой возможности прикоснуться ко мне. Поворачиваясь, чтобы забрать у меня сахар, он гладил меня по руке. А обходя меня сзади, чтобы положить на стойку стручок ванили, он утыкался носом в мою шею. Он довел меня до того, что у меня стало из рук все валиться.

– Рен! Ты меня отвлекаешь. Послушай, дай мне немного места, чтобы спокойно замесить тесто!

Он послушался, но встал так близко, что я постоянно касалась его, добавляя ингредиенты в тесто. Выложив печенье на противень, я объявила:

– Все, теперь у нас есть ровно пятнадцать минут до тех пор, как оно будет готово.

Рен тут же схватил меня за руку и привлек к себе. Я очнулась только от резкого звонка таймера, заставившего меня вздрогнуть. Оказывается, я сидела на кухонной стойке, замкнутая в страстных объятиях Рена. Одна моя рука заблудилась в его шелковистых волосах (вероятно, для того, чтобы легче было поворачивать его голову под нужным мне углом), в то время как вторая методично комкала его модную рубашку, медленно, но верно превращая ее в жеваную тряпку. Ужаснувшись содеянному, я поспешно разжала свои взбесившиеся пальцы и пробормотала:

– Прости, я не хотела портить твою рубашку.

Он поймал мою руку, поцеловал в ладонь и коварно ухмыльнулся.

– Я не в претензии.

Тогда я отпихнула его и спрыгнула на пол. Потом красноречиво ткнула его пальцем в грудь и заявила:

– А ты опасный парень!

Он улыбнулся еще шире.

– Разве я виноват, что ты без ума от меня?

Я грозно посмотрела на него, но он был так доволен собой, что даже бровью не повел. Пожав плечами, я вытащила противень из духовки и повернулась к холодильнику, чтобы достать молоко. Воспользовавшись этим, Рен тут же стащил горячее печенье и сунул его в рот.

– М-м-м, восхитительно! Что это такое?

– Двойное шоколадное печенье с арахисовым маслом.

– Присваиваю этому печенью второе место в списке самых вкусных блюд, которые я пробовал.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Ты то же самое говорил за ужином!

– Я пересмотрел свое мнение.

– И что же у тебя теперь на первом месте? Все еще арахисовое масло?

– А вот и нет! На первом месте у меня ты. Но ты почти угадала. – Помолчав, он добавил: – Мне пора превращаться, Келс.

Я почувствовала, как дрожь пробежала по его руке. Он поставил меня на ноги, нежно поцеловал – и превратился в тигра. Неторопливо прошествовав к лестнице, он взбежал по ней, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и прямиком отправился в мою спальню. Здесь он растянулся на плетеном коврике возле моей кровати. Я зашла в ванную, переоделась в пижаму, почистила зубы и опустилась на колени рядом со своим тигром.

Обхватила его руками за шею, крепко обняла и прошептала:

– *Муджхе тумсе пьархай,* Рен. – Он довольно заурчал, когда я улеглась рядом с ним, укрывшись одеялом. Я не видела его тигриную половину с того памятного дня, когда Рен впервые появился в Орегоне, и очень скучала по ней. В этот вечер я долго-долго гладила мягкую шерсть своего вернувшегося тигра. Потом положила голову на его мягкие лапы и впервые после отъезда из Индии сладко уснула.

В субботу я проснулась в своей кровати в обнимку с плюшевым белым тигром. Рен сидел на стуле, широко расставив ноги, и смотрел на меня, подперев голову рукой. Я со стоном натянула одеяло на голову.

Он схватил моего игрушечного тигра и захохотал.

– Доброе утро, соня. Кстати, если ты хочешь спать с тигром, то только попроси. Когда ты его купила?

– В первую неделю после возвращения домой.

Он ухмыльнулся.

– Значит, ты скучала по мне?

Я вздохнула и улыбнулась.

– Как рыба по воде.

Тогда он опустился на колени перед моей кроватью и убрал волосы с моего лица.

– Я уже говорил тебе, что ты красивее всего по утрам?

– Так я и поверила, – фыркнула я. – По утрам я вся растрепанная и в пижаме.

– Мне нравится смотреть, как ты просыпаешься. Сначала ты

вздыхаешь, потом начинаешь вертеться. Несколько раз перекатываешься с боку на бок и обычно лепечешь что-нибудь обо мне, – с улыбкой добавил он.

Я приподнялась на локте.

– Значит, я разговариваю во сне? Ох, какой позор!

– Но мне это нравится. Слушай дальше. Потом ты открываешь глаза и улыбаешься мне, даже когда я тигр.

– Какая девушка не улыбнется, если, открыв глаза, увидит тебя? Это все равно что проснуться утром в Рождество и увидеть лучший подарок на свете!

Он расхохотался и чмокнул меня в щеку.

– Сегодня я хочу увидеть Серебряный водопад, так что побыстрее вытряхивайся из постели! Жду тебя внизу.

По дороге к водопаду мы заехали в «У Уайта» в Сейлеме, маленький ресторанчик с долгой и славной историей. Рен заказал фирменный «Большой ералаш»: гигантскую гору картофельных оладий, яиц, сосисок и жареного бекона, политую густой подливкой. Я еще никогда не видела, чтобы кому-то удалось съесть все это целиком, но Рен смел все подчистую, да еще стащил у меня тост.

– Ну и аппетит у тебя, – заметила я. – Ты что, голодал?

Он пожал плечами.

– Кадам закупает столько продуктов, что наш дом похож на бакалейную лавку, но я умею готовить только попкорн и сэндвичи.

– Что же ты сразу не сказал? Я бы почаще готовила для тебя.

Он взял мою руку и поцеловал.

– Мне хотелось занять тебя другими делами.

Поездка получилась очень красивая. Бесконечные мили питомников рождественских елок проносились по обеим сторонам от извилистой дороги, ведущей на гористую возвышенность, поросшую густыми лесами.

Мы провели там целый день, пройдя пешком от Южного водопада к Зимнему, а оттуда к Северному и еще трем. Было холодно, а я, как всегда, забыла взять перчатки. Рен тут же вытащил пару из кармана куртки и натянул на мои озябшие руки. Перчатки оказались мне велики, зато они были теплые и на подкладке. Этот эпизод напомни мне ужасное свидание с Арти. Что и говорить, Рен и Арти были все равно что день и ночь!

Мы оживленно обсуждали разницу между лесами Индии и Орегона, когда я вдруг спросила:

– Значит, все время, пока я встречалась с Ли, ты ни капельки не ревновал?

– Я? Еще как ревновал! Да у меня перед глазами все краснеет,

когда кто-нибудь приближается к тебе.

– Что-то не заметно было.

– Да я чуть не сорвался. Просто не мог трезво рассуждать. Когда какой-нибудь парень подходит к тебе, мне хочется порвать его в клочья своими когтями. Даже если он мне нравится, как Ли, например. И особенно если он мне не нравится, как Джейсон.

– У тебя нет никаких причин для ревности.

– Теперь нет, и я больше не ревную. Джейсон сошел с дистанции, а перед Ли я в большом долгу за то, что он все-таки заставил тебя признать свои чувства.

– Да, этим ты обязан ему. Кстати, Ли сказал, что отыщет тебя на дне морском, если ты меня бросишь.

Рен улыбнулся.

– Этому не бывать.

Мы шли через поляну, когда я заметила, что он все время поводит носом.

– Что ты вынюхиваешь?

– Хм-м-м… Я чувствую запахи медведя, пумы, оленя, собак, множества белок, лошадей, рыбы, воды, растений, деревьев, цветов… и тебя.

– А тебе не мешает такое обостренное обоняние?

– Нет. Я уже давно научился отключать его, когда не нужно, и использовать только тогда, когда хочу что-нибудь учуять. Это как со слухом. Если я сосредоточусь, то могу услышать, как разные мелкие существа копошатся под землей, но большую часть времени я не обращаю на это никакого внимания.

Мы дошли до Двойного водопада, и Рен повел меня вверх, к поросшей мхом скале, служившей смотровой площадкой. Я так замерзла, что начала дрожать даже в куртке и перчатках. Рен быстро сбросил свое пальто и накинул мне на плечи. Потом он прижал меня к себе и крепко обнял. Шелковистые пряди его волос защекотали мое лицо, когда он прижался лбом к моей щеке.

– Это место почти такое же красивое, как ты, моя *прийя*. И здесь можно не бояться колючих деревьев, норовящих впиться в кожу, или охотящихся за нами капп.

Я повернула голову и поцеловала его в щеку.

– И все-таки в Кишкиндхе было кое-что, о чем я до сих пор скучаю.

– Правда? И что же? Постой, дай я угадаю. Наверное, ты скучаешь по ссорам со мной!

– Не спорю, ссориться с тобой очень здорово, хотя дружить гораздо лучше. Но скучаю я все-таки не по этому. Я скучаю по тому, что там ты всегда был человеком. Не пойми меня

неправильно, Рен! Я люблю твою тигриную сущность, но мне бы очень хотелось, чтобы у нас были нормальные отношения.

Он вздохнул и обнял меня за талию.

– Я не знаю, будут ли у нас когда-нибудь нормальные отношения, Келси. – Он долго молчал, потом признался: – Мне очень нравится быть человеком, но во мне до сих пор живет тигр, тоскующей по вольной жизни в джунглям.

– Представляю себе лицо паркового егеря, когда туристы расскажут ему, что видели белого тигра, скачущего среди елок!

В течение следующих недель наша новая жизнь вошла в русло. По молчаливому согласию мы решили отказаться от занятий ушу, и мне пришлось целых полчаса провисеть на телефоне, утешая несчастную Дженифер и уговаривая ее продолжать ходить на тренировки без меня.

Рен хотел все время быть рядом со мной, даже в образе тигра. Он любил валяться у меня на ногах, когда я сидела на полу и занималась.

По вечерам он играл на своей мандолине или осваивал недавно купленную гитару. Иногда он пел для меня. У Рена был негромкий, но глубокий голос с теплым мелодичным резонансом. Когда он пел, его акцент делался более заметным, оказывая на меня гипнотическое воздействие. Его голос, и без того достаточно проникновенный, ввергал меня в транс, стоило ему запеть. Рен часто отпускал шуточки о хищнике, смягчившем сердце суровой девы своим пением.

Иногда я просто сидела, держа голову Рена на своих коленях, и смотрела, как он спит. Я гладила его белую шерсть, чувствовала, как вздымается и опадает его грудь. Тигриная сущность была частью Рена, и я давно привыкла к ней. Но с тех пор как я наконец открыла свое сердце для любви, меня терзало постоянное желание быть с *ним*.

Я была в отчаянии. Мне хотелось делить с ним каждое мгновение жизни. Я хотела слушать его голос, чувствовать его ладонь в своей, лежать щекой на его груди, когда он читает мне. Мы были вместе – и в то же время не совсем. Большую часть своих человеческих часов Рен проводил в университете, и нам оставалось совсем мало времени на развитие наших отношений. А я изнывала от тоски по нему. Мне его не хватало. Я могла говорить с ним, но он не мог мне отвечать. Поэтому я быстро стала великим специалистом по тигриной мимике.

Каждую ночь я сворачивалась на полу рядом с ним, и каждую ночь он поднимал меня и перекладывал на постель после того, как я засыпала. Мы вместе делали домашние задания, смотрели

кино, закончили «Отелло» и перешли к «Гамлету».

Мы поддерживали постоянную связь с мистером Кадамом. Когда я подходила к телефону, мистер Кадам расспрашивал меня об университете, рассказывал новости о Нилиме и просил не расстраиваться из-за того, что мое исследование не принесло никаких результатов. Он также неизменно проявлял вежливый интерес с моей приемной семье, однако затем просил подозвать к телефону Рена.

Я не пыталась подслушивать их разговоры, но мне было ясно, что происходит нечто серьезное, поскольку они всегда беседовали очень тихо, порой переходя на хинди. Несколько раз я слышала странные названия – Иггдрасиль, Пуп Земли и Гора Ноя. Разумеется, я спрашивала Рена, о чем они говорили, но он каждый раз улыбался и отвечал, что мне совершенно не о чем беспокоиться, ибо речь шла исключительно о деловых вопросах, либо это вообще была телеконференция с партнерами, говорящими на хинди. Я не забыла о таинственном письме мистера Кадама по поводу каких-то документов и подозревала, что Рен лукавит, однако он держался так беспечно и был так неподдельно счастлив со мной, что я каждый раз забывала о своих тревогах, по крайней мере до следующего звонка.

Рен взял обыкновение писать мне небольшие стихотворения и записки, которые прятал в мою сумку, чтобы я находила их в университете во время занятий. Порой это были отрывки из стихотворений знаменитых поэтов, а иногда его собственные сочинения. Я наклеивала их в свой дневник, а два самых любимых даже переписала, чтобы все время носить с собой.

Ты знаешь, что влюблен,
Когда видишь мир в ее глазах,
А ее глаза – повсюду в мире.

Дэвид Левески

Если царь владеет бесценной жемчужиной,
Редким перлом, дороже всех кладов земных,
Как поступит он – спрячет отраду свою,
Утаит от глаз людских,
Страшась, что чужие похитят ее,
Или будет открыто гордиться ею,
В царский венец поместит, в кольцо оправит,
Дабы весь мир восторгался красою перла,
Дабы видели все, сколь украшена
царская жизнь

И сколь радость царя умножена стала.
Ты – моя бесценная жемчужина.

Рен

Чтение его сокровенных чувств и мыслей отчасти искупало краткость нашего не-тигриного времени. Не вполне. Но отчасти.

Однажды после семинара по истории искусств Рен неожиданно встретил меня возле аудитории.

– Как ты узнал, где у меня занятия?

– Встал пораньше и выследил тебя. Это так же просто, как рецепт персикового пирога со взбитыми сливками, который ты обещала испечь для меня.

– Да помню я, помню, – рассмеялась я, и мы вместе отправились в языковую лабораторию, чтобы вернуть давным-давно взятый видеоурок.

За столом в лаборатории восседал Арти.

– Привет, Арти! Я зашла вернуть видео.

Он сдвинул очки на переносицу.

– Ах, да, конечно. А я-то думал, куда запропастился этот урок. Ты просрочила сдачу.

– Да. Прости.

Арти поставил кассету в ячейку, которая, наверное, уже много недель медленно сводила его с ума своей зияющей пустотой.

– Я рад, что тебе хватило порядочности вернуть взятый материал, пусть и с чудовищным опозданием.

– Конечно, я сама порядочность. До скорого, Арти.

– Подожди, Келси. Ты не отвечаешь на мои телефонные звонки, вероятно, у тебя неисправен автоответчик. Мне будет непросто найти для тебя место в своем расписании, но, кажется, следующая среда у меня свободна.

Он вытащил карандаш и органайзер, приготовившись вписать туда мое имя.

«Как он ухитряется не замечать большого-пребольшого мужчину у меня за спиной?»

– Слушай, Арти, я теперь встречаюсь с другим.

– Я полагаю, ты приняла необдуманное решение, Келси. Наше с тобой свидание было в высшей степени знаменательным, между нами возникло подлинное взаимопонимание. Не сомневаюсь, что если ты серьезно взвесишь все за и против, то поймешь, что должна встречаться именно со мной. – Он небрежно взглянул на Рена. – Поскольку совершенно очевидно, что я являюсь наилучшим вариантом из всех возможных.

Задохнувшись от возмущения, я только ахнула:

– Арти!

Он снова поправил очки и уставился на меня с явным намерением подавить взором все попытки сопротивления.

И тут Рен встал между нами. Нехотя оторвав взгляд от меня, Арти с отвращением взглянул него. Эти двое мужчин представляли собой такой разительный контраст, что я невольно стала сравнивать. Арти: пухлый, щекастый с заметным брюшком. Рен: стройный, высокий, с широкой грудью и сильными руками. (Поскольку у меня была возможность увидеть его сказочный торс без рубашки, я могла со всей ответственностью засвидетельствовать, что живот у него тоже был восхитительно накачанный.) Иными словами, в этой номинации у Арти не было шансов.

Пойдем дальше. Арти: мучнисто-бледный, с волосатыми руками, красным носом и маленькими, вечно слезящимися глазками. Рен: весь бронзово-золотистый и прекрасный, как оживший Адонис. Настолько ослепительный, что мог останавливать движение вместо красного сигнала светофора. Честное слово. Я часто видела, как, засмотревшись на него, девушки спотыкались и врезались в деревья.

Но этот очевидный расклад не произвел ровно никакого впечатления на Арти. Он был непрошибаемо самоуверен. И твердо стоял на своем, искренне не замечая космического превосходства Рена.

– А ты кто такой? – гнусаво протянул он.

– Я – тот, с кем встречается Келси.

Лицо Арти недоверчиво вытянулось. Он уставился на меня из-за плеча Рена и со всем доступным ему презрением вопросил:

– Значит, ты способна предпочесть этого… дикаря мне? Очевидно, я ошибся в тебе, Келси. Теперь я вижу, что ты способна на чудовищные ошибки, ибо предпочитаешь руководствоваться не голосом разума, а инстинктами животного сладострастия. Очень жаль, я считал тебя человеком более высоких моральных принципов.

– Послушай, Арти, – начала было я.

Но тут Рен приблизил свое лицо к самому лицу Арти и очень тихо пригрозил:

– Только попробуй еще раз оскорбить ее. Эта юная леди ясно дала понять, что не желает иметь с тобой дела. Если я еще раз услышу, что ты преследуешь ее или другую молодую женщину, я вернусь сюда и сделаю твою жизнь весьма неприятной. – Он ткнул пальцем в органайзер Арти. – Полагаю, тебе лучше записать это, чтобы не забыть. И пометь рядом, что Келси отныне

занята. Навсегда.

Я еще никогда не видела Рена таким. Он был убийственен. На месте Арти я бы умерла от страха. Но Арти остался верен себе и по-прежнему не воспринимал ничего, кроме самого себя. Он не видел опасного хищника, притаившегося в глубине глаз Рена. Не замечал, как опасно раздуваются его ноздри. Не испугался его взгляда – взгляда хищника, устремленного на дичь. Не видел, как напряглись его мышцы, не понял, что Рен готов прыгнуть. Растерзать.

Убить.

Я дотронулась до руки Рена, и он тут же переменился. С шумом выдохнул, расслабился, накрыл ладонью мою ладонь.

Я крепко сжала его пальцы.

– Хватит. Пойдем отсюда.

Мы дошли до машины, он открыл мне дверь. Убедившись, что я пристегнулась, наклонился ко мне и спросил:

– Как насчет поцелуя?

– Нет. Прекрати так ревновать. После такого поведения ты не заслуживаешь поцелуя.

– Зато ты заслуживаешь! – ухмыльнулся он и поцеловал меня, пока я не передумала.

Всю дорогу домой он молчал.

– О чем ты думаешь? – спросила я.

– Я думаю, не купить ли мне галстук-бабочку и шерстяной жилет, раз уж ты питаешь такую слабость к ним.

Я прыснула и шлепнула его по руке.

В конце недели я случайно застала Рена, погруженного в очень серьезный разговор с незнакомой мне прелестной девушкой-индианкой. Мне показалось, он был чем-то сильно взволнован. Я как раз гадала, кто же эта девушка, когда чья-то рука легла мне на плечо. Это был Джейсон.

– Привет, Келси. – Он догнал меня на лестнице и заглянул в лицо. – Неприятности в раю?

Я рассмеялась.

– Нет. Чего тебе?

– Да так, пустяки, – ответил он и, порывшись в рюкзаке, вытащил оттуда театральный журнал и вручил мне. – Вот, номер журнала со статьей. Там твоя фотография.

На обложке журнала красовалась фотография, где мы с Джейсоном стояли возле машины. Старушка держала меня за руку, благодаря за свое чудесное спасение. Вид у меня был просто жуткий. Как будто машиной сбило.

Джейсон вдруг заторопился.

– Слушай, можешь оставить журнал себе. До встречи! – крикнул он через плечо, и тут ко мне подошел Рен.

Рен проводил Джейсона долгим взглядом.

– В чем тут дело?

– Вот забавно, я собралась задать тебе тот же вопрос. Что это за девушка?

Рен смущенно переступил с ноги на ногу.

– Идем. Поговорим в машине.

Когда он выехал с университетской парковки, я решительно скрестила руки на груди и повторила:

– Ну, и кто же она такая?

Он поморщился от моего ледяного тона.

– Ее зовут Амара.

Я выдержала паузу, но он не спешил пускаться в объяснения.

– И… чего она от тебя хотела?

– Она просила телефон моих родителей… чтобы ее родители могли им позвонить.

– Это еще зачем?

– Чтобы договориться о браке.

Я разинула рот.

– Ты что, шутишь?

Рен ослепительно улыбнулся.

– Ке-елси! Да ты ревнуешь?

– Так точно, ревную! Ты мой!

Он поцеловал мои пальцы.

– Мне нравится, когда ты ревнуешь. Я сказал ей, что уже занят, так что не волнуйся, моя *према*.

– Просто это странно, Рен. Вы же совершенно не знаете друг друга, как она может предлагать тебе женитьбу?

– Строго говоря, она не предлагала мне женитьбу, она лишь прощупала почву. Обычно браки устраивают родители, но в Америке обычай слегка изменился. Насколько я могу судить, теперь родители лишь подыскивают возможные кандидатуры, а дети выбирают из них подходящих.

– Но ведь ты уже прошел через это однажды! Разве не так тебе устроили обручение с Джесубай? Ты ведь хотел жениться на ней? Твои родители выбрали ее специально для тебя, разве не так?

Он задумался, затем ответил, тщательно подбирая слова:

– Я… одобрил этот выбор и в самом деле хотел жениться. Я надеялся, что наш брак будет счастливым, как у моих родителей.

– Но скажи, ты бы сам выбрал Джесубай в жены?

– Это было не мне решать. – Он улыбнулся, пытаясь умилостивить меня. – Но если тебя это успокоит, торжественно

заявляю: я выбрал тебя, хотя никого не искал.

Но я не была расположена так просто закончить этот разговор.

– Значит, ты мог бы жениться на ней, хотя совсем ее не знаешь?

Рен устало вздохнул.

– В индийской культуре к браку относятся иначе, чем в Америке. Вступая в брак, люди пытаются создать счастливую семью с человеком своей культуры, с тем, кто признает и чтит традиции, уважаемые в семье мужа и жены. В этом деле в расчет принимается множество факторов, таких как образование, достаток, кастовая и религиозная принадлежность, место рождения.

– То есть это похоже на просмотр заявлений на поступление в университет? Подойдет или не подойдет?

Рен рассмеялся.

– Трудно сказать. Некоторые родители убеждены, что, встречаясь с человеком не своего круга, можно покрыть себя несмываемым позором.

– То есть даже свидания с американской девушкой могут тебя опозорить? Интересно, что бы твои родители сказали о наших отношениях!

– Мои родители жили в совершенно другое время, Келси.

– Все равно… Они бы меня не одобрили.

– Мистер Кадам во многом мне как отец, и он всецело на твоей стороне.

Я застонала.

– Это не одно и то же!

– Келси, мой отец любил мою мать, хотя она не была индианкой. Они принадлежали к разным культурам, у них было разное воспитание, им пришлось усваивать чуждые традиции, но они были счастливы вместе. Так что если кто-то, живший в их время, и мог бы одобрить наши отношения, то это мои родители. Скажи, а я понравился бы твоей семье?

– Моя мама была бы без ума от тебя. Она каждую неделю пекла бы тебе шоколадные печенья с арахисовым маслом и хихикала бы, завидев тебя, как Сара. Что касается отца… Папа считал, что ни один мужчина на свете не может быть достаточно хорош для меня. Наверное, он бы с трудом смог смириться с моим уходом, но все равно полюбил бы тебя.

Мы въехали в гараж, и я вдруг представила себе, как мы сидим вчетвером в родительской библиотеке и увлеченно обсуждаем любимые книги. Да, мои мама с папой всей душой полюбили бы Рена.

Я невольно улыбнулась, но тут же насупилась.

– Мне не нравится, что за тобой бегают другие девушки!

– Ага, теперь ты понимаешь, каково мне! Кстати, что сказал тебе Джейсон?

– Ах, совсем забыла. Он передал мне вот это.

Мы вошли в дом, и я на ходу протянула ему статью. Рен сел и углубился в чтение, пока я готовила нам перекусить. Когда он вошел в кухню, я сразу увидела, что он чем-то встревожен.

– Келси, когда была сделана эта фотография?

– Не знаю, наверное, месяц назад. А что?

– Возможно, ничего. Я должен позвонить Кадаму.

Он набрал номер и быстро заговорил на хинди. Я опустилась на диван и взяла его за руку. Они с мистером Кадамом говорили очень быстро, и Рен мрачнел на глазах. Перед тем как закончить разговор, он сказал что-то о Кишане.

– Рен, расскажи мне. Что происходит?

– В этой статье есть твое имя и фотография. Правда, журнал никому не известный, с крохотным тиражом, так что, может быть, все обойдется.

– Что обойдется? О чем ты говоришь?

– Мы боимся, что Локеш может тебя выследить.

Я растерянно пробормотала:

– Вот оно что… Но как же мои водительские права и студенческий билет?

– Кадам внес изменения в официальные записи. У него повсюду связи. Он сделал так, что твои данные нигде не совпадают с фотографией. Как ты думаешь, каким образом ему удалось за неделю выправить тебе паспорт для поездки в Индию?

– Честно говоря, я об этом вообще не задумывалась. – Я погрузилась в обдумывание новой информации, и властолюбивый колдун, однажды привидевшийся мне в Индии, вдруг вновь встал у меня перед глазами. И тогда я впервые не на шутку встревожилась. – Слушай, Рен, но ведь в университет я зачислена под своим именем, и в органах опеки тоже есть все мои данные, которые ведут к Саре и Майку. Что, если Локеш их разыщет?

– Мистер Кадам все это поменял. Отныне в официальных документах значится, что ты освобождена из-под опеки в пятнадцать лет, а все расходы за этот дом и все остальное приходят на секретный банковский счет. Даже мои водительские права, и те фальшивые, я зарегистрирован под другим именем. Келси Хайес официально учится в ЗОУ, однако ее фотография удалена, так Локеш не сможет тебя найти. Мы не оставили никаких следов, по которым можно было бы выйти на тебя, Келси.

– А как же альбом выпускников средней школы?

– О нем тоже не забыли. Мы вытерли твое имя из официальных записей. Конечно, если разыскать кого– нибудь из твоих бывших одноклассников и просмотреть вместе с ними альбом выпускников, то можно тебя вычислить, но это очень маловероятно. Людям Локеша пришлось бы проверить все средние школы страны, ведь они не знают, в каком штате тебя искать.

– Значит, эта статья означает…

– …появление первой ниточки, которая может привести к тебе.

– Почему вы ничего не рассказывали мне раньше?

– Мы не хотели понапрасну тебя волновать. Мы хотели, чтобы ты могла жить нормальной жизнью, насколько это возможно.

– И что мы теперь будем делать?

– Заканчивать семестр, я надеюсь. Но на всякий случай я вызвал сюда Кишана.

– Кишан приезжает к нам?

– Он отличный охотник и поможет мне следить за обстановкой. Кроме того, он гораздо хладнокровнее меня.

– Ох, Рен.

Он притянул меня к себе, погладил по спине.

– Я не дам тебя в обиду. Обещаю.

– Но что, если что-то случится с тобой? Что я буду тогда делать?

– Кишан присмотрит за мной, пока я буду приглядывать за тобой.

9
Кишан

Но время шло, а о Локеше по-прежнему не было ни слуху ни духу, и постепенно я настолько успокоилась, что стала с нетерпением ждать ежегодного бала святого Валентина. Вечер обещал быть изумительным, а все собранные средства должны были пойти в фонд Дженсеновского полярного музея.

Рен вытащил чехол с платьем из моего шкафа и повесил на дверь ванной.

– Это как прикажете понимать, мистер Стилист? Уж не думаешь ли ты, что будешь решать, в чем мне идти?

– Ты мне нравишься в любой одежде, – ответил Рен, заключая меня в крепкие объятия. – Но я бы очень хотел видеть тебя в этом платье. Ты ведь наденешь его сегодня?

Я фыркнула.

– Наверное, ты выбрал его потому, что я ни разу не надевала его на свидание с другими молодыми людьми! Я же знаю, что ты невзлюбил персиковое платье из-за того, что оно якобы пахнет Ли, хотя я отдавала его в чистку.

– Персиковое платье изумительно тебе идет, ведь я специально выбирал его для тебя. Но ты права. Оно напоминает мне о Ли, а я хочу, чтобы сегодняшний вечер был только для нас с тобой. – Он поцеловал меня в щеку. – Через два часа я зайду за тобой, и поедем ужинать. Не заставляй меня ждать.

– Не буду.

Он прижался лбом к моему лбу и тихо добавил:

– Ненавижу расставаться с тобой!

Когда он ушел, я приняла горячий душ, надела халат и замотала волосы полотенцем. Расстегнув чехол, я увидела шифоновое платье глубокого темно-красного цвета, с юбкой, тесно облегающей бедра и колени и распускающейся веером пышных складок внизу, и двойными рукавами крылышками. Платье было с запа2хом и завязывалось на боку. На полу стояла коробка с красными босоножками на ремешках.

Я вздохнула. И почему мужчинам так нравятся такие босоножки?

Теперь, когда я располагала самой полной коллекцией губных помад, мне не составило труда подобрать подходящий оттенок к платью. Дольше всего я провозилась со щипцами для завивки, укладывая волосы в длинные локоны, которые затем забрала наверх двумя гребнями, украшенными драгоценными

камешками, оставив несколько небрежных прядок вокруг ушей. Затем я сделала макияж и даже успела покрасить ногти на руках и ногах подходящим оттенком алого лака.

Рен, стараясь держаться официально, позвонил в дверь. Я открыла – и тихо ахнула. Мой ангел-воитель был в ослепительно-белой сорочке и сером жилете, да еще подпоясан алым атласным поясом, завязанным свободным узлом, в тон моему платью. Черный смокинг он небрежно перекинул через плечо, черные пряди волос соблазнительно падали ему на лоб. Иными словами, он был похож на супермодель, только что сошедшую со страниц журнала GQ.

Рядом с ним я вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, заигравшейся в переодевания. И тут же представила, как каждая девушка на балу будет мечтать протянуть руку и убрать волосы с его лба.

Рен улыбнулся, и мое сердце тут же подпрыгнуло, упало и выброшенной из воды рыбкой забилось на полу. За спиной Рен держал букет из двух дюжин алых роз. Он вошел в дом и поставил цветы в заранее приготовленную вазу с водой.

– Рен! Ну как я могу танцевать с тобой, когда ты такой ослепительный! Ты и в обычной одежде выглядишь совершенно возмутительно, но теперь это просто за гранью!

– Ума не приложу, о чем ты говоришь, Келси. – Он протянул руку, легонько дернул меня за завитой локон и осторожно заправил его мне за ухо. – Рядом с тобой меня никто даже не заметит! Ты выглядишь просто очаровательно. Ну что, готова получить подарок ко Дню святого Валентина?

– Ты ничего не должен мне дарить, Рен! Честное слово, ты сам – подарок.

Он вытащил из кармана коробочку для ювелирных украшений и протянул ее мне. Внутри оказалась пара золотых сережек-гвоздиков с бриллиантами и рубинами.

Я встала на цыпочки и поцеловала его.

– Спасибо. Прелестные сережки.

– Тогда почему на лице у тебя написано большое «но»?

– Потому что ты не должен покупать мне такие дорогие подарки. Я буду счастлива самым простым, обыкновенным вещам, вроде… пары носок, например.

Он презрительно фыркнул.

– Носки – это ни капельки не романтично. Тем более сегодня особый повод. И не порть мне вечер, Келси. Скажи, что любишь меня и мои сережки.

Я обвила руками его шею и улыбнулась.

– Я люблю тебя. И… люблю мои сережки.

Его лицо озарилось душераздирающе прекрасной улыбкой, и мое глупое сердце снова выпрыгнуло из груди.

Я взяла со стола свой подарок и вручила ему.

– Конечно, это полное убожество по сравнению с серьгами и розами. Но, поверь, богатому тигру очень трудно угодить.

Он нетерпеливо разорвал бумагу и увидел мой подарок – книгу.

Я торопливо объяснила:

– Она называется «Граф Монте-Кристо». Это история о человеке, которого по ложному обвинению посадили в тюрьму на долгие годы, но он сумел бежать и отомстить своим обвинителям. Это очень хороший роман, он напоминает мне о твоем многовековом заточении в тигриной шкуре. Я решила, что мы можем ненадолго оторваться от Шекспира и почитать вместе эту книгу.

– Превосходный подарок. Ты подарила мне не только новое произведение, которое мне непременно понравится, но и долгие часы совместного чтения, что является самым лучшим подарком!

Я ножницами отстригла одну розу из букета и засунула ему в петлицу. После этого мы поехали на ужин, который был заказан в отдельном кабинете.

Пока мы сидели и дожидались ни много ни мало личного официанта, я шепотом заявила:

– Меня бы устроил самый обычный ресторан.

– Обычный ресторан, где сотни мужчин сегодня вечером назначили свидания своим дамам? Разве это подходящая обстановка для особенного романтического свидания? Я хочу, чтобы сегодня ты принадлежала только мне.

Он взял мою руку и поцеловал.

– Это мое первое свидание в День святого Валентина с девушкой, которую я люблю. Я хочу видеть, как ты ослепительна при свете свечей. Кстати, чуть не забыл… – Он вытащил из-за лацкана листок бумаги и протянул мне.

– Что это? – Я развернула записку и сразу же узнала его почерк. – Ты написал мне стихотворение?

– Да, – улыбнулся он.

– Ты прочитаешь его мне?

Он кивнул и забрал у меня листок. Потом начал читать, и тембр его голоса согрел меня до кончиков пальцев. Он читал…

Я зажег свечу и смотрел на пламя.
Оно танцевало и трепетало,
Пугливое и свободное.
Оно пленило меня и мерцало

в моих глазах.
Когда я провел рукой над ним,
Оно всколыхнулось.
Оно росло все выше, горело все жарче.
Когда я отвел руку, жар утих,
Ослабел и исчез.
Я вновь протянул руку, чтобы
насладиться огнем,
Что сделает он? Опалит и сожжет?
Вспыхнет и ранит?
Нет! Он согревал и волновал,
Мерцал и сиял,
Воспламеняя мое тело и душу,
Он – рдеющий, сияющий, манящий —
Яркий румянец ее щеки.

Рен

Он потупил взгляд, явно смущенный столь красивыми словами. Вскочив, я перешла на его сторону стола. Уселась к нему на колени и обняла руками за шею.

– Это прекрасно.

– Ты прекрасна.

– Я бы поцеловала тебя, но ты будешь весь в помаде, что скажет официантка?

– Какое нам до этого дело?

– Значит, я обречена на поражение?

– Да. Я и так планировал целовать тебя… бесконечно, до самого конца этого вечера.

– Понятно. Значит, я могу начать прямо сейчас? Есть возражения?

– Только пожелание – приступить немедленно.

Я не слышала, как подошла официантка. И покраснела до корней волос.

Рен негромко засмеялся.

– Не волнуйся, я оставлю ей щедрые чаевые.

Официантка подошла к нашему столику как раз в тот момент, когда я неуклюже слезала с коленей Рена. Я ужаснулась, увидев лицо Рена, до самого носа перепачканное моей помадой. Мне не хотелось даже думать о том, на что была похожа я сама. Но Рену было наплевать.

Я попросила его заказать ужин и со всех ног бросилась поправлять макияж. Когда я вернулась, еда была уже на столе. Рен встал, чтобы отодвинуть для меня стул, а когда я села,

перегнулся через стол и прижался щекой к моей щеке.

Я рассеянно теребила новую сережку. Разумеется, это не укрылось от его внимания.

– Они тебе нравятся?

– Они прелестные, но мне очень неудобно, что ты тратишь на меня столько денег. Знаешь, я думаю нужно завтра же вернуть их в магазин. Может быть, они позволят заплатить только за прокат.

– Обсудим это позже. А сейчас я хочу любоваться тобой в этих серьгах.

После ужина мы поехали на бал. Рен крепко прижимал меня к себе и кружил по всему залу, не сводя глаз с моего лица. Он был настолько прекрасен, что я тоже не видела никого, кроме него.

И еще он тихонько мурлыкал в такт песне под названием «Мое признание».

Я с улыбкой заметила:

– Эта песня очень точно описывает мое отношение к тебе. Мне потребовалось много времени, чтобы признаться в своих чувствах прежде всего самой себе.

Он внимательно вслушался в слова, потом расплылся в улыбке.

– А я знал, как ты ко мне относишься после нашего поцелуя перед выходом из Кишкиндхи. Того самого, который так разозлил тебя.

– Ах, вот оно что! Теперь я понимаю, почему ты называл этот поцелуй «просветляющим».

– Он и был таким. А почему ты тогда так взбесилась?

– Я неправильно поняла твой термин.

– Я назвал тот поцелуй просветляющим, потому что после него понял самое главное – мои чувства не были безответными. Ты бы никогда не смогла так целовать мужчину, если бы не любила его.

Я приподнялась на цыпочки и потрепала его по волосам на затылке.

– Так вот почему после этого поцелуя ты стал вести себя так нагло и самоуверенно!

– Конечно. Но весь мой кураж пропал после твоего отъезда.

Его лицо стало серьезным. Он поцеловал мои пальцы, прижал мою ладонь к своему сердцу и без тени улыбки сказал:

– Пообещай мне, что больше никогда не оставишь меня, Келси.

Я посмотрела в его ярко-синие глаза и ответила:

– Обещаю. Я больше никогда тебя не оставлю.

Его губы с жаром прильнули к моим губам. Потом он лукаво улыбнулся, закрутил меня волчком, рванул к себе и крепко

прижал к груди. Его рука скользнула по моей спине, и вот уже он опрокинул меня к самому полу. В следующее мгновение он резко поднял меня, и мы начали отплясывать жаркое танго, причем Рен без малейшей запинки следовал латиноамериканскому ритму песни.

Я знала, что на нас, наверное, все смотрят, но мне было все равно. Рен уверенно выполнял все движения танца, а я вообще не понимала, что делаю. Танец был настолько страстным и энергичным, что вскоре я забыла обо всем, кроме Рена и ритма. Это была идеально сыгранная партия соблазнения, отрезавшая меня от всего мира, замкнув в плотном коконе физических и душевных переживаний.

Когда песня закончилась, Рену пришлось несколько минут поддерживать меня, потому что у меня подкашивались ноги. Он смеялся и сопел мне в шею, довольный моей реакцией.

Затем заиграла обычная медленная мелодия. Наконец я настолько пришла в себя после его обольстительной атаки, что ко мне снова вернулся дар речи.

– Я думала, такие танцы бывают только в кино, – сказала я. – Где ты научился так танцевать?

– Моя мама научила меня традиционным танцам, а за долгие годы наблюдения я запомнил множество новых движений. Кроме того, мистер Кадам приставил ко мне Нилиму, она стала моей постоянной партнершей.

Я нахмурилась.

– Мне не нравится, что ты танцуешь с Нилимой. Если тебе нужна практика, лучше поучи меня.

– Нилима мне все равно что сестра.

– Все равно.

– Хорошо, даю тебе слово, что больше никогда не буду танцевать ни с какой другой женщиной. – Он улыбнулся. – Хотя мне очень нравится, когда ты ревнуешь.

Когда мы снова медленно задвигались в такт мелодии, я положила руку ему на плечо, закрыла глаза и забылась в его объятиях. Песня доиграла только до середины, когда я почувствовала, что Рен напрягся. Открыв глаза, я поймала его взгляд, устремленный мне за спину.

– Так-так-та-ак… – раздался знакомый тягучий голос. – А теперь роли меняются! По-моему, это мой танец.

Я резко обернулась.

– Кишан? Как я рада тебя видеть! – Я крепко обняла его.

Золотоглазый принц сгреб меня в объятия, прижался щекой к моей щеке и сказал:

– Я тоже счастлив тебя видеть, *билаута*.

10
Наемники

Кишан отстранил меня, чтобы лучше рассмотреть.

– Я скучал по тебе. Мой глупый братец тебя не обижал? – спросил он и тут же добавил театральным шепотом: – Тебе не пришлось использовать тигриный репеллент?

Я рассмеялась.

– Рен очень хорошо ко мне относится, несмотря на то, что я подарила ему непростительно жалкий подарок на День святого Валентина.

– Ерунда! Он и такого не заслужил. А что он тебе подарил?

Я дотронулась пальцем до сережки.

– Вот это. Но они для меня слишком экстравагантны.

Кишан протянул руку и бережно коснулся сережки. Его дерзкий пиратский взгляд, выражавший спектр эмоций от «сейчас возьму и украду твою девушку» до «ну и что ты со мной сделаешь?», вдруг исчез, сменившись тихой задумчивой улыбкой.

– Маме бы это понравилось, – тихо сказал он.

Ничего не понимая, я переспросила:

– Ты хочешь сказать, это серьги вашей мамы? – Я обернулась к Рену, и тот коротко кивнул. – Рен, почему же ты мне ничего не сказал?

Он спокойно ответил:

– Я не хотел, чтобы ты заставляла себя носить их, если они тебе не понравятся. Я же понимаю, что они немного старомодные.

– Ты все равно должен был сказать мне, что они принадлежали твоей матери! – Я обвила его руками за шею и нежно поцеловала. – Спасибо, что подарил мне такую дорогую для тебя вещь!

Он обнял меня и поцеловал в щеку.

Я услышала шумный вздох за спиной.

– Фу! Оказывается, он нравился мне гораздо больше, когда хныкал и ломал руки. А это просто омерзительное зрелище.

Рен негромко зарычал.

– Тебя вообще кто сюда звал?

– Ты.

– Да, я позвал тебя, но не приглашал сюда. Как ты нас разыскал?

– Мы прилетели в Сейлем, я доехал до дома, слегка порылся там и нашел на кухонной стойке приглашение на бал. После чего я доехал до кампуса, а тут уж выследить вас было парой пустяков.

Я решил, что где вечеринка, там и я. Но оказалось, что все хорошенькие девушки уже разобраны, так что… попробую одолжить твою.

Кишан протянул мне руку, но Рен загородил меня спиной и процедил:

– Только через мой труп.

Кишан с готовностью засучил рукава своего свитера.

– Всегда готов, братишка. Поглядим, на что ты способен, мистер Куртуазность.

Так, пора вмешаться! Сделав шаг вперед, я сказала самым нежным голосом:

– Кишан, вообще-то у нас свидание, и хотя я очень рада тебя видеть, не мог бы ты сейчас поехать домой? Как видишь, это не столько вечеринка, сколько праздник влюбленных. Мы скоро вернемся, а дома тебя ждет огромная тарелка печенья и полный холодильник продуктов для приготовления сэндвичей. Ну что, договорились? Пожалуйста!

– Ладно. Ухожу. Но только потому, что ты просишь.

– И потому, что ты напрашиваешься на неприятности, – огрызнулся Рен.

Кишан щелкнул его по уху и поддразнил:

– Тоже верно. Вот и проверим, сумеешь ли ты устроить мне эти неприятности, большой брат. Пока, Келси.

У меня было отчетливое ощущение, что только моя рука удерживала Рена от того, чтобы броситься за братом. Он смотрел ему вслед, пока Кишан не скрылся из глаз, но даже после этого не сразу смог расслабиться. Я попыталась вернуть его внимание.

– Рен…

– Он слишком много себе позволяет. Возможно, было ошибкой вызывать его сюда.

– Ты ему доверяешь?

– Смотря в чем. Во многом. Кроме…

– Кроме?

– Кроме тебя.

– Ох, Рен. Но тебе и не нужно доверять ему в отношении меня. Достаточно того, чтобы ты доверял мне.

Он отмахнулся.

– Келс…

– Нет, я серьезно. – Я взяла его лицо в свои ладони и повернула к себе. – Я хочу, чтобы ты кое-что понял. Возможно, Джесубай выбрала Кишана, но я выбрала тебя. Ты – тот, кто мне нужен. Ты, а не Кишан. – Тут я задумалась и вздохнула. – Хотя я немного жалею его. Он потерял ту, которую любил. Вот почему мы с тобой должны дорожить каждым нашим днем. Никому не

дано знать будущего, никто не знает, когда нас могут навсегда разлучить с любимыми.

Несколько секунд он молча танцевал со мной, крепко обняв и прижавшись щекой к моей щеке, радуясь тому, что я не собиралась больше говорить о Кишане.

– С нами этого не случится. Я никогда тебя не оставлю. Ведь я бессмертный, не забыла?

Я слабо улыбнулась.

– Я не это имела в виду.

– Будто я не понимаю, что ты имела в виду! – поддразнил меня Рен. – Но мне пришлось сразиться с тремя соперниками в борьбе за твою любовь, поэтому я не намерен уступать тебя даже брату.

Я расхохоталась.

– Ты преувеличиваешь, Тарзан. На самом деле тебе не пришлось ни с кем сражаться, разве что с Ли. Мое сердце всегда принадлежало тебе, и ты, по-моему, уже давно это знал.

– Возможно, я знал, но ты – нет. Я слишком долго был одиноким тигром, Келси. Думаю, я заслужил счастье с любимой женщиной. И я никому не позволю отнять ее у меня, даже Кишану.

Я выразительно посмотрела на него. Он послушно вздохнул и закружил меня в танце.

– Я стараюсь быть терпеливым с Кишаном, но беда в том, что он прекрасно знает, как довести меня до белого каления. Мне очень тяжело сдерживаться, когда он рядом, тем более когда он начинает заигрывать с тобой.

– Постарайся, пожалуйста. Ради меня.

– Ради тебя я с радостью снесу любые муки, но не проси меня терпеть, когда он флиртует с тобой!

– Я люблю тебя, Рен. И попрошу его оставить свои шуточки. Но постарайтесь не кидаться друг на друга, пока он в городе, ладно? Никаких поединков! Не забывай, что ты сам позвал Кишана, и он тебе нужен, договорились?

– Ладно, но если он будет продолжать волочиться за тобой, я заберу свое обещание обратно.

Помолчав, я тихо напомнила:

– Ты не сказал мне… что тоже любишь меня.

– Келси, «в решеньях я неколебим, подобно Звезде Полярной: в постоянстве ей нет равной среди звезд в небесной тверди»[5].

– Цезарь погиб, Рен.

– Я надеялся, что ты не узнаешь цитату.

– Я знаю всего Шекспира.

– Ладно, тогда скажу просто: я люблю тебя. Ты для меня

важнее всего на свете. Я могу быть собой, только если ты рядом. Единственное, чего я хочу в жизни, – это быть тем, кто тебе нужен. Это не стихи, это голос моего сердца. Так сгодится?

Я улыбнулась дрожащими губами.

– Пожалуй.

Мы не задержались на балу, поскольку у Рена испортилось настроение, и никакие мои шутки, поцелуи и заверения в любви не смогли ничего исправить. Он танцевал со мной, но его мысли были где-то далеко, и когда я сказала, что хочу домой, он не стал спорить.

Когда мы подъехали к дому, я увидела, что у меня в окнах горит свет. Прежде чем выйти из машины, Рен нежно обнял меня и поцеловал.

Потом прижался лбом к моему лбу и сказал:

– Наше свидание закончилось не совсем так, как я планировал.

– У тебя еще есть время, – улыбнулась я, обнимая его за шею. – А что ты задумал?

Он рассмеялся.

– Честно говоря, я рассчитывал почитать, но теперь, когда здесь Кишан, из этого все равно ничего не выйдет.

Он снова поцеловал меня, и тут до нас донесся приглушенный голос, что-то сказавший на хинди, но так тихо, что я не разобрала слов. Рен быстро оторвался от меня, бросил пару резких слов на хинди, а потом хмуро открыл мне дверь.

Кишан смотрел телевизор, обложившись неимоверным количеством всевозможной еды. На кофейном столике перед ним валялись шесть открытых пакетиков чипсов разных сортов, упаковка соленых крендельков, попкорн, печенье и прочие лакомства, все начатые и не законченные.

– Просто отвратительно, – скривился Кишан. – Неужели нельзя было закончить с поцелуями на танцах, чтобы я не слышал ваших нежностей?

Рен с раздраженным рычанием помог мне снять пальто, и я поспешила наверх. Он сказал, что поднимется ко мне, как только разберется с Кишаном. Обещание «разобраться» прозвучало довольно зловеще, но я кивнула, надеясь, что они хотя бы постараются вести себя друг с другом по-человечески.

Я как раз натягивала через голову пижаму, когда услышала снизу возмущенный вопль Рена:

– Ты сожрал все мое печенье… с арахисовым маслом?!

Я сокрушенно покачала головой. Похоже, два тигра в одном логове – это настоящая катастрофа.

Ответа Кишана я не услышала и решила, что пусть сами

разбираются между собой. Бережно уложив рубиновые серьги на дно своей шкатулки с лентами, я ненадолго задумалась о матери Рена и Кишана. Потом закончила переодеваться в шелковую пижаму, которую Рен купил для меня в Индии, и смыла косметику. Вытащив из волос блестящие гребни с камешками, я решила не заплетать на ночь косу, а оставить волосы распущенными. Мягкие локоны водопадом рассыпались у меня по спине.

Когда я вышла из ванной, Рен уже сидел на моей кровати, привалившись к спинке. Его смокинг валялся на стуле, развязанный галстук болтался вокруг шеи. Он закинул руки за голову и устало закрыл глаза.

Я залезла к нему на колени и поцеловала в щеку. Он тут же обнял меня и притянул к себе, по-прежнему не открывая глаз.

– Я пытаюсь ладить с Кишаном, Келси, но это будет очень и очень трудно.

– Я знаю. Где он будет спать?

– На моей половине, в моей спальне.

– А ты где?

Он открыл глаза.

– Здесь. С тобой. Как обычно.

– Хм-м. Слушай, Рен, тебе не кажется, что Кишан сделает определенные выводы… ну, ты понимаешь. О нас. О том, что мы… вместе.

– Не волнуйся. Он знает, что это не так.

– Рен! Да ты покраснел? – расхохоталась я.

– Нет. Просто не ожидал разговора на эту тему.

– Ах, ты в самом деле из другой эпохи, мой принц Очарование. Между прочем, это очень важная тема для разговора.

– А если я пока не готов к ней?

– Правда? Прошло целых триста пятьдесят лет, а ты все еще не готов?

Он зарычал.

– Не пойми меня неправильно, Келс. Я более чем готов к разговору об этом, но нам придется подождать. По крайней мере, до тех пор, пока не будет покончено с проклятием.

Я даже рот разинула.

– Ты что, смеешься? Или я неправильно тебя поняла? Ты говоришь, что, прежде чем по-настоящему быть вместе, мы должны еще трижды побегать наперегонки с мартышками и демонами? Опомнись, ведь на это уйдут годы!

– Я искренне надеюсь, что все закончится быстрее. Но да. Ты совершенно правильно меня поняла.

– И уступать ты не собираешься?

– Нет.

– Но это просто немыслимо! Значит, мне предстоит превратиться в старую деву, живущую с двумя огромными кошками?

– Ты не будешь старой девой.

– К тому времени, когда ты соблаговолишь изменить свое решение, точно буду!

– Келси, к чему эти разговоры? Ты что, готова к этому прямо сейчас?

– Наверное, нет, но… скажем, через год? Или два? Иначе я просто с ума сойду.

– Мне будет ничуть не легче, Келси. Но мистер Кадам тоже считает, что это слишком опасно. Да, нам известно, что все его потомки жили достаточно долго и что это, скорее всего, объясняется воздействием амулета. Еще мы знаем, что Локеш пытался убить нас с Кишаном, но амулет спас нас, превратив в тигров. У нас с Кадамом состоялся очень тяжелый разговор, и он сказал нам обоим, что будет лучше, если мы воздержимся от… неоправданного риска. Мы до сих пор не понимаем до конца ни природы проклятия, ни действия амулета, поэтому, пока мы окончательно не превратимся в людей, я не могу подвергать тебя риску.

Я сухо заметила:

– Но мистера Кадама это не остановило, Рен. Он не убил свою жену, правда?

– Правда. Но ведь он и тигром не был.

– Боишься, что у нас родятся тигрятки? – съязвила я.

– Не смей даже шутить над этим, – помертвел Рен.

– Но тогда скажи, чего ты боишься? – Нет, я просто не могла удержать свой язык за зубами! Как всегда в таких ситуациях, фамильный мамин сарказм давал о себе знать. – Или хочешь как следует подготовиться?

– Нет! – воскликнул он с таким неподдельным ужасом, что я не выдержала и рассмеялась. – Келси! Неужели ты не можешь отнестись к этому серьезно?

– Еще как могу. Просто мы затронули тему, которая меня не на шутку нервирует, а нервозность я обычно подавляю юмором и сарказмом. Но если серьезно, Рен, ты говоришь мне о годах, когда я уже сейчас готова наброситься на твою немыслимо привлекательную мужскую половину! – Я вздохнула. – Ты правда думаешь, что это может быть опасно?

– Правда в том, что я не знаю. Мне до сих пор неизвестно, как проклятие может подействовать на нас. Но я не могу подвергать тебя опасности, поэтому давай отложим этот разговор… хотя бы

на какое-то время?

– Ладно, – проворчала я. – Но знай, что мне будет… очень трудно сохранить ясность мыслей, находясь рядом с тобой.

– М? – промычал он, прижимаясь губами к моей шее.

– Между прочим, это не выход, – вздохнула я. – Чувствую, в будущем меня ждут долгие часы, проведенные под ледяным душем.

Рен прогудел мне в шею:

– Нас обоих, милая. Скажи, а ты могла сохранять ясность мысли рядом с другими своими… молодыми людьми?

– Какими еще молодыми людьми?

– Джейсоном или Ли?

– К Джейсону я всегда относилась только как к другу. Что касается Ли, то он был моим хорошим другом с определенным потенциалом. М-м-м, ох… как хорошо. Они оба были интересными людьми, и мне хотелось получше узнать их. Но не больше. Я никогда не любила никого из них, как тебя, и ни с одним из них не чувствовала ничего подобного… – Я тихо застонала. – Вот такого.

Он покрыл поцелуями изгиб моей шеи, поднимаясь к уху.

– А до них?

– Нет. До них и не было никого. Ты был моим первым… всем.

Рен запрокинул голову и улыбнулся своей сокрушительной улыбкой.

– Я исключительно рад и безмерно счастлив слышать это! – Он собрал мои волосы, перекинул их через мое плечо и стал целовать в шею. – Кстати, Келс, ты тоже моя первая во всем.

Я затрепетала. Вздохнув, он нежно поцеловал меня и прижал к своей груди.

Полежав немного, я сказала, крутя пуговицу на его рубашке:

– Заешь, моя мама говорила со мной об этом как раз накануне своей смерти. Они с папой надеялись, что я подожду с этим до свадьбы, как это сделали они.

– Для меня это само собой разумеется. В мое время и в моей стране случайные связи были недопустимы.

– Ах, вот как, – усмехнулась я. – Значит, ты считаешь нашу связь случайной?

– Нет. Только не для меня. – Он наклонил голову и внимательно всмотрелся в мое лицо. – А для тебя?

– Тоже нет.

– Приятно слышать. – Он протянул руку, схватил мое одеяло и укрыл нас.

– Рен?

– Хм?

– Что бы ты сказал, если бы я сразу объявила, что хочу подождать… ну, ты понимаешь, до тех пор.

Улыбка озарила его прекрасное лицо.

– До каких пор?

Я стыдливо прикусила губу.

– До… ты знаешь.

Он улыбнулся еще шире.

– Ты делаешь мне предложение? Хочешь позвонить мистеру Кадаму, чтобы спросить его благословения?

Я сердито фыркнула.

– Мечтай, Ромео! Нет, серьезно, если бы я захотела подождать, тебя бы это… расстроило?

Он взял мое лицо в свои ладони, заглянул в мои глаза и просто ответил:

– Я бы ждал тебя целую вечность, Келси.

Я счастливо вздохнула.

– Ты всегда говоришь самые правильные слова.

Я блаженствовала на его груди, но тут вдруг одна полузабытая мысль мелькнула у меня в голове, заставив вскочить.

– Постой-ка! Значит, я у тебя первая во всем, да? Но ведь это не совсем правда! Мистер Кадам один раз проболтался мне, как однажды он прокрался в купальни цариц в Хампи и что в его время такая вылазка считалась обрядом посвящения для молодых людей. Скажи-ка мне, Тигр, ты никогда не сопровождал его в ночной прогулке в Хампи?

Рен замер.

– Ну, если говорить о фактической стороне дела…

Я улыбнулась и подняла брови.

– Да, Рен? Слушаю тебя, любовь моя! Итак, что ты сказал?

– Я сказал лишь то, что если говорить о фактической стороне дела, то да – я, Кишан и Кадам однажды пробрались в купальни. Но мы дошли только до входной двери, и там все спали. Мы ничего не увидели.

Я ткнула его кулаком в грудь.

– Ты говоришь правду, Ланселот?

– Истинную, абсолютную и стопроцентную.

– Значит, если я завтра спрошу Кишана, он подтвердит твою версию?

– Разумеется, – кивнул он и тихо добавил: – А если нет, я расквашу ему физиономию.

– Я все слышала. Лучше говори мне правду, Рен, тогда тебе не придется расквашивать физиономию своему родному брату!

– Да я просто дразню тебя, Келс. Клянусь. С того дня, когда ты впервые прочитала мне стихотворение перед клеткой, я не

смотрел ни на кого, кроме тебя. Ты – лебедь среди ласточек.

– Красиво звучит, но мне кажется, тебе стоит повнимательнее изучить классификатор птиц.

Он нахмурился и оставил мою шутку без ответа.

– Что касается Кишана, то он все равно заслуживает оплеухи за то, что слопал мое печенье.

– Я завтра еще напеку, так что не заставляй его раскаиваться в своем здоровом аппетите!

Это показалось мне столь забавным, что я покатилась со смеху, но Рен ловко закрыл мне рот поцелуем.

На следующий день, когда Рен доел свой третий омлет, а Кишан – четвертый, Рен объявил, что намерен возобновить занятия ушу. Кишан захлопал в ладоши, давая понять, что горит желанием как следует вздуть брата.

Они арендовали небольшую студию, чтобы без посторонних глаз обучить меня всему необходимому. Вместо того чтобы тратить время на разные красивые приемы и позиции, братья задали мне интенсивный курс базовой подготовки под названием «выведи противника из строя». Мы решили, что мне будет полезно освоить самые простые приемы обороны на случай встречи с Локешем или незнамо какими тварями, поджидающими нас на следующем этапе поисков. Несколько минут мы разогревались и делали растяжки, затем Рен начал урок, используя Кишана в качестве болвана для битья.

– Урок первый. Если нападающий бежит прямо на тебя, согни колени и жди, стараясь подпустить его как можно ближе. Затем схвати его за руку, запрыгни ему за спину и хватай руками за горло. Если имеешь дело с высоким и крупным противником, дави на верхнюю часть его шеи, сразу под подбородком.

Кишан побежал на Рена, и тот атаковал его сзади. Затем настала моя очередь. Когда Рен бросился на меня, я схватила его за руку и запрыгнула ему на спину. Потом я мертвой хваткой вцепилась ему в шею, после чего быстро разжала руки и чмокнула его в щеку, прежде чем спрыгнуть на пол.

– Очень хорошо. Урок второй. Если имеешь дело с более искусным и опытным противником, не пытайся сражаться с ним! Постарайся вывести его из строя. Ударь его в живот или в пах, неважно, рукой или ногой, главное, изо всех сил.

Кишан снова бросился на Рена и атаковал его по всем правилам высокого боевого искусства. Я узнала только удар ногой в лицо в прыжке, с согнутым коленом, и удар ногой с разворота, но Кишан применил еще кучу сложнейших приемов, которые я никогда раньше даже не видела. Какое-то время Рен

лишь пятился от него, уворачиваясь от ударов и выжидая, когда противник откроется, после чего с силой ударил его в живот. Но Кишан быстро оправился от удара и вновь перешел в наступление. На этот раз он атаковал еще упорнее и даже швырнул Рена на пол, но тот врезал ему снизу вверх, да так, что едва не вывел брата из строя.

– Если у тебя есть возможность выбирать, целься в пах, – пояснил он мне. – Это намного эффективнее. Теперь урок третий. Меть в наиболее уязвимые места. Какие именно? Прежде всего глаза, кадык, уши, виски и нос. В глаза бей двумя пальцами, вилкой. Если целишься в уши, ударь обеими ладонями, сразу с двух сторон и очень сильно. В остальные места – сильный удар кулаком.

Он продемонстрировал мне все приемы по очереди и попросил повторить на нем. Рен требовал, чтобы я все делала в полную силу, как в боевых условиях. Но я не могла заставить себя.

Кишан с недовольным рычанием оттолкнул Рена и занял его место.

– Так она никогда ничему не научится. Ей нужно почувствовать себя в ситуации настоящего нападения.

– Нет, ты слишком груб. Ты сделаешь ей больно.

– А они, по-твоему, что с ней сделают?

Я дотронулась до руки Рена.

– Кишан прав. Все нормально. Пусть он попробует.

Рен нехотя согласился и отошел к стене.

Я повернулась спиной к Кишану и стала со страхом ждать нападения. Он подскочил ко мне сзади, с силой схватил за руку и рывком повернул к себе. В следующее мгновение его руки сомкнулись на моей шее, и я почувствовала, что задыхаюсь. Потом раздалось грозное рычание, и Кишан отлетел к стене. Рен склонился надо мной, нежно ощупывая красные отпечатки пальцев на моем горле.

Обернувшись, он в бешенстве заорал на Кишана:

– Что я тебе говорил? Ты не умеешь соизмерять свои силы! Теперь у нее будут синяки на шее.

– Я должен быть грубым, чтобы все выглядело как в реальности. А она должна быть готова ко всему.

– Рен, со мной все в порядке. Позволь Кишану сделать это еще раз. Я должна знать, как это бывает, чтобы не растеряться в случае нападения. Возможно, когда-нибудь я смогу спасти тебя!

Он нежно погладил мою шею и с сомнением заглянул в глаза. Потом с усилием кивнул и вернулся на свое место.

Кишан отбежал назад и крикнул мне в спину:

– Не думай, Келси! Просто действуй.

Я отвернулась и снова стала ждать нападения. На этот раз я изо всех сил напрягала слух, пытаясь заранее услышать шаги Кишана, но все оказалось напрасно. Я даже опомниться не успела, как он неожиданно грубо схватил меня за шею и поволок куда-то. Он был слишком силен. Он душил меня. Я брыкалась, извивалась и пинала его по ноге, но все это было совершенно бесполезно.

Совсем отчаявшись, я судорожно втянула в себя воздух и изо всех сил врезала ему головой в подбородок. Это оказалось очень больно. Просто ужасно. Однако Кишан ослабил хватку ровно настолько, что я смогла выскользнуть из его рук на пол. Тут я вскочила, врезала ему плечом в пах, а потом изо всех сил добавила кулаком в живот.

Кишан свалился и покатился по полу. Рен расхохотался громким лающим смехом и стукнул брата по спине, прежде чем подбежать ко мне.

– Ты сам напросился! Сам говорил – не думай! Просто действуй! Вот это был номер! Жаль, у меня не было с собой фотоаппарата.

Я вся дрожала от напряжения. Да, у меня получилось, но теперь мне было совершенно ясно, что я не сумею справиться более чем с одним противником. Как же я смогу защитить Рена, если даже за себя с трудом могу постоять?

– С Кишаном все будет в порядке?

– Конечно. Только дай ему немного отлежаться.

Рен был в восторге от моей скромной победы. Наконец Кишан встал, морщась от боли.

– Молодец, Келси. Будь на моем месте обычный человек, ты бы вырубила его минут на двадцать, не меньше.

Но у меня слегка кружилась голова.

– Знаете что, ребята? Давайте закончим на сегодня. У меня в глазах плывет. Пожалуй, приму аспирин. Не забывайте, ведь на мне все заживает не так быстро, как на вас.

Рен помрачнел, быстро ощупал мою голову и обнаружил набухающую здоровенную шишку. Разумеется, он отнес меня в машину на руках, хотя я прекрасно могла идти самостоятельно. Когда мы вернулись домой, он положил меня на диван, врезал Кишану в живот – просто так, в воспитательных целях – и бросился на кухню, чтобы приготовить для меня компресс со льдом.

Через две недели регулярных тренировок я стала чувствовать себя гораздо увереннее и даже научилась сохранять хладнокровие во время нападения. Каждую ночь Кишан и Рен по очереди

охраняли территорию вокруг дома, чтобы никто не мог застать нас врасплох.

На случай, если придется в спешке покидать дом, я собрала рюкзак с одеждой и прочими вещами первой необходимости и положила его под переднее сиденье Кишановского угольно-черного грузовика «джи эм си». В отдельную сумку я положила свое одеяло, документы, рубиновые сережки и Фаниндру. Рен и Кишан добавили туда пачки валюты разных стран. Разумеется, они тоже собрали сумки со своей одеждой. Грузовик ждал нас в миле от главной дороги, замаскированный ветками.

Свой амулет и ножной браслет, подаренный Реном, я всегда носила с собой, но меня беспокоила судьба шкатулки с лентами. Я не хотела, чтобы с ней что-то случилось, если нам придется в спешке покинуть город. Рен предложил переслать шкатулку мистеру Кадаму, и мы отправили ее вместе с другими ценными вещами в Индию.

С каждым днем нам все труднее было сохранять хорошее настроение, мы все чувствовали неумолимое приближение беды. Тем не менее мы старались. По вечерам Кишан смотрел кино вместе с нами, неизменно уничтожая весь попкорн, чем доводил Рена до белого каления. Мы старались не покидать дом после наступления темноты, поэтому я часто готовила. Это была непростая обязанность, поскольку Рен ел очень много, а Кишан мог без всяких усилий слопать в два раза больше. Подозреваю, что курьер, каждую неделю доставлявший нам горы продуктов из супермаркета «Сейфвей», думал, что мы держим небольшой пансион.

Однажды, субботним мартовским днем, я предложила съездить в Тилламук, на побережье. Утро выдалось необычайно теплым и солнечным для этого времени года. Разумеется, не было никакой гарантии, что такая погода продержится до конца дня, но побережья Орегона прекрасны даже в дождь. Посулив Рену шоколадное мороженное с арахисовым маслом, я без труда склонила его на свою сторону.

Мы быстренько загрузили в багажник «хаммера» сменную одежду и все необходимое для приготовления шоколадных сэндвичей с зефиром. Сев за руль, я доехала до Линкольна, откуда свернула на сто первое шоссе, идущее вдоль побережья. Поездка получилась чудесная, я слегка приоткрыла окна, и оба тигра тут же наморщили носы, вдыхая запахи океана. Вскоре я въехала на парковку перед выставочным центром Тилламукской сыроварни и отыскала уединенное местечко вдали от скопления машин.

– Ну что, встретимся внутри!

Подумав, я надела легкую куртку. Прогноз, пообещавший нам теплую погоду, несколько приукрасил действительность, солнце лишь изредка выглядывало из-за серых облаков. Было довольно ветрено, но дождь не собирался, по крайней мере, до вечера. Я вошла в магазин и стала изучать выставленные на прилавке сыры.

Рен переплел свои пальцы с моими. Этим утром он был в светло-голубой толстовке с каким-то азиатским драконом, извивавшимся кольцами от одного плеча к другому.

Я потрогала вышивку.

– Где ты такое раздобыл?

Он пожал плечами.

– Нашел в Интернете. Я стал опытным онлайн-покупателем.

– Вот как… Мне это нравится.

Он приподнял бровь.

– Правда?

– Да. – Я вздохнула. – К сожалению, тебе лучше держаться подальше от мороженого.

У него сделалось такое лицо, будто я нанесла ему смертельное оскорбление.

– Почему это ты собираешься держать меня подальше от мороженного?

– Потому что ты такой горячий парень, что оно растает и Кишан будет плакать. И еще мне не нравится, что все продавщицы мороженого пожирают тебя глазами.

– Жаль, ты не обратила внимания на молодого джентльмена за прилавком. Он определено огорчился, когда увидел меня с тобой.

– Врешь.

– А вот и нет… Не вру.

Я бросила косой взгляд на парня за кассой и убедилась, что он в самом деле наблюдает за нами.

– Наверное, он хочет убедиться, что мы не наберем слишком много бесплатных образцов.

– Вряд ли.

Мы подошли к стойке с мороженым, и я с наслаждением вдохнула запах свежеиспеченных вафельных стаканчиков. Кишан заказал рожок с тремя видами мороженого: апельсиново-шоколадным и со вкусами рутбира и черничного пирога.

– Любопытное сочетание, – заметила я.

Он улыбнулся мне, взял свой гигантский рожок и откусил огромный кусок от рутбирного шарика. Затем подошла очередь Рена, но его терзали сомнения.

– Я просто разрываюсь.

– Между чем и чем?

– Между шоколадным с арахисовым маслом и персиком со сливками.

– Ты же любишь шоколадное с арахисовым маслом! Вот и заказывай его.

– Так-то оно так, – кивнул он и шепнул, наклонившись к самому моему уху: – Но персик со сливками нравится мне гораздо больше.

Я заказала два шарика – шоколадный с арахисовым маслом и мой любимый «Тилламукский оползень», пообещав Рену, что дам ему доесть половину. Добавив к заказу здоровенную плитку помадки из арахисового масла, я расплатилась.

Ледяные волны цвета стали, увенчанные пенными гребнями, разбивались о тускло-серый песок, осыпая каскадами брызг черные скалы. Это был настоящий океан американского Северо-Запада – прекрасный, холодный и грозный. Ничего общего с веселым побережьем Флориды или Южной Калифорнии. Далеко от берега качалась на волнах рыбацкая лодка.

Рен расстелил на песке большое одеяло и занялся костром. Когда огонь с треском занялся, Рен сел рядом со мной. Мы ели, смеялись и болтали о разных видах боевых искусств: о карате, ушу, ниндзюцу, кэндо, айкидо, стиле шаолинь, тайском боксе, тэквондо и кэмпо. Рен и Кишан горячо заспорили о том, какая разновидность единоборств лучше подходит для разных ситуаций. Когда они наконец выдохлись, Рен пригласил меня полюбоваться океаном вдвоем. Мы сбросили обувь, взялись за руки и побрели по берегу к черным скалам, высившимся в полумиле от нашего одеяла, а холодные волны лизали наши босые ноги.

– Ты любишь океан? – спросил Рен.

– Я люблю смотреть на него или путешествовать по нему на судне, а вот плавать боюсь. Разве что ноги мочить, но не больше.

– Почему? Мне казалось, тебе нравятся морские истории.

– Конечно. Есть много прекрасных книг об океане – «Робинзон Крузо», «Двадцать тысяч лье под водой», «Остров сокровищ» и «Моби Дик».

– Тогда почему ты боишься?

– Отвечу одним словом – акулы.

– Акулы?

– Да. Кстати, нужно будет познакомить тебя с фильмом под названием «Челюсти», – вздохнула я. – Нет, умом я понимаю, что с точки зрения статистики большая часть пловцов никогда в жизни не встречается с акулами, но ведь под водой ничего не видно, и это до смерти меня пугает.

– А в бассейне лучше?

– Конечно! Мне очень нравится плавать, но, к сожалению, я видела столько спецвыпусков «Недели акул», что у меня пропала всякая охота купаться в океане.

– Может быть, тебе больше понравится подводное плавание?

– Может быть, хотя я сомневаюсь.

– Я бы хотел как-нибудь попробовать.

– Да на здоровье.

– Знаешь… с точки зрения статистики у тебя гораздо больше шансов быть съеденной тигром, чем акулами.

Он хотел схватить меня за руку, но я отпрыгнула в сторону и расхохоталась.

– А вот и нет, если тигр меня не поймает!

С этими словами я со всех ног бросилась бежать, а Рен со смехом погнался за мной по песку.

Он позволил мне отбежать подальше, хотя мог запросто догнать меня в любую секунду, и мы оба это знали. Наконец он поймал меня и перекинул через плечо.

Я давилась от смеха.

– Идем, Тигр, начинается прилив, а мы и так уже слишком надолго оставили Кишана наедине с едой.

Рен отнес меня обратно и сгрузил на одеяло.

Я принялась готовить тосты с зефиром, а Рен предложил Кишану сбегать наперегонки до скал и обратно.

– Давай, Кишан, кто первый вернется, тот победил.

– И что я получу в награду?

– Как насчет первого тоста? – предложила я.

Кишан покачал головой и предложил:

– Может быть, поцелуй прекрасной Келси?

Рен потемнел, как туча.

– Послушай, Кишан, – осторожно сказала я. – Мне кажется, это не слишком хорошая мысль.

Но Кишан не унимался:

– А по-моему, просто прекрасная! Ведь я даю нашему увальню настоящую цель, ради которой стоит расстараться. Впрочем, если он уверен, что продует, то конечно…

Рен зарычал:

– Я не продую!

Кишан ткнул его кулаком в грудь.

– Да ты и в лучшие свои дни не мог угнаться за моим хвостом!

– Вот как? Отлично. Идет.

– Ребята, не надо…

– Вперед!

Они сорвались с места и помчались так быстро, что превратились в два смерча на песке. Забыв о зефире, я вскочила на ноги и стала следить за состязанием. Кишан мчался как молния, но Рен тоже был неплох. Он всего на шаг отставал от Кишана. Добежав до скалы, они бросились в обратную сторону, и тут Рен поднажал, вырвался вперед и вернул себе преимущество. Но примерно на середине дистанции Кишан протянул руку, схватил Рена за голубой капюшон кофты и с силой дернул, опрокинув Рена на песок.

Тот споткнулся и упал, но быстро вскочил и бросился вперед, пылая жаждой мести. Его ноги замелькали с какой-то сверхъестественной скоростью. Песок из-под его подошв отлетал назад на несколько футов, дистанция неумолимо сокращалась. В результате Кишан обогнал Рена всего на один фут.

Рен был вне себя от ярости. А Кишан с хохотом отпихнул его, торопясь получить свою награду.

Я встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Рен, похоже, остался доволен этим и начал успокаиваться. Он подобрал с песка камень и с силой зашвырнул его в океан.

– Ты победил только потому, что смошенничал.

Но Кишан невозмутимо парировал:

– Я победил потому, что умею побеждать. А способ не имеет никакого значения. Тебе тоже стоит научиться идти на все ради победы. Кстати о победе, я рассчитывал на несколько иной приз.

С этими словами он схватил меня за локти, повернул к себе и смачно поцеловал в губы. Игры в его поцелуе было куда больше, чем чувства, но Рен взбесился, как и было задумано:

– Отойди. От. Нее.

Кишан выпрямился, и я едва успела отпрыгнуть в сторону, как Рен бросился на брата, от души врезал ему кулаком в живот, заставив подавиться торжествующим хохотом, после чего повалил на песок. Следующие несколько минут они с рычанием катались по берегу. Я решила не мешать им. Похоже, ссоры и драки были их любимым времяпрепровождением.

Потом мы ели сэндвичи. Я убрала непослушные волосы со лба Рена и сказала:

– Ты же знаешь, что он не всерьез. Он же нарочно бесит тебя.

– Нет, он именно всерьез! Говорю тебе, если он не перестанет волочиться за тобой, я за себя не отвечаю. Слушай, а вкусная штука! М-м-м, вот если бы еще добавить…

– Арахисового масла? – хором закончили мы и расхохотались.

Рен со смехом наклонился надо мной, чтобы поцеловать.

– Рен! У тебя все пальцы липкие! И губы тоже.

Не слушая, он принялся осыпать мое лицо липкими сладкими

поцелуями. Я с хохотом спихнула его со своих коленей и вскочила. Рен хотел поймать меня за руку, но тут у меня зазвонил телефон. Это был Джейсон.

– Привет, Джейсон. Что случилось?

– Я просто решил, что ты должна знать: вчера в кампус приходили какие-то люди и расспрашивали о тебе. Они представились сотрудниками юридической фирмы и сказали, что у них есть новости о завещании твоих родителей.

– Понятно. А как они выглядели?

– Высокие, в дорогих костюмах. Выглядели вроде как надо, но я не стал им ничего говорить. Решил сначала позвонить тебе.

– Ясно. Спасибо, что сказал мне, Джейсон. Ты правильно сделал, что ничего им не рассказал.

– У тебя какие-то неприятности, Келси? Что-то серьезное?

– Да нет, все нормально. Не волнуйся.

– Ну ладно. Тогда пока.

– Пока.

Я захлопнула телефон и посмотрела на Рена. Он поймал мой взгляд, и мы оба все поняли без слов. Локеш меня нашел. Потом я услышала за спиной негромкий голос Кишана и, обернувшись, увидела, что он разговаривает по телефону, наверное, с мистером Кадамом.

Мы тут же начали собираться. Внезапно атмосфера на берегу изменилась. Все, что только что казалось веселым, родным и безопасным, вдруг предстало темным, мрачным и зловещим. Само небо вдруг грозно нахмурилось, и я задрожала под резким порывом ветра.

Рен и Кишан решили, что раз Джейсон не дал незнакомцам никакой информации, то они вряд ли успели отыскать наш дом. Поэтому мы приняли решение вернуться домой, подчистить все хвосты и немедленно покинуть Орегон.

По дороге я позвонила Саре и Майку и сказала им, что срочно возвращаюсь в Индию.

– Мистер Кадам сделал очень важное открытие, ему нужна моя помощь. Рен летит со мной. Я позвоню, как только мы приземлимся.

Потом я набрала Дженифер и сказала ей то же самое. Она тут же принялась прозрачно намекать, что если я решила сбежать с Реном, то мне не нужно скрывать от нее правду, она и так все поймет. В конце концов она поверила в мою историю и пообещала передать все Ли. В обоих разговорах я тщательно избегала упоминаний о том, куда именно я отправляюсь и сколько намереваюсь пробыть там. Чем меньше информации будет известно, тем лучше.

По пути домой я не сводила глаз с зеркала заднего вида, ожидая увидеть висящие на хвосте черные седаны с мрачными мужчинами, приготовившимся палить в нас из автоматов. Сказать, что я была напугана, значит ничего не сказать. Да, однажды мне уже довелось пережить нападение демонов и бессмертных мартышек, но почему-то это не шло ни в какое сравнение с ожиданием нападения плохих парней из современного мира. Наверное, все дело в том, что демонов я воспринимала как нечто фантастическое, и, даже гоняясь за мной, они продолжали оставаться существами из другой реальности, тогда как живые мужчины из плоти и крови, намеренные похитить, пытать или убить меня, представлялись куда более серьезной опасностью.

Подъехав к дому, я завела машину в гараж и осталась сидеть внутри, дожидаясь, пока братья проверят дом. Примерно через десять минут Рен вернулся и, прижав палец к губам, открыл мою дверь. Он успел переодеться в темную одежду, тяжелые ботинки на шнурках и черную куртку.

– Что там? – одними губами спросила я.

– В доме кто-то побывал, точнее, в обоих домах, – шепотом ответил Рен. – Повсюду запахи посторонних, но ничего не тронуто. Сейчас внутри никого нет, так что быстро поднимайся наверх, переоденься во что-нибудь темное и не забудь хорошую обувь, в которой можно бегать. Встречаемся внизу. Кишан следит за дверьми. Выйдем через задний выход, доберемся до машины Кишана и поедем прямо в аэропорт.

Я кивнула, со всех ног бросилась в дом и взлетела по лестнице. Быстро умывшись, я натянула черные джинсы, черный свитер с длинными рукавами и кеды. Потом схватила куртку и спустилась вниз. Следом за Кишаном, шедшим впереди, мы на цыпочках прокрались через смежную дверь в дом Рена.

Оба брата вооружились всем необходимым из моей коробки для ушу. У Кишана за спиной торчал сложенный трехсекционный жезл, Рен засунул за свой ремень два ножа сай. Ни на шаг не отставая от Кишана, мы вышли из дома и бросились в лес.

Через каждые несколько шагов Кишан останавливался, чтобы втянуть в себя воздух и оглядеться. Нам нужно было пройти около мили до того места, где нас ждал грузовик. Я вздрагивала от каждого шороха и скрипа в лесу и постоянно оглядывалась, ожидая нападения. Вокруг все было спокойно, но у меня появилось сверлящее ощущение между лопаток, словно кто-то неотступно следил за нами сзади.

Через несколько минут Кишан замер. Жестом он приказал нам пригнуться, и мы с Реном сели в папоротники. Кто-то очень

тихо крался через лес по нашим следам. Даже я слышала шорох, а значит, преследователи были совсем близко. Кишан прошептал:

– Нужно убираться отсюда. Когда я скажу «вперед», идите. – Прошло несколько секунд. – Вперед!

Он быстрым шагом повел нас в чащу леса. Я пыталась идти как можно тише, но подозревала, что невидимый преследователь слышит мои шаги. Мои ноги все время наступали не туда, я то и дело хрустела ветками или поскальзывалась на мокрой земле на бегу. Вскоре мы подошли к поляне, но Кишан вдруг снова замер и прошипел:

– Засада!

Мы повернули назад. Но наш преследователь был уже тут как тут и преградил нам путь. Кишан бросился ему навстречу, стремительно сокращая разделявшее их расстояние. Когда до врага оставалось всего несколько шагов, Кишан выхватил из-за спины жезл и стремительным движением раскрутил его над головой. Загадочная конструкция, на вид казавшаяся довольно громоздкой, завертелась в руках Кишана, как лопасти вертолета. Молниеносной подсечкой Кишан свалил врага на землю, затем подпрыгнул, снова раскрутил свой жезл и от души хлестнул им упавшего крест-накрест по спине и голове. Одно едва уловимое движение запястья – и вот уже сложенный жезл вернулся в ладонь Кишана, откуда перекочевал обратно за спину. Упавший не шевелился.

Рен схватил меня за руку и потащил куда-то в сторону. Остановившись в роще, он пихнул меня под поваленное дерево и велел не высовываться, а сам бросился на помощь Кишану. Выглянув из своего укрытия, я увидела, что он занял боевую стойку рядом с братом. Ножи сай, сверкнув в темноте, легли в руку Рена, Кишан снова вытащил свой посох. Затем они замерли, зорко вглядываясь в темноту.

Преследователи выскочили на поляну. То, что произошло дальше, не было похоже на тренировочную схватку в додзё. Это был бой. Война. Рен и Кишан дрались как два суперсолдата. Их лица были абсолютно бесстрастны. Движения точны и стремительны. Они не тратили лишней энергии. Они двигались слаженно, как партнеры по смертельному танцу – Рен с ножами сай и Кишан с жезлом. Так они уложили не меньше дюжины нападавших, но на место упавших из-за деревьев выбегали десятки новых врагов.

Я видела, как Рен ударил одного из противников локтем в шею, вероятно, перебив ему трахею. Когда несчастный сложился пополам, Рен перепрыгнул через его спину, развернулся и ударил очередного врага в лицо. Кишан не знал жалости. На моих глазах

он одновременно сломал руку одному противнику и раздробил колено другому. Я слышала тошнотворный хруст и душераздирающий вопль, с которым оба осели на землю. Все это до странности напоминало кульминационные сцены любимых фильмов Ли, только кровь и опасность сейчас были самыми настоящими.

Когда все противники были выведены из строя, братья бегом вернулись ко мне.

– Сейчас сюда придет подкрепление, – бесстрастно сказал Кишан.

Мы снова пустились бежать. Рен на бегу поднял меня и забросил себе на плечо. Даже с моим весом, не позволявшем ему бежать с предельной скоростью, он двигался гораздо быстрее меня. Братья неслись как две молнии. Быстро, но тихо. Каким-то шестым чувством они знали, куда наступать, чтобы не производить шума. Так мы продвигались около десяти минут. Я уже начала думать, что мы оторвались от погони, как вдруг услышала свист и негромкий перестук, как будто что-то впивалось в стволы деревьев вокруг нас.

Не сговариваясь, Рен и Кишан рванули изо всех сил, перепрыгнули через поваленное дерево и укрылись за ним.

– Они в нас стреляют? – шепотом спросила я.

– Нет, – тихо ответил мне Кишан. – По крайней мере, не пулями. У пуль звук другой.

Мы сидели, затаив дыхание. Странно, но я дышала чаще, чем братья, несмотря на то, что они бежали, а я проделала весь путь на плече Рена. Мы ждали. Братья прислушивались к каждому шороху. Мне очень хотелось спросить, что они слышат, но Рен прижал палец к губам, давая понять, что вопросы подождут. Друг с другом братья общались при помощи жестов. Я ловила каждое их движение, но так и не поняла, что все это значило. Потом Рен согнул палец колечком, и Кишан передал ему свой жезл, а сам превратился в черного тигра и бесшумной тенью растаял среди деревьев.

Я указала рукой в ту сторону, куда он ушел, и вопросительно уставилась на Рена. Тот прижался губами к моему уху и еле слышно шепнул:

– Он уведет их от нас.

Он затолкал меня в широкое дупло внизу ствола и устроился рядом, загородив меня своим телом.

Не помню, как долго я сидела там, скрючившись, боясь дышать, уткнувшись лицом в грудь Рену. Наконец издалека послышался чудовищный рев. Рен тут же обнял меня, прижал к себе и шепнул:

– Они погнались за ним. Сейчас они примерно в полумиле от нас. Бежим!

Он взял меня за руку и повел в ту сторону, где нас должен был ждать грузовик. Я изо всех сил старалась идти как можно тише. Через несколько минут черная тень выскочила прямо перед нами. Это был Кишан, уже успевший вновь превратиться в человека.

– Они повсюду. Я отвел их так далеко, как смог, но они, судя по всему, выслали за нами целый полк.

Еще через десять минут Кишан остановился и втянул в себя воздух. Рен сделал то же самое. И тут со всех сторон из-за деревьев стали выпрыгивать люди в черном, некоторые из них спустились с веток на страховочных тросах и веревках. Двое из них схватили меня, оторвали от Рена и скрутили, еще пятеро напали на него. Испустив бешеный рев, он превратился в тигра. Судя по всему, наши враги были к этому готовы, поскольку не удивились. Кишан обратился еще раньше и успел расшвырять в стороны нескольких нападавших.

Поднявшись во весь рост, Рен обрушил свои тяжелые передние лапы на плечи ближайшего к нему врага и зарычал ему в лицо. Потом цапнул его клыками за шею и плечо, опрокинул на землю и вскочил сверху, использовав упавшее тело, как упор для прыжка. В следующее мгновение он был уже в воздухе и, пролетев несколько метров с вытянутыми вперед лапами, с силой обрушился сразу на двух наемников. Он был ужасен. Белая шерсть его стояла дыбом, уши плотно прижимались к голове, с клыков капала кровь. Вот его хвост взметнулся вверх и опустился, как балансир, и он снова взлетел в воздух. На этот раз Рен приземлился на спину врагу, напавшему на Кишана, и своим весом опрокинул его на землю.

Я пыталась вырваться, но не могла даже шевельнуться, так крепко меня держали. Кишан взревел. Оказалось, что один из нападавших использовал против него какое-то оружие в виде острой палки с электрошокером на конце. Черный тигр кинулся на него, одной лапой вышиб острогу у него из рук и прыгнул на нее, сломав пополам своей тяжестью.

Не теряя времени, он вскочил на спину упавшему врагу и вцепился клыками ему в плечо. Рывком могучих челюстей Кишан поднял несчастного в воздух и бешено тряс до тех пор, пока тот не перестал шевелиться. Тогда он отволок безжизненное тело в сторону, взмахнул головой – и зашвырнул далеко в кусты. Расправившись с этим врагом, Кишан, как медведь, встал на задние лапы и обрушился на следующего противника. Рык его был ужасен, из пасти капала кровь.

Рен все время пытался прорваться ко мне, но между нами каждый раз вырастали все новые и новые бойцы. Когда Рен отшвырнул очередного врага в нашу сторону, я воспользовалась создавшейся суматохой и изо всех сил врезала одному своему похитителю в пах, а другому заехала локтем в солнечное сплетение. Первый согнулся пополам, но хватку не ослабил. Зато второй с силой ударил меня в висок, так что у меня потемнело в глазах.

Я услышала отчаянный рев Рена. Теряя сознание, я продолжала вырываться, но мои силы таяли с каждой секундой. Первый похититель все время держал меня прямо перед собой, как приманку. Я поняла, что они нарочно дразнят тигров, грубо обращаясь со мной. Рен и Кишан поочередно пытались разбросать врагов, преграждавших им путь ко мне, так что врагам не составляло труда удерживать их на одном месте.

Тем временем наемников становилось все больше. Видимо, первые вызывали подкрепление, поскольку новые бойцы явились с оружием. Один из них вскинул ружье и выстрелил в Рена. Дротик попал ему в шею, и я увидела, как мой тигр споткнулся. Ярость придала мне сил, в голове у меня мгновенно прояснилось. Все тело наполнилось небывалой энергией. Резко запрокинув голову, я со всей силы врезала своему захватчику затылком по носу и с удовлетворением услышала хруст хрящей. Похититель взвыл от боли и разжал руки, так что я сумела вырваться и отскочить в сторону. Не раздумывая, я бросилась к Рену. Он уже превратился в человека. Еще один дротик попал в него. Он еще держался на ногах, но двигался гораздо медленнее. В отчаянии я вырвала дротик из его тела.

Он из последних сил толкнул меня себе за спину.

– Келси! Назад! Скорее…

Новый дротик вонзился ему в бедро. Он снова пошатнулся и тяжело упал на одно колено. Враги обступили его со всех сторон, но он, зная, что я рядом, вступил с ними в бой, пытаясь не подпустить ко мне. Кишан обезумел от ярости, он одного за другим рвал и калечил наемников Локеша, пытаясь пробиться к нам, но место упавших тут же занимали новые бойцы. Их было слишком много, чтобы Кишан мог помочь нам. Он сам с трудом отбивался от полчищ врагов. Я пыталась отпихнуть захватчиков от Рена, но где мне было справиться с такими громилами! Они все были сильными мужчинами, к тому же профессиональными бойцами, возможно, военными, так что я не представляла для них никакой опасности, все их внимание было приковано к более опасным противникам. Ко мне они относились как к назойливой, но безвредной мошке, которую можно было отогнать одним

щелчком. Если бы только у меня было оружие!

Я была в отчаянии. Положение становилось безнадежным, я ничем не могла помочь Рену. Он прикончил последнего наемника, бросившегося на нас, и рухнул на колени, с трудом переводя дух. Вокруг нас громоздились груды неподвижных тел. Мертвых и раненых. Но все новые и новые бойцы выбегали из чащи. Их было слишком много! Я видела, как они с опаской приближаются к нам, не сводя глаз с обессилевшего мужчины, скорчившегося рядом со мной.

Страх за Рена придал мне решимости. Как разъяренная медведица, защищающая своих медвежат, я загородила собой Рена, решив во что бы то ни стало остановить врагов или, по крайней мере, своим телом закрыть его от новых выстрелов. Нас обступило больше десяти бойцов, почти у всех у них в руках было оружие. И тогда во мне вспыхнул пожар, рожденный жаждой защитить человека, которого я любила.

Все мое существо содрогалось от прилива энергии и силы. Я повернулась к бойцу, стоявшему ближе всех ко мне, и мрачно уставилась на него. Он поднял свое оружие – я вскинула руку, чтобы защититься. Все мое тело раскалилось, я почувствовала, как белое пламя гнева хлынуло по моей руке в кисть. Жар стал нестерпимым, а затем на моей ладони вновь проступили знаки, некогда начертанные Пхетом, и запульсировали алым. Ослепительная молния выстрелила из моих пальцев прямо в грудь нападавшему. Удар был такой силы, что беднягу подбросило в воздух и с размаху ударило о дерево, так что ствол содрогнулся. Бывший боец бесформенной кучей осел на землю.

У меня не было времени обдумывать то, что случилось, я едва успевала поворачиваться от одного врага к другому. Ярость переполняла меня, безумный гнев клокотал во всем теле. Мой разум кричал, что никто не посмеет причинить боль тому, кого я люблю. Одержимая своей новой силой, я валила врагов одного за другим.

Дротик впился мне в руку, другой ударил в плечо. Ощущения были похожи на укусы пчелы, только вместо жжения я почувствовала онемение. Пламя в моей ладони сникло и погасло, и я обессиленно свалилась на землю перед Реном. Он отшвырнул первого, кто бросился ко мне, и продолжал сражаться, хотя был весь истыкан дротиками. В глазах у меня потемнело, веки сами собой закрылись.

Рен рывком поднял меня на ноги, словно издалека я услышала его вопль:

– Кишан! Забери ее!

– Нет, – заплетающимся языком выдавила я.

Шепот его губ защекотал мне щеку, потом чьи-то стальные руки обхватили меня и подняли над землей.

До меня донесся громовой голос Рена:

– Беги! Быстро!

Меня стремительно потащили куда-то в чащу леса, но Рен не побежал за нами. Он продолжал сражаться в плотном кольце врагов. Он снова превратился в тигра. Я слышала, как он рычал от боли и ярости, и даже сквозь туман, заволакивающий мой разум, мне было ясно, что эти вопли исторгнуты не физическими страданиями. Я знала это, потому что сама испытывала то же самое. Эта жуткая, нестерпимая боль была вызвана нашей разлукой. Но я уже не могла держать веки открытыми. Последним усилием я вытянула руку – и схватила пальцами воздух.

Я еще успела пролепетать: «Рен! Нет…» – а потом провалилась в кромешную тьму.

11
Возвращение в Индию

Утробный рокот двигателя вырвал меня из небытия. Голова гудела, во рту поселился странный вкус. Что-то было очень нехорошо, но мое сознание заволокло туманом. Я хотела проснуться, но знала, что там, за границей бессознательного, меня поджидает какой-то новый кошмар, поэтому позволила себе еще глубже нырнуть в липкую черноту и затаилась там, как последняя трусиха. Мне нужно было за что-то ухватиться, найти какую-нибудь точку опоры, чтобы обрести силы взглянуть в лицо тому, что меня ждало.

Я лежала на какой-то кровати. Узнав мягкость простыни, я нерешительно вытянула руку. Пальцы наткнулись на чью-то косматую голову.

Рен.

Он был здесь. Он был той единственной опорой, в которой я нуждалась, чтобы выбраться из тьмы на свет.

Я с трудом приоткрыла глаза.

– Рен? Где я? – Каждая клеточка моего тела болела.

Чье-то хорошенькое личико склонилось надо мной.

– Мисс Келси? Как вы себя чувствуете?

– Нилима? А… значит, мы в самолете.

Она прижала к моему лбу какую-то влажную прохладную ткань, а я пробормотала:

– Мы сбежали. Как же я рада…

Я погладила тигриную голову, а Нилима метнула быстрый взгляд на лежавшего рядом со мной тигра и кивнула.

– Сейчас я принесу вам водички.

Она ушла, а я снова закрыла глаза, прижав ладонь к пульсирующему болью лбу.

Потом прошептала:

– Я так боялась, что ты не сумеешь. Но теперь это уже неважно. Нам здорово повезло. Давай теперь больше никогда не будем разлучаться, слышишь? Лучше бы меня тоже схватили, чем разлучили с тобой.

Я погрузила пальцы в его шерсть. Нилима вернулась со стаканом воды. Она приподняла меня, чтобы мне было удобнее пить, а я сбросила мокрое полотенце с лица и глаз.

– Вот… я принесла аспирин, – сказала Нилима.

Я с благодарностью проглотила таблетки и еще раз попробовала открыть глаза. Посмотрела на обеспокоенное лицо

Нилимы и улыбнулась.

– Спасибо. Мне уже лучше. Главное, мы вырвались. Это же самое важное, правда?

И я посмотрела на своего тигра. Нет. Нет! Я начала судорожно хватать ртом воздух. Легкие парализовало.

– Нет! Кишан? Где… – взмолилась я разом севшим голосом. – Где он? Скажи мне, что мы не бросили его там! Рен? – завопила я. – Рен? Ты здесь? Рен? Рен!

Черный тигр молча смотрел на меня грустными золотыми глазами. Я перевела взгляд на Нилиму и схватила ее за руку:

– Нилима! Скажите мне! Он здесь?

Она отрицательно покачала головой, ее глаза наполнились слезами. Тут перед моими глазами все начало расплываться, и я поняла, что тоже плачу.

Я до боли вцепилась в руку Нилимы:

– Нет! Мы должны вернуться! Скажи, чтобы разворачивали самолет! Мы не можем так просто бросить его там! Мы не можем!

Нилима беспомощно смотрела на меня, и я повернулась к Кишану:

– Кишан! Так нельзя! Как ты мог? Он бы никогда тебя не бросил. Они будут его мучить, Кишан! Они его убьют. Мы должны что-то сделать! Мы не можем этого допустить!

Кишан превратился в человека и присел ко мне на постель. Потом посмотрел на Нилиму и кивнул. Она вышла, оставив нас одних.

Тогда он взял меня за руку и тихо сказал:

– Келси, у нас не было выбора. Если бы он не остался там, мы бы не спаслись.

Я возмущенно затрясла головой:

– Нет! Мы могли дождаться его!

– Нет, не могли. Они и в меня стреляли транквилизаторами. В меня попали только один раз, но и то я едва сумел добраться до самолета, несмотря на всю свою способность к исцелению. А в него попало не меньше шести зарядов. Я до сих пор не понимаю, как он сумел продержаться так долго. Он молодец, храбро сражался и дал нам время сбежать.

Я впилась в его руку, слезы закапали у меня с подбородка.

– Он…? – Я судорожно всхлипнула. – Они… они его убили?

– Не думаю. Кроме электрошокеров и дротиков с транквилизатором я не заметил у них никакого другого оружия. Похоже, у них был приказ захватить нас живыми.

– Мы не можем этого допустить, Кишан! Мы должны помочь ему!

– И поможем. Мистер Кадам уже начал его искать. Но это

будет непросто, Келси. Долгие столетия Кадам разыскивал Локеша, но этот тип продолжает ловко скрываться. У нас есть только одно преимущество. У Рена нет при себе амулета, поэтому Локеш захочет заключить с нами сделку – амулет в обмен на Рена.

– Отлично! Мы отдадим ему амулет, если это вернет нам Рена!

– Об этом мы будем думать, когда придет время, Келси. А сейчас тебе нужно отдохнуть. Через несколько часов мы будем в Индии.

– Неужели я так долго проспала?

– В тебя попали два раза, и ты отключилась примерно на пятнадцать часов.

– Они гнались за тобой до аэродрома?

– Пытались. К счастью, наш самолет находился в постоянной готовности к вылету. Так что твой Джейсон, похоже, спас нам жизнь.

Я подумала о Рене, на которого набрасывались враги, в то время когда мы убегали, и поперхнулась рыданием. Кишан наклонился надо мной, обнял и погладил по спине.

– Мне жаль, Келси. Мне жаль, что я не оказался на его месте. Жаль, что у меня не хватило сил вытащить оттуда вас обоих.

Мои слезы капали ему на рубашку.

– Ты ни в чем не виноват. Если бы не ты, они схватили бы нас обоих.

Я села, шумно высморкалась и вытерла слезы рукавом.

Кишан нагнул голову и заглянул в мои мокрые глаза:

– Даю тебе слово, Келси: я сделаю все, что смогу, чтобы спасти его. Он жив. Я это чувствую. Мы что-нибудь придумаем и победим Локеша!

Мне бы хотелось разделить его уверенность в том, что мы спасем Рена. Слабо кивнув, я пожала ему руку и пообещала, что буду держаться. Кишан спросил, не хочу ли я немного поесть, и я ответила, что хочу, несмотря на болезненные спазмы в желудке. Кишан заметно обрадовался и вышел, чтобы поговорить с Нилимой.

А я осталась ломать голову над тем, прав он или нет. Жив ли еще Рен? С того самого дня, когда я впервые увидела его в цирке, между нами возникла какая-то загадочная связь. Поначалу робкая и хрупкая, она постоянно росла, становясь все прочнее. Когда я вернулась в Орегон, эта связь растянулась и напряглась между нами, как резиновый жгут.

Она постоянно тянула меня, пытаясь вернуть обратно к нему. А в последние месяцы, когда мы с Реном были рядом, наша связь

затвердела и упрочилась, превратившись в стальной трос. Мы стали единым целым. Я чувствовала его отсутствие, но связь все еще оставалась на месте. Она была все так же прочна, как раньше. Рен был жив. Я это знала. И мое сердце было по-прежнему привязано к его сердцу. Это давало мне надежду. Я поклялась, что разыщу его во что бы то ни стало.

Нилима предложила мне перекусить. Она накрыла ужин, сопроводив его стаканом воды с лимоном, и я стала медленно потягивать напиток, думая о том, чем мы можем помочь Рену. Кишан снова превратился в тигра и устроился у меня в ногах. Его золотые глаза неотрывно следили за мной, поэтому я наклонилась и потрепала его по макушке, давая понять, что со мной все в порядке.

К тому времени, когда мы приземлились, я все еще не придумала способ отыскать Рена, но дала себе слово, что больше никогда не позволю захватить меня врасплох. В следующий раз, когда случится что-нибудь похожее, я буду сражаться. Теперь, когда я узнала, что во мне есть… энергия молний, я буду тренировать эту способность. Попрошу Кишана продолжать заниматься со мной единоборствами и, может быть, даже с оружием. Возможно, мистер Кадам тоже сможет потренировать меня в то время, когда Кишан пребывает в образе тигра. Я больше никогда не позволю забрать у меня того, кого я люблю. Только через мой труп.

Мистер Кадам встретил нас в частном аэропорту, принадлежавшем братьям. Он крепко обнял меня.

– Ах, мисс Келси, я так скучал по вам!

– Я тоже скучала. – Глаза щипали навернувшиеся слезы, но я не позволила им пролиться.

– Идемте же. Давайте поскорее вернемся домой. Нам нужно многое обсудить.

Когда мы добрались до дома, Кишан понес мою сумку наверх, оставив нас с мистером Кадамом в кабинете.

На красивом столе красного дерева высились огромные стопки книг, а всегда аккуратная и чистая поверхность теперь была сплошь завалена бумагами и записями. Я взяла наугад несколько листочков и просмотрела заметки, сделанные изящным почерком мистера Кадама.

– Вы уже расшифровали второе пророчество?

– Почти. Кстати, за это я должен сказать спасибо вам, мисс Келси. Место, озадачившее меня, оказалось Гималаями! Все это время я искал какую-то определенную гору, не догадываясь о том, что в пророчестве имелась в виду горная цепь! Но ваш реферат о климатических особенностях Гималаев позволил мне допустить

такую возможность, что и привело к новым открытиям.

– Я рада, что смогла чем-то помочь, – сказала я, откладывая листки, и тихо добавила: – Что нам теперь делать? Как мы сможем его найти?

– Мы найдем его, мисс Келси. Не беспокойтесь! Кроме того, существует вероятность, что он сам сумеет вырваться и свяжется с нами.

Внезапно меня осенило:

– Скажите, разве в плену он сможет превратиться в человека?

– Не знаю, мисс Келси. Раньше не мог, но ведь вы разрушили часть проклятия. Возможно, теперь что-то изменилось.

Я обхватила себя руками за плечи.

– Мистер Кадам, я хочу, чтобы вы начали тренировать меня. Пожалуйста, обучите меня владению оружием и единоборствам. Вы выучили обоих братьев, будьте же и моим тренером, прошу вас!

С минуту он задумчиво смотрел на меня.

– Хорошо, мисс Келси. Но скажу вам сразу, чтобы приобрести сколько-нибудь стоящие навыки, вам потребуется железная дисциплина и многочасовой упорный труд. И не ждите, что сможете достичь уровня Рена или Кишана! Мальчики тренировались всю свою жизнь, а тигр, живущий в каждом из них, придает им нечеловеческие силы.

– Ладно. Я готова. Хочу попросить Кишана, чтобы он тоже занимался со мной. Думаю, что дело пойдет быстрее, если я буду тренироваться с вами обоими!

Мистер Кадам кивнул.

– Пожалуй, так будет лучше для всех нас. Вы не только овладеете новыми навыками, но и сможете занять себя чем-то в период вынужденного бездействия. В настоящее время я все еще поглощен исследованием, но все-таки выкрою время, чтобы каждый день тренироваться с вами. Кроме того, я дам вам упражнения для самостоятельной работы и подскажу, чему вы сможете научиться у Кишана.

– Спасибо. В свою очередь, я буду рада помочь вам в исследовании! Я могу делать записи, кроме того, лишняя пара глаз никогда не помешает.

– Отлично, в таком случае начнем сегодня же.

Мистер Кадам жестом указал мне на кожаное кресло, и мы уселись, чтобы обсудить все подробно.

– Расскажите мне о новой силе, которую, насколько я понял, вы открыли в себе. Кишан описал мне то, что увидел, но мне бы хотелось услышать об этом из ваших уст.

– Понимаете, мне нужно было защитить Рена, и я просто

взбесилась. Он был весь утыкан дротиками, спотыкался и слабел с каждой секундой. Я видела, что долго ему не продержаться. Тогда я загородила его собой, но тут же пришла в отчаяние, потому что врагов было слишком много. И тогда вовремя вспыхнул огонь.

– На что это было похоже по ощущению?

– Пожалуй… на выброс энергии, как если бы маленькое пламя горелки в водонагревателе вдруг – р-раз! – полыхнуло костром. У меня свело желудок, и огню стало некуда идти. Потом он как-то перебрался выше, мне в грудь, и у меня загорелось сердце. Я повернулась к нападавшим, и перед глазами у меня все стало красным. Кровь закипела у меня в жилах, но это было совсем не больно. Потом как будто пузырьки пробежали вниз по моей руке, и тут же знаки Пхета на кисти проступили вновь и зажглись алым светом. После этого стали раздаваться щелчки, треск и хлопки, а сила все прибывала и прибывала, пока не стала выплескиваться из меня наружу. Прямо из ладони у меня вырвалась молния! Она ударила в одного из плохих парней и отбросила с такой силой, что он врезался в дерево!

– Насколько я понял, эта сила сработала не один раз, а несколько?

– Да. Я успела поразить несколько человек, прежде чем они подстрелили меня своими транквилизаторами. И тогда моя сила испарилась.

– Скажите, пожалуйста, эти разряды молнии убивали ваших врагов или просто оглушали их?

– Надеюсь, только оглушали. Но, честно говоря, у нас не было времени, чтобы выяснить поточнее. Хотя тот тип, который врезался в дерево, здорово пострадал. Могу себе представить! Он был моей первой мишенью, а я в тот момент была вне себя от ярости.

– Будет любопытно посмотреть, сумеете ли вы добиться этого эффекта в обычных условиях, когда вам не будет грозить опасность. Возможно, нам стоит потренироваться. Было бы интересно убедиться, сможете ли вы расширить радиус поражения, чтобы оглушать несколько противников сразу, а также проверить, как долго вы можете вырабатывать энергию.

– И еще я бы хотела поработать над интенсивностью разрядов! – вставила я. – Признаться, мне бы хотелось по возможности обойтись без убийства.

– Разумеется.

– Как вы думаете, что это за сила?

– У меня есть… определенное предположение.

– Правда? Расскажите!

– В одном из древних индийских сказаний говорится, что однажды Брахма, Вишну и Шива вступили в битву с могущественным демоном Махишасурой, которого никак не могли одолеть. Тогда они объединили свои божественные силы в одну, принявшую вид потока света, из которого вышла богиня Дурга. Она была рождена, дабы победить демона.

– Значит, Дурга сделана из света, и поэтому во мне поселилась эта сила?

– Да. Кроме того, в некоторых источниках говорится, что Дурга носит на шее ожерелье, сверкающее, словно молнии. Возможно, в вас заключен этот поток энергии.

– Но это… Ох, даже не знаю что и думать обо всем этом!

– Полагаю, это довольно пугающее ощущение.

– И не говорите!

Я помолчала, ломая пальцы. Потом решилась:

– Мистер Кадам, я… я очень беспокоюсь за Рена. Кажется, я не смогу без него.

– Значит, вы с ним сблизились? – осторожно спросил он.

– Да. Он… Я… Мы… Короче, будет проще сказать, что я люблю его.

Мистер Кадам улыбнулся.

– И вы знаете, что он любит вас, не правда ли? Все те месяцы, что вы были в разлуке, он не мог думать ни о чем, кроме вас!

Я не смогла сдержать довольной улыбки.

– Значит, он страдал, да?

Мистер Кадам снова улыбнулся.

– Был в полном отчаянии! Мы с Кишаном вздохнули спокойно только после того, как он уехал.

– Мистер Кадам, можно я спрошу вас кое о чем?

– Конечно.

– Знаете, там в Орегоне была одна девушка, индианка, ей понравился Рен, и она хотела, чтобы ее родители устроили им помолвку. Рен сказал мне, что в Индии не поощряются отношения и браки с представителями других культур.

– Вот оно что! Что ж, так и есть. Эта традиция продолжает существовать и в современном мире. Вас это тревожит?

– Ну да. Я не хочу, чтобы Рен подвергся осуждению в своем обществе.

– Он как-то выражал свою обеспокоенность по этому поводу?

– Нет… Мне кажется, ему все равно. Он сказал, что сделал свой выбор, и все.

Мистер Кадам задумчиво погладил свою короткую бородку.

– Мисс Келси, сдается мне, наш Рен не нуждается ни в чьем одобрении. Если он решит связать свою жизнь с вами, никто не

станет возражать против этого.

– Возможно, в лицо ему никто ничего не скажет, но ведь… существуют определенные культурные стереотипы и последствия, о которых он пока не задумывается!

– Поверьте мне, Рен прекрасно осведомлен обо всех культурных стереотипах! Не забывайте, в свое время он был принцем, которого специально обучали всем тонкостям этикета.

– И все-таки я боюсь, что со мной его жизнь будет сложнее, чем без меня.

Мистер Кадам тихо вздохнул.

– Мисс Келси, уж поверьте мне, время, проведенное рядом с вами, стало единственной мирной передышкой во всей его бесконечно долгой жизни! До встречи с вами его жизнь была чередой сплошных испытаний и бедствий, поэтому поймите меня правильно – чье бы то ни было одобрение или неодобрение волнует нашего Рена меньше всего на свете.

– Он сказал мне, что его родители тоже принадлежали к разным обществам и культурам. Почему же им позволили пожениться и быть вместе?

– Гм-м-м, это очень интересная история. Но чтобы рассказать ее как следует, мне придется поведать вам о дедушке Рена и Кишана.

– Я буду рада побольше узнать о его семье!

Мистер Кадам откинулся на спинку раскладного кожаного кресла и сцепил пальцы под подбородком.

– Дедушка Рена носил имя Тарак. Это был великий полководец и правитель, который к закату своих дней захотел насладиться покоем и миром. Он устал от бесконечных войн между царствами. Несмотря на то что он правил самым крупным государством и обладал наиболее современной и боеспособной армией, он разослал гонцов к правителям более мелких владений и пригласил их всех на переговоры. Добродетельный Тарак предложил каждому из владык часть своих земельных владений в обмен на подписание договора о ненападении и сокращении армий. Разумеется, мелкие царьки с готовностью приняли это предложение, ведь оно сулило им огромное богатство и процветание. Вся держава с ликованием встретила мирный договор, раджа Тарак распустил свои войска по домам и задал великий пир в ознаменовании этого славного события. Этот день решено было сделать государственным праздником.

– И что случилось дальше?

– Примерно через месяц один из правителей, подписавших договор, вступил в тайные переговоры с остальными князьками, подговаривая их поднять мятеж против Тарака, дабы свергнуть

его, захватить власть и править всей Индией. Первым делом мятежники решили подчинить себе родовые земли семьи Рена. С этого плацдарма они рассчитывали без труда поглотить более мелкие царства и княжества. Они нарушили клятву, выступили против Тарака и после яростной кровопролитной битвы осадили его столицу. Хуже всего было то, что часть своей армии Тарак уже успел распустить, отправив воинов по домам и наградив каждого щедрым земельным наделом в благодарность за многолетнюю службу. Оставшаяся половина его армии оказалась не в силах противостоять объединенной боевой мощи мятежных князьков. К счастью, Тарак сумел послать гонцов за подмогой.

– Где же они раздобыли помощь?

– В Китае.

– В Китае?

– Да. Точнее, в Тибете. В те времена индийско-китайские границы были гораздо более прозрачными, чем сейчас, и торговля между двумя государствами шла повсеместно. Так случилось, что у Тарака сложились очень добрые отношения с Далай-ламой того времени.

– Постойте, мистер Кадам. Вы хотите сказать, что Тарак попросил помощи у тогдашнего Далай-ламы? Но мне казалось, что Далай-лама не правитель, а религиозный лидер.

– Так оно и есть, Далай-лама был и остается религиозным лидером, однако в Тибете религия и война шли рука об руку, особенно после того, как это государство попало в сферу интересов монголов. Чингисхан вторгся в пределы Тибета, однако удовлетворился щедрой данью и в целом не вмешивался в дела страны. Однако после смерти Чингисхана его сын, Угэдей-хан, возжелал сокровищ Тибета и вторгся туда с великим войском.

В библиотеку вошла Нилима с двумя стаканами воды с лимоном. Мистер Кадам поблагодарил ее и продолжал:

– Через триста лет после этого Алтан-хан пригласил к своему двору буддийских монахов, дабы они строили свои монастыри и учили его народ. Буддизм быстро распространялся, и к началу семнадцатого века практически все монголы были буддистами. Вот почему, получив отчаянную просьбу о помощи от деда нашего Рена, тогдашний Далай-лама послал ему на помощь хана Батыя, потомка великого Чингисхана, стоявшего во главе огромной монгольской армии.

Я отхлебнула глоток воды с лимоном.

– И что было дальше? Они ведь победили, верно?

– Разумеется. Объединенные силы монгольского войска и армии царя Тарака наголову разгромили мятежников. Тарак и Батый были ровесниками и быстро сделались друзьями. В

благодарность за свое спасение Тарак предложил Батыю бесценные сокровища и золото, а тот, дабы не быть в долгу, посулил выдать свою дочь за сына Тарака, когда детям придет пора вступать в брак. В то время будущему отцу Рена, принцу Раджараму, было около десяти лет, а мать Рена только-только появилась на свет.

– Значит, мать Рена приходилась родственницей самому Чингисхану?

– Признаться, я не изучал подробно ее генеалогию, однако это, несомненно, так.

Я ошеломленно выпрямилась в своем кресле.

– И как ее звали?

– Дэчень.

– А как она выглядела?

– О, она была очень похожа на Рена. Те же синие глаза, те же длинные черные волосы. Она была настоящая красавица. Когда настало время свадьбы, Батый лично привез свою дочь к Тараку и Раджараму и остался на торжество. Что касается Раджарама, то ему не было позволено даже одним глазком взглянуть на новобрачную до свадьбы.

– И по какому обряду им устроили свадьбу – по буддистскому или по индуистскому?

– Полагаю, церемония объединила элементы обоих обрядов. В индуизме существует обязательная церемония помолвки, сопровождающаяся трапезой, во время которой молодых одаривают драгоценностями и одеждой, а во время свадьбы новобрачной надевают на шею особое ожерелье под названием *мангласутра*, которое она будет отныне носить всю свою жизнь. Празднество длится целую неделю. Зато в буддизме свадьба является не религиозным таинством, а исключительно семейным событием. Обычно на церемонию приглашают лишь узкий круг самых близких людей. Зажигают свечи и благовония, у алтаря молодых одаривают цветами. На церемонии не присутствуют ни монахи, ни священники, здесь не услышишь брачных обетов. Думаю, Раджаран и Дэчень отпраздновали свадьбу по индуистскому обряду, а затем совершили подношения Будде.

– И как скоро они поняли, что любят друг друга?

– На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить, но знаю, что их взаимная любовь и уважение друг к другу были поистине уникальны для своего времени. Когда я познакомился с ними, они крепко любили друг друга, причем раджа Раджарам нередко советовался со своей супругой по различным государственным вопросам, что было большой редкостью в то время. Они воспитали своих сыновей терпимыми и любознательными, с

детства приучая их с уважением относиться к другим культурам, идеям и обычаям. Они были добрыми людьми и мудрыми правителями. Я до сих пор скучаю по ним. Рен рассказывал вам о своих родителях?

– Он говорил, что вы заботились о них до самой их кончины.

– Это правда. – Глаза мистера Кадама увлажнились, а взгляд устремился куда-то в неведомые мне дали. – Я поддерживал Дэчень после того, как раджа Раджарам покинул этот мир, и держал ее руку в своей, когда она навсегда закрыла глаза. – Он откашлялся. – На смертном одре она вверила моим заботам свое самое бесценное сокровище. Своих сыновей.

– Ни одна мать не может требовать большего, чем вы сделали для ее сыновей! – горячо воскликнула я. – Вы просто необыкновенный человек! Вы заменили мальчикам отца. Рен говорил мне, что никогда не сможет отблагодарить вас за все, что вы для него сделали.

Мистер Кадам смущенно поерзал в своем кресле.

– Ах, ну что за глупости! Ему нет никакой нужды благодарить меня за то, что я сделал по собственной воле!

– Вот именно поэтому вы такой особенный.

Мистер Кадам улыбнулся и встал, якобы для того, чтобы наполнить мой стакан, а на самом деле чтобы отвлечь внимание от своей персоны. Я поняла это и сменила тему:

– Скажите, а родители Рена и Кишана узнали, что их сыновья превратились в тигров?

– Как вы знаете, я был военным советником раджи. В качестве такового я возглавлял все войска царства. Когда Рен и Кишан пали жертвами проклятия, они той же ночью тайком вернулись во дворец, стараясь не попадаться никому на глаза. Разумеется, в облике тигров они никак не могли проникнуть в охраняемые царские покои, чтобы показаться на глаза родителям. Их бы убили на месте, и оба это прекрасно понимали. Тигры, конечно, животные редкие, но даже им не позволено разгуливать по территории царской резиденции! Поэтому братья явились ко мне. В то время я жил в небольшом павильоне неподалеку от дворца, чтобы в любое время явиться по зову своего раджи.

– И что вы сделали, когда увидели их?

– Они поскреблись в мою дверь. Можете вообразить мое изумление, когда я открыл дверь и увидел на пороге двух тигров – черного и белого, – глядящих мне в глаза. Первым делом я, конечно, схватился за саблю. Инстинкты человека военного весьма сильны, но, по счастью, я сумел сдержать их. Я занес саблю над головой, приготовившись нанести удар, но тигры продолжали спокойно сидеть у моей двери, терпеливо глядя на

меня. Тогда я подумал, будто сплю и вижу сон. Так прошло несколько минут. Наконец я распахнул дверь шире и отступил назад, держа саблю наготове. Тигры молча вошли в мой дом и уселись на ковре. Долгие часы мы сидели и смотрели друг на друга. Настало время приступить к военным учениям, но я уклонился, сказав слуге, что плохо себя чувствую. Весь день я просидел в своем кресле, разглядывая удивительных тигров. Казалось, они чего-то ждали. Когда наступил вечер, я приготовил еду и предложил своим гостям мясо. Они поели, а затем улеглись спать. Я же всю ночь не сомкнул глаз, глядя на них. Постоянными тренировками я приучил свое тело по нескольку дней обходиться без сна, поэтому бодрствовал до рассвета, но мои гости спали сном невинных котят.

Я отпила глоток лимонной воды.

– И что было дальше?

– Рано утром, когда солнце еще не взошло, что-то изменилось. Белый тигр вдруг всколыхнулся всем телом и превратился в принца Дирена, следом за ним черный тигр стал Кишаном. Рен быстро объяснил мне, что с ними случилось, и я немедленно попросил о встрече с их царственными родителями. Я объяснил, что Раджарам и Дэчень должны прийти в мой дом одни, без охраны. Мне пришлось долго уламывать личную стражу наших правителей, но, в конце концов безграничное доверие, которым я пользовался у Раджарама, взяло верх над осторожностью, и раджа согласился уступить моей просьбе. Я привел обоих монархов в свой дом. Не успел я приоткрыть дверь, как Дэчень негромко вскрикнула, увидев тигров. Раджарам бросился к жене и загородил ее собой. Он страшно разгневался на меня. С превеликим трудом смог я уговорить их войти внутрь, уверяя, что тигры не причинят им никакого вреда. Когда я наконец упросил их закрыть дверь, братья обратились в людей и предстали перед своими родителями. К сожалению, время их уже подходило к концу, но прежде чем снова стать тиграми, они разрешили мне рассказать их историю Раджараму и Дэчень. Целый день мы впятером просидели взаперти в моем доме. Затем явился гонец, доложивший, что огромное войско Локеша приближается к нашей столице, предавая огню и мечу попадающиеся на пути селения.

– И что вы решили делать?

– Раджарам хотел броситься в бой с Локешем, но Дэчень удержала его, напомнив, что только колдун может спасти их мальчиков. Поэтому они дали мне секретное задание: забрать обоих тигров и бежать. Но Дэчень была не в силах расстаться со своими сыновьями, поэтому мы решили, что она тоже отправится

с нами, якобы с визитом на родину. На самом деле мы укрылись в небольшом летнем домике у водопада, того самого, возле которого вы впервые встретили Кишана. Несмотря на все усилия Раджарама, ему не удалось захватить Локеша в плен. Он отбросил войска неприятеля, но могущество Локеша росло день ото дня, тогда как силы Раджарама таяли. Так прошло несколько лет. Оказавшись разлученным с любимой женой и сыновьями, Раджарам утратил волю к царствованию. Дэчень тоже впала в отчаяние. Она не видела никакой возможности спасти своих сыновей, а ее муж был далеко, пытаясь сберечь свое царство. Тогда я послал весточку Раджараму, рассказав о том, как страдает его жена. Он нехотя отказался от престола, передав управление царством совету военачальников. Он рассказал народу вымышленную историю о смерти Рена и Кишана, добавив, что безутешная Дэчень удалилась в Китай, дабы в одиночестве оплакивать свою утрату. Раджарам сказал, что должен на время покинуть свое царство, чтобы вернуть жену. Так он уехал, чтобы никогда больше не вернуться обратно. Он поселился с нами в джунглях, прихватив с собой часть сокровищ царства и несколько бесценных предметов, составлявших наследство братьев.

– И тогда Дэчень умерла? – перебила я.

– Нет. Дэчень и Раджарам прожили еще несколько лет. Вновь соединившись после разлуки, они дорожили каждой минутой, проведенной друг с другом и своими сыновьями. Вскоре выяснилось, что Рен и Кишан не взрослеют. К этому времени я сделался опекуном всей семьи. Я стал посредником между ними и внешним миром. Мальчики охотились в джунглях и приносили нам пищу, Дэчень занималась садоводством и выращивала овощи. Что касается меня, то я время от времени наведывался в ближайший городок, чтобы делать необходимые покупки и собирать новости. Через несколько лет Раджарам занемог, теперь я понимаю, что у него был нефрит или какое-то другое заболевание почек. До нас доходили слухи о том, что Локеш не оставляет попыток завоевать наше царство, но народ Муджулайна отчаянно сопротивляется захватчикам. О царской семье были сложены прекрасные легенды и сказания. Вскоре они стали героями сказок и мифов. Ты помнишь легенду, которую я рассказал тебе во время нашего разговора в цирке? В таком виде эти истории дошли до нашего времени. Однажды Рен попросил меня взять его амулет. В то время мы даже не подозревали, какое воздействие он окажет на меня. Мы вообще мало знали о природе амулетов, кроме того, что это древние, ценные и очень могущественные сокровища. Возможно, Реном двигало какое-то предчувствие, ибо вскоре после того, как он расстался с

амулетом, его поймали в ловушку. Кишан напал на его след, и я узнал, что Рена продали какому-то коллекционеру, который увез его на другой конец страны. Я вернулся назад с разбитым сердцем. Пленение Рена стало последним ударом для его несчастного отца, и через неделю его не стало. Дэчень погрузилась в отчаяние, перестала есть. Несмотря на все наши старания, она так и не смогла оправиться от удара и умерла через месяц после кончины своего мужа. Кишан был безутешен, после смерти матери он стал все чаще оставаться в лесу. Через несколько месяцев я сообщил ему, что собираюсь начать поиски Рена. Он сказал, чтобы я без оглядки пользовался семейной казной, не считая денег ради спасения Рена. Я взял небольшую сумму, оставив большую часть бесценных сокровищ под охраной Кишана, и начал свои поиски. Как вы уже знаете, мне не удалось спасти Рена. За долгие годы я внимательно изучил все мифы, сказания и упоминания о тиграх и амулетах, которые только смог разыскать. Одновременно я потихоньку вкладывал деньги братьев в различные предприятия и положил начало росту их капиталов. Начав с торговли специями, я со временем расширил дело, стал покупать и продавать различные компании, пока мои подопечные не стали богачами. За эти годы я женился, обзавелся семьей. Затем оставил родных и стал сопровождать Рена с места на место, попутно продолжая свои исследования. Долгие десятилетия я искал Локеша и способ снять проклятие. Но все сведения о Локеше терялись после того, как он утратил власть над империей Муджулайн. С тех пор он бесследно исчез, и мне так и не удалось разыскать его следы, хотя я всегда подозревал, что он жив, как и я сам. Затем мы повстречали вас, и остальная часть истории вам уже известна.

– Но раз Рен и Кишан столько лет прожили в джунглях вместе со своими родителями, почему же они так и не помирились?

– Ради родителей они терпели друг друга, однако старались не превращаться в людей одновременно. Честно говоря, до вашего появления здесь я никогда не видел их вместе в человеческом облике. Вы себе не представляете, какое это огромное достижение – возвращение Кишана в семью!

– Да, но Рен тоже не спешит протянуть ему руку помощи! Мне кажется, что они оба очень уважают и даже любят друг друга, но при этом отказываются забыть старые обиды.

– Вы столько сделали для исцеления наших ран, мисс Келси! Раджарам был бы счастлив принять вас в семью, а Дэчень боготворила бы каждый ваш шаг за то, что вы вернули человеческую жизнь ее сыновьям. Так что выкиньте из головы все мысли о том, что вы якобы недостаточно хороши для Рена или

его семьи!

Мое израненное сердце гулко забилось в груди. Даже думать о Рене было больно, но мои руки сами собой сжались в кулаки.

– Итак, с чего мы начнем? С исследований или битвы на мечах?

– Вы готовы приступить к физическим упражнениям?

– Да!

– В таком случае устраивайтесь, переодевайтесь, а через полчаса я жду вас в гимнастическом зале внизу.

– Договорились. Знаете что, мистер Кадам? Все-таки здорово вернуться домой!

Он улыбнулся мне, подмигнул и вышел из комнаты.

Я бросилась наверх, где обнаружила, что все мои сокровища в целости и сохранности доставлены на место. Шкатулка для лент ждала меня в ванной, все книги и журналы разместились в новеньком книжном стеллаже. Фотографии моей семьи в новых рамках стояли на полке рядом с вазой, полной свежих тигровых лилий. Даже бабушкино одеяло лежало в изножии постели, а среди груды шелковых подушек цвета спелых слив восседал белый плюшевый тигр.

Расстегнув свою сумку, я первым делом извлекла оттуда Фаниндру и извинилась перед ней за то, что не позвала ее на помощь во время битвы в роще. Ну ничего, в следующий раз мы с ней будем лучше готовы к бою! Я посадила Фаниндру на книжную полку поверх круглой, расшитой серебром подушечки.

Быстро переодевшись в свою форму для ушу, я бросилась вниз, к мистеру Кадаму. Заслышав мои шаги, Кишан засеменил следом вниз по лестнице. Вбежав в зал, он свернулся клубком в углу, положил голову на лапы и стал сонно следить за происходящим.

Мистер Кадам был уже на месте. За сдвинутой створкой стены виднелась витрина с коллекцией мечей. Мистер Кадам приблизился к ней и вынул два деревянных шеста.

– Это *синай* – бамбуковый меч, который используют для тренировок в *кэндо*, то есть японском искусстве фехтования. Прежде чем перейти к стальному оружию, вам следует как следует потренироваться с синаем. Этот меч держат двумя руками. Вытяните руку, как для рукопожатия, а затем сожмите тремя пальцами рукоятку, оставив большой и указательный пальцы свободными.

Я попыталась как можно точнее выполнить его указания, а мистер Кадам, не теряя времени, приступил к следующему уроку:

– При наступлении шагаем с носка на пятку, с носка на пятку, вот так. При отступлении пятимся назад, с пятки. Так вы всегда

будете в состоянии полной готовности, без риска неправильно распределить вес.

– Вот так?

– Да. Очень хорошо, мисс Келси. Теперь выпады. Если на вас нападают, отведите вот эту ногу назад, разверните корпус и поднимите меч для защиты, вот так, замечательно. Если же противник атакует с другой стороны, действуйте таким образом…

Это оказалось очень сложно. Руки сразу заныли, позиции ног путались в голове.

А мистер Кадам как ни в чем не бывало продолжал:

– Со временем мы дадим вам меч потяжелее, чтобы натренировать мышцы ваших плеч и предплечий, но пока я прошу вас только запомнить и отработать движение ног.

Около часа мистер Кадам заставлял меня снова и снова повторять позиции ног и только после этого перешел к демонстрации первых приемов обращения с мечом. Вскоре я уже ритмично переставляла ноги вперед-назад, делая выпады, полувыпады и отвлекающие маневры. Мистер Кадам пристально наблюдал за моими стараниями, время от времени делая замечания, а затем начал перечислять основные заповеди поединка на мечах:

– Извлеките меч до того, как вступите в схватку с противником. В бою это займет слишком много времени. Всегда твердо стойте на земле, вес тела должен быть равномерно распределен на обе стопы… Не разбрасываться! Локти согнуты, всегда близко к телу… Сражайтесь, чтобы победить. Ищите слабые места противника и используйте их. Не страшитесь использовать любые другие приемы и техники, если они могут обеспечить вам победу, – например, силу молний… Лучше отступить, чем блокировать противника. Блокировка отнимает слишком много сил, тогда как шаг в сторону требует куда меньших затрат… Всегда помните длину своего меча и оружия противника. При любых обстоятельствах сохраняйте такую дистанцию, чтобы он не мог легко дотянуться до вас… Тренировки с большими и тяжелыми мечами очень полезны, однако и более легким мечом можно причинить огромный ущерб противнику. Тем более что тяжелый меч быстрее истощает силы…

К концу урока я взмокла от пота, а руки ломило от усталости. И неудивительно – ведь я держала синай вертикально все время, пока отрабатывала движения ног. И хотя мистер Кадам назвал мой бамбуковый меч «легким», плечи у меня горели огнем.

Мистер Кадам наказал мне каждый день не меньше часа отрабатывать технику ног и пообещал завтра показать мне новые упражнения.

Когда я немного передохнула, Кишан превратился в мужчину и задал мне двухчасовую тренировку ушу, заставляя отрабатывать удары ногами и выпады. Не помню, как я поднялась по лестнице в свою спальню. Там меня ждал горячий ужин, накрытый колпаком, чтобы не остыл, но я решила сначала принять душ.

Вымывшись и переодевшись ко сну, я сняла с блюда крышку и обнаружила под ней жареного цыпленка с овощами. Также там лежала записка от мистера Кадама, в которой он приглашал меня завтра утром присоединиться к нему в библиотеке для участия в расследовании. Поужинав, я пошла в комнату Рена. Дверь была не заперта, поэтому я вошла внутрь.

Там все было не так, как во время моего первого визита. Очень многое изменилось. На полу лежал толстый ковер. На прикроватном столике высилась стопка книг, в том числе несколько первых изданий доктора Сьюза, о которых Рен говорил мне в Орегоне, и сильно зачитанный экземпляр «Ромео и Джульетты» на хинди, в бумажной обложке и с потрепанными уголками. В углу поселился ультрасовременный музыкальный центр, рядом, на полках – коллекция дисков, ноутбук и письменные принадлежности.

Там же я нашла «Графа Монте-Кристо», который подарила Рену на День святого Валентина, и сунула его под мышку. Потом заметила одну из своих ленточек для волос на свернутом в трубочку листе пергамента. Развернув его, я увидела несколько стихотворений Рена, написанных на незнакомом мне языке. Я свернула лист обратно, перевязала его ленточкой и решила взять с собой, чтобы перевести на досуге.

Напоследок я открыла платяной шкаф Рена. В прошлый раз он был пуст, зато теперь ломился от модной одежды. Большей частью ни разу не надетой. Я отыскала синий свитер с капюшоном, похожий на тот, что был на нем в наш памятный день на берегу. Свитер пах Реном – водопадом и сандаловым деревом. Я перекинула его через локоть, решив забрать с собой.

Вернувшись к себе, я положила свиток на тумбочку и залезала в постель. Но не успела я уютно устроиться под одеялом в обнимку с плюшевым белым тигром и свитером, как в дверь постучали.

– Можно войти, Келси? Это Кишан.

– Конечно.

Он просунул голову в комнату:

– Я просто хотел пожелать тебе спокойной ночи.

– Хорошо, и тебе спокойной ночи.

Тут Кишан заметил моего белого тигра и подошел поближе, чтобы получше его рассмотреть. Криво усмехнувшись, он

щелкнул тигра по носу.

– Эй! Не обижай его!

– Интересно, как *он* к нему отнесся?

– Если тебе так интересно, то он был польщен.

Кишан коротко рассмеялся, но тут же посерьезнел.

– Мы найдем его, Келс. Обещаю.

Я кивнула.

– Ну, спокойной ночи, *билаута*.

Я приподнялась на локте.

– Слушай, а что это значит, Кишан? Я до сих пор не знаю.

– Это значит «котенок». Я подумал, что раз мы с Реном коты, то ты, получается, котенок.

– Хм-м-м, понятно… Только прошу тебя, больше не называй меня так при Рене. Это его бесит.

Кишан широко ухмыльнулся.

– А ты думала, почему я это делаю? Встретимся утром, Келс. – Он погасил свет и закрыл за собой дверь.

Этой ночью мне снился Рен.

12
Пророчества и приготовления

Это был тот же кошмарный сон, который я уже видела раньше. Я опять что-то отчаянно искала в кромешной тьме. Войдя в какую-то комнату, я увидела Рена, привязанного к алтарю, и мужчину в пурпурных одеждах, склонившегося над его распростертым телом. Но теперь я сразу поняла, что это был Локеш. Он взмахнул ножом и вонзил его в сердце Рена. Я бросилась на Локеша, чтобы отнять у него нож, но опоздала. Рен уже умирал.

Я услышала его шепот:

– Беги, Келси! Убегай отсюда! Я делаю это ради тебя!

Но я не могла бежать. И ничем не могла ему помочь. Единственное, что я могла, – это беспомощно осесть на пол, зная, что без Рена моя жизнь не имеет смысла.

И тогда мой сон изменился. В нем по-прежнему было темно, только теперь Рен сидел в клетке, в образе тигра. Страшные кровавые раны багровели на его спине.

Я бросилась на колени перед клеткой.

– Держись, Рен. Сейчас мы вытащим тебя отсюда.

Он превратился в человека и дотронулся до моего лица.

– Нет, Келси. Я не могу уйти. Если я уйду, он схватит тебя, а я этого не допущу. Тебе нельзя здесь оставаться. Уходи, пожалуйста!

Рен быстро поцеловал меня.

– Уходи!

Он с силой оторвал меня от себя и исчез.

А я завертелась на месте, беспомощно выкликая:

– Рен? Рен!

Из тумана выступила какая-то фигура. Это был он – здоровый, сильный, невредимый. Он смеялся и разговаривал с кем-то.

Я дотронулась до его руки.

– Рен?

Но он меня не слышал. Я бросилась перед ним, преградила ему дорогу, замахала руками. Но он меня не видел. Он со смехом обнимал за плечи какую-то хорошенькую девушку. Тогда я схватила его за отвороты куртки и затрясла что было сил, но он ничего не почувствовал.

– Рен!

Он отстранил меня, словно досадную преграду, и пошел

прочь вместе со своей девушкой. А я осталась стоять, обливаясь слезами.

Птичье пение за окнами разбудило меня. Несмотря на крепкий сон, я совсем не чувствовала себя отдохнувшей. Всю ночь мне снился Рен – схваченный, плененный, заключенный. И каждый раз, во всех обстоятельствах он прогонял меня прочь – чтобы спасти или чтобы избавиться.

Пять недель. Пять коротких счастливых недель были отпущены нам, чтобы быть вместе. Даже если прибавить к этому то время, когда Рен жил рядом, но мы встречались только на свиданиях, получится всего два месяца. Этого было мало. Слишком мало для любви.

Похоже, я обречена терять всех, кого люблю. Как я буду жить без него?

И все-таки… он был со мной. Как и мои родители. Я чувствовала их присутствие, порой такое близкое, что могла бы, казалось, дотронуться до них рукой. С Реном было то же самое, только… еще сильнее. Порой меня охватывала оторопь при мысли о том, насколько невероятной стала моя жизнь. У меня была ручная змея, умевшая притворяться модным аксессуаром; меня чуть не сожрали водяные вампиры и бессмертные мартышки; мой любимый мужчина большую часть суток пребывал в образе тигра, а совсем недавно я научилась стрелять молниями из рук.

Все это время я могла думать только о похищении Рена, поэтому даже не пробовала исследовать свои новые способности громовержицы. Интересно, что еще со мной приключится в будущем? Честно говоря, мне не хотелось даже думать об этом, я и так знала, что реальность неизбежно превзойдет самые худшие мои опасения.

Одевшись, я спустилась вниз, чтобы помочь мистеру Кадаму. Он уже сидел за компьютером, с головой погрузившись в работу.

– А, мисс Келси! Доброе утро. Если вы готовы, то я бы попросил вас просмотреть несколько карт.

– Конечно.

Он расстелил на столе огромную карту Индии, сдвинув в сторону бумаги с переводом пророчества. Черная, как соболь, пушистая голова боднула меня в ногу, и я машинально наклонилась, чтобы погладить ее. Я была рада присутствию Кишана, хотя в глубине души мне бы хотелось видеть рядом с собой не черного, а белого тигра.

– Доброе утро, Кишан. Уже позавтракал? Позже я испеку тебе печенье, если, конечно, у мистера Кадама найдутся необходимые

продукты.

Кишан громко фыркнул и уселся возле наших ног. А я взяла со стола листок с пророчеством и прочитала вслух:

Будет свыше благословен этот путь,
Дары Дурги вас в храме ждут.
Ваш тяжелый поиск начнется пусть
В том краю, где боги живут.
Там, где Ноя гора тучи держит главой,
Ледником укрыта, как сном,
Океан-Учитель живет седой,
Станет вашим он проводником.
Он глаза ваши смажет и даст совет,
Свитки древние вам вручит,
Его мудрость прольет путеводный свет,
Врата Духа найти вразумит.
За вратами ждет рай, но дорога трудна —
Только стойким дойти суждено,
Пуп земли отыщите, в него видна
Крона дерева, будто в окно.
Мировое Древо над жизнью царит,
Его ветви – зеленый трон,
Клад воздушный вершина его хранит,
Но надежно он сбережен.
Вы четыре дома должны пройти,
Испытания в каждом ждут:
Дом сирен, дом летучих мышей и птиц,
Тыкв-горлянок укромный приют.
Дальше в небо глядите и ждите беды,
То железные стражи летят,
Верный лук, зоркий глаз, гулкий звон тетивы
От погибели вас защитят.
Золотого диска искусный полет
И прехитрая смена личины —
Вот что в логове смерти вам жизнь сбережет,
Даст избегнуть ужасной кончины.
Исканий ваших цель воистину благая,
Себя спасая, вы историю вершите,
Народы Индии в покровы облачая,
Великой силой их над миром наделите.

– Нда-а, – протянула я. – Что ж, по крайней мере, две первые строчки понятны. Нам нужно снова попасть в какой-то храм Дурги. Впрочем, мы так и думали. Но на этот раз я непременно

сделаю подношение Дурге по всем правилам!

– Да, – отозвался мистер Кадам. – Я составил список всех храмов Дурги в Индии и в соседних странах.

– Кишан, напомни мне надеть мой ножной браслет.

Мистер Кадам кивнул и снова склонился над своими записями. Я прикусила губу, вспомнив о том вечере, когда Рен подарил мне этот браслет. Тогда он умолял меня остаться с ним, но я все равно уехала.

«Сколько времени зря потеряла! Если бы не мое проклятое упрямство, мы могли бы все эти месяцы быть вместе…» К чему повторять, что я отдала бы все на свете, лишь бы повернуть время вспять и вернуться в тот далекий вечер! А теперь моего Рена похитили, захватили в плен, и я могла больше никогда его не увидеть.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я заставила себя вернуться к пророчеству:

– Гора Ноя? Разве это в Гималаях? Что-то я не припомню там никакой горы с таким названием.

– Мисс Келси, это гора ветхозаветного Ноя.

– У которого ковчег?

– Совершенно верно.

– Хм-м, но разве этот ковчег остановился не на горе Арарат?

– У вас прекрасная память, мисс Келси. Я тоже первым делом подумал об этом, но ведь Арарат находится на территории современной Турции, кроме того, точное место прибытия ковчега до сих пор является предметом жарких дискуссий.

– Допустим, но все-таки при чем тут Гималаи?

– Сразу несколько моментов подтолкнули меня к этому выводу. Во-первых, трудно поверить, что наш следующий артефакт может храниться вдали от Индии. В пророчестве ясно сказано, что этот дар поможет народам Индии, следовательно, он не может быть спрятан слишком далеко, верно? Во-вторых, это имя Ноя. Всемирный потоп, как известно, описан не только на страницах Библии. Во многих цивилизациях существуют мифы и предания о страшном наводнении, обрушившемся на землю. Я изучил и сравнил все мифы о потопах. Греческий миф о Пирре и Девкалионе, историю о Большом потопе из эпоса о Гильгамеше, ацтекскую легенду о Тате и так далее, и тому подобное. При всем многообразии этих преданий, у них есть одна общая черта – когда дождь стихает, люди выходят на твердую землю. В Индии существует миф о Ману, который сохранил жизнь рыбе, и та, в благодарность за спасение, предупредила его о грядущем потопе. Ману построил корабль, и рыба отвезла его по затопленной земле на вершину горы. Существует множество версий о

местонахождении этой горы, и после того как я по очереди отклонил все вершины, не соответствующие описанию «ледником укрыта, как сном», у нас осталась…

– Гора Эверест!

– Именно. Если мы воспримем мифологию потопа буквально и представим себе землю, полностью затопленную водой, то очевидно, что после окончания наводнения первыми должны были выступить из пучины Гималаи. Вершины этой высочайшей в мире горной цепи теряются в небесах, подтверждая наше предположение о том, что вторая сторона стелы и второй объект, который мы должны найти, имеют отношение к воздушной стихии. Примем также во внимание птиц и прочих крылатых созданий, упомянутых в пророчестве, не говоря уже о том, что сам искомый предмет назван там «воздушным кладом»…

– Гора Эверест! – воскликнула я, прерывая поток рассуждений мистера Кадама. – Но вы же не думаете, что мы с Кишаном должны…

– О нет, разумеется, нет! На сегодняшний день гора Эверест покорилась лишь горстке храбрецов. Не думаю, что вам придется повторить их подвиг. Нет, нас интересует некий город, расположенный у подножия этой горы, город, в котором живет мудрый учитель. Я хочу попросить вас просмотреть составленный мною список городов, отвечающих нашим требованиям, и свериться с картой. Возможно, вы найдете какое-то новое место, которое я упустил.

– Похоже, вы как следует все обдумали!

– Да. Но, как вы совершенно справедливо заметили, две пары глаз лучше, чем одна.

Мистер Кадам протянул мне список, и я начала по очереди искать перечисленные там города на карте. Вскоре оказалось, что мистер Кадам уже вычеркнул все города в радиусе нескольких сотен миль от Эвереста. Единственный город, оставшийся на карте, находился к северу от Эвереста, его название было написано китайскими иероглифами.

– Мистер Кадам? Что это за город? – спросила я, указывая на точку на карте.

– Лхаса. Но это уже Тибет, а не Индия.

– А не может быть так, что артефакт спрятан в Индии, а учитель живет на другой стороне Гималаев?

Мистер Кадам на мгновение застыл, потом бросился листать книгу о Тибете.

– Постойте… секундочку… край, где боги живут… – Он пролистнул вихрь страниц и впился глазами в указатель в конце книги. Быстро пробежав пальцем по столбцу, мистер Кадам снова

забормотал: – Океан-Учитель… Врата Духа… да… о да, ну конечно же!

Он захлопнул книгу, заключил меня в объятия и прижал к своей груди. Глаза его сияли.

– Есть, мисс Келси! Вы умница!

– Да что я такого сделала?

– Город, расположенный под горой Ноя, – это Лхаса! Как же я мог забыть, что это название в переводе означает «место богов»!

– А кто такой учитель, который должен дать нам указания?

– О, это самое интересное! Океан-Учитель, скорее всего, никто иной, как лама. Возможно, сам Далай-лама!

– Что? Но рядом с Лхасой нет никаких океанов!

– Ах, мисс Келси! Это слово не следует понимать буквально. Оно означает мудрость, бескрайнюю, как океан.

– Ладно, значит, мы должны отправиться в Лхасу и встретиться с Далай-ламой, – подытожила я, хлопнув черного тигра по плечу. – Пока все проще простого, верно, Кишан?

Он фыркнул и поднял голову.

Мистер Кадам пробормотал:

– Да, конечно. Это может оказаться сложно.

– Если я правильно поняла, вас не связывает дружба с нынешним Далай-ламой? Такая, как у дедушки Рена?

– Нет. Кроме того, нынешний Далай-лама живет в изгнании, в Индии. Возможно, именно он является тем самым Океаном-Учителем, о котором говорится в пророчестве, однако там же ясно сказано, что проводник ждет нас под горой Ноя! Здесь говорится, что он должен смазать наши глаза, вручить некие древние свитки, дать совет и, возможно, даже проводить к Вратам Духа.

– Это еще что такое?

– Вратами Духа называется вход в японские святилища, – пояснил мистер Кадам. – Считается, что они стоят на границе между обыденным и потусторонними мирами. Проходя под этими воротами, люди очищаются и готовятся к духовному путешествию, ожидающему их впереди.

– А в Тибете есть духовные врата?

– Лично мне о таких ничего не известно. Возможно, у этой части пророчества есть какое-то иное значение.

– Хорошо, а как насчет Пупа земли?

– О, на этот вопрос ответить гораздо проще! Я полагаю, это в пророчестве говорится о так называемом краеугольном камне. В различных религиях и традициях под этим словом подразумевается центр мироздания; так, в Средиземноморье самым знаменитым краеугольным камнем был омфал,

хранившийся в храме Дельфийского оракула. Некоторые ученые писали, что сквозь отверстие этого камня выходили подземные испарения, и когда человек наклонялся и вдыхал их, у него начинались видения. Считалось, что таким образом люди вступают в общение с богами. Также существовала вера в то, что прикосновение к этому камню позволяет увидеть будущее. Краеугольный камень есть в Таиланде, еще один хранится в храме Гроба Господня в Иерусалиме, а также лежит в основании мусульманского Купола Скалы.

– И как он выглядит?

– Представьте себе нечто похожее на каменное яйцо, украшенное резной сеткой, и с отверстием на одном конце.

– Значит, мы должны разыскать этот краеугольный камень, взять его в руки или вдохнуть через него какие-то испарения, после чего он покажет нам путь к Мировому Древу?

– Именно так.

– А что это за древо такое?

– О, это еще один очень распространенный сюжет во многих мировых культурах и религиях. В индийской мифологии такое волшебное древо желаний носит название *Калпаврикша*. Оно цвело, когда индийский народ был мудр и добродетелен; когда же природа людей изменилась к худшему, волшебное древо зачахло. В своих разысканиях о Золотом плоде я наткнулся на упоминание о некоем любопытном дереве из храма Камакши, в Южной Индии. На этом манговом дереве якобы растут четыре сорта манго, считается, будто они символизируют четыре индийские веды, или касты. В скандинавской мифологии существует предание о мировом древе Иггдрасиль. Древние славяне и финны почитали дуб, в котором видели олицетворение священного мирового древа. В индуистской мифологии мы найдем волшебное фиговое дерево под названием *ашваттха*. Это своего рода древо жизни. Упоминания о таких деревьях мы встретим в культурах Древней Кореи и Месопотамии, Литвы и Сибири, Венгрии, Греции… Короче, думаю, вы поняли.

– Ну да, пожалуй. Значит, мы ищем некое особенное дерево. Скажите, а нам хотя бы известно, какой оно породы?

– К сожалению, нет. В преданиях каждого народа говорится о дереве, характерном для его страны, однако во всех мифах речь идет о некоем исполине с могучей кроной и крепкими ветвями, в которых гнездятся птицы. Испытания, связанные с мифами о мировом древе, также подтверждают это описание.

– Так, понятно. Главное, не есть плодов, правильно?

Мистер Кадам рассмеялся.

– Далеко не во всех мифах упоминаются плоды, однако вы

правы, мисс Келси. В большинстве мифах о мировом древе говорится о неких испытаниях. Иногда речь идет о гигантском змее, обвившемся вкруг подножия дерева. А древо это так велико, что его листья привязывают небеса к земле, а корни уходят в глубину подземного царства…

– Давайте лучше перейдем к этим… к испытаниям. Как вы думаете, там опять будут какие-то чудища, которые попытаются меня слопать?

Мистер Кадам мгновенно помрачнел.

– Я всей душой надеюсь, что этого не случится, мисс Келси. Меня обнадеживает упоминание о рае, содержащееся в пророчестве. Полагаю, речь идет скорее о духовных испытаниях, нежели о физических.

– Да, конечно. Нужно только смотреть в оба за железными стражами. Значит, мы должны забраться на макушку этого дерева, отыскать там воздушный клад и пройти четыре испытания. Интересно, как понимать слова о том, что народ Индии облачится в покровы? Как вы думаете, имеется в виду одежда или что?

– Я полагаю, речь идет о некоем символе царской власти.

– Да? Похоже, вы уже все загадки разгадали, по крайней мере, большую часть. Ну что ж, значит, нам пора отправляться в храм Дурги. Как вы думаете, у нас получится без Рена?

– Попытка не пытка, мисс Келси. Вы говорили, что Рен был в образе тигра, когда Дурга приняла ваши подношения. Это так?

– Да. Но она особо отметила связь между мной и Реном.

– Значит, будет разумно, чтобы тигр сопровождал вас и на этот раз. Попробуем использовать Кишана вместо Рена, если, конечно, он не возражает.

Черный тигр громко фыркнул, что, очевидно, означало отсутствие возражений. Я опустила глаза и потрепала его по макушке.

– Будем надеяться, черный ей тоже понравится.

– А теперь мне нужно сделать несколько звонков и попробовать устроить нам в Тибете встречу с кем-нибудь из наставников. Заодно проверим, нет ли какого-нибудь выхода на Далай-ламу.

– И вы думаете, это возможно? Неужели он согласится с нами встретиться?

– Понятия не имею.

– Но разве мы не должны дождаться Рена? Может быть, сначала нужно найти его, а уж потом пускаться на поиски очередного волшебного дара?

– Мисс Келси, я не думаю, что Рен хотел бы, чтобы мы

медлили. Честно говоря, мне до сих пор не удалось отыскать никаких его следов, поэтому я надеюсь, что когда мы получим второй дар, то…

– То нам будет послано новое видение?

– Именно.

– И тогда, возможно, мы поймем, где скрывается Локеш, а он приведет нас к Рену?

– Вы все схватываете на лету, мисс Келси. Я понимаю, что это долгий путь, но, похоже, сейчас он единственный.

– Ладно, согласна. Только давайте сразу договоримся: вам с Кишаном совсем не обязательно сопровождать меня повсюду!

Кишан зарычал и превратился в человека.

– Еще как обязательно, – прошипел он. – Рен наказал мне заботиться о тебе, и я намерен в точности выполнить его поручение. Я не трус!

Я накрыла ладонью его руку.

– Кишан, я никогда не считала тебя трусом. Спасибо. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, если со мной рядом будет большой тигр.

Его насупленное лицо разгладилось, и он сказал:

– Вот и славно. Ну что, раз уж мы все решили, может быть, потренируемся пару часиков?

– Неплохая мысль.

Мистер Кадам жестом указал нам на дверь.

– В таком случае я займусь вами чуть позже, мисс Келси. Вероятно, после обеда.

– Ладно. До скорого.

Переодевшись, я отправилась в спортзал к Кишану. На этот раз он учил меня, как швырнуть на землю заведомо более крупного и сильного противника. После того как я несколько раз успешно отработала этот прием на нем, Кишан едва не загнал меня силовыми упражнениями и растяжками. Наконец он решил, что на сегодня хватит, щелкнул меня по подбородку и назвал молодчиной.

Я собралась было подняться наверх, чтобы пообедать вместе с мистером Кадамом, но Кишан подскочил ко мне сзади, подхватил и закинул себе на плечо. Перепрыгивая через две ступеньки, он помчался вверх по лестнице, а я беспомощно болталась у него за спиной.

– Не сумела отбросить нападающего – терпи, – со смехом прокомментировал Кишан.

Вбежав на кухню, он усадил меня напротив мистера Кадама и с аппетитом набросился на еду.

Я была едва жива от усталости.

– Мистер Кадам, боюсь, меня уже не хватит на тренировку с мечами, – пожаловалась я. – Сегодня утром Кишан выжал из меня все силы.

– Ничего страшного, мисс Келси. В таком случае мы займемся другим делом. Попробуем исследовать ваши громометательные способности.

Я поморщилась.

– А что, если это была случайность? Одноразовый эффект?

Но мистер Кадам как ни в чем не бывало парировал:

– А что, если вы уже давно обладаете этой способностью, но не догадывались об этом, поскольку у вас не было потребности ее использовать?

– Ну ладно. Давайте попробуем. Надеюсь, я не прикончу вас обоих.

– Уж постарайтесь этого не делать.

Закончив обедать, мы снова вернулись в тренировочный зал и вышли из него наружу. Я раньше никогда не была в этой части усадьбы. Из внутреннего дворика лестница вела на открытую лужайку размером с футбольное поле, со всех сторон окруженную стеной джунглей. Оказывается, мистер Кадам уже расставил здесь на разном удалении снопы прессованного сена, как мишени на состязании лучников.

– Я бы хотел, чтобы для начала вы потренировались на неподвижных мишенях, а если дело пойдет успешно, мы перейдем к движущимся целям. Итак, вы сказали, что сильно рассердились и хотели защитить Рена. Вы также упомянули, что почувствовали жжение, начавшееся в области желудка и переместившееся оттуда в вашу руку. Попытайтесь мысленно вернуться в прошлое и уловить это ощущение.

Я послушно закрыла глаза и представила, что загораживаю собой Рена, оседавшего у меня за спиной. Я вновь впустила в себя все тогдашние чувства, представила, как нападающие кольцом смыкаются вокруг нас. Какая-то искра вспыхнула и начала разгораться у меня в животе. Я сосредоточилась на ней и начала медленно раздувать ее. Вот она взорвалась, словно пузырь кипящей лавы, и горячий поток, хлынув вверх по моему телу, ударил в руку. Белый, яркий, пульсирующий луч света вырвался из моей ладони и угодил в первую мишень. Сноп вспыхнул, как разорвавшаяся бомба, тлеющие клочки сена облачком черного молотого перца осели на землю. А на месте, где только что стояла мишень, теперь красовался черный выгоревший круг. Тоненькие струйки дыма, клубясь, медленно таяли в воздухе.

Мистер Кадам крякнул и потер свою бородку.

– Весьма эффективное оружие.

– Ага, только мне бы не хотелось проделывать такое с людьми. Честно говоря, в прошлый раз эта сила показалась мне менее опасной.

– Давайте не будем раньше времени беспокоиться об этом. Для начала попробуем потренироваться поражать цель на расстоянии. Попробуйте-ка поразить следующую мишень, потом ту, что за ней.

Я без труда взорвала обе мишени, для этого мне даже не потребовалось как-то увеличивать мощность огня.

– Кишан, будь добр, поставь нам еще парочку мишеней. На этот раз еще дальше и друг рядом с другом.

Кишан отправился на поле, а мистер Кадам пояснил мне:

– Я хочу, чтобы вы попробовали увеличить дальность поражения и постарались поджечь три мишени разом. Попробуйте представить себе что-нибудь огромное – слона, например, или динозавра, – и вообразите, что вам нужно взорвать его целиком.

– Ладно, попробую.

Я уперлась взглядом в мишени, расставленные на другом конце лужайки, и стала ждать, когда Кишан отойдет. Потом сощурилась против бьющего в глаза солнца, выстрелила – и попала только в крайнюю левую мишень.

– Ничего страшного, мисс Келси. Попробуйте еще разок.

На этот раз я чуть дольше накапливала в себе заряд, а потом описала рукой дугу, чтобы направить молнию во все мишени.

– Хм-м-м, весьма любопытный подход. Теперь мы знаем, что вы можете управлять своим даром. – Мистер Кадам поднял палец в воздух и описал им круг, указывая Кишану, как расставить мишени.

– Давайте-ка попробуем еще. На этот раз ваша задача – максимально увеличить радиус поражения. Закройте глаза и представьте себе китайский веер. Вы держите его за ручку и раскрываете перед собой, понимаете? Пусть ваша молния развернется в воздухе в веер.

– Хорошо, только встаньте мне за спину, ладно?

Он кивнул и сделал шаг назад. Я вытянула вперед руку, пропустив огонь от плеча до кончиков пальцев. Потом представила, что держу веер, и наставила ладонь на мишени. На этот раз толстая белая молния летела гораздо медленнее. Пока она была в пути, я растопырила пальцы, как пластинки веера, приказывая моей молнии расшириться. Как ни странно, это сработало… и даже слишком. Я не только попала во все мишени, но попутно подожгла деревья, росшие по обе стороны от поляны.

Кишан едва успел упасть на землю, спасаясь от моего выстрела.

– Прости! – в ужасе завопила я.

Он только помахал мне рукой, давая понять, что не в претензии.

Мистер Кадам жестом подозвал Кишана к себе и сказал:

– Великолепно! Немного тренировки, и очень скоро вы сможете поражать любые цели, какие пожелаете. Завтра мы потренируемся с интенсивностью молнии, посмотрим, сумеете ли вы несколько уменьшить силу заряда, чтобы вывести свою цель из строя, не… как бы это сказать…

– Не уничтожая ее напрочь? – подсказала я.

Мистер Кадам рассмеялся.

– Вот именно. Я уверен, все поддается контролю. Надеюсь, вы научитесь управлять своим даром, мисс Келси.

– А я надеюсь, что вы не зря надеетесь.

– Я бы попросил вас сегодня и в последующие дни продолжать тренировки с Кишаном. Ваши главные задачи – точность попадания и расширение радиуса поражения. А завтра, как я и обещал, мы займемся мощностью.

– Ладно. Спасибо.

Недели летели незаметно. Не успела я опомниться, как прошло полтора месяца. За это время я заочно закончила семестр. Мои учителя были полностью удовлетворены объяснениями мистера Кадама. Он сообщил им, что ему срочно требуется моя помощь в описании редчайшего артефакта, найденного им в ходе исследований, и пообещал, что я непременно подготовлю реферат о находке.

Мне и самой не терпелось узнать, что же за артефакт станет предметом моего «описания». Подготовка к итоговым экзаменам позволила мне немного отвлечься от неотступных мыслей о Рене. Разумеется, его исчезновение тоже пришлось согласовывать с администрацией университета, но мистер Кадам наплел декану, что Рену пришлось срочно вернуться в Индию по семейным обстоятельствам. Декан воспринял это известие с большим пониманием и выразил искреннюю готовность все уладить.

Закончив заниматься, я стала по утрам помогать мистеру Кадаму вести записи, а потом до обеда тренировалась с Кишаном. Послеобеденные часы были отведены на боевую подготовку. Кишан учил меня разбираться в оружии, ухаживать за ним и выбирать подходящее для разных поединков, а также продолжал терпеливо наставлять меня в искусстве рукопашной схватки, добившись того, что я с грехом пополам усвоила несколько полезных приемов, позволявших вывести из строя более сильных

противников.

Ранними вечерами я под руководством мистера Кадама совершенствовалась в ремесле громометательницы. Теперь я уже умела контролировать мощность заряда, поэтому давно перестала сжигать мишени дотла. Я метала молнии, как стрелы, прожигая аккуратные дырки ровно посередине мишени. А еще могла подпалить все одновременно или по очереди. Не говоря уже о том, что при необходимости мне не составляло никакого труда спалить их все дочиста.

Это вселяло уверенность и одновременно пугало до дрожи. Обладая такой силой, я могла быть супергероиней или злодейкой, но мне не хотелось быть ни той, ни другой. Я хотела только помочь Рену и Кишану избавиться от проклятия. И быть с Реном.

По вечерам я уходила к себе, читала или делала записи в дневнике. Без Рена дом стал совсем другим. Но каждый вечер я по-прежнему ждала увидеть его на нашем балконе. Он снился мне каждую ночь. Все время плененный, часто привязанный к столу или запертый в клетке. И каждый раз, когда я пыталась обнять его или спасти, он останавливал меня или гнал прочь.

Однажды ночью я проснулась от одного из таких кошмаров и села в кровати. Поняв, что не смогу уснуть, я взяла бабушкино одеяло и решила выйти на балкон. Темная голова лежала на спинке диванчика, и в первое мгновение у меня радостно встрепенулось сердце. Я отодвинула раздвижную стеклянную дверь и вышла на балкон. Голова пошевелилась.

– Келси? Ты почему встала?

Мое бедное сердце вновь вернулось в пучину печали.

– А. Привет, Кишан. Плохой сон. Что ты тут делаешь?

– Я часто сплю здесь. Мне нравится быть под открытым небом, да и за тобой отсюда проще присматривать.

– Мне кажется, в этом доме я в полной безопасности. Так что тебе вряд ли нужно сторожить меня тут.

Он подвинулся, приглашая меня сесть рядом.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, Келси. Ведь это я во всем виноват.

– Нет, не ты. Ты ничего не мог сделать.

Он откинул голову на подушку, крепко зажмурился и потер виски.

– Я должен был быть начеку. Рен надеялся, что я смогу быть более внимательным, чем он. Меньше отвлекаться. А я… По правде говоря, я был еще более рассеянным. Мне вообще не надо было приезжать в Америку!

Сбитая с толку его словами, я осторожно переспросила:

– Почему ты так говоришь? О чем ты?

Он посмотрел на меня. Золотые глаза впились в мое лицо, словно искали в нем ответа на какой-то невысказанный вопрос. Потом Кишан резко отвел взгляд, зарычал и еле слышно пробормотал:

– Я безнадежен.

Я взяла его за руку.

– Что случилось?

Он нехотя поднял на меня глаза.

– Все, что с нами случилось, произошло из-за меня. Если бы я оставил Джесубай в покое, ничего бы не было! Она вышла бы за Рена и осталась бы жива. И тебе сейчас не угрожала бы никакая опасность. Мои родители спокойно дожили бы до глубокой старости. Но я не умею держать себя в руках, поэтому делаю несчастными всех своих близких!

Я накрыла его руку второй ладонью и сжала. Он стиснул мои пальцы.

– Кишан, ты любил ее, что, насколько я успела понять, было огромной редкостью в то время. Любовь толкнула тебя на безумные поступки. Джесубай хотела быть с тобой, несмотря на все преграды и последствия. Я уверена, что даже если бы она знала, что ждет ее впереди, она бы все равно поступила так же.

– А вот я нисколько в этом не уверен. У меня было очень много времени, чтобы как следует подумать об этом. Мы с Джесубай почти не знали друг друга. Мы встречались всего несколько раз, тайком, на несколько минут. Не хочу лгать тебе, поэтому признаюсь, что давно подозреваю о ее неблаговидной роли во всей этой истории. Возможно, она была лишь послушной пешкой в игре своего отца. Я ведь даже не знаю, любила ли она меня на самом деле! Наверное, если бы я мог в это верить, мне было бы легче…

– Но ведь она пыталась спасти вас обоих, разве нет?

Он кивнул.

– Джесубай никогда не пошла бы против воли своего отца, если бы не испытывала к тебе если не любовь, то хотя бы привязанность. Но я просто не могу себе представить, как она могла бы устоять перед тобой! Ты хорош собой, как и твой брат. Ты милый и можешь быть просто очаровательным, особенно когда Рена нет рядом. Надо быть сумасшедшей, чтобы не влюбиться в тебя! Я уверена, что Джесубай тебя любила, поскольку только в этом случае она могла бы отказаться от брака с Реном. И уверяю тебя, без вас с Реном моя жизнь была бы намного печальнее. – Я горячо сжала его руку. – Ты не виноват в том, что случилось. Это все сделал Локеш, а не ты. Я думаю, он начал свою охоту за

вашими амулетами задолго до того, как Джесубай вошла в вашу жизнь.

– Ты слишком добра ко мне, Келси. Я заключил сделку с дьяволом. За это нужно платить.

– Ты прав. Когда мы делаем неправильный выбор или принимаем плохое решение, то должны быть готовы принять последствия своего поступка. Но любовь нельзя назвать неправильным выбором.

Он горько усмехнулся.

– В моем случае можно.

– Нет! Вступив в сговор за спиной брата, ты действительно сделал неправильный выбор. Но ведь в итоге ты выбрал свою семью. Ты выбрал Рена, ты хотел спасти его и помочь ему бежать.

– Ошибка есть ошибка. Я не должен был вступать в сговор с Локешем. Не должен был доверять ему.

Несколько секунд мы молча сидели рядом.

– Ошибки делают нас людьми, – тихо прошептала я. – На них мы учимся. Моя мама всегда говорила, что ошибиться не беда, беда – отказаться признать свою ошибку и извлечь из нее урок.

Кишан согнулся пополам, обхватив руками голову. Потом заговорил с какой-то странной насмешкой в голосе:

– Вот именно. Видимо, ты считаешь, будто я извлек свой урок? И больше не повторю прежней ошибки?

– А тебе грозит повторение прошлой ошибки? – шутливо переспросила я. – Ты снова вступил в переговоры с Локешем, я угадала?

– Если я встречу Локеша, то убью его без колебаний. Но что касается угрозы повторения ошибки, ты не ошиблась. Так и есть.

– Я не верю, что ты можешь снова предать своего брата.

– Во всяком случае, не так, как ты думаешь.

Я вздохнула.

– Кишан, я не хочу, чтобы ты все свое свободное время сторожил меня. Мне кажется, ты слишком погружен в прошлое. Встряхнись, научись радоваться своей новой жизни. Скажи, ты встречался с какой-нибудь девушкой, пока меня здесь не было? Ходил на свидания или, может быть, поступил на какие-нибудь курсы?

Кишан отвернулся.

– Я погружен совсем не в прошлое, Келси, – со вздохом ответил он. – А учеба никогда меня особо не интересовала. – Он встал и отошел к перилам. Перегнувшись, уставился на освещенный бассейн внизу. Потом негромко сказал: – Просто… просто как-то так получается, что мне нравятся только те девушки, которые… принадлежат моему брату.

Я ошеломленно уставилась ему в спину. Кишан повернулся, привалившись к перилам. Весь напрягшись, он жадно следил за моей реакцией, его лицо было мрачным и в то же время беззащитным.

– Ты… серьезно? – выпалила я.

– Да. Я серьезно. Я вообще предельно прямой и искренний парень. И никогда не шучу такими вещами.

– Но я… я не понимаю! Одно дело Джесубай с ее фиалковыми глазами и длинными черными волосами, но ведь…

– Келс, прекрати, ладно? Я не шучу с тобой и не разыгрываю. Я очень долго думал, прежде чем решился сказать. Слушай, я знаю, что ты его любишь, и не собираюсь даже пытаться отбить тебя у него. По крайней мере, не сейчас, когда у меня нет абсолютно никаких шансов. – Он невесело улыбнулся. – Прости, но я тяжело переношу отказы.

Он скрестил руки на груди.

– Но да, если бы не Рен, я бы вывернулся наизнанку, чтобы заполучить тебя. Завоевать и сделать своей.

Я выпрямилась, потрясенная до глубины души.

– Но, Кишан, я…

– Подожди. Выслушай меня, Келси. Ты… ты успокаиваешь меня. Ты исцеляешь то, что во мне сломано, даешь силы и надежду начать жить сначала. Кстати, что бы ты там ни думала, ты такая же красавица, как Джесубай. Я чувствую… – Он в смущении отвернулся от меня и простонал: – Что я за человек! Почему со мной так происходит? Дважды подряд! Но все правильно. На этот раз победил Рен. Все справедливо. Мы в расчете. – Он снова обернулся ко мне. – Пожалуйста, прости меня. Я не хотел взваливать на тебя еще и это бремя.

Сейчас, когда Рена не было рядом, Кишан был совсем другим. Он не скрывал свою ранимость, не прятал ее под маской насмешки и бахвальства, которыми он привык выводить из себя брата. Я видела, что он говорит искренне. Его откровенные слова глубоко тронули меня. И опечалили. Я знала, что Кишану, не меньше, чем Рену, нужно избавиться от призраков прошлого. Поэтому решила подбодрить его.

Я встала и обняла его. Вообще-то, я хотела сделать это быстро, но Кишан вцепился в меня, словно я была его единственным спасением. Я похлопала его по спине и высвободилась. Потом взяла за руку и усадила на качели. Как хорошо, что я с детства усвоила мамин прагматичный подход к трудным жизненным ситуациям! Она всегда говорила, что лучшая поддержка, которую мы можем оказать человеку, это дружба и честность.

Поэтому я сказала:

– Поверь мне на слово, Кишан: не будь Рена, я бы, не раздумывая, выбрала тебя.

Он отмахнулся.

– Слушай, Келс, просто забудь все, что я тебе сказал, договорились? Это бессмысленный разговор, так что закончим его поскорее.

– Кстати, я еще не поблагодарила тебя за то, что ты поколотил Рена и заставил его приехать ко мне в Орегон. Честное слово, мне бы никогда не хватило смелости вернуться к нему.

– Только не надо делать из меня героя, Келс, – поморщился Кишан.

– Но ты и есть мой герой. Если бы не ты, мы с Реном никогда не были бы вместе.

– Не напоминай, ладно? Правда в том, что я хотел вернуть тебя ничуть не меньше, чем он. Если бы Рен не улетел к тебе, я сделал бы это сам и добился бы тебя, и тогда наш сегодняшний разговор мог бы быть совсем другим.

На несколько секунд я позволила себе вообразить, что было бы, если бы на Рождество ко мне приехал бы не Рен, а Кишан. Потом легонько шлепнула его по руке.

– Не волнуйся, теперь я здесь. И вообще, я уверена, что ты любишь совсем не меня, а мое печенье. Ведь я пеку фантастическое двойное шоколадное печенье с арахисовым маслом!

Он еле слышно пробормотал себе под нос:

– Ну да… печенье.

– Значит, друзья?

– Я всегда был твоим другом.

– Вот и хорошо. Значит, у меня есть друг и герой. Спокойной ночи, Кишан.

– Спокойной ночи, *билаута*.

Я повернулась к двери.

– И не беспокойся ни о чем. Скорее всего, твои чувства скоро пройдут. Вот увидишь, стоит тебе получше меня узнать, как я начну тебя безумно раздражать. Я бываю ужасной брюзгой и занудой, тебе просто повезло, что ты еще не видел меня в ударе.

Он только приподнял брови и ничего не сказал.

Вопреки моим заверениям о том, что я могу превосходно обойтись без охраны, было приятно знать, что за моей балконной дверью спит настоящий тигр. Вскоре меня сморил сон. Впервые со дня приезда я спала без кошмаров.

13
Храм Ватсала Дурга

Следующие две недели мы жили в том же распорядке. Я день ото дня становилась все сильнее и почти не сомневалась в том, что смогу сама постоять за себя в бою. Разумеется, не благодаря своей физической силе, а с помощью молний. Я будто родилась с этим даром. Теперь я могла сжечь сорняк на другом конце поляны, не повредив ни одной травинки по соседству. Такое впечатление, будто в меня вживили автоматическую систему самонаведения, благодаря которой я без труда находила любую цель.

Мистер Кадам почти все время пытался найти Рена. После того как мы установили, что нужный нам город – это Лхаса, остальные части пророчества встали на свои места. Мистер Кадам не сомневался, что как только мы доберемся туда, то сразу же найдем все необходимое. Но перед отъездом нам предстояло совершить еще одно путешествие в храм Дурги.

Вскоре к нам домой стали поступать посылки. Мистер Кадам купил мне новую одежду. Постепенно в углу моей спальни поселились несколько пар туристических ботинок, дюжина шерстяных носков, шерстяные и флисовые свитера, куртки из гортекса, брюки, перчатки, толстые футболки с длинным рукавом, пара ослепительно-белых утепленных ботиков для путешествий по снегу, куча утепленных штанов самых разных фасонов и коллекция шапок.

Когда прибыла последняя посылка с солнцезащитными очками, кремами и прочими косметическими принадлежностями, я со всех ног бросилась вниз.

– Мистер Кадам! Такое впечатление, что вы все-таки задумали отправить меня покорять Эверест. Как вы думаете, сколько рюкзаков я могу нести одновременно?

Он радостно захихикал.

– Входите скорее, мисс Келси, входите. Я хочу показать вам нечто очень интересное.

– Что же? Какую-нибудь хитрую куртку, чудо последних технологий, которая не позволит мне замерзнуть под лавиной?

– Нет, не угадали. Вот. – Он протянул мне книгу.

– Что это?

– «Потерянный горизонт» Джона Хилтона. Вы читали эту книгу?

– Нет. Я вообще впервые о ней слышу.

– А название Шангри-Ла вам о чем-нибудь говорит?

– Пожалуй. Кажется, это такие ночные клубы в старых голливудских фильмах? По-моему, в Вегасе есть даже казино с таким названием.

– Ох, несомненно. Короче говоря, я обнаружил определенную связь между этой книгой и нашими поисками. У вас есть время обсудить этот вопрос?

– Конечно. Только давайте позовем Кишана, пусть он тоже послушает.

Вернувшись, я поудобнее устроилась в кресле, а Кишан развалился на полу возле моих ног.

– Итак, «Потерянный горизонт» – это книга, написанная в тысяча девятьсот тридцать третьем году английским писателем Джоном Хилтоном. В ней описывается утопическое общество, обитатели которого обладают завидным долголетием и живут в гармонии друг с другом и миром. Эта вымышленная страна находится в горах Кунлун, в Гималаях. Но что особенно интересно, так это то, что, создавая свою Шангри-Ла, мистер Хилтон опирался на индуистско-буддистский миф о Шамбале, волшебной стране, отрезанной от всего мира и таящей в себе множество удивительных тайн. Не случайно в современном мире слово «шангри-ла» стало означать территорию счастья, удачи, иными словами – рай.

– Вы хотите сказать, что, пройдя через духовные врата, мы попадем в Шангри-Ла?

– Да, я пришел именно к этому выводу. Но что это за поразительный миф, друзья мои! Знаете ли вы, что эта книга вобрала в себя истории и легенды о самых разных знаменитых городах? В ней можно найти отголоски легенды о Святом Граале, фонтане молодости, Эльдорадо, городе Еноха и легендарной стране гипербореев из древнегреческих мифов? Все эти предания имеют несомненное сходство с историей о Шангри-Ла. В каждом из них люди искали либо предмет, дарующий бессмертие, либо волшебную страну, некое идеальное общество. Даже в библейской истории об Эдеме мы встретим сразу несколько сходных мотивов – дерево, змея, рай, прекрасный сад! Множество людей искали эти места, но так и не нашли.

– Понятно, звучит потрясающе. Чем больше я узнаю, тем труднее мне кажется наша задача. Может быть, было бы проще вообще не забивать себе голову. Меньше знаешь – крепче спишь, как говорится.

– Вы хотите, чтобы я больше ничего вам не рассказывал.

Я уныло вздохнула.

– Да нет, это я так… Конечно, я должна все это знать. Чтобы

ориентироваться. Значит, никто никогда так и не отыскал эту самую Шангри-Ла?

– Нет. Хотя многие пытались. Кстати, мне попалась на глаза весьма любопытная информация. Оказывается, Адольф Гитлер верил в то, что в Шангре-Ла обитает древняя и чистокровная раса господ. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году он даже отправил в Тибет экспедицию под руководством некоего Эрнста Шефера.

– Хорошо, что они ничего не нашли.

– Безусловно.

Мистер Кадам вручил мне «Потерянный горизонт» для ознакомления и предупредил, что мы отправимся в путь в конце недели. Следующие несколько дней все шло как обычно, но я все сильнее нервничала. Признаться, прошлое путешествие было довольно жутким, но там со мной все время был Рен. Полпути мы с ним ссорились, полпути целовались, но, несмотря на все эти сердечные бури, я постоянно чувствовала себя в безопасности. Я знала, что он защитит меня от всех врагов, будь то злобные мартышки или мерзкие демоны-каппы. И сейчас, стоя на пороге нового опасного путешествия, я так отчаянно хотела, чтобы Рен был со мной рядом, что внутри у меня поселилась сплошная ноющая пустота. Единственное, что побуждало меня отправиться в путь, – это понимание, что я делаю это для него. Я не разрешала себе даже думать о том, что он может не пережить предстоящие недели. Он выживет. Он должен. Без него жизнь утратит для меня всякий смысл.

Впрочем, я делала это не только для Рена, но и ради Кишана. Его я тоже не могла предать. Так уж я устроена. Я знала, что он сделает все возможное, чтобы защитить меня, да и мои новые способности тоже не стоило сбрасывать со счетов. И все-таки с Реном все было бы иначе…

Но дни шли за днями, а мы до сих пор не могли найти его. Кишан и без того ходил как в воду опущенный, поэтому я не решалась беспокоить его разговорами о брате. Тем более что после его недавнего признания мне вообще было неловко заговаривать с ним о Рене. А стоило мне случайно обмолвиться мистеру Кадаму о том, что мне тяжело без Рена, как добрый старик всякий раз страшно расстраивался и с виноватым видом зарывался в книги, забывая о еде и сне.

Мы с Кишаном больше ни разу не заговаривали о его чувствах ко мне. Поначалу мы оба испытывали неловкость, но поскольку, не сговариваясь, дружно избегали этой темы, то вскоре наши отношения стали почти прежними. Каждый день Кишан учил меня искусству рукопашного боя, и постепенно я

искренне привязалась к нему.

Братья были во многом очень похожи, но теперь я видела и различия между ними. Например, Кишан был осторожнее Рена. Он мог с готовностью обсудить любую тему, но никогда не спешил с ответами. Его мысли всегда были глубоки и взвешены. К себе он относился беспощадно, постоянно терзаясь стыдом и чувством вины за все, что натворил в жизни.

Но при этом очень часто его мысли и даже слова, в которые он их облекал, напоминали мне о Рене. Разговаривать с ним было так же легко, как и с его братом. Даже голоса у них звучали похоже. Порой я забывала, с кем говорю, и называла его Реном. Кишан каждый раз уверял меня, что это вполне понятная оговорка, но я видела, что причиняю ему боль.

Всю последнюю неделю в доме витало напряжение. Наконец настал день отъезда. Наши сумки погрузили в джип. Кишан сел на место Рена, и мы отправились в путь. Перед отъездом мистер Кадам вручил нам проездные документы и объяснил, что наше путешествие будет проходить через три страны. Когда я, не утерпев, заглянула в свой паспорт, то с удивлением увидела в нем свое новое имя – К.Х. Хан и старую фотографию времен средней школы. Да уж, вид на ней у меня был тот еще!

Мы держали путь в Непал, в город Бхактапур. Нам потребовалось два дня, чтобы пересечь Индию и въехать в Непал через погранпереход Биргандж-Раксаул. На границе мистеру Кадаму пришлось долго провозиться с бумагами, нам потребовалась предъявить специальный таможенный документ *Carnet de Passages en Douane*, чтобы получить право ввезти свой джип в Непал.

Заехав в отель «Джахур», мы с мистером Кадамом оставили Кишана отсыпаться в номере, а сами взяли рикшу и поехали осматривать биргандженскую часовую башню.

Вернувшись в гостиницу, мы разбудили Кишана и все вместе отправились ужинать в ресторан неподалеку от отеля. Мистер Кадам заказал для меня *чатамари*, оказавшейся чем-то вроде пиццы, только на лепешке из рисовой муки. Из предложенных вариантов начинок я выбрала только те, которые узнала. Себе мистер Кадам заказал *масу* – подобие мясного карри с рисом. Он выбрал *масу* с курятиной, но в меню были также баранина и мясо буйволов – а я и не знала, что они водятся в Непале! Кишан в конце концов остановился на овощном *пулао,* разновидности плова с жареным рисом, щедро приправленным зирой и турмериком, бараньем *масу* и *тукпе* – жареной яичной лапше с различными добавками.

На следующий день мы встали ни свет ни заря и отправились

в Бхактапур. Снова остановились в гостинице и пошли на дворцовую площадь города. Оказалось, что туда запрещен въезд не только автомобилям, но даже рикшам. Мистер Кадам сказал, что это делается для того, чтобы на площади всегда было тихо, чисто и спокойно. Мы прошли через большой рынок, где торговали самыми разными гончарными изделиями. Я обратила внимание на множество ярко раскрашенной посуды из характерной черной глины. На лотках и прилавках были выставлены маски демонов, животных, богов и богинь. Дальше тянулись ряды с овощами и фруктами и тележки с закусками. Мы купили знаменитый местный йогурт, называвшийся *куджу дхау*. Он делался из буйволиного молока и продавался с заправками из фруктов, орехов, изюма и корицы.

Миновав рынок, мы вышли на главную площадь. По пути мистер Кадам давал нам необходимые пояснения:

– Итак, перед нами площадь Дурбар, или Дворцовая площадь. Ага, а вот и то, что нам нужно, храм Ватсала– Дурга.

Два каменных льва охраняли вход в святилище. Сам храм, как и Вирупакши в Хампи, был выстроен в виде башни или горы, только с кирпичной террасой по сторонам. С одной стороны от храма на двух каменных столбах висел гигантский колокол.

– Ой, мистер Кадам, похоже, здесь мне не понадобится ножной браслет! Смотрите, какой огромный колокол!

– Да, мисс Келси. Это колокол Таледжу, он сделан из бронзы и неслучайно установлен перед храмом. Хотите выслушать его историю?

– Конечно!

– Этот колокол еще называют Лающим колоколом. Однажды, в глубокой древности, одному государю приснился сон. Подробности, как водится, разнятся, однако считается, будто царь увидел, как ночью на его город напали кошмарные существа в облике псов.

– Твари, похожие на псов? Может, это были вервольфы?

– Вполне вероятно, мисс Келси. Государю также приснилось, что эти демонические создания боялись только колокольного звона. Голос колокола был столь силен и звучен, что демоны бросились наутек, не причинив вреда жителям города. Проснувшись, государь немедленно приказал отлить особый колокол. Можете себе представить, насколько напугал его этот сон! Колокол был изготовлен и стал использоваться для оповещения горожан о начале вечерней службы. Люди верили, что до тех пор, пока они слушаются колокольного звона, им не грозит никакая опасность. Многие до сих пор уверяют, что когда колокол начинает звонить, все окрестные собаки заливаются

лаем.

– Какая хорошая сказка! – воскликнула я и пихнула локтем Кишана. – Интересно, этот колокол действует только на вервольфов или на *вертигров* тоже?

Кишан схватил меня за локоть, притянул к себе и усмехнулся:

– На твоем месте я бы на это не рассчитывал. Если тигр явится по твою душу, его будет не так-то просто прогнать. Мы, тигры, весьма целеустремленные создания.

У меня закралось подозрение, что он имеет в виду не совсем то, что я. На всякий случай я поспешила сменить тему.

Большая часть мужчин, проходивших мимо нас, носила какие-то странные высокие головные уборы. Воспользовавшись этим предлогом, я спросила мистера Кадама о том, что это такое, и он прочитал нам подробнейшую лекцию об исторических корнях и религиозной символике местной одежды.

– Мистер Кадам, вы просто ходячая энциклопедия премудрости! Вы незаменимый спутник в любом путешествии, и слушать вас гораздо интереснее, чем любого преподавателя!

Он польщенно улыбнулся.

– Спасибо. Но прошу вас, не стесняйтесь останавливать меня, когда я слишком углублюсь в подробности. Меня порой заносит.

– Разумеется, хотя очень сомневаюсь, что я могу с вами соскучиться, – рассмеялась я. – Но если случится такое чудо, я дам вам знать.

Кишан ухмыльнулся до ушей и воспользовался моими словами, чтобы обнять меня за плечи и погладить по голой руке.

– Даю тебе слово, что со мной ты тоже никогда не соскучишься, – промурлыкал он.

Это оказалось приятно… даже слишком приятно. Пристыженная, я отреагировала излишне эмоционально – съежилась под его тяжелой ручищей и попыталась сбросить ее.

– Кыш! Слишком много себе позволяешь! Ты не забыл, что сначала нужно спросить разрешения?

Кишан наклонился ко мне и прошептал:

– Это я улажу.

Я ответила ему сердитым взглядом, и мы пошли дальше.

Остаток дня мы знакомились с местностью, соображая, как лучше пробраться сюда в сумерках. Когда план был готов, мистер Кадам нажал на какие-то скрытые пружины или задействовал возможности своей безграничной телефонной книжки, так что в результате нам позволили прийти на Дворцовую площадь после закрытия.

Полосы света гасли в темнеющем небе, когда мы снова

подошли к храму. Мистер Кадам проводил нас до ступеней святилища и вручил мне рюкзак, набитый всевозможными предметами, которые предполагалось использовать в качестве подношения богине. На этот раз здесь было все, имеющее хоть какое-то отношение к воздуху: различные птичьи перья, китайский веер, хвост воздушного змея, накачанный гелием воздушный шарик, деревянная флейта, пластмассовый самолетик, который запускается при помощи резинки, миниатюрный барометр, игрушечная лодка с парусом и даже маленькая призма, превращающая поток света в радугу. На всякий случай мы захватили с собой и несколько фруктов.

Мистер Кадам отдал мне Фаниндру, и я надела ее себе на руку. Она тут же плотно обвилась спиралью вокруг моего предплечья, дав понять, что собирается сопровождать меня на встречу с богиней. Мы с Кишаном поднялись по каменным ступеням, ведущим в сердце святилища. Прошли мимо каменных сторожевых слонов, потом миновали парочку львов. Статуя Дурги была видна даже с улицы, она стояла в нише высоко над нашими головами. Я немного беспокоилась, не увидит ли ее кто-нибудь из прохожих, если богиня задумает ожить, как в прошлый раз.

Мы молча обошли храм сзади, обогнули каменное крыльцо с колоннами и увидели винтовую лестницу, ведущую наверх. Кишан протянул мне руку, я взяла ее. Внутри храма было темно и прохладно. Свет уличных фонарей тускло освещал коридор, ведущий к статуе. Кишан шагал рядом со мной – черный, бесшумный и прохладный, как все в этом храме. Мне было хорошо рядом с ним, но я тосковала по теплу и свету, которые всегда излучал мой Рен.

Мы вошли в небольшое помещение и остановились перед стеной. Я знала, что статуя Дурги находится с другой стороны, озаренная светом уличных фонарей. Она примерно на два фута отстояла от стены храма, так что мы, пожалуй, могли бы встать по обе стороны за ее спиной, спрятавшись в тени.

– Ладно, к делу. В прошлый раз мы сделали подношение, позвонили в колокол, попросили помочь нам советом и вразумлением, а потом Рен превратился в тигра. Похоже, так и надо делать.

– Я в твоем распоряжении.

Мы вытащили из рюкзака наши подношения, разложили их у ног статуи, а сами юркнули в тень за ее спиной. Я приподняла ступню и провела пальцем по колокольчикам на браслете, невольно улыбнувшись при мысли о Рене.

Потом мы чуть отодвинулись от стены, и Кишан взял меня за руку. Я была благодарна ему за поддержку. Хоть я и видела

однажды, как оживает каменная статуя, но все равно сильно нервничала.

– Давай сначала я что-нибудь скажу, а потом ты.

Он кивнул и сжал мою руку.

– Великая богиня Дурга, мы снова пришли просить у тебя помощи. Я прошу благословить нас на поиски нового сокровища, которое поможет расколдовать двух принцев. Молю тебя, не оставь меня без своей поддержки и мудрости!

Я повернулась к Кишану и кивнула.

Секунду-другую он стоял молча, потом негромко заговорил:

– Я… я не заслуживаю благословения, богиня. – Он посмотрел на меня и печально вздохнул. – Все, что случилось, случилось из-за меня, но я прошу тебя помочь моему брату. Сбереги его… ради нее. Помоги мне защитить ее в этом путешествии и убереги от беды.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я приподнялась на цыпочки, поцеловала его в щеку и шепнула:

– Спасибо.

– На здоровье.

– Давай превращайся в тигра.

Он превратился и тут же растворился в темноте. Резкий порыв холодного ветра пробежал по храму, взлетел вверх по лестнице. Моя рубашка с длинными рукавами надулась пузырем. Я вцепилась пальцами в косматый загривок Кишана и заорала, пытаясь перекричать свист ветра:

– Вот, начинается самое страшное!

Ветер завертел пыльные смерчи вокруг нас, многолетняя грязь посыпалась из трещин стен, взметнулась с каменных полов. Я зажмурилась, зажала рот и нос рукавом. Кишан отпихнул меня в дальний угол, подальше от могучих порывов ветра, бушевавших возле окон.

Я оказалась зажатой между ним и стеной, что было очень своевременно, ибо черному тигру приходилось изо всех сил цепляться когтями за трещины пола, чтобы устоять на лапах. Он еще плотнее прижался ко мне. Присев на корточки, я обняла его за шею и зарылась лицом в черную шерсть. Постепенно вокруг нас стала проступать каменная резьба, доселе скрытая под многолетними наслоениями грязи и пыли. Песок и ветер до блеска отполировали пол, и он засиял, будто мраморный. Я ухватилась одной рукой за колонну, другой еще крепче вцепилась в Кишана.

Минут через десять ветер стих, и я открыла глаза. Все вокруг волшебным образом преобразилось. Очищенный от грязи и пыли, храм поражал красотой и блеском. Вставшая луна заливала

серебристым сиянием пустые залы, сделав их призрачными и сказочными, будто во сне. На стене, за статуей Дурги, проступил уже знакомый мне отпечаток ладони. Кишан превратился в человека и встал рядом со мной.

– Что дальше? – спросил он.

– Смотри!

Я оттолкнула его себе за спину, приложила ладонь к отпечатку и пустила поток энергии по своей руке в стену. Глухой рокот сотряс стену, и мы с Кишаном одновременно попятились. Стена стала медленно поворачиваться вокруг своей оси, и вскоре перед нашими глазами предстала еще одна статуя Дурги.

Она была очень похожа на предыдущую, все те же многочисленные руки, веером раскинувшиеся вокруг тела, и верный тигр у ног. Только кабана не было. Потом раздалось мелодичное позвякивание колокольчиков, и нежный голос произнес:

– Здравствуй, юная дева. Твои подношения приняты.

В тот же миг все дары, которые мы с Кишаном сложили у ног статуи, замерцали и исчезли. Едва заметная дрожь прошла по каменному телу богини цвета желтого песчаника, руки Дурги заколыхались в воздухе. Каменные губы богини раздвинулись в улыбке и заалели, словно рубины. Тигр с рычанием встряхнулся. Камни, будто пыль, полетели во все стороны от него. Громко чихнув, оживший зверь уселся у ног своей хозяйки.

Кишан, не отрываясь, смотрел на богиню. Вот Дурга изящно повела плечами, и поднявшийся ветерок бережно сдул с нее всю пыль, так что богиня предстала пред нами во всей красе, словно сияющий драгоценный камень, извлеченный из-под песчаного наноса. На этот раз кожа у нее оказалась не золотой, а нежно-розовой. Она расслабила поднятые руки, потом подняла свободную ладонь и сняла с себя золотой головной убор. Блестящие черные волосы водопадом хлынули вниз по ее спине, рассыпавшись по плечам.

Богиня произнесла мелодичным голосом:

– Келси, дочь моя, как же я рада, что ты сумела отыскать мой Золотой плод!

Обратив взор на Кишана, Дурга слегка наклонила голову и приподняла брови, так что лицо ее приняло выражение прелестного недоумения.

– Но кто это с тобой? Где твой тигр, Келси?

Кишан смело шагнул вперед и низко склонился к протянутой руке богини.

– Я тоже тигр, почтенная госпожа.

В подтверждение своих слов он мгновенно обернулся в

черного тигра – и обратно. Богиня рассмеялась счастливым переливчатым смехом, легким эхом облетевшим стены храма. Кишан улыбнулся ей. Она вновь посмотрела на меня и заметила золотую змею, обвившуюся вокруг моей руки.

– А вот и Фаниндра, моя любимица!

Богиня жестом поманила меня к себе, и я сделала несколько шагов вперед. Верхняя часть Фаниндры мгновенно ожила и, струясь, поползла к протянутой руке Дурги. Та ласково погладила змею по плоской головке.

– Впереди тебя ждет еще много работы, милая. Я хочу, чтобы ты пока оставалась с Келси.

В ответ змея негромко зашипела, потом снова обвилась вокруг моей руки и застыла, только ее зеленые изумрудные глазки продолжали тихо светиться, пока мы разговаривали.

Дурга вновь обратилась ко мне:

– Я чувствую, что ты огорчена и испугана, дочь моя. Расскажи мне, какая боль терзает твое сердце.

– Рен, мой белый тигр, попал в плен, и мы не может его отыскать. Мы надеемся, что ты поможешь нам найти его.

Дурга печально улыбнулась.

– Моя власть… не безгранична. Я могу наставить вас в поиске следующего дара, но у меня нет времени ни на что иное.

Слеза скатилась по моей щеке.

– Но без него… поиск даров теряет для меня всякий смысл.

Дурга протянула свою нежную руку и поймала мою блестящую слезинку. На моих глазах слеза затвердела у нее на пальце, превратившись в сияющий бриллиант. Дурга протянула его Кишану, который, похоже, остался очень доволен подарком.

– Не забывай, Келси, что путешествие, в которое я тебя посылаю, послужит не только твоим тиграм. Оно поможет всей Индии. Судьбы народов зависят от того, сумеешь ли ты добыть священные дары.

Я громко шмыгнула носом и вытерла глаза рукавом.

Дурга мило улыбнулась мне.

– Не горюй, дитя мое. Обещаю, что позабочусь о твоем белом тигре и сберегу его от беды и даже… о… теперь мне все понятно. – Она моргнула и уставилась куда-то вдаль, словно видела нечто, недоступное нам. – Да… путь, в который ты отправишься отсюда, поможет спасти твоего тигра. Но береги мои дары как зеницу ока, дабы они не попали в недобрые руки.

– Что нам делать с Золотым плодом?

– Он поможет тебе в новом странствии. Возьми его с собой, но используй с умом.

– А что за воздушный клад мы должны отыскать?

– Прежде чем ответить на этот вопрос, я хочу познакомить тебя кое с кем.

Взмахнув розовой рукой, богиня указала куда-то нам за спины, в глубину храма. Потом раздалось ритмичное позвякивание, и мы с Кишаном одновременно обернулись.

В освещенном лунным светом углу на деревянном табурете сидела старая-престарая сгорбленная старуха. Космы седых волос торчали из-под ее линялого красного платка. Она была одета в простое домотканое коричневое платье и белый фартук. Перед старухой стоял невысокий деревянный ткацкий станок, и некоторое время я молча наблюдала, как она вытаскивает из большой плетеной корзины красивую пряжу, наматывает ее на челнок и плетет узор на станке.

Не выдержав, я спросила:

– Что ты делаешь, бабушка?

Она ответила мне добрым, но усталым голосом:

– Мир, дитя мое. Я тку мир.

– Твоя пряжа очень красива. Я никогда не видела таких прекрасных расцветок.

– Я беру осеннюю паутину для легкости, крылья фей для блеска, радуги для отлива и облака для мягкости, – проскрипела старуха. – Вот, смотри. Подойди, пощупай ткань.

Схватив Кишана за руку, я подошла ближе и дотронулась до материи. Она затрещала и уколола меня.

– Ой! Там ток!

– Да. Великий ток жизни заключен в этой ткани, но я должна научить тебя двум премудростям ткачества.

– Я слушаю, бабушка.

– Вот эти длинные нити называются основа, а те цветные – уто2к. Нити основы толстые, сильные и чаще всего невзрачные, но без них утку не за что будет зацепиться. Твои тигры цепляются за тебя, ты нужна им. Без тебя мировые ветры подхватят и унесут их.

Я понимающе кивнула.

– Что еще я должна узнать, бабушка?

Она наклонилась к моему лицу и заговорщически прошептала:

– Искусная ткачиха создает особенную ткань, а я вплела в эту материю могучие нити силы. Хорошее полотно на многое сгодится. Где только оно не поможет! Вот эта ткань умеет собирать, создавать и прятать. Запомни это, внученька, и береги ее, она тебе пригодится. И запомни главное – не спеши унывать, коли какая нить покажется тебе негодной или невзрачной. Ты погоди да присмотрись получше. Будь мудра и терпелива. У

нитей свой нрав, ты лишь следи, как они вьются да плетутся, и со временем увидишь весь узор во всей его красоте.

Выпустив руку Кишана, я подошла к старушке. Я поцеловала ее в мягкую морщинистую щеку и еще раз поблагодарила за советы. Глаза ее просияли, челнок вновь засновал туда-сюда. Снова послышалось ритмичное клацанье, и на моих глазах старушка начала медленно таять в сумерках. Какое-то время слышался только шум станка, а потом и он исчез.

Мы повернулись к Дурге, которая с улыбкой смотрела на нас, поглаживая своего тигра.

– Ты доверишь мне заботу о твоем белом тигре, Келси?

– Да. Конечно.

Лицо Дурги озарилось.

– Прекрасно! Но перед тем, как отправить тебя в путь, я дам тебе еще один подарок. – Она принялась перекидывать свое оружие из руки в руку, пока не остановилась на луке и стрелах. Кишан машинально сделал шаг вперед.

– Не спеши, мой эбеновый. Для тебя у меня тоже есть подарок, но этот… этот для моей дочери.

Она протянула мне небольшой золотой лук и колчан стрел с золотыми наконечниками.

– Спасибо, богиня, – поблагодарила я, приседая в реверансе.

Дурга с улыбкой повернулась к Кишану:

– А теперь давай-ка подберем что-нибудь для тебя.

Он низко поклонился и вдруг улыбнулся ей ослепительной бесшабашной улыбкой.

– От тебя я с радостью приму все, что угодно, моя прекрасная богиня.

Я возмущенно закатила глаза. Каков наглец!

Дурга едва заметно кивнула, слегка улыбнулась, но мне показалось, будто на щеке ее заиграла едва заметная ямочка. «Хм-м. Похоже, он ей понравился. Надеюсь, она не попросит пожертвовать ей моего спутника?»

Я покосилась на Кишана, который улыбался до ушей, не в силах отвести глаз от Дурги. «Вообще-то, он очень красивый, – продолжала размышлять я. – Ведь Зевс, кажется, путался со смертными женщинами? Хм-м, когда вернемся, нужно будет поподробнее расспросить об этом мистера Кадама».

Тем временем Дурга протянула Кишану золотой диск, который, судя по всему, пришелся ему по душе. Настолько, что он позволил себе запечатлеть горячий поцелуй на тыльной стороне руки богини. «По-моему, он переходит все границы!» Нет, вы только не подумайте, будто я ревновала. Просто не ожидала, что Кишан посмеет так дерзко флиртовать с богиней.

Эти двое так долго смотрели друг на друга, что мне пришлось взять ситуацию в свои руки. Я негромко откашлялась:

– Кхе-кхе. Так значит, нам больше ничего не нужно знать перед путешествием? Вообще-то, мы думаем отправиться в Лхасу, в Гималаи. На поиски Ноева ковчега и Шангри-Ла.

Дурга с усилием оторвала взгляд от Кишана и вернулась к нашим делам. Ее мелодичный голос вновь эхом разнесся под сводами храма.

– Да-а, – голос ее стал таять, а руки медленно вернулись в прежнее положение. – Но остерегайтесь четырех домов. Они готовят вам испытания. Используй все, чему научилась. Раздобудь второй дар, он поможет тебе спастись и найти того, кого ты любишь. Используй его…

Богиня окаменела. Ее нежная кожа огрубела, превратившись в камень.

– Пропади ты пропадом! В следующий раз я первым делом задам ей все вопросы!

Ветер понесся по залу, статуя начала медленно поворачиваться и вскоре снова заняла свое место, лицом к улице.

– Эй, алло? Земля вызывает Кишана.

Он не поворачивал головы до тех пор, пока Дурга не скрылась из виду.

– Она… О, она… несравненная!

Я фыркнула.

– Ну да. Похоже, у тебя страсть к недоступным женщинам.

Его глаза погасли, и я увидела, как он замкнулся.

– Да, – скривившись, признался он. – Ты абсолютно права, Келси. – Он невесело рассмеялся над собой. – Возможно, мне следует обратиться в группу поддержки.

Я засмеялась, но тут же погрустнела.

– Прости, Кишан. Мне не следовало так говорить.

Он с улыбкой протянул мне руку.

– Не переживай. Я по-прежнему с тобой. Если я правильно помню, ты – моя основа, а я твой уток.

– Угу. Не слишком лестное сравнение для меня, не находишь?

– Но ты красивая основа.

– Хм-м, надеюсь, наш челнок не окажется звездолетом «Энтерпрайз».

Кишан непонимающе склонил голову.

– Чего?

Я поморщилась.

– Извини. Просто мой папа был треккером, и порой из меня сыпется всякая чушь.

– Треккером?

– Нужно будет как-нибудь познакомить тебя со «Звездным путем». Это такой сериал и несколько фильмов. Думаю, тебе понравится, – сказала я и пробормотала себе под нос: – Жаль, что Скотти не может телепортировать нас из этой безумной жизни!

Кишан в недоумении сдвинул брови. Разумеется, он не понимал ни слова из моей болтовни.

– Не обращай внимания! Когда-нибудь, в перерыве между схватками с демонами, я посвящу тебя в мир научной фантастики. Начнем, пожалуй, с чего-нибудь легкого. Например, с «Инопланетянина».

Кишан равнодушно пожал плечами.

– Как скажешь.

– Что ж, идем, мой эбеновый, – подколола я. – Надо поскорее найти мистера Кадама.

– Я к твоим услугам, прелесть моя.

Я снова закатила глаза и устремилась вниз по лестнице.

– Тебе что, мало было флирта с богиней? Да ты, я посмотрю, не знаешь усталости! Но лучше побереги силы. На меня это не действует.

Он рассмеялся мне в спину.

– В таком случае буду тренироваться, пока не найду слова, которые подействуют.

– И не надейся, Казанова!

– Кто такой Казанова?

– Не важно.

Луна скрылась в облаках, стены и пол храма вновь покрылись прежним слоем пыли и грязи. Чудо ушло. Кишан взял меня за руку, и мы вместе вышли в темную ночь.

14
Шоссе Дружбы

Мистер Кадам ждал нас за храмом. Когда мы спросили, заметил ли он, как статуя двигалась, он ответил, что ничего такого не видел. И никакого ветра он тоже не почувствовал. Я сказала, что в следующий раз он непременно должен пойти с нами, чтобы увидеть все своими глазами. Однако мистера Кадама, похоже, вполне устраивала роль стороннего наблюдателя, поэтому он поспешил заверить меня, что его присутствие будет лишь сбивать нас с пути истинного, ибо, по его мнению, Дурга является только мне и тиграм.

– Ну конечно, – не удержалась я, – вы просто боитесь, что, увидев Дургу, тут же попадете под власть ее чар, как бедненький Кишан, и мне придется выводить вас обоих из любовного оцепенения!

Кишан недовольно покосился на меня, зато лицо мистера Кадама просияло от радости.

– Значит, богиня прекрасна собой? – уточнил он.

– Нормальная, – ответила я.

Но Кишану мой ответ показался неполным.

– Она затмевает своей красотой всех других женщин! Ее рубиновые уста, нежные руки и длинные черные волосы любого мужчину заставят потерять голову и утратить власть над своими чувствами!

Почему-то мне это совсем не понравилось.

– Ой, да хватит, ладно? Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? На Рена она такого впечатления не произвела!

Кишан возмущенно сверкнул глазами:

– Возможно, у него была на это своя причина.

Мистер Кадам примирительно рассмеялся.

– Ну, если все так, как вы говорите, то я бы очень хотел лично встретиться с богиней.

– Что ж, попытка не пытка. В худшем случае она просто не появится, так что вы сможете уйти, а мы попробуем еще разок.

Вернувшись в отель, мы показали мистеру Кадаму наше новое оружие. При этом Кишан, не закрывая рта, болтал о Дурге. Только и слышно было – богиня то, да богиня се, просто уши вяли. Он крутил свой диск во все стороны, так что солнечный свет, отражаясь от золотой поверхности, зайчиками рассыпался по стенам комнаты. Какое-то время я честно пыталась слушать объяснения мистера Кадама, говорившего, что диск

символизирует солнце, которое есть источник жизни, а его круглая форма олицетворяет собой круговорот жизни, смерти и возрождения, но в этот вечер мне никак не удавалось сосредоточиться. Кишан без устали превозносил Дургу, восхищался ее красотой и воспевал ее прелестную женственность, и это доводило меня до белого каления.

Не выдержав, я встала в дверном проеме между смежными комнатами и насмешливо спросила:

– Скажи лучше, бросая диск, ты будешь визжать, как Зена – Королева воинов? Нет, постой! Мне пришла в голову отличная мысль! Мы купим тебе кожаный килт, вот!

Кишан смерил меня долгим взглядом золотых смеющихся глаз.

– Надеюсь, твои стрелы так же остры, как твой язык.

Он встал и направился ко мне. Я не тронулась с места, решив не уступать ему дорогу, но он просто приподнял меня над полом и переставил в сторону. При этом он на несколько секунд задержал свои ладони на моих руках и негромко шепнул мне на ухо:

– Похоже, ты ревнуешь, *билаута*.

С этими словами он закрыл за собой дверь, оставив меня наедине с мистером Кадамом.

Вне себя от возмущения, я плюхнулась на стул и прошипела:

– И вовсе я не ревную!

Мистер Кадам задумчиво посмотрел на меня.

– Нет, вы не ревнуете. По крайней мере, не так, как он рассчитывает.

Я выпрямилась.

– Что вы имеете в виду?

– Вы защищаете его.

– Защищаю? – фыркнула я. – От чего же? От его иллюзий?

Мистер Кадам рассмеялся.

– Нет. Но вы заботитесь о нем. Вы хотите, чтобы он был счастлив. А поскольку Рена сейчас нет, вы сосредоточили свои материнские инстинкты на Кишане.

– Не думаю, что мои чувства к Рену можно назвать материнскими!

– Разумеется, можно. По крайней мере, отчасти. Вы помните, что сказала вам ткачиха о разных нитях?

– Еще бы, – буркнула я. – Она обозвала меня невзрачной основой.

– Именно. Нити Рена и Кишана обвиваются вокруг вас. Без вашей силы и стойкости ткань никогда не будет закончена.

– Хм-м.

– Мисс Келси, вы много знаете о львах?

– Нет. Совсем нет.

– Лев-самец не может охотиться для себя. Без своей львицы он обречен на голодную смерть.

– Не уверена, что поняла намек.

– Чего же тут непонятного? Лев погибает без львицы. Уток бесполезен без основы. Вы нужны Кишану. Возможно, даже больше, чем Рену.

– Но я не могу быть всем для них обоих!

– Я и не прошу вас об этом. Я лишь говорю, что Кишану нужна… надежда. Нечто такое, за что можно держаться.

– Я могу быть ему другом. Я даже могу охотиться для него! Но я люблю Рена, мистер Кадам. Я не могу его предать.

Мистер Кадам потрепал меня по руке.

– Верный друг, который заботится о нем, любит его и не позволит сдаться, – это именно то, в чем нуждается наш Кишан.

– Но разве все эти годы вы не были для него именно таким другом?

– Ах, разумеется, – усмехнулся мистер Кадам. – Но молодому мужчине нужна молодая женщина, которая в него верит, а не ворчливый старик.

Я вскочила и крепко обняла его.

– Доведись мне описывать вас, я бы никогда в жизни не назвала вам ворчливым стариком! Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мисс Келси. Мы выезжаем завтра с самого утра, так что отдохните.

Этой ночью мне приснились оба брата. Они стояли передо мной, а ужасный Локеш приказывал мне выбрать, кто из них останется в живых, а кто умрет. Рен грустно улыбнулся мне и кивнул на Кишана. Лицо Кишана окаменело, он отвернулся от меня, зная, что я никогда не выберу его. Я все еще размышляла над выбором, когда спасительный звонок будильника пробудил меня ото сна.

* * *

Упаковав свои вещи, я спустилась в вестибюль гостиницы, где меня уже ждали Кишан и мистер Кадам. В гробовом молчании мы проехали около десяти миль до Катманду, самого крупного города и столицы Непала. Затем мы с Кишаном ненадолго остались в машине, пока мистер Кадам вошел в здание администрации, чтобы уладить последние вопросы нашего путешествия через Гималаи.

– Слушай, Кишан. Я хотела извиниться за то, что вчера вела себя как последняя стерва. Если ты хочешь влюбиться в богиню, то это твое право.

– Не влюблялся я ни в какую богиню, Келс, – фыркнул он. – Не надо меня опекать!

– Ладно, как скажешь. Но я была ужасно бестактной.

Он пожал плечами.

– Женщинам не нравится, когда в мужчины в их присутствии говорят о других женщинах. С моей стороны это было невежливо. Но, честно говоря, я расхваливал красоту Дурги только для того, чтобы позлить тебя.

Я повернулась к нему через спинку сиденья.

– Что? И зачем ты это делал?

– Хотел, чтобы ты ревновала, а когда ты не стала, я… Мне было обидно.

– Ох, Кишан. Но ты же знаешь, я по-прежнему…

– Знаю. Не надо мне напоминать. Ты по-прежнему любишь Рена.

– Да. Но это не значит, что ты мне безразличен! Ведь я и твоя основа, не забыл?

Его лицо просветлело.

– Это верно.

– Вот и хорошо, не забывай об этом, ладно? И у наших историй будет счастливый конец, верно?

Я протянула ему руку, он взял ее в обе ладони и ухмыльнулся.

– Обещаешь?

Я улыбнулась ему.

– Обещаю.

– Ладно. Ловлю тебя на слове. Возможно, мне следует это записать. Я, Келси, даю слово Кишану, что он найдет счастье, которое ищет. Мне детализировать это понятие?

– Пожалуй, нет. Предпочитаю до поры до времени оставаться в неведении.

– Отлично. Однако я все-таки составлю мысленный перечень необходимых условий и представлю его тебе.

– Разумеется.

Он нагло поцеловал мои пальцы, да еще крепко сжал их, так что я никак не могла вырвать руку.

– Кишан!

Он расхохотался и выпустил меня. И тут же превратился в тигра, чтобы я не успела как следует отчитать его.

– Трус! – пробурчала я, поворачиваясь к нему спиной. Он негромко зарычал, но я даже головы не повернула в его сторону.

Признаюсь, следующие несколько минут я чуть голову себе не сломала, пытаясь придумать счастливый конец истории для Кишана. Задача оказалась непростая, ведь на тот момент и мое собственное счастье продолжало оставаться под большим вопросом. Лучший вариант виделся мне так: мы выполняем все четыре задания, и братья перестают быть тиграми. Я надеялась, что к тому времени, когда это случится, мое личное счастье как-нибудь сумеет само о себе позаботиться.

Тут вернулся мистер Кадам и объявил:

– Друзья мои, нам дали разрешение проехать в Тибет по шоссе Дружбы. Это просто чудо.

– Вот это да! И как вам удалось этого добиться?

– Скажем так, некогда я оказал весьма важную услугу одному высокопоставленному китайскому чиновнику.

– Насколько высокопоставленному?

– Очень высоко, мисс Келси. Однако нам придется отмечаться в специальных местах для туристов, чтобы правительство могло отследить наше перемещение. Выезжаем немедленно. Первая остановка будет в Ниаламе, в ста пятидесяти трех километрах отсюда. Дорога до китайско-непальской границы займет всего около пяти часов.

– Пять часов? Постойте, вы же сказали, сто пятьдесят километров. Это приблизительно девяносто миль. А у вас получается, мы будем ехать со скоростью восемнадцать миль в час. Почему же так медленно?

Мистер Кадам только загадочно усмехнулся.

– Скоро сами увидите.

Он вручил мне туристический путеводитель, карту и несколько буклетов, чтобы я могла сверяться с ними в пути и помогать ему следовать по маршруту. Раньше я думала, что Скалистые горы – это ого-го, но оказалось, что по сравнению с Гималаями они все равно что Аппалачи против Скалистых, то есть кротовые кучки против настоящих круч. Вершины гор были покрыты снежными шапками – и это в мае месяце!

Суровые окаменевшие льды стеной вздымались перед нами; мистер Кадам объяснил, что тут начинается тундра, а еще выше пойдет полоса вечного льда и снега. Деревья стали попадаться редко, да все какие-то маленькие. Земля по большей части была покрыта травой, карликовыми кустарниками и мхом. Мистер Кадам сказал, что в других областях Гималаев встречаются редкие хвойные леса, но наш путь в основном будет проходить через луга.

Как оказалось, он не шутил, сказав «сами увидите». Мы ползли в горы со скоростью не больше десяти миль в час. Дорога

оказалась весьма далека от мировых стандартов, мы то и дело переваливались через колдобины, огибали выбоины или стада баранов и яков.

Чтобы убить время, я стала расспрашивать мистера Кадама о первой компании, которую он приобрел на капиталы братьев.

– Это была Ост-Индская торговая компания. Основана она была еще до моего рождения, в начале шестнадцатого века, но к середине восемнадцатого столетия превратилась в крупнейшее предприятие.

– И чем вы торговали?

– О, проще сказать, чем мы не торговали. Тканями, в основном шелком. Чаем, индиго, специями, селитрой, опиумом.

– Мистер Кадам! – с деланым изумлением воскликнула я. – Да вы были наркоторговцем?

Он слегка поморщился.

– Не в современном значении этого слова. Не забывайте, что опиум в то время считался лекарством, однако поначалу я действительно торговал наркотическими веществами. У меня было несколько кораблей, я отправлял большие караваны. Когда Китай запретил торговлю опиумом, что привело к знаменитым Опиумным войнам, я прекратил поставлять его и сосредоточился на торговле специями и пряностями.

– Вот как? Это поэтому вы так любите собственноручно измельчать специи для готовки?

Он улыбнулся.

– Да, с тех пор я предпочитаю продукты наилучшего качества и очень люблю использовать их в приготовлении пищи.

– Получается, вы всегда занимались грузовыми перевозками.

– Можно и так сказать. Правда, я сам никогда не пользовался такой терминологией.

– Ладно, у меня к вам два вопроса. Первый: у вас есть корабль? Я знаю, что вы сохранили самолет, оставшийся от вашей компании, а корабль у вас тоже имеется? Потому что это было бы классно. Второй вопрос: что такое селитра?

– Селитра – это азотнокислая соль. Использовалась для производства пороха, а также, как это ни покажется вам забавным, для сохранения продуктов питания. Что касается вашего первого вопроса, то да, у мальчиков есть корабль, но не из числа моих торговых судов.

– О! И что же это за корабль?

– Небольшая яхта.

– А, понятно. Я могла бы и сама догадаться.

Мы остановились в небольшом городке под названием Жангму на китайско-непальской границе и снова заполнили

документы на переход. В конце концов после целого дня поездки протяженностью всего девяносто шесть миль мы прибыли в Ниалам и остановились на ночь в скромной семейной гостинице.

На следующий день мы забрались еще выше в горы. В путеводителе говорилось, что мы поднялись на тринадцать тысяч футов над уровнем моря. На этом участке пути мы впервые увидели главные горы Гималаев, включая Эверест, и остановились полюбоваться фантастическим видом на гору Шиша Пангма.

На третий день я почувствовала легкое недомогание, и мистер Кадам сказал, что это может быть горная болезнь. Он объяснил, что это весьма распространенное состояние при путешествии на высоту больше двенадцати тысяч футов.

– Все пройдет, мисс Келси. Большинство людей привыкают через несколько часов, но некоторым требуется пара-тройка дней для полной акклиматизации к высоте.

Я со стоном откинула кресло, чтобы дать покой своей раскалывающейся голове. Остаток этого дня прошел для меня, как в тумане. Мне было жаль, что я не могу любоваться пейзажами. Мы приехали в Шигадзе, и мистер Кадам с Кишаном оставили меня в отеле, а сами отправились осматривать монастырь Ташилумпо.

Вскоре они вернулись с обедом для меня, но я с трудом повернулась на бок и замахала на них руками, чтобы уходили. Мистер Кадам подчинился, а Кишан остался.

– Мне не нравится видеть тебя больной, Келс. Что я могу для тебя сделать?

– Ох, не думаю, что ты можешь хоть что-нибудь с этим сделать.

Он ненадолго вышел, потом я снова услышала его шаги, и он положил мне на лоб влажное полотенце.

– Вот, я принес тебе лимонной воды. Мистер Кадам говорит, это отличное средство от обезвоживания.

Он заставил меня выпить целый стакан, потом налил еще один из бутылки с водой, которую они купили в городе. После третьего стакана он наконец отстал от меня.

– Ну как, полегче?

– Да, спасибо. Только голова раскалывается. У нас есть аспирин?

Он скрылся за дверью между нашими комнатами и вскоре вернулся с флаконом. Я проглотила две таблетки, села, уперлась локтями в согнутые колени и стала массировать пальцами виски.

Несколько секунд Кишан молча наблюдал за мной, потом сказал:

– Стой, давай я помогу.

Он сел у меня за спиной и слегка подвинул меня. Потом положил свои теплые руки на мои виски и стал бережно массировать. Через несколько минут он зарылся пальцами в мои волосы, потом спустился вниз к шее, прогоняя напряжение и скованность, поселившиеся там от трехдневного сидения в машине.

Когда он добрался до моих плеч, я спросила:

– Где вы с Реном выучились массажу? Вы оба очень здорово владеете им.

Он ненадолго прервался, потом медленно возобновил свое занятие и заговорил:

– Я не знал, что Рен уже массировал тебя. Нас мама научила. Она в совершенстве владела этим искусством.

– Понятно. Знаешь, это просто чудо какое-то. У тебя такие теплые руки, ну просто как грелки. Даже голова почти прошла.

– Очень хорошо. Тогда ложись и отдохни, а я займусь твоими руками и ногами.

– Не стоит, правда. Мне уже лучше.

– Просто расслабься. Закрой глаза и отпусти свои мысли на волю. Мама учила нас, что хороший массаж изгоняет боль из тела и души. – Он взялся за мою левую руку и очень долго разминал ладонь.

– Кишан? Скажи, а каково это – так долго быть тигром?

Он очень долго молчал. Я приоткрыла один глаз и украдкой посмотрела на него. Кишан сосредоточенно трудился над ложбинкой между моим указательным и большим пальцами. Потом его золотые глаза скользнули по моему лицу.

– Хватит подглядывать, Келс. Ты мешаешь мне ду-мать.

Я послушно закрыла глаза и стала ждать ответа.

– Понимаешь, тигр и человек все время ведут борьбу друг с другом. Так было всегда, а потом случилось то, что случилось. Мои родители умерли, Рена похитили, а мистер Кадам уехал искать его… Мне стало незачем быть человеком. И я позволил тигру взять верх. Но все это время я как бы следил за ним со стороны. Я чувствовал себя полностью отрезанным от всего, что раньше составляло мою жизнь. Зверь царствовал, а мне было все равно.

Кишан перешел к моей ступне, сначала это было щекотно, но когда он взялся за пальцы, я глубоко вздохнула от удовольствия.

– Наверное, тебе было ужасно одиноко.

– Да как сказать. Я бегал, охотился… делал все, чего требовали инстинкты. Странно, что я вообще не утратил свою человечность.

– Рен однажды сказал, что вдали от меня, оставшись сам по себе, он чувствовал себя больше зверем, чем человеком.

– Он прав. Тигр очень силен, поэтому нам очень трудно удерживать баланс звериного и человеческого, особенно если большую часть дня приходится проводить в шкуре хищника.

– А теперь для тебя что-нибудь изменилось?

– Да.

– Что?

– Я по крупицам возвращаю себе человечность. Быть тигром просто, быть человеком – сложно. Приходится общаться с людьми, узнавать, как устроен окружающий мир, что-то делать со своим прошлым…

– Выходит, Рену в какой-то степени повезло больше, чем тебе, хоть ты и остался на свободе.

Кишан наклонил голову и перешел ко второй моей ступне.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что он всегда был среди людей. Он никогда не чувствовал себя таким одиноким, как ты. Конечно, он был пленником, часто страдал, над ним издевались, заставляли выступать в цирке, но при этом он все-таки был частью мира людей. У него оставалась возможность учиться, пусть и очень ограниченная.

Кишан невесело рассмеялся.

– Ты забываешь кое о чем, Келси. Я мог в любой момент покончить со своим одиночеством, мне стоило только захотеть. Если Рен был пленником поневоле, то я заточил себя сам.

– Я не понимаю, как ты мог сотворить с собой такое! Ты же столько всего можешь дать миру!

– Я заслужил наказание, – вздохнул он.

– Нет, ты не заслужил никакого наказания! Прекрати так думать, слышишь? Я хочу, чтобы ты каждый день повторял себе, что ты хороший человек и заслуживаешь счастья.

Он усмехнулся мне в лицо.

– Идет. Я хороший человек и заслуживаю счастья. Ну что, довольна?

– Пока да.

– Если тебя это так радует, я могу попробовать изменить свое отношение к этому вопросу.

– Спасибо.

– На здоровье.

Он добрался до моей второй руки и занялся ладонью.

– И все-таки, почему ты передумал? Это шесть дополнительных часов человеческого облика настолько все изменили, что тебе захотелось снова вернуться к жизни?

– Нет. Это тут вообще ни при чем.

– Ни при чем?

– Нет. Все изменила встреча с прекрасной девушкой у водопада, которая сказала, что знает, кто я такой и кем я был.

– Ой.

– Это она освободила меня от тигровой шкуры и вытащила на свет. И неважно, что случилось потом и случится дальше… главное, я хочу, чтобы она знала – я буду вечно благодарен ей за это. – Он поднял мою кисть и запечатлел теплый поцелуй на ладони. Потом с очаровательной улыбкой положил мою руку обратно на постель.

Я заглянула снизу вверх в его честные золотые глаза и открыла было рот, чтобы повторить, что люблю Рена. Но лицо Кишана уже окаменело.

– Ш-ш-ш, – сказал он. – Не надо, не говори этого. Сегодня я не хочу слышать никаких возражений. Даю тебе слово, что сделаю все, чтобы вы снова были вместе, ради тебя я даже постараюсь быть счастливым, но это не значит, что я могу так просто избавиться от своих чувств. Прими это, ладно?

– Ладно.

– Спокойной ночи, Келс.

Он поцеловал меня в лоб, вышел в соседнюю комнату, выключил свет и закрыл за собой дверь.

На следующее утро я чувствовала себя гораздо лучше и была на седьмом небе от счастья, что горная болезнь осталась позади. Уступив советам путеводителей, рекомендовавших непременно провести хотя бы день в Гьяндзе, мы заехали туда, тем более что это оказалось по пути и всего в двух часах езды от Шигадзе. Оказалось, что мистер Кадам уже бывал здесь раньше, поскольку Гьяндзе некогда был главным городом на пути торговли пряностями. Мы осмотрели знаменитую ступу Кумбум, располагавшуюся на территории буддистского монастыря, и отведали блюда сычуаньской кухни в местном ресторанчике.

Мне очень понравился этот красивый город, не говоря уже о том, что было просто приятно хотя бы ненадолго выйти из машины и размять ноги. На ночь мы снова остановились в гостинице, но Кишан провел большую часть ночи в облике тигра, а мистер Кадам весь вечер пытался научить меня играть в шахматы. Но я так и не смогла постичь эту игру. После того как мистер Кадам с легкостью выиграл у меня в третий раз, я заявила:

– Простите, но я никогда не относилась к разряду девушек, умеющих просчитывать свои ходы на три шага вперед! Я игрок

импульсивный. Ничего, вот я скоро научу вас играть в «Колонизаторов», тогда посмотрим, чья возьмет!

Я улыбнулась, вспомнив Ли, его друзей и бабушку Чжи. Интересно, пытался Ли связаться со мной или нет? Как только мы прилетели в Индию, мистер Кадам немедленно заблокировал все наши телефоны и снабдил нас новыми. Он сказал, что в интересах безопасности мне лучше не звонить никому домой. Примерно раз в две недели я писала своим приемным родителям, неизменно сообщая им, что мы работаем вне зоны действия мобильной связи. Мистер Кадам отправлял мои письма из разных медвежьих углов, так чтобы никто не мог отследить место, откуда они были посланы. Я никогда не сообщала Саре и Майку свой обратный адрес, заверяя, что мы постоянно переезжаем.

Они писали мне до востребования, и Нилима, забиравшая нашу почту, зачитывала мне послания из дома по телефону. Мистер Кадам неизменно указывал мне, о чем написать в следующем письме. Кроме того, его люди тайно присматривали за моей приемной семьей. Я знала, что они вернулись с Гавайских островов загоревшие и отдохнувшие, и за время их отсутствия никто не наведался к ним домой. Похоже, Локеш пока не нашел их.

На пятый день путешествия по шоссе Дружбы мы выехали из Гьяндзе и сделали небольшую остановку на озере Ямдрок. Его еще называют Бирюзовым озером, и нетрудно догадаться почему. Озеро сверкало, как ослепительный драгоценный камень на фоне заснеженных гор, питавших его водой. Мистер Кадам сказал, что у тибетцев это озеро считается священным и его постоянно посещают паломники. Они верят, что здесь живут божества-покровители. Тибетцы бдительно следят за тем, чтобы озеро не обмелело, ведь, согласно древнему преданию, если вода покинет озеро, Тибету придет конец.

Мы с Кишаном терпеливо ждали, пока мистер Кадам вел оживленный разговор с местным рыбаком, пытавшимся продать ему свой дневной улов.

Когда мы вернулись обратно в машину, я спросила:

– Мистер Кадам, скажите, сколько языков вы знаете?

– Хм-м-м, непростой вопрос. Честно вам скажу, я точно не знаю. Давайте считать вместе. Я владею основными языками, необходимыми для торговли с Европой – испанский, французский, португальский, английский и немецкий. Далее, я хорошо говорю на большинстве азиатских языков. Русский и скандинавские языки я знаю хуже, совсем не говорю на языках Африки и островов, а также владею только половиной языков и диалектов Индии.

Последнее заявление меня озадачило.

– Половиной? Сколько же в Индии языков?

– Вообще здесь насчитываются сотни современных и классических языков. Однако лишь тридцать из них официально признаны индийским правительством.

Я ошеломленно вытаращила глаза.

– Разумеется, большую часть языков я знаю весьма поверхностно. Это относится прежде всего к диалектам, которые я усваивал на протяжении многих лет. Но самым распространенным языком в Индии считается хинди.

Мы миновали еще два горных перевала и наконец начали спускаться на Тибетское плоскогорье. После пятидневной поездки у меня начала развиваться автофобия, поэтому мистер Кадам занимал меня беседой, пытаясь отвлечь от дороги.

– Тибетское плоскогорье иногда называют Крышей мира из-за его высоты. Оно расположено на высоте около четырех с половиной тысяч метров над уровнем моря, – сообщил он и, подсчитав что-то в уме, добавил: – Это примерно четырнадцать тысяч семьсот пятьдесят футов. В списке наименее населенных мест планеты Тибет занимает третье место после Антарктиды и Северной Гренландии. Здесь расположены несколько больших озер с солоноватой водой…

Я со стоном закрыла глаза, но это не помогло.

– Что еще за солоноватая вода? – промычала я.

– О, это очень интересный вопрос! – оживился мистер Кадам. – Как известно, в зависимости от степени солености воды озера делятся на четыре типа: пресные, солоноватые, соленые и минеральные. Солоноватым озером, к примеру, является Каспийское море, вода в нем содержит больше солей, чем в пресноводном источнике, но меньше, чем в море. Чаще всего солоноватая вода встречается в так называемых эстуариях, или затопляемых устьях рек, где соленая морская вода смешивается с пресной, несомой рекой или ручьем…

Кишан негромко зарычал с заднего сиденья, и мистер Кадам прервал свою лекцию:

– Взгляните-ка, мисс Келси! Мы почти добрались до дна!

Он оказался прав, и всего несколько минут езды по нормальной, ровной, лишь отчасти ухабистой дороге сотворили чудо, и я возродилась к жизни. Еще через два часа мы въехали в Лхасу.

15
Инь и ян

Мистеру Кадаму не удалось добиться встречи с самим Далай-ламой, однако он договорился о свидании с его представителем в Тибете. При этом он постарался изложить причины нашего визита как можно более расплывчато, чтобы не посвящать посторонних людей в суть дела. Это, конечно, был не лучший вариант, но спасибо и на том. Встречу нам назначили на понедельник, так что у нас оказалось целых три дня на отдых.

Чтобы убить время, мистер Кадам возил нас на экскурсии. Мы осмотрели монастырь Ронгбук, дворец Потала, храм и монастырь Джоханг, монастыри Сера и Дрепунг и, разумеется, тратили деньги на рынке Баркор.

Мне очень нравилось осматривать удивительные достопримечательности в компании Кишана и мистера Кадама, но с каждым днем меня все сильнее терзали приступы тоски. Тупая боль одиночества становилась особенно невыносима по вечерам, и каждую ночь мне по-прежнему снился Рен. Я верила Дурге и знала, что она сдержит данное мне обещание позаботиться о нем, но разве это могло меня утешить? Мне хотелось самой быть с ним рядом.

В субботу мистер Кадам повез нас за город, чтобы опробовать наше новое оружие. Начал он с Кишана и его диска. Любопытно, но с золотым диском повторилась та же история, что и с гадой, – он оказался слишком тяжел для мистера Кадама, но в самый раз для нас с Кишаном.

Я не могла дождаться, когда мистер Кадам займется мной. Первым делом он показал мне, как натягивать тетиву.

– Запомните самое главное: то усилие, с которым вы натягиваете тетиву, определит силу вашего лука. Она называется силой натяжения и в целом зависит от мышечной силы лучника.

Он попытался натянуть тетиву моего лука – и не смог. Зато Кишан справился с этим играючи. Мистер Кадам с минуту растерянно смотрел на лук, а затем поручил меня заботам Кишана.

– А почему стрелы такие маленькие? – первым делом спросила я.

– Длина стрелы зависит от роста лучника, – охотно объяснил Кишан. – Все определяется длиной растяжки, у тебя она небольшая, а значит, эти стрелы идеально тебе подходят. Высота

лука также зависит от роста лучника. Никому не хочется иметь дело с чересчур громоздким луком, верно?

Я согласно закивала.

Кишан показал и объяснил мне назначение прочих элементов лука и стрел – зарубок для тетивы, полочки, на которую укладывается стрела при заряжении и натяжении лука, и самой тетивы. Затем наступило время попробовать оружие в деле.

– Первым делом займи правильную позицию. Отведи ведущую стопу примерно на пять – десять дюймов назад, ноги на ширине плеч, – инструктировал Кишан.

Я в точности выполнила его указания. Несмотря на то что мне это оказалось сделать намного труднее, чем Кишану, я с успехом справилась с делом.

– Отлично. Помести стрелу в выемку на луке, пусть лежит у тебя на большом пальце, оперением назад. Теперь захвати тетиву тремя пальцами и зажми стрелу между указательным и средним пальцами. Очень хорошо, молодец. Крепко сожми руку, которой держишь лук, и посмотри на мишень. Оттягивай тетиву назад, пока не коснешься большим пальцем уха, а кончиками трех остальных – уголка рта. После этого выпускай стрелу.

Он несколько раз показал мне весь процесс стрельбы, выпустив две стрелы в росшее вдалеке дерево. Я старалась как можно точнее копировать все его движения. Но когда дело дошло до натягивания тетивы, у меня задрожали руки. Кишан встал у меня за спиной и помог мне довести дело до конца.

Убедившись, что я изготовилась к стрельбе, он сказал:

– Все, теперь ты готова. Прицельсь и стреляй.

Я так и сделала. В тот же миг я почувствовала щелчок, и моя стрела с резким звуком сорвалась с тетивы.

И воткнулась в землю в футе от дерева.

– Замечательно, мисс Келси! – воскликнул мистер Кадам. – Для первой попытки просто великолепно!

Кишан заставил меня тренироваться до изнеможения, и вскоре я научилась попадать в ствол дерева, а не мимо, хотя и не в самый центр. Мистер Кадам был в восторге от моих успехов. Он полагал, что отчасти они объясняются моими неустанными тренировками с молниями. Мы очень быстро обнаружили, что стрелы в колчане не заканчиваются, хотя бесследно исчезают из мишени.

«Пожалуй, это нам очень пригодится».

Наконец я выдохлась, и Кишан продолжил свои тренировки с диском. Я наблюдала за ним, прихлебывая воду из бутылки.

Кивнув на Кишана, я спросила у мистера Кадама:

– И как у него успехи с диском?

Мистер Кадам рассмеялся.

– Строго говоря, мисс Келси, это не диск. Диск – это метательный снаряд, который используется на Олимпиадах. А оружие нашего Кишана называется чакра. Она имеет форму диска, но приглядитесь хорошенько – видите? – внешняя кромка у нее отточена до бритвенной остроты. Это очень грозное метательное орудие. Вы знаете, что чакра является оружием Вишну? Дурга сделала вам очень ценный подарок, в умелых руках ему цены нет, а наш Кишан, по счастью, обучался обращению с чакрой, хотя давно не тренировался.

Как и гада, оружие Кишана было сделано из чистого золота с вкраплениями бриллиантов. Теперь я разглядела, что у чакры имеется изогнутая кожаная рукоятка в виде символа инь-ян. Металлический край шириной около двух дюймов был заточен до смертельно опасной остроты. Приглядевшись к тому, как Кишан обращается с чакрой, я заметила, что он никогда не берет ее за острый край, а всегда раскручивает на рукоятке или на пальце, просунутом внутрь кольца.

– А диск всегда возвращается к владельцу? – поинтересовалась я. – Как бумеранг?

– Нет. Никогда, мисс Келси. – Мистер Кадам задумчиво потеребил свою бородку. – Смотрите внимательно. Видите? Даже если Кишан метит в дерево, чакра оставляет глубокий зазубренный след в стволе, а потом неизменно возвращается к нему. Я впервые вижу такое. Обычно чакра используется в качестве холодного оружия в ближнем бою, либо ее бросают на дальнее расстояние, чтобы вывести врага из строя, но, поразив цель, она останется в ней, пока ее оттуда не вытащат.

– Мне еще кажется, что она немного сбрасывает скорость, возвращаясь к Кишану.

Мы стали внимательно следить за бросками Кишана.

– Похоже, вы правы, мисс Келси. Эта чакра слегка замедляется при подлете, чтобы Кишану было удобнее ее поймать. Весьма мудрое оружие!

Вечером того же дня, когда мы вернулись в отель после ужина, Кишан разложил на столе настольную игру. Я посмотрела и рассмеялась.

– У тебя есть «Пачиси»?

Кишан улыбнулся.

– Не совсем. В Индии эта игра называется *чаупар*, но вы играете в очень похожую версию.

Мы разобрали фишки и сели друг напротив друга. Тут в комнату вошел мистер Кадам и тоже увидел игру. Он

возбужденно всплеснул руками, в его глазах зажегся огонь азарта.

– Ах, Кишан, да это же моя любимая игра! Помнишь, как мы играли в нее с вашими родителями?

– Разве я могу забыть? Ты всегда выигрывал у моего отца, и он воспринимал это стоически, но когда однажды ты на последнем броске кубика обыграл матушку, я всерьез испугался за сохранность твоей головы.

Мистер Кадам погладил свою бородку.

– Да-да, несомненно. Именно так и было. Она была весьма удручена, ваша матушка, да…

– Значит, вы играли в эту самую игру? – переспросила я, а Кишан захихикал.

– Не в эту самую. У нас была живая версия. То есть люди вместо фишек. Мы заказали огромную доску, расчертили ее, устроили дома, чтобы туда можно было пройти. Все игроки должны были носить наши цвета. Отец выбрал себе синий, мама – зеленый. Кажется, Кадам, ты в тот день был красным, а я – желтым.

– А как же Рен?

Кишан взял с поля фишку, задумчиво повертел ее в пальцах.

– В тот раз он уехал из дворца с очередной дипломатической миссией, поэтому Кадам его заменял.

Мистер Кадам откашлялся.

– Э-кхе, ну да. Если вы не возражаете, я бы хотел опять быть красным, раз уж этот цвет принес мне удачу в прошлый раз.

Кишан повернул доску, так что красный дом оказался напротив мистера Кадама. Я выбрала желтый, Кишан – синий. Мы играли около часа. Я впервые видела Кишана таким оживленным и азартным. Он словно снова превратился в маленького мальчика, на плечах которого не лежало бремя мировых забот. Было совсем нетрудно увидеть в этом гордом, красивом и сдержанном молодом мужчине счастливого беззаботного мальчишку, с детства привыкшего жить в тени своего старшего брата, которого он обожал и боготворил, но при этом горько сознавал свою неполноценность. Все время чувствовал себя менее достойным, менее значимым…

К концу игры мы с Кишаном разбили Кадама в пух и прах. У нас обоих осталось по одной фишке, но моя была ближе к дому.

Последним ходом Кишан мог запросто вывести меня из игры. Несколько секунд он молча смотрел на доску, будто взвешивая что-то.

Мистер Кадам переплел пальцы у подбородка и легонько постукивал себя по нижней губе, дрожавшей в скупой улыбке. Потом Кишан быстро поднял на меня свои золотые глаза, схватил

свою фишку и, перепрыгнув через мою, перешел в безопасную зону.

– Кишан, что ты делаешь? Ты же мог обогнать меня и выиграть! Ты что, не видел?

Он откинулся на спинку стула и пожал плечами.

– Да? Наверное, не заметил. Твой ход, Келси.

– Не мог ты не заметить, – процедила я. – Впрочем, дело хозяйское. Горе побежденным! – Я выбросила двенадцать и прошла до дома. – Ха! Слава мне! Я победила двух незадачливых игроков в живые игры!

Мистер Кадам рассмеялся.

– Так и есть, мисс Келси. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мистер Кадам.

Кишан помог мне собрать фишки и поле.

– Давай выкладывай, – пристала к нему я. – Зачем ты сдался мне? Блефовать ты не умеешь, зря старался. Я все прочитала по твоему лицу. Ты видел выигрышный ход, но нарочно не воспользовался им. Неужели ты изменил своему правилу делать все ради победы?

– Напротив, я твердо следую этому правилу. Возможно, проиграв эту игру, я выиграл нечто получше.

– Нечто получше? – рассмеялась я. – И что же ты выиграл?

Он отодвинул коробку с игрой на край стола и протянул мне руку.

– Я выиграл возможность увидеть тебя счастливой, такой, как раньше. Я хочу, чтобы ты снова улыбалась. Ты смеешься и улыбаешься, но теперь улыбка никогда не зажигает твои глаза. За эти месяцы я ни разу не видел тебя счастливой.

Я сжала его руку.

– Это очень трудно, Кишан. Но если сам Кишан, сильнейший соперник, решил нарочно проиграть поединок, то я постараюсь – ради него.

– Идет.

Он нехотя выпустил мою руку, встал и потянулся.

Я положила игру на полку и сказала:

– Знаешь, Кишан, мне каждую ночь снятся кошмары о Рене. Я боюсь, что Локеш его пытает.

– Мне тоже снится Рен, – отозвался он. – И в каждом сне он заклинает меня беречь тебя. – Он улыбнулся. – Но при этом требует, чтобы я не распускал руки.

– Он бы непременно так сказал, будь он здесь. Как ты думаешь, это просто сны или настоящие видения?

Он покачал головой.

– Не знаю.

Я положила ладони на коробку с игрой.

– Каждый раз, когда я хочу спасти его или помочь ему бежать, он отталкивает меня прочь, словно опасность грозит мне, а не ему! Понимаешь, это выглядит совсем как наяву, и я уже не знаю, что и думать.

Кишан подошел ко мне сзади и обнял.

– Я не знаю, что тебе ответить, но чувствую, что он еще жив.

– Я тоже это чувствую, – прошептала я и почувствовала, как он разжал руки. – Кишан?

– Да?

– Спасибо, что дал мне выиграть, – улыбнулась я. – И за то, что не распускал руки. Почти.

– Да, но не забывай, что это была лишь первая схватка. Война еще далеко не закончена, и совсем скоро ты убедишься, что я очень грозный противник. На любом поприще.

– Отлично, – кивнула я. – Тогда переигрываем. Завтра же.

Он церемонно поклонился.

– С радостью принимаю вызов, *билаута*. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Кишан.

На следующее утро за завтраком я донимала мистера Кадама расспросами о Далай-ламе, буддизме, карме и реинкарнации. Кишан черным тигром валялся у меня в ногах, внимательно прислушиваясь к нашему разговору.

– Видите ли, мисс Келси, карма – очень сложное понятие. Грубо говоря, это вера в то, что каждое наше слово, каждый поступок и каждый сделанный выбор влияют на наше прошлое и настоящее. Люди, верящие в реинкарнацию, надеются на то, что, ведя праведную и жертвенную жизнь в настоящем, они заслужат лучшую участь в следующей жизни. Что же касается дхармы, то весьма условно ее можно определить как поддержание некоего универсального порядка во Вселенной и следование правилам, которые управляют жизнью всего человечества как в светских, так и в религиозных аспектах жизни.

– То есть следуй дхарме и заработаешь добрую карму? – сострила я.

Мистер Кадам посмеялся.

– Полагаю, это весьма близко к истине. Состояние нирваны называется мокша. Когда вы успешно выдержите все испытания земной жизни и достигнете возвышенного состояния сознания, наградой вам будет просветление, или мокша. Просветленный освобождается от круга смертей и рождений. Он становится духовной сущностью, бренные заботы земного бытия больше не имеют над ним власти. Страдания и позывы плоти также

перестают влиять на просветленного, и он соединяется с абсолютом.

– Мне кажется, вы уже перестали перерождаться и достигли просветления. Как вы думаете, мистер Кадам, может быть, это уже мокша? И еще, можно ли достичь ее при жизни?

– Интересный вопрос. – Он откинулся на спинку стула и задумался. – И все-таки, несмотря на свое долголетие, я вынужден ответить на ваш вопрос отрицательно. Нет, я не достиг полного духовного просветления, более того, я не уверен, что когда-либо стремился к нему. Пожалуй, мои отношения с божественным до сих пор остаются проблемой, которую мне еще только предстоит разрешить. Однако это не та задача, которой я готов заняться в данный момент. Как насчет прогулки на рынок?

Я кивнула, радуясь возможности увидеть что-нибудь новенькое и занять себя любым конкретным делом. Рынок был полон всякой интересной всячины. Мы гуляли мимо лотков со статуями будд, благовониями, украшениями, одеждой, книгами, открытками и буддийскими четками *мала*. Еще меня заинтересовали поющие чаши и колокольчики – они производят особые звуки, помогающие своим обладателям сосредоточить духовную энергию во время религиозных церемоний или медитации. Я видела множество молитвенных флагов и долго рассматривала красочные *тханки*, про которые всезнающий мистер Кадам объяснил, что это особый вид тибетского искусства – мифические сцены, исторические события, изображения будд и религиозных деятелей, вытканные или выполненные красками на ткани.

В назначенное время мы с Кишаном и мистером Кадамом пришли в офис Далай-ламы. Оказалось, что если бы не связи мистера Кадама, нас бы и близко не подпустили к этому зданию. Нам сказали, что сюда допускаются только самые высокопоставленные лица и почетные гости. Нас встретил весьма сурового вида мужчина в самом обычном темном деловом костюме; он сообщил, что проведет с нами предварительную беседу и в случае если наше дело покажется ему достаточно важным, он передаст нас вышестоящему чину.

Он пригласил нас сесть, и я с легким сердцем предоставила мистеру Кадаму отвечать на вопросы. Мужчина интересовался целью нашего визита. Мистер Кадам и на этот раз отвечал очень уклончиво, дав понять, что мудрость, за которой он пришел, не предназначена для посторонних ушей. Эти намеки очень заинтересовали мужчину, и тот стал расспрашивать еще настойчивее. Но мистер Кадам вежливо сказал, что мы можем

рассказать о своем деле только Океану-Учителю.

При этих словах я заметила, как в глазах мужчины что-то мелькнуло. На этом расспросы закончились, и нас проводили в другую комнату, где нас ждала женщина, которая стала задавать те же вопросы. Мистер Кадам отвечал то же самое. Он был очень вежлив, исключительно любезен, но не раскрывал никакой информации.

– Мы приехали издалека, чтобы поговорить о деле, имеющем огромное значение для народа Индии.

Женщина всплеснула руками.

– Прошу вас, объясните более подробно! Что это за дело огромной важности?

Мистер Кадам с улыбкой наклонился вперед.

– Мы находимся в поиске, который привел нас в великую страну Тибет. Лишь здесь мы можем найти то, что ищем.

– Вы ищете богатств? – быстро спросила женщина. – Скажу сразу, здесь вы их не найдете. Мы бедный народ, у нас нет ничего ценного.

– Деньги? Сокровища? – переспросил мистер Ка-дам. – О нет, это не наша цель. Мы ищем знаний, которыми обладает только Океан-Учитель.

И снова при упоминании Океана-Учителя наша собеседница немедленно прекратила расспросы. Она встала и попросила нас подождать. Примерно через полчаса нас провели в следующий кабинет. Обстановка здесь была заметно скромнее, чем в предыдущих комнатах. Мы сели на старые, расшатанные деревянные стулья. Вскоре в комнату вошел молчаливый монах в красном одеянии. Он смерил нас быстрым взглядом внимательных глаз, глубоко сидевших над крючковатым носом, выдержал долгую паузу, потом сел.

– Если я правильно вас понял, вы желаете говорить с Океаном-Учителем.

Мистер Кадам кивнул, подтверждая его слова.

– Вы не пожелали объяснить причины своего визита моим коллегам. Не хотите поделиться ими со мной?

Мистер Кадам сказал:

– Я могу лишь повторить вам тот ответ, который уже дал другим.

Монах энергично кивнул.

– Понятно. В таком случае мне очень жаль, но Океан–Учитель не сможет найти время встретиться с вами, ибо он весьма занятой человек, а вы не готовы даже объявить цель своего визита. Если вопрос, который вы желаете обсудить, действительно важен, ваше послание будет передано учителю.

Тут уж я не выдержала:

– Но нам очень важно самим поговорить с ним! Мы готовы откровенно рассказать о цели своего предприятия, но все дело в том, что мы можем довериться только одному человеку!

Монах задумчиво осмотрел нас троих.

– Пожалуй, я задам вам еще один вопрос, последний.

Мистер Кадам кивнул.

Монах снял со своей шеи медальон, протянул его мистеру Кадаму и попросил:

– Скажите мне, что вы видите?

Мистер Кадам, не задумываясь, ответил:

– Я вижу изображение, похожее на символ инь-ян. Инь, или темная сторона, олицетворяет женское начало, а ян, светлая половина, символизирует мужскую природу. Обе сущности находятся в равновесии и гармонии друг с другом.

Монах кивнул, как будто предвидел этот ответ, и вытянул руку. Его лицо замкнулось. Я поняла, что сейчас он выставит нас вон.

И поспешила вмешаться:

– Можно мне взглянуть на медальон?

Рука монаха на миг застыла в воздухе, затем протянула медальон Кишану.

Тот покрутил его в пальцах, потом шепнул:

– А я вижу тут двух тигров, черного и белого, которые гоняются за хвостами друг друга!

Когда медальон перекочевал в мои руки, монах прижал ладони к столу и с любопытством кивнул. Я быстро покосилась на мистера Кадама, потом посмотрела на монаха, который чуть подался вперед, ожидая моего ответа.

Медальон действительно напоминал символ инь-ян, но обе части ровно посередине были разделены тонкой линией. Очертания белой и черной половин были немного похожи на котов, поэтому я сразу поняла, почему Кишан увидел в них двух тигров с точками вместо глаз. «Хвосты» обоих тигров, изгибаясь, сплетались вокруг разделительной линии.

Я подняла глаза на монаха.

– Я вижу здесь часть тханки. Длинная центральная линия есть женская сущность, она служит основой, вокруг которой оплелись два тигра, два самца. Они оба – уток, они сплетут и закончат ткань.

Монах наклонился еще ближе.

– А чем соткана эта тханка?

– Божественным челноком! – не задумываясь, ответила я.

– И что она представляет собой?

– Тханка – это весь мир. Ткань – это сама история мира.

Монах откинулся на своем стуле, быстро провел ладонью по бритой голове. Я отдала ему медальон. Он взял его, несколько мгновений задумчиво разглядывал, словно увидел впервые, потом надел на шею. И встал.

– Вы извините, если я ненадолго отлучусь?

Мистер Кадам кивнул.

– Конечно.

На этот раз нам не пришлось долго ждать. Молодая женщина, расспрашивавшая нас до этого, пригласила нас следовать за ней. Мы повиновались, и она провела нас в уютные жилые комнаты. Оказалось, что за нашим багажом уже послали в гостиницу.

Мы поужинали вместе, после чего мистер Кадам и Кишан удалились в свои комнаты. Не зная, чем себя занять, я тоже отправилась к себе. Монахи принесли мне чай с апельсиновым цветом. Он оказался прекрасным снотворным, и вскоре я провалилась в сон, но мне снова приснился Рен. На этот раз он был в еще большем отчаянии.

Никогда еще он не пытался с такой яростью защитить меня, никогда не требовал с таким пылом, чтобы я немедленно оставила его. Рен твердил, что Локеш напал на мой след, что он подбирается все ближе и поэтому я должна держаться как можно дальше от него. Все это выглядело настолько реальным, что я проснулась с криком, обливаясь слезами. Но что я могла сделать? Мне оставалось только утешать себя воспоминанием об обещании Дурги.

Наутро Кишан присоединился ко мне за завтраком. Выстояв очередь, я как раз зачерпывала ложкой йогурт, когда мистер Кадам вошел в зал, встал за мной и спросил, хорошо ли я спала.

Я соврала, что отлично выспалась, но он лишь многозначительно посмотрел на темные круги, залегшие под моими глазами, и молча потрепал меня по руке. Виновато отвернувшись от мистера Кадама, я стала сверлить взглядом спину вчерашнего монаха, который стоял передо мной и накладывал фрукты на свою тарелку.

Дрожащей рукой монах зачерпывал из вазы кусочек манго. Когда непослушный ломтик с влажным шлепком плюхнулся на его тарелку, монах принялся так же медленно выуживать из вазы очередной кусок. Не отрываясь от своего занятия и не поворачиваясь к нам, он сказал:

– Я понимаю ваше желание побеседовать со мной.

Мистер Кадам тут же сложил ладони, поклонился и ответил:

– *Намасте*, мудрейший.

Моя рука застыла в воздухе с полной ложкой йогурта. Медленно обернувшись, я уставилась в улыбающееся лицо Океана-Учителя.

16
Океан-учитель

Монах улыбнулся еще шире, глядя в мое лицо с выпученными глазами и разинутым ртом. Спасибо мистеру Кадаму, который спас меня от дальнейшего позора, тактично взяв под руку и проводив к столу.

Кишан с аппетитом набивал себе рот, очевидно, он даже не заметил этой скандальной сцены. Еще бы! Тигры вообще способны думать только о двух вещах – о еде и о девушках. Обычно именно в такой последовательности.

Мистер Кадам поставил мою чашку с йогуртом на стол и отодвинул мне стул. Я уселась и стала мешать ложкой йогурт, украдкой поглядывая на дряхлого монаха. Негромко напевая себе под нос, он продолжал неторопливо перекладывать кусочки фруктов из вазы на свою тарелку. Закончив с этим делом, он сел напротив меня, улыбнулся и принялся за яичницу.

Мистер Кадам ел молча, а Кишан уже успел наполнить еще раз свою тарелку. Я молча пила сок. От волнения у меня пропал аппетит, к тому же я не знала, прилично ли задавать вопросы за столом, поэтому решила положиться на мистера Кадама.

После того как мы закончили завтракать, нам пришлось еще долго сидеть за столом, глядя, как Океан-Учитель неторопливо отправляет в рот кусочек за кусочком, тщательно пережевывая каждый. Наконец он закончил, вытер рот салфеткой и как ни в чем не бывало сказал:

– Знаете, какие у меня самые драгоценные воспоминания? Это то, как моя матушка сматывала нитки перед тем, как начать ткать, и как я помогал ей мешать кашу на завтрак. Поэтому за завтраком я всегда думаю о моей матушке.

Мистер Кадам понимающе кивнул, Кишан хмыкнул, Океан-Учитель посмотрел на меня и улыбнулся.

Расценив его взгляд как разрешение открыть рот, я выпалила:

– Значит, вы выросли в крестьянской семье? А я думала, что ламы сразу рождаются ламами.

Он склонил голову набок и с искренней радостью ответил:

– Да – это ответ на оба ваши вопроса. Мои родители были бедными крестьянами, они выращивали урожай, которого едва хватало, чтобы прокормить семью и продать хоть немного излишков на базаре. Моя мать умела ткать и делала прекрасные ткани, но лишь тогда, когда у нас были деньги на покупку пряжи. Родители дали мне имя Джигме Карпо. До поры до времени они

не знали, кто я такой. Для этого меня должны были найти.

– Должны были найти? Кто должен?

– После смерти ламы организуются поиски его следующей инкарнации. Обычно этому предшествует видение, указывающее, где следует искать перерожденного ламу. В моем случае поисковый отряд искал крестьянскую хижину, стоящую на вершине холма, где возле колодца растет высокий куст шиповника. После долгих поисков монахи нашли мой дом и поняли, что пришли в нужное место. Они принесли в нашу хижину предметы, среди которых были вещи, принадлежавшие предыдущему Океану-Учителю. Когда монахи разложили их передо мной, я тут же выбрал книгу, которой при жизни владел лама. Это убедило монахов в том, что я и есть новое воплощение учителя. В то время мне было два года.

– А что было потом?

Мистер Кадам деликатно похлопал меня по руке.

– Мне тоже очень интересно узнать ответ на этот вопрос, мисс Келси, но боюсь, что мудрейший может уделить нам не так много времени, поэтому давайте сосредоточимся на главном.

– Ой, простите. Мое любопытство опять подвело меня.

Океан-Учитель поклонился, благодаря монахов, бесшумно убиравших наш стол.

– Думаю, я смогу уделить несколько минут, чтобы ответить на ваши вопросы, юная дева. Если говорить коротко, то меня забрали из семьи и отдали в обучение одному старому доброму монаху. Моя матушка соткала красную материю для моего первого монашеского одеяния. Мне обрили голову, и я стал послушником. Мне дали новое имя, я получил всестороннее образование, включавшее изучение искусства, медицины, культуры и философии. Все это сделало меня тем человеком, которого вы ныне видите перед собой. Я удовлетворил вашу любознательность или же мои объяснения лишь дали пищу для новых вопросов?

Я невольно рассмеялась.

– Честно говоря, вопросов только прибавилось.

– Прекрасно! – улыбнулся монах. – Лишь вопрошающий разум открыт для понимания.

– Ваше детство и жизненный опыт так сильно отличаются от моей жизни!

– Я полагаю, ваш путь не менее интересен.

– А что вы здесь делаете?

– Обучаю Далай-лам.

Я вытаращила глаза.

– Вы обучаете учителей?

Он снова рассмеялся.

– Да. Я учил двух из них. Ведь я очень старый человек. На протяжении своей долгой жизни я встречался с людьми со всех концов мира и понял, что в общем мы все похожи. Мы все – одна большая семья. Да, мы можем носить разные одежды, иметь разный цвет кожи или говорить на разных языках, но это лишь поверхностные отличия. Мы все мечтаем о подлинном счастье и стремимся к нему. Чтобы понять мир, нужно лишь познать самого себя.

Я согласно кивнула.

Тут мистер Кадам не выдержал и вмешался в разговор:

– Как вы знаете, мы приехали сюда, чтобы обратиться к мудрости Океана-Учителя. Перед нами стоит трудная задача, и мы просим у вас помощи.

Монах поддернул рукава своего шафранного одеяния и встал.

– В таком случае идемте. Думаю, нам следует поговорить в более уединенном месте. – Два предупредительных монаха помогли ему встать и хотели было сопровождать дальше, но Океан-Учитель жестом отпустил их и очень медленно побрел сам.

– Вы сказали, что учили двух Далай-лам, значит, вам…

– Сто пятнадцать лет.

– С-сколько? – ахнула я.

– Мне сто пятнадцать лет, и я этим горжусь.

– Простите, просто я никогда не встречала такого долгожителя, – пролепетала я, но тут же сообразила, что вообще-то знакома с тремя такими людьми, и виновато покосилась на мистера Кадама, который с заговорщической улыбкой подмигнул мне.

К счастью, Океан-Учитель не заметил выражения моего лица и продолжал:

– Если человек хочет что-то сделать и обладает достаточной силой духа для достижения цели, то… он ее достигнет.

Мистер Кадам несколько секунд задумчиво смотрел на монаха, потом осторожно заметил:

– Я тоже много старше, чем кажусь, о мудрейший. Но вы преподали мне урок смирения.

Монах с улыбкой обернулся и оперся о руку мистера Кадама. В его глазах заблестели веселые искорки.

– За это я должен сказать спасибо жизни в монастыре, среди монахов. Очень способствует смирению, поверьте.

Они дружно рассмеялись. Миновав несколько ответвлений серого извилистого коридора, мы вошли в большую комнату с гладким каменным полом и большим столом из полированного дерева. Монах жестом пригласил нас садиться. Когда мы

опустились в удобные кресла с мягкой обивкой, Океан-Учитель вытащил из-за стола простой деревянный стул, сел и приготовился слушать нас.

Разумеется, я тут же спросила, не хочет ли он пересесть на что-нибудь более удобное, и получила любопытный ответ:

– Чем менее удобным будет мой стул, тем меньше я буду рассиживаться попусту и скорее примусь за важные дела.

Мистер Кадам одобрительно кивнул и сказал:

– Благодарим вас за то, что вы нашли время встретиться с нами.

Монах улыбнулся.

– Ни за какие сокровища мира я бы не отказался от этой встречи. – Он подался вперед и заговорщически посмотрел на нас. – Должен признаться, мне бы очень хотелось дожить до разрешения Загадки тигра. Вы знаете, мне только что пришло в голову, что ведь я появился на свет неподалеку от города Такстер, что в переводе означает «рычащий тигр». Возможно, мне с самого начала было назначено встретить тех, кто отправляется в долгий путь к разгадке этой тайны.

Мистер Кадам нетерпеливо закивал.

– Значит, вам известна цель наших поисков?

– О, да. Еще со времен первого Далай-ламы история о двух тиграх втайне передавалась из уст в уста. Медальон, который я показывал вам вчера, есть не что иное, как ключ к загадке. Когда этот юноша сказал, что видит в нем двух тигров, черного и белого, я понял, что передо мной те, кого я так долго ждал. До вас многие видели в медальоне котов, некоторые смогли даже опознать белого тигра, но до сих пор еще никогда не разглядел его черного брата, не говоря уже о том, чтобы связать линию, проходящую по центру медальона, с тканью Небесной Ткачихи. Вот так я узнал, кто вы такие.

– Значит, вы нам поможете? – выпалила я.

– Вероятнее всего, но сначала вам придется исполнить мою просьбу.

Мистер Кадам улыбнулся щедрой улыбкой могущественного человека.

– О, разумеется! Что мы можем сделать для вас?

– Рассказать о тиграх! Мне известно о месте, которое вы ищете, я могу дать вам совет, но… Я никогда не понимал роли тигров во всей этой загадке, ибо их история хранилась в величайшей тайне. Вы можете пролить свет на эту часть тайны?

Мы с Кишаном и мистером Кадамом переглянулись. Наконец Кишан вскинул бровь, а мистер Кадам едва заметно кивнул.

– В этой комнате нас никто не может подслушать? – спросил

он.

– Никто.

Тогда мы с мистером Кадамом повернулись к Кишану. Он пожал плечами, встал – и превратился в тигра. Черный тигр подмигнул монаху блестящим золотым глазом, негромко рыкнул и уселся на пол возле меня. Я наклонилась и почесала его за черным, как сажа, ухом.

Океан-Учитель выпрямился на своем стуле, с удивлением разглядывая Кишана. Потом потер лысину и радостно расхохотался.

– Благодарю вас за то, что порадовали меня столь изумительным подарком!

Кишан снова превратился в человека и уселся на свой стул.

– Я бы не назвал это подарком, – проворчал он.

– Вот как? И как же вы назвали бы это?

– Трагедией.

– У нас в Тибете говорят, что всякую трагедию следует превратить в источник силы. – Монах откинулся на спинку своего стула и подпер пальцем висок. – Вместо того чтобы терзать себя вопросом, почему это произошло, попробуйте задуматься над тем, для чего это случилось с вами. К сожалению, мы очень редко понимаем одну простую истину: очень часто величайшая милость судьбы заключена в том, чтобы не дать нам получить то, чего мы столь страстно желаем.

Он выжидательно посмотрел на меня.

– А где же белый тигр?

– Белого тигра зовут Рен, он – брат Кишана, и сейчас он находится в плену у врага.

Монах в задумчивости опустил голову.

– Порой враг – лучший учитель стойкости. А вы, моя милая? Какова ваша роль в этой загадке?

Я подняла руку, выставила вперед ладонь и дождалась прилива энергии. Когда бурлящий поток хлынул в мою руку, я нацелилась на цветок, стоявший в вазе на столе монаха. Моя ладонь полыхнула огнем, тончайший белый луч вырвался из нее по направлению к цветку. На мгновение тот ярко вспыхнул и тут же исчез, оставив после себя легкое облачко серого пепла, бесшумно осыпавшегося на крышку стола.

– Я – центральная линия на тигрином медальоне и основа в ткани истории. Моя роль в том, чтобы освободить этих тигров. – Я указала на человека, сидевшего справа от меня. – А мистер Кадам – наш руководитель и наставник.

Как ни странно, Океан-Учитель нисколько не испугался моей силы. Сияя, как маленький мальчик в рождественское утро, он

захлопал в ладоши и воскликнул:

– Прекрасно! Замечательно! А теперь позвольте и мне сыграть свою роль в загадке.

Он встал и подошел к столу. Взявшись за цепочку медальона, висевшего у него на шее, он вытащил его из-под своего многослойного одеяния и вставил в щель возле стеллажа с книгами. С негромким щелчком открылась дверца узкого шкафчика, откуда Океан-Учитель извлек очень древний на вид свиток, оправленный в стекло, и склянку с какой-то зеленоватой маслянистой жидкостью.

Учитель жестом подозвал нас подойти ближе. Когда мы обступили стол, он осторожно повернул стеклянный футляр, чтобы показать нам его содержимое.

– Этому свитку несколько сотен лет, в нем перечислены приметы, связанные с тигриным медальоном и теми, кто придет искать его. Скажите мне, что вам уже известно о цели ваших поисков?

Мистер Кадам показал ему свой перевод пророчества.

– Так-так, понятно. В начале этого свитка говорится обо всем этом, правда, с незначительными отличиями. В вашем пророчестве сказано, что я сделаю для вас три вещи, и это будет исполнено. Я передам вам свитки мудрости, смажу ваши глаза и укажу путь к Вратам Духа. Древний манускрипт, который вы видите перед собой, и есть тот самый свиток, о котором говорится в пророчестве. В нем заключена мудрость мира, по крайней мере важная ее часть.

– Что это такое – мудрость мира? – не удержалась я от вопроса.

– Легенды, мифы, предания о происхождении человечества. В основе всего этого лежит вечная истина, часть которой заключена здесь. По крайней мере, мне так говорили.

– Вы читали этот свиток?

– Нет, никогда. Видите ли, согласно моему миропониманию, совсем не обязательно стремиться к познанию всех истин. Просветление достигается не только в процессе изучения мира, но и на пути самосозерцания или постижения истины в себе самом. Никто из бывших Далай-лам также не открывал этот манускрипт. Он хранился здесь не для нас. Мы лишь берегли его для того, чтобы отдать в нужные руки, когда придет время.

– Но если этот манускрипт был передан на хранение Далай-ламам, как же он оказался у вас? – спросил мистер Кадам.

– О, это хороший вопрос, – кивнул Океан-Учитель. – На протяжении столетий у манускриптов и тайны было два хранителя. Поскольку Далай-лама не мог знать, кто будет

следующим его воплощением, он доверял тайну своему наставнику. Когда тот умирал, Далай-лама передавал тайну следующей инкарнации своего учителя. После смерти самого Далай-ламы учитель сообщал секрет его очередному воплощению, дабы врученная нам тайна не могла кануть в безвестности. Поскольку нынешний Далай-лама, как вы знаете, находится в изгнании, этот долг был возложен на меня.

– То есть вы хотите сказать, что эти свитки хранились столетиями… для нас? – недоверчиво спросила я.

– Да. На протяжении столетий мы передавали друг другу эту тайну, а также приметы, по которым следует узнать истинных владельцев манускрипта.

Мистер Кадам наклонился над столом, чтобы получше рассмотреть заключенный в стекло свиток.

– Невероятно! Мне просто не терпится поскорее прочитать его!

– Не торопитесь, – охладил его пыл Океан-Учитель. – Мне было сказано, что свиток должен быть прочитан только после принесения пятой жертвы. Более того, существует опасность, что преждевременное открытие свитка приведет к ужасному бедствию.

– Пятая жертва? – пробормотала я. – Ах, мистер Кадам, но ведь мы до сих пор не знаем даже, что это такое! – Я в отчаянии повернулась к монаху. – Нам известно только о четырех пожертвованиях и четырех дарах. Мы впервые слышим о пятом! Вы уверены, что мы сможем выполнить задание, не прочитав этот свиток?

Океан-Учитель пожал плечами.

– Этого я знать не могу. Я должен лишь передать вам свиток вместе с предостережением и выполнить два других условия. Идите-ка сюда, юная дева. Сядьте, я смажу вам глаза.

Он пододвинул мне стул, взял в руки сосуд с зеленым маслом и вдруг спросил:

– Скажите мне, мистер Кадам, в ходе научных изысканий вам никогда не попадались сведения о народе *чевонг*?

Мистер Кадам резко опустился в кресло.

– Признаться… нет, никогда.

Я тихонько прыснула. Это было просто невероятно! Оказывается, мистер Кадам знал не все на свете! Возможно ли такое?

– Народность *чевонг* родом из Малайзии… О, это удивительные люди! В настоящее время они испытывают чудовищное давление, их пытаются обратить в ислам и ассимилировать в малайское общество, однако некоторая часть

этого народа борется за право сохранить свой язык, традиции и культуру. Это очень миролюбивый народ, кроткий, совершенно лишенный воинственности. Вы не поверите, но в их языке даже нет слов для обозначения войны, конфликта, продажности или наказания. У них весьма интересные верования, мистер Кадам. В частности, они приверженцы общинной собственности. Они полагают, что есть в одиночестве не только вредно, но и опасно, поэтому всегда делят трапезу друг с другом. Однако непосредственное отношение к вам имеет другое их верование, касающееся глаз.

Я нервно облизнула губы.

– М-м-м, и что именно они делают с глазами? Подают на ужин и съедают всей общиной?

Океан-Учитель засмеялся.

– Нет, ничего подобного! Они уверены, что у обычных людей глаза горячие, а у их шаманов – холодные. Народ чевонг верит, что человек с холодными глазами может видеть иные миры и разглядеть то, что скрыто от обычного взгляда.

Заинтригованный мистер Кадам засыпал монаха бесчисленными вопросами, а я приготовилась принять в глаза маслянистую жидкость, которую монах осторожно капал из флакона на свои сухие, морщинистые пальцы.

– Знаете, я просто хотела предупредить вас, что у меня глазная фобия. Когда в детстве у меня был конъюнктивит, родителям приходилось держать меня, чтобы закапать лекарство в глаза.

– Не пугайтесь, – успокоил меня Океан-Учитель. – Я лишь смажу ваши закрытые веки и поделюсь мудростью.

Я заставила себя расслабиться и послушно закрыла глаза. Теплые пальцы коснулись моих век. Я приготовилась к тому, что противная масляная жижа сейчас потечет по щекам, но смесь оказалась гуще, чем я думала, по консистенции она скорее напоминала крем с резким, медицинским запахом. Едкий аромат защекотал мне нос, напомнив о ментоловой мази, которой мама всегда растирала мне грудь, чтобы мне было легче дышать во время простуды. Потом веки защипало, и я почувствовала обжигающий холод. Зажмурившись изо всех сил, я ждала, слушая негромкий голос Океана-Учителя.

– Мой совет тебе, юная дева, будет таков. Главная цель жизни – быть счастливой. Мой скромный жизненный опыт научил меня тому, что, заботясь о других, важно не забывать о собственном ощущении благополучия. Оно помогает победить страх и неуверенность, дает силы справиться с любыми преградами, ждущими нас на жизненном пути. Далее, когда тебе понадобится

совет, обратись к медитации. Именно так я часто находил ответы на трудные вопросы. И последнее – всегда помни, что в старой поговорке о любви, которая все превозможет, заключена истина на все времена. Отдавай свою любовь, и она вернется к тебе сторицей.

Я осторожно приоткрыла глаза. Как ни странно, не было ни боли, ни дискомфорта, разве что повышенная чувствительность. Потом наступила очередь Кишана. Мы поменялись местами, и монах снова смочил пальцы маслом. Кишан закрыл глаза, и я стала смотреть, как странная жидкость размазывается по его векам.

– А вот совет для тебя, черный тигр. Ты молод телом, но стар душой. Помни, какие бы трудности ни ждали тебя впереди, как бы мучительны ни были испытания, ты не должен терять надежды. Утрата веры – единственное, что может тебя погубить. Лама говорит: «Победа над собой и своей слабостью приносит большую славу, чем победа над многотысячным войском». Черный тигр, тебе предназначено помочь своей семье найти правильный путь в жизни. Твоя семья – это не только родные, понимай это в более широком смысле слова. Добрых намерений недостаточно для того, чтобы добиться хорошего результата, для этого нужны дела. Лишь тогда, когда ты окончательно распрощаешься с ролью стороннего наблюдателя и начнешь активно действовать, ты найдешь ответы на свои вопросы. И последнее. Разум здравомыслящего человека не подвержен смятению, подобно могучей горе, которой нипочем ярость ветра. Он стоек, как надежная опора. Другие ищут в нем поддержку, ибо он никогда не дрогнет.

Океан-Учитель закрыл флакон крышечкой, а Кишан открыл глаза. Зеленая мазь исчезла с его век. Он встал, сел рядом со мной и взял меня за руку. Человек, который был Океаном-Учителем, великим ламой Тибета, пожал руку мистеру Кадаму.

– Друг мой, – сказал он. – Я вижу, что ваши глаза и так открыты и что вы видели больше того, что я могу себе представить. Я вверяю вам этот свиток и прошу время от времени навещать меня. Мне очень хочется знать, чем закончится ваш поиск.

Мистер Кадам галантно поклонился.

– Я почту это за великую честь, мудрейший.

– Очень хорошо. Итак, теперь мне осталось исполнить последнее задание – указать вам путь к Вратам Духа. – Океан-Учитель повернулся к нам с Кишаном. – Врата Духа обозначают границу между материальным и духовным мирами. Пройдя через них, мы очищаемся от бремени земных забот и обращаемся к

духовному. Ни в коем случае не прикасайтесь к вратам прежде, чем будете готовы войти в них, это запрещено. Самые известные ворота находятся в Китае и Японии, однако у нас, в Тибете, тоже существует такой проход, но его местонахождение хранится в тайне. Сейчас я покажу его вам на карте.

Он позвонил в колокольчик, вызвал монаха, и тот принес нам карту Тибета.

– Врата, которые вы ищете, выглядят очень просто и неприметно. Вы должны дойти до них пешком, взяв с собой лишь самый необходимый запас пищи, ибо врата найдет лишь тот, кого ведет вера. Вы узнаете их по простым молитвенным флажкам. Предупреждаю, путь будет нелегким, и идти вам придется вдвоем. Ваш наставник не сможет сопровождать вас.

Он указал нам место, от которого мы должны будем начать восхождение. Я судорожно сглотнула, узнав эту точку на карте, несмотря на надписи на незнакомом языке. Гора Эверест. Обнадеживало лишь то, что Врата Духа были расположены не на вершине, хотя и совсем рядом с границей вечных снегов. Мистер Кадам и Океан-Учитель принялись оживленно обсуждать лучший маршрут, а мы с Кишаном молча смотрели на карту и слушали их.

«Неужели я смогу туда дойти? – стучало у меня в висках. – Но мне придется. Я нужна Рену. Найдя это место и новый дар, я узнаю, как помочь ему, а значит, ничто на свете не может меня остановить – ни горная болезнь, ни суровая неприступная гора».

Океан-Учитель вручил мистеру Кадаму футляр со свитком, карты и подробное описание маршрутов, в том числе пути к Вратам Духа. Теплая рука Кишана коснулась моей руки.

– Келси, ты в порядке?

– Да. Просто немного боюсь предстоящего пути.

– Я тоже. Но помни, что сказал учитель, – от нас потребуется вера.

– Она у тебя есть?

Кишан, как всегда, ответил не сразу.

– Да. Кажется, есть. Причем ее у меня гораздо больше, чем раньше. А у тебя?

– У меня пока только надежда. Этого хватит?

– Думаю, да.

Мистер Кадам присоединился к нам, а монах по очереди пожал нам руки, подмигнул и попрощался. Затем он ушел в окружении своей свиты. Незнакомый монах проводил нас в наши комнаты и оставил собираться в путь.

Остаток дня мистер Кадам занимался приготовлениями к путешествию. Мы с Кишаном решили взять с собой только самое

необходимое, помня слова монаха о том, что идти к вратам следует налегке. Мудрый мистер Кадам посоветовал нам вообще не брать с собой еду, положившись на волшебную помощь Золотого плода. Он признался, что все это время втайне проверял возможности нашего плода и убедился, что тот прекрасно работает даже на расстоянии ста футов от хозяина, и хотя не умеет добывать воду, зато может предложить любые другие напитки. Мистер Кадам посоветовал нам заказывать горячие травяные чаи и прочее питье без сахара, чтобы не допустить обезвоживания. Поблагодарив его за совет, я тщательно завернула Золотой плод в свое одеяло и засунула сверток в рюкзак.

Мы долго спорили, стоит ли брать с собой палатку, но в конце концов остановились на большом спальном мешке. Мои спутники решили, что у меня не хватит сил совершить восхождение с палаткой за плечами, к тому же мне и так часть пути придется нести одежду Кишана, Фаниндру и все наше оружие.

На следующий день мы поехали к подножию горы. Мистер Кадам проводил нас немного по тропе, потом крепко обнял на прощание. Он сказал, что разобьет лагерь у подножия и будет ждать нас там.

– Берегите себя, мисс Келси. Я положил все свои записи вам в рюкзак. Надеюсь, я ничего не забыл.

– Я абсолютно в этом уверена, мистер Кадам. Не волнуйтесь, с нами все будет в порядке. Вот увидите, мы вернемся гораздо раньше, чем вы успеете соскучиться. Возможно, время опять остановится, как это было в Кишкиндхе. Ждите нас. Но если мы вдруг не вернемся, скажите Рену…

– Вы вернетесь, мисс Келси. В чем в чем, а в этом я уверен. А теперь идите, и до скорой встречи!

Кишан превратился в черного тигра, и мы зашагали вверх по склону. Через полчаса я обернулась, чтобы посмотреть, сколько мы прошли. Под нами, насколько хватало глаз, расстилалось бескрайнее Тибетское плоскогорье. Я помахала рукой крохотной фигурке мистера Кадама, видневшейся далеко внизу, потом повернулась к нему спиной, протиснулась между двумя скалами и пошла вперед по тропе.

17
Врата духа

Поежившись, я еще выше натянула свои гортексовские перчатки. Большую часть первого дня мы без остановки карабкались в гору и только с наступлением темноты сделали стоянку у высоких камней, защищавших от ветра. Я с наслаждением сбросила со спины рюкзак и расправила плечи. Потом немного прогулялась вокруг нашей стоянки в поисках топлива для костра. После горячего ужина, поданного незаменимым Золотым плодом, я забралась в свой огромный спальный мешок. Холод стоял такой, что спать пришлось во всей одежде, сняв только ботинки.

Вскоре Кишан просунул голову в отверстие спальника и заполз ко мне. Сначала я напряглась, но вскоре была только рада соседству его теплой шерсти, которая постепенно согрела меня, уняв противную мелкую дрожь во всем теле. Я так устала, что крепко уснула, несмотря на свист ветра.

Наутро я попросила у Золотого плода кружку горячего шоколада и овсянку с кленовым сиропом и тростниковым сахаром. Подумав немного, решила, что Кишану потребуется что-нибудь более существенное. Чтобы не мерзнуть, он решил всю дорогу оставаться тигром, поэтому я предложила ему на выбор или здоровенное блюдо сырых стейков из оленины, или гигантскую тарелку овсяной каши, как у меня, и огромную миску молока. Он начал с мяса, но потом потребовал еще и кашу с молоком, вылакав все до последней капли. После завтрака я собрала наши вещи, уложила рюкзак, и мы снова отправились в путь.

Следующие четыре дня ничем не отличались друг от друга. Кишан шагал впереди, прокладывая дорогу, я несла вещи, разводила костер и добывала еду с помощью Золотого плода, после чего мы ложились спать в обнимку, тигр и человек, в большом спальном мешке, а ветер всю ночь выл и стонал над нами. Восхождение оказалось очень трудным, думаю, что, если бы не регулярные тренировки под руководством Кишана и мистера Кадама, я бы ни за что его не выдержала. Не могу сказать, что подъем был настолько сложен, что его нельзя было совершить без специального альпинистского снаряжения, но и прогулкой по парку его тоже нельзя было назвать. Чем выше мы поднимались, тем труднее становилось дышать, начал сказываться недостаток кислорода, поэтому мы часто останавливались, чтобы перевести

дух, сделать несколько глотков воды и отдохнуть.

На пятый день мы подошли к границе вечных снегов. Наверное, вы знаете, что вершина Эвереста и летом покрыта снежной шапкой. Теперь Кишан был хорошо виден даже издалека. Попробуй не разглядеть черного зверя на белом снегу! На наше счастье, он, кажется, был самым крупным животным в окрестностях. Будь иначе, мы давно стали бы добычей хищников.

Хотя, возможно, я выдавала желаемое за действительное. «Интересно, полярные медведи тут водятся? – размышляла я, машинально переставляя ноги. – Нет, кажется, они потому называются полярными, что живут на полюсе. А другие медведи? Или, скажем, горные львы? Может быть, снежные люди? Йети? Кстати, как звали снежное чудище в телесериале про красноносого олененка Рудольфа? Ах да, Бамбл!» Я захихикала, представив себе, как мультяшный Кишан нападает на косматого Бамбла, напевая песенку из мультика.

Шагая по тигриным следам Кишана, я все время высматривала в снегу отпечатки лап других зверей. Следы попадались только мелкие, и какое-то время я развлекала себя игрой в угадайку, гадая, чьи они. Некоторые, например, точно были птичьи, хотя встречались и отпечатки лап каких-то мелких зверьков, кроликов или грызунов. Но поскольку более крупных следов по-прежнему не было видно, эта игра мне вскоре наскучила, и я перестала смотреть по сторонам, вновь погрузившись в свои мысли.

Деревья теперь попадались все реже, зато склон стал круче и каменистее. Дышать становилось все труднее, вскоре я начала по колено проваливаться в глубокие снежные наносы. Моя выдержка стала таять. Откровенно говоря, я не думала, что путешествие к Вратам Духа займет столько времени.

На седьмой день пути мы столкнулись с медведем.

Дело было так. Примерно за полчаса до этого Кишан ушел вперед, чтобы найти топливо для костра и пригодное место для стоянки. Перед уходом он наказал мне идти по его следам, пообещав, что скоро вернется и отыщет меня по запаху. Я не волновалась, поскольку он никогда не оставлял меня одну больше чем на полчаса.

Не думая ни о чем, я медленно плелась вперед, от одного тигриного следа к другому, когда вдруг услышала громкий рев за спиной. Разумеется, я решила, что это Кишан вернулся и окликает меня. Обернувшись, чтобы спросить, чего ему надо, я ахнула от страха. Огромный бурый медведь галопом мчался в мою сторону с явно недобрыми намерениями. Его круглые уши

были прижаты к голове. В разинутой пасти торчали очень острые зубы, но страшнее всего было то, что приближался он очень быстро. Иными словами, бегал он гораздо быстрее меня.

И тогда я заорала.

Медведь остановился примерно в пяти футах от меня, поднялся на задние ноги и зарычал, взмахнув передними лапами в воздухе. Его косматая шерсть была влажной от снега. По сторонам длинной морды виднелись крохотные черные глазки, зорко разглядывавшие меня, явно оценивая мою способность к сопротивлению. Его разинутая пасть задрожала от рыка, а шкура по уголкам рта разъехалась в стороны, обнажая внушительный ряд клыков, которые запросто могли порвать меня в клочья.

Я стремительно плюхнулась на землю, вспомнив услышанные где-то истории об охотниках, выживавших в тайге. Кажется, там говорилось, что при встрече с медведем лучше всего упасть на землю и притвориться падалью. Я свернулась в клубок и закрыла голову руками. Медведь опустился на все четыре лапы и несколько раз подпрыгнул на месте, с хрустом ломая наст, очевидно, пытаясь заставить меня пошевелиться, чтобы получить повод к нападению. Не дождавшись, он прошелся лапой по моей спине. Раздался громкий треск ткани, и я догадалась, что медведь порвал рюкзак.

Зверь был так близко, что я чувствовала исходившие от него запахи мокрой травы, земли и ледяной озерной воды. Его теплое дыхание отдавало рыбой. Я тоненько завыла, слегка перекатившись на бок. Медведь схватил рюкзак зубами и поставил переднюю лапу мне на бедро, чтобы я не дергалась. Тяжесть была страшная. Я почувствовала, что у меня сейчас треснет берцовая кость.

Наверное, это и случилось бы, если бы я лежала на голой земле. Но на мое счастье, тяжесть медвежьей лапы лишь глубже вдавила меня в снег. Я не знала, что он делает – защищает свою территорию или готовится пообедать мною. В любом случае жить мне оставалось недолго.

И тут я услышала рев Кишана. Медведь поднял голову и сердито зарычал, защищая свою законную добычу. Прежде чем развернуться мордой к тигру, он полоснул когтями по бедру одной моей ноги и по икре другой. Я поперхнулась воплем, когда длиннющие когти, которым позавидовал бы сам Фредди Крюгер, прилагавшиеся к трехсоткилограммовой туше, распороли кожу на моем бедре. Меня спасло только то, что медведь не собирался меня царапать. Это было скорее любовное поглаживание. Он лишь хотел сказать: «Эй, крошка, я скоро вернусь. Только разберусь с этим наглецом, а потом непременно пообедаю тобой,

ты и опомниться не успеешь, как я снова буду рядом».

Ноги жгло огнем, слезы градом катились у меня по щекам, но я заставила себя не шевелиться. Кишан описал несколько кругов вокруг медведя, а потом бросился на него. Огромный черный тигр впился зубами в переднюю лапу медведя, а тот прочесал его когтями по спине. Когда они, сцепившись, откатились в сторону, я осмелилась посмотреть на свои ноги. Мне не удалось так вывернуть шею, чтобы увидеть всю картину целиком, но покрасневший от крови снег, ставший похожим на чудовищный фруктовый шербет, говорил сам за себя.

Тем временем медведь встал на задние ноги и оглушительно заревел. Затем он рухнул на четыре лапы, сделал несколько шагов в сторону Кишана и снова поднялся. Кишан описал дугу вокруг него. Медведь несколько раз взмахнул в его сторону передними лапами, словно хотел напугать. Кишан подскочил ближе, и тогда медведь бросился на него. Кишан тоже встал на задние лапы и встретил его грудью. Они сшиблись друг с другом, медведь обхватил Кишана лапами и стал немилосердно рвать его когтями, открыв мне новый смысл выражения «медвежьи объятия». Оба пустили в ход клыки и когти. Медведь свирепо впился зубами в ухо Кишана, чудом не оторвав его. Кишан с усилием вырвался, и оба потеряли равновесие. Они упали и кубарем покатились по снегу, превратившись в огромный ком черной и бурой шерсти.

Что касается меня, то я уже настолько оправилась от шока, что вспомнила о собственном оружии. Какая же я была дура! Нечего сказать, хороший из меня получился боец! И зачем только я тратила время на тренировки? Высвободившись из медвежьей хватки, Кишан пытался отвлечь внимание зверя и застать его врасплох. Воспользовавшись тем, что они теперь находились на некотором расстоянии друг от друга, я подняла руку и послала слабенькую молнию прямо в черный медвежий нос. Это был скорее щелчок, чем удар, однако он заставил медведя забыть об оставленном обеде. Он со всех лап бросился наутек, огрызаясь от боли и обиды.

Кишан тут же превратился в человека и кинулся осматривать мои ноги. Сняв с меня рюкзак, он моментально натянул на себя зимнюю одежду. Потом склонился над моими ногами. Кровь быстро замерзала на морозе. Разорвав запасную футболку, Кишан крепко перевязал мое бедро.

– Прости, будет больно, но так надо. Мне придется унести тебя отсюда. Иначе наш приятель вернется на запах крови.

Кишан наклонился надо мной и осторожно поднял на руки. Как он ни старался, было очень больно. Я вскрикнула и невольно

выгнулась дугой, пытаясь справиться с болью. Потом зарылась лицом в грудь Кишану и заскрипела зубами. После этого наступила тьма, я больше я ничего не помнила.

Не знаю, спала я или потеряла сознание. Впрочем, какая разница? Очнувшись, я обнаружила, что лежу на животе возле теплого костра, а Кишан бережно осматривает мои раны. Он уже успел разорвать еще одну футболку и теперь промывал мои ноги какой-то горячей пахучей жидкостью, которую попросил у Золотого плода.

Я с шумом втянула в себя воздух.

– Ой, щиплет! Что это за гадость?

– Травяной отвар, он успокоит боль, поможет справиться с заражением и остановит кровотечение.

– Пахнет противно. Что там намешано?

– Корица, эхинацея, чеснок, желтокорень и другие растения, только я не знаю, как они называются по-английски.

– Больно!

– Еще бы! Могу себе представить. Тут нужно наложить швы.

Я сквозь зубы втянула воздух и стала задавать ему разные вопросы, чтобы отвлечься от боли. Когда он начал промывать мою икру, я не выдержала и вскрикнула.

– Откуда ты… ой… знаешь, как приготовить целебный отвар?

– Не забывай, я принимал участие во многих битвах. Так что немного разбираюсь в обработке ран. Потерпи еще немного, Келс, боль скоро стихнет.

– Тебе уже приходилось лечить раны? – спросила я сквозь стиснутые зубы.

– Да.

– А ты… – проскулила я. – Ты… не расскажешь мне об этом? Пожалуйста, говори со мной, это меня отвлекает.

– Конечно. – Он снова смочил кусок ткани и продолжил промывать мою рану. – Однажды Кадам включил меня в отборный отряд пехоты, который получил задание обезвредить шайку разбойников.

– Они были как вольные стрелки Робин Гуда?

– Кто такой Робин Гуд?

– Благородный разбойник, он грабил богатых и раздавал их добро беднякам.

– Нет, наши разбойники были не такие. Они грабили караваны, насиловали женщин и не оставляли в живых ни одного свидетеля. Они орудовали в районе, через который проходил один из оживленных торговых путей. Богатство шайки привлекало в нее все новых и новых членов, ее ряды быстро

росли, поэтому она представляла серьезную угрозу. Меня обучали военной теории, а Кадам преподавал мне основы стратегии и тактики борьбы с нерегулярными силами противника.

– Сколько тебе было лет?

– Шестнадцать.

– Ой, мамочка!

– Прости.

– Ничего, – простонала я. – Рассказывай дальше, пожалуйста!

– Итак, мы загнали большую группу разбойников в пещеры и ломали головы над тем, как бы выманить их оттуда и уничтожить в бою. Но они оказались хитрее нас. Они выбрались из пещер по потайному ходу и окружили нас, бесшумно сняв наших часовых. Завязалась битва. Наш отряд сражался героически и разгромил это отребье, но несколько наших лучших солдат погибли в бою, многие были тяжело ранены. Я вывихнул руку, но Кадам быстро вправил ее на место, и мы вместе, как смогли, оказали помощь пострадавшим. Вот тогда-то я и научился различать раны по степени тяжести. Те из нас, кто мог стоять на ногах, помогали нашему лекарю врачевать остальных. От него я узнал о растениях и их целебных свойствах. Моя мать сама была знатной травницей, она выращивала разные растения, в том числе целебные. После того случая я всегда, отправляясь на войну, брал с собой мешочек с целебными снадобьями, чтобы оказать помощь товарищам, если придется.

– Кажется, стало немного лучше. И дергает меньше. А ты как? Твои раны сильно болят?

– Да они уже прошли!

– Это нечестно, – с завистью прошипела я.

– Я бы с радостью поменялся с тобой местам, будь это возможно, – серьезно ответил Кишан, продолжая бережно промывать мои раны. Закончив, он туго перевязал мое бедро и икру тонкими полосками ткани, закрепив повязки эластичным бинтом, который предусмотрительный мистер Кадам положил в нашу аптечку. После этого Кишан дал мне две таблетки аспирина, приподнял мне голову и напоил водой.

– Кровотечение я остановил. Все оказалось гораздо лучше, чем выглядело, меня серьезно беспокоит только одна рана, та, что глубже остальных. Сегодня мы отдохнем, а завтра отправимся обратно. Но мне придется нести тебя, Келс. Сама ты идти вряд ли сможешь. Не хотелось бы, чтобы раны открылись и снова начали кровоточить.

– Но, Кишан…

– Не стоит беспокоиться об этом сейчас, ладно? Давай-ка пока как следует отдохнем, а завтра посмотрим, как ты будешь

себя чувствовать.

Я протянула руку и накрыла его ладонь своей.

– Кишан…

Его золотистые глаза остановились на моем лице, впились в него, ища следы боли.

– Да?

– Спасибо, что заботишься обо мне.

Он пожал мою руку.

– Мне жаль, что я не могу сделать ничего больше. А теперь поспи.

Я забылась беспокойным сном и проснулась, когда Кишан подбрасывал ветки в костер. Я не знала, где он нашел сухое дерево, но мне это было не настолько интересно, чтобы тратить силы на вопросы. Котелок с целебным отваром Кишан поставил возле огня, чтобы он не остывал. Я по-прежнему лежала на животе, только уже в спальном мешке, и сквозь липкую дремоту смотрела, как языки пламени лижут стенки котелка. Травяной запах струился в воздухе, а я то забывалась сном, то снова выныривала в реальность.

В какой-то момент я, кажется, уснула, потому что мне приснился Рен. Он стоял у столба со связанными над головой руками. Я пряталась за колонной, поэтому Локеш меня не видел. Он говорил на каком-то незнакомом мне языке, похлопывая по руке тяжелым кнутом. Рен открыл глаза и увидел меня. Он не пошевелился, ни один мускул не дрогнул на его лице, только глаза его ожили. Они просияли, мелкие морщинки лучиками разбежались от уголков век. Я улыбнулась ему и сделала шаг из своего укрытия. Он едва заметно покачал головой. Тут я услышала свист бича и застыла.

Рен захрипел от боли. Не помня себя, я с воплем выскочила из укрытия и бросилась на растерявшегося Локеша. Двумя руками я ухватилась за кнут и попыталась вырвать его из рук палача, но где там! Локеш оказался невероятно силен. Все мои усилия были тщетны, с тем же успехом воробей мог пытаться повалить дерево. Продолжая беспомощно колотить его кулаками, я увидела, как неприкрытая радость озарила лицо колдуна, и поняла, что он узнал меня. Его черные глаза вспыхнули лихорадочным восторгом. Локеш схватил меня за запястья, рывком поднял мне руки над головой и три раза хлестнул кнутом по ногам. Я закричала от боли. Тут позади нас раздался бешеный рев, заставивший моего мучителя обернуться, и, воспользовавшись этим, я вцепилась в его рубашку, стала царапать ногтями его грудь и шею. Локеш схватил меня за плечи, затряс…

– Келси! Келси! Проснись!

Я открыла глаза.

– Кишан?

– Тебе снился кошмар.

Оказывается, он лежал в спальнике рядом со мной. И осторожно отцеплял мои пальцы от своей рубашки.

Я посмотрела на его грудь и шею и увидела глубокие кровавые царапины. Бережно дотронулась до одной из них.

– Ох, Кишан. Прости меня. Очень больно?

– Все нормально. Они уже заживают.

– Я не хотела, правда. Мне снова приснился Локеш. Я… я не хочу возвращаться, Кишан! Я хочу идти дальше, хочу найти Врата Духа! Рен… Локеш его пытает! Теперь я точно это знаю.

И тут, к своему величайшему стыду, я разревелась. Я плакала отчасти от боли, отчасти от изнурительной тяжести восхождения, но больше всего от того, что теперь знала, как ужасно страдает Рен… Кишан повернулся и обнял меня.

– Ш-ш-ш, Келси. Ну все, все. Все будет хорошо.

– Ты не знаешь, ты просто так это говоришь! Локеш может убить его до того, как мы найдем эти дурацкие ворота! – рыдала я, а он успокаивающе поглаживал меня по спине.

– Дурга обещала позаботиться о нем. Не забывай об этом.

– Я знаю, – прорыдала я, – только…

– Твоя безопасность важнее нашего поиска, Келс, и ты знаешь, что Рен сказал бы то же самое.

Я засмеялась, хлюпая носом.

– Он-то наверняка так сказал бы, но…

– Никаких но. Нужно возвращаться, Келс. Как только ты выздоровеешь, мы снова приедем сюда и предпримем еще одну попытку. Договорились?

– Ну, наверное.

– Вот и хорошо. Рен… что ж, ему повезло заслужить любовь такой женщины, как ты, Келс.

Я повернулась на бок, заглянула ему в лицо. Костер все еще горел, и я видела, как пламя танцует во встревоженных золотистых глазах Кишана. Мы долго молча смотрели друг на друга. Потом я дотронулась до его шеи, на которой не осталось и следа царапин, и прошептала:

– И мне тоже повезло встретить такого потрясающего мужчину, как Рен.

Он поднес мою руку к своим губам и нежно поцеловал мои пальцы.

– Он бы не хотел, чтобы ты страдала из-за него.

– А еще он бы не хотел, чтобы ты оказался тем, кто меня утешает.

Кишан не смог сдержать ухмылку.

– Да уж. Этого он точно не хотел бы.

– Но так случилось. Ты меня утешаешь. Спасибо за то, что ты все время рядом со мной.

– Это единственное место, где я хочу быть. А теперь поспи, *билаута*.

Он притянул меня к себе и прижал к своей груди. Мне было немного стыдно за то, что я нашла утешение в его теплых объятиях, но вскоре глубокий сон избавил меня от угрызений совести, и больше в ту ночь мне ничего не снилось.

Следующие два дня путешествия оказались вынужденно короткими. Поначалу я пыталась идти самостоятельно, но боль была так сильна, что Кишану пришлось меня нести. Мы медленно спускались вниз по склону, часто останавливаясь на отдых и оставляя последний час пути на то, чтобы Кишан успел разбить стоянку и осмотреть меня. Большая часть ран подживала, но самая глубокая все-таки загноилась.

Кожа вокруг нее покраснела, вздулась и покрылась нехорошими пятнами. Сама рана с каждым часом выглядела все ужаснее. Вскоре у меня начался жар, и Кишан потерял свою обычную выдержку. Он проклинал заклятие, позволявшее ему нести меня только шесть часов в день. Он перепробовал все мыслимые целебные травы, но ничто не помогало справиться с заражением, а Золотой плод, к сожалению, не умел доставлять антибиотики.

Потом разразился буран, но я плохо помню, как Кишан нес меня сквозь ледяной шквал. Из-за вынужденной неподвижности я больше не могла сопротивляться холоду. Я постоянно мерзла и вскоре начала впадать в забытье, потеряв счет дням. Помню, что в какой-то момент мне пришло в голову, что Фаниндра, возможно, сможет исцелить меня, как она сделала это в Кишкинхе, но золотая змея оставалась ледяной и неподвижной. Наверное, снежная погода была неблагоприятной для змей, а может быть, мудрая Фаниндра знала, что, несмотря на все грозные симптомы, я пока еще не при смерти.

В результате мы заблудились в буране и уже не знали, идем ли мы назад, к мистеру Кадаму, или вперед, к Вратам Духа. Кишан очень тревожился из-за того, что я все время сплю, поэтому постоянно разговаривал со мной по дороге. К сожалению, я почти не помню, о чем он говорил. Кажется, он читал мне курс по выживанию в дикой природе, говорил о том, как важно во что бы то ни стало есть, пить и сохранять тепло. Он уделял особое внимание этой триаде сохранения жизни. Во время

дневных остановок Кишан заворачивал меня в спальный мешок и ложился рядом, согревая меня своим тигриным телом, а Золотой плод давал нам столько еды и питья, сколько нам было нужно.

Но после того как я заболела, у меня пропал аппетит. Кишан заставлял меня есть и пить, но меня постоянно знобило, мне все время было то жарко, то холодно. Кишану приходилось постоянно превращаться в человека, чтобы укрывать меня, потому что я раскрывалась в жару, пытаясь сбросить с себя мешок. Я быстро слабела и большую часть времени молча смотрела в небо или в лицо Кишана, почти не слушая, что он говорит. Помню только, как он рассказывал о бушменском рисе, потому что это было отвратительно. Кишан говорил, что однажды после страшной битвы он чудом уцелел, но остался совсем один на вражеской территории. Он не смог найти никакой еды, поэтому ему пришлось питаться бушменским рисом, который оказался никаким не рисом, а белыми личинками муравьев. Я негромко замычала, выражая свое отвращение, но меня сковала такая сонливость, что трудно было даже разлепить губы. Мне хотелось спросить его, откуда он мог в то время знать об африканских бушменах, но не было сил говорить. Кишан с тревогой посмотрел на меня и поглубже натянул мне на голову капюшон, чтобы снег не падал мне на лицо.

Потом он наклонился ко мне и прошептал:

– Обещаю, что вытащу тебя отсюда, Келси. Я не дам тебе умереть.

«Умереть? Что он такое говорит? С чего он взял, что я собралась умирать?»

Нет, я не чувствовала себя умирающей и непременно сказала бы ему об этом, если бы смогла. Что-то случилось с моими губами, они как будто замерзли. «Я не могу умереть. Я должна отыскать еще три дара и спасти своих тигров. И вырвать Рена из лап Локеша. И еще мне нужно закончить университет… И еще…» Кажется, я снова провалилась в сон. Мне снилось, что я вожу пальцем по заиндевевшему окну. Я уже нарисовала сердечко с надписью «Рен + Келси» внутри и теперь чертила рядом второе, чтобы написать в нем «Кишан + …», но тут меня разбудили, грубо встряхнув за плечи.

– Келс. Келс! Я думал, что мы возвращаемся обратно, но мы, похоже, нашли Врата Духа!

Я выглянула из своего капюшона и уставилась в низкое небо цвета свинца. Сверху на нас сыпалась колючая ледяная крошка, поэтому мне пришлось сощуриться, чтобы увидеть, на что показывает Кишан. Посреди бескрайней белой пустоши торчали два деревянных шеста высотой с телефонную мачту. Оба шеста на

разной высоте были оплетены гирляндами разноцветных флагов. Кроме этого, к ним крепились какие-то странные длинные ленты, трепыхавшиеся на ветру, как хвосты детских воздушных змеев. Часть этих лент была протянута между шестами, часть привязана к торчавшим из земли кольцам, а остальные просто развевались в воздухе.

Я попыталась облизнуть губы, но язык оказался сухим, как наждак.

– Ты… уверен? – еле слышно выдавила я.

К счастью, тигриный слух не подвел Кишана. Он наклонился к моему уху и закричал, пытаясь пересилить свист ветра:

– Возможно, это какой-то памятник или молельный знак кочевников, но мне кажется, в нем есть что-то особенное. Подожди, я проверю.

Я слабо кивнула, и он положил меня прямо в спальном мешке на снег возле одного из шестов. С тех пор как я заболела, Кишан все время носил меня в мешке, чтобы мне было теплее. Я тут же забылась сном, поэтому не знаю, сколько времени прошло, прежде чем Кишан снова разбудил меня – несколько часов или пара секунд.

– Это то самое место, Келси! Я нашел отпечаток ладони. Ну, что будем делать? Пойдем в ворота или повернем назад? Лично я думаю, что нам лучше вернуться и прийти сюда позже.

Я с усилием подняла руку в перчатке и дотронулась до его груди. Потом зашептала, чувствуя, как ветер подхватывает мои слова и уносит прочь, едва они успевают сорваться с губ.

– Нет… мы уже… не сможем… найти их… снова… Это слишком… сложно… Океан-Учитель сказал… к вратам… приведет… только вера… Нужно… попробовать…

– Но, Келс…

– Отнеси меня… к… отпечатку…

Несколько секунд он с сомнением смотрел на меня. Потом протянул руку и бережно стряхнул снежинки с моей щеки.

Я поймала его руку и прижала к себе.

– Не теряй… веру, – прошептала я на ветер.

Он тяжело вздохнул, но, не говоря ни слова, подхватил меня и понес к деревянному столбу.

– Вот он. Слева, под голубой тряпицей.

Я увидела знак и попыталась снять перчатку. Кишан перевернул меня, прижал к себе одной рукой. Другой стащил с меня перчатку и сунул ее себе в карман. Потом взял мою руку и поднес к холодному оттиску, вырезанному в коре деревянного столба. Теперь, когда он поднес меня так близко, я увидела, что деревянная колонна сплошь покрыта причудливой резьбой,

частично занесенной снегом. Если бы я чувствовала себя лучше, то непременно разглядела бы ее внимательно, но в тот момент я даже стоять не могла без поддержки Кишана.

Собрав все силы, я приложила ладонь к дереву, но ничего не произошло. Тогда я попыталась разжечь в животе огонь, выжать хотя бы слабую искру, чтобы моя ладонь ожила и засветилась, но у меня ничего не вышло.

– Кишан… я… не м-могу… Я совсем… замерзла, – прохрипела я, чувствуя, что сейчас заплачу.

Он снял свои перчатки, расстегнул куртку, потом задрал свитер и приложил мою окоченевшую руку к своей голой груди, накрыв ее сверху своей теплой ладонью. Грудь у него была горячая. Кишан прижался теплой щекой к моей ледяной щеке и несколько минут растирал мою кисть. При этом он что-то говорил, но я не понимала ни слова. Он все время поворачивался, загораживая меня от ветра, и постепенно я снова начала засыпать, пригревшись в теплом коконе, который он создал вокруг меня. Но Кишан отстранил меня от себя и сказал:

– Ну вот, так-то лучше. Давай попробуй еще раз.

Он помог мне согнуть руку. На этот раз я почувствовала крохотную искорку тепла и постаралась ее раздуть. Жар получился совсем слабый, но постепенно он усиливался, пока след ладони на столбе не затеплился красным светом. Столб содрогнулся и тоже начал светиться. Потом у меня что-то случилось со зрением. Все вокруг вдруг позеленело, как будто я смотрела на мир сквозь солнцезащитные очки с зелеными стеклами. Из-за этого свет, бьющий из моей ладони, стал ярко-оранжевым, и это оранжевое сияние перекинулось сначала со светящегося столба на молитвенные флаги, а потом по развевающимся лентам добралось до второго шеста.

Земля содрогнулась, и нас с Кишаном вдруг накрыло теплом, словно мы очутились в невидимом пузыре нагретого воздуха. Тут силы оставили меня, я безвольно уронила руку и повалилась на Кишана, который снова подхватил меня на руки. Между столбами сформировался небольшой шар энергии, который стал расти у нас на глазах. Внутри он переливался разными красками, поначалу туманными и размытыми, но по мере роста шара оттенки обретали яркость и четкость, словно кто-то невидимый наводил резкость. Потом раздался гул, и фрагменты сложились в картинку.

Я увидела зеленую травку и желтое летнее солнце. Стада животных лениво паслись под густыми деревьями. Даже с того места, где мы стояли, я чувствовала аромат цветов и теплое прикосновение солнца к моей окоченевшей щеке, на которой еще

не растаяла снежная крошка. Кишан сделал шаг вперед, потом второй. Он внес меня в теплый солнечный рай. Уронив голову на его руку, я слушала, как стихает тоскливый вой ветра. Холодный воздух уходил все дальше и дальше, а потом и вовсе исчез с прощальным хлопком, будто лопнувший воздушный шарик. И тут я провалилась в беспамятство.

18
Хорошее

Я проснулась на рассвете возле тихо потрескивавшего костра. Кишан грел руки над пламенем.

Пошевелившись, я прохрипела:

– Привет.

– И тебе привет. Как себя чувствуешь?

– М-м-м… Вообще-то, намного лучше.

– Ты стала поправляться, как только мы сюда вошли, – хмыкнул Кишан.

– Сколько я спала?

– Часов двенадцать, не меньше. Здесь ты выздоравливаешь почти с той же скоростью, что мы с Реном в нашем мире.

Я с опаской вытянула ноги и осталась вполне довольна результатом. Боль, конечно, это ужасно, но заражение в сто раз хуже. В глубине души я рассчитывала на целебные свойства амулета Кишана, однако он не подействовал на меня так, как на мистера Кадама. Не повезло.

– Хочу есть. Что у нас на завтрак? – спросила я.

– А чего бы тебе хотелось?

– М-м-м… Как насчет блинчиков с шоколадной крошкой и большого стакана молока?

– Неплохой выбор. Пожалуй, я присоединюсь.

Кишан заказал наш завтрак Золотому плоду и уселся рядом со мной, чтобы подкрепиться. Оказалось, что я все еще очень слаба, поэтому когда Кишан привлек меня поближе к себе, чтобы я могла на него опереться, мне не пришло в голову возмущаться. Меня куда больше интересовали блинчики.

– Слушай, Кишан, где мы?

– Не знаю. Примерно в миле от Врат Духа.

– Ты пронес меня через них?

– Ну да. – Он отставил свою тарелку и обнял меня. – Я боялся, что ты умрешь.

– Сдается мне, что мое воскрешение из мертвых входит в обязательную программу посещения всех волшебных мест.

– Надеюсь, ты в последний раз была так близка к смерти.

– А уж я-то как надеюсь! Спасибо. За все.

– На здоровье. Кстати, похоже, здесь я все время могу быть человеком, как Рен в Кишкиндхе.

– Правда? И каковы ощущения?

– Странные. Я к этому не привык. Все время жду, когда тигр

вступит в свои права. Я и сейчас могу в него превратиться, но только по желанию.

– Так же было и с Реном. Ну что ж, лови момент. Рен, кстати, превратился в тигра сразу же, как только мы вышли из Кишкиндхи.

Кишан пробурчал что-то неразборчивое и стал рыться в рюкзаке.

– Слушай, дай мне пророчество и записки мистера Кадама, – попросила я. – Кажется, первым делом мы должны найти краеугольный камень, или Пуп земли. Потом нужно заглянуть в него, и он покажет, где искать древо. Судя по описанию мистера Кадама, этот камень похож на футбольный мяч с дыркой в верхушке.

– А как выглядит футбольный мяч?

– Хм-м, скажем так, он продолговатый и сужается на концах, как дыня, – ответила я, с трудом поднимаясь на дрожащие ноги.

– Может быть, тебе лучше еще немного отдохнуть?

– Да нет, я уже отдохнула, кроме того, чем быстрее мы найдем этот камень, тем скорее спасем Рена.

– Хорошо, но идти будем не спеша. Кстати, здесь очень тепло. Не хочешь для начала снять зимнюю экипировку?

Я опустила глаза на свои рваные штаны.

– Еще как хочу.

Пока я спала, Кишан снял с меня куртку, но я и без этого обливалась потом в своих утепленных штанах. Кишан уже переоделся в джинсы, туристические ботинки и черную футболку.

– Тебе не надоело ходить во всем черном?

Он пожал плечами.

– Мне подходит.

– Хм.

– Пока ты будешь переодеваться, я прогуляюсь по окрестностям и погляжу, нет ли тут какой-нибудь тропинки. – Он ухмыльнулся. – Не бойся, я не буду подглядывать.

– Только попробуй!

Он рассмеялся и пошел по высокой траве в сторону рощи. Переодевшись, я долго завороженно разглядывала свои распоротые штаны. Все-таки этот тибетский мишка довольно круто со мной обошелся! Я осмотрела ногу и икру. Раны исчезли. Даже шрама не осталось. Кожа была здоровой и розовой, как у младенца.

К возвращению Кишана я успела слегка вымыться, использовав предоставленный Золотым плодом тазик теплой розовой воды и половину разорванной майки Кишана. Остаток розовой воды я вылила себе на волосы, расчесала их и убрала в

длинный хвост, свисавший мне до лопаток. Потом переоделась в майку с длинным рукавом, джинсы и туристические ботинки, как у Кишана, так что к тому времени, когда мой спутник громким воплем объявил о своем приближении, я была полностью готова. Кишан окинул меня с ног до головы одобрительным мужским взглядом и улыбнулся.

– Чего улыбаешься?

– Не чего, а кому. Тебе. Выглядишь гораздо лучше.

– Ха! Я бы все отдала за хороший горячий душ. Но я правда чувствую себя лучше.

– Я нашел ручей неподалеку от рощи, а рядом тропа, по которой животные ходят на водопой. Думаю, можно начать оттуда. Возражений нет?

Я кивнула, Кишан забросил на спину рюкзак и зашагал обратно в сторону деревьев. Когда мы дошли до ручья, я невольно остановилась, очарованная красотой этого места. Дивные цветы пестрели возле камней и стволов деревьев. Я узнала нежные белые нарциссы и пересказала Кишану миф о прекрасном юноше, который влюбился в собственное отражение.

Он слушал с жадным интересом, и мы оба так увлеклись, что не заметили животных. Оказывается, нас сопровождали лесные звери. Когда мы остановились, два кролика выпрыгнули из травы и с любопытством уставились на нас. Белки перескакивали с ветки на ветку, чтобы подобраться к нам поближе, будто спешили услышать какую-то историю. Вот они вспрыгнули на ближнюю ветку, согнувшуюся под их тяжестью, и очутились прямо перед нами. Оказывается, лес кишел разным зверьем! Нас окружали лисы, олени и всевозможные птицы. Я протянула руку, и ослепительный красный кардинал, спорхнув с дерева, осторожно уселся на мой палец.

Кишан последовал моему примеру, и ему на руку слетел золотоглазый ястреб. Тогда я направилась к лисе, которая без всякого страха следила за моим приближением. Вытянув руку, я погладила ее по пушистой макушке.

– Я как Белоснежка, Кишан! Просто глазам своим не верю! Что это за место такое?

– Рай, – рассмеялся он. – Помнишь пророчество?

Целый день мы шли через лес, и всю дорогу нас сопровождали самые разные компании животных. Ранним вечером мы вышли на опушку и увидели табун лошадей, пасшихся на сказочном зеленом лугу, пестревшем разноцветными цветами. По пути я нарвала целый букет. Заслышав наши шаги, лошади повернули головы и подошли поближе, чтобы познакомиться с нами. Кишан стал кормить их яблоками с

росшего рядом дерева, а я вплела цветы в длинную гриву красивой белой кобылицы. Когда мы пошли дальше, лошадки какое-то время бежали за нами следом, потом отстали.

Уже вечерело, когда мы увидели какое-то строение у подножия дальнего холма. Кишан предложил остановиться на ночлег, а наутро отправиться исследовать постройку.

Ночью, лежа на боку в спальном мешке, подложив ладонь под щеку, я сказала Кишану:

– Это похоже на Эдем. Я никогда не думала, что такое место существует на самом деле.

– Так-то оно так, но если я правильно помню, в этом Эдеме не обошлось без змеи.

– Угу. Если даже до сих пор ее здесь не было, то теперь одна точно есть!

Я посмотрела на Фаниндру, лежавшую возле моей щеки. Ее золотые кольца по-прежнему оставались тверды и неподвижны. Я перевела взгляд на Кишана, который задумчиво ворошил палкой костер.

– Слушай, разве ты не устал? Мы сегодня много прошли. Не пора ли поспать?

Он бросил на меня косой взгляд.

– Скоро лягу.

– Ладно, как скажешь. Я оставлю тебе местечко.

– Келси, я думаю, будет лучше, если я лягу с другой стороны костра. Здесь тепло, теперь ты и одна не замерзнешь.

Я с любопытством посмотрела на него.

– Это так, но в мешке все равно полно места, и я обещаю, что не буду храпеть.

Он издал нервный смешок.

– Дело не в этом. Просто… Слушай, здесь я все время остаюсь человеком, поэтому мне нелегко спать с тобой и не… не обнять тебя. Одно дело – спать с тобой в образе тигра, но совсем другое – будучи полноценным мужчиной.

– Ну да, конечно. – Теперь пришла моя очередь нервничать. – Но тогда… м-м-м… Не хочешь забрать спальник? У меня есть одеяло.

– Не надо. Я обойдусь и так, *билаута*.

Через несколько минут он улегся с другой стороны от костра. Поворочался, закинул руки за голову и попросил:

– Расскажи мне еще какой-нибудь греческий миф.

– Ладно. – Я ненадолго задумалась. – Жила-была очень красивая нимфа по имени Хлорида, которая заботилась о цветах и приводила на землю весну, повелевая почкам на цветах и деревьях поскорее раскрыться. Ее длинные светлые волосы пахли

розами и были убраны гирляндами цветов. Ее кожа была нежнее цветочных лепестков. Ее полные губы были цвета розовых пионов, а щеки – нежнейшего оттенка орхидей. Все любили Хлориду, но она тосковала по спутнику, по мужчине, который разделит ее любовь к цветам и придаст ее жизни более глубокий смысл.

Однажды вечером, когда нежная Хлорида ухаживала за душистыми белыми каллами, она вдруг почувствовала, как легкий ветерок тронул ее волосы. Какой-то мужчина вошел в ее сад и остановился, залюбовавшись цветами. Он был высок и красив, с черными, рассыпанными ветром волосами и в длинном пурпурном плаще. Мужчина не сразу заметил Хлориду, и она, спрятавшись за увитой плющом беседкой, украдкой разглядывала гостя, прогуливавшегося среди цветов. Нарциссы приветливо поднимали свои белые головки при его приближении. Когда гость наклонился над розовым кустом и взял в руки бутон, чтобы вдохнуть его аромат, цветок доверчиво распустился в его ладонях. Лилии взволнованно трепетали, когда мужчина дотрагивался до них, тугие тюльпаны склоняли перед ним свои длинные стебли.

Хлорида очень удивилась. До сих пор ее цветы признавали только свою хозяйку! Но она своими глазами видела, как душистая лаванда пыталась обвиться вокруг ног незнакомца, когда он проходил мимо. Хлорида скрестила руки на груди и недовольно посмотрела на свои цветы. Гладиолусы вообще повели себя возмутительно – они распустились все разом, а не по одному, как им было положено, а разноцветные головки душистого горошка нетерпеливо подпрыгивали, пытаясь привлечь внимание гостя. Хлорида тихо ахнула, заметив, что флокс так тянется вверх, что едва не выскакивает из земли.

– Довольно! – не выдержав, воскликнула она. – Вы ведете себя просто неприлично!

Незнакомец обернулся и заметил ее среди зеленого плюща.

– Выйди ко мне, дева, – сказал он. – Я не причиню тебе зла.

Хлорида вздохнула, раздвинула ветки и босая вышла на солнечный свет, купая пальчики ног в мягкой траве.

Легкий ветерок пролетел по саду, когда гость втянул в себя воздух. Ибо та, что предстала перед ним, была еще прекраснее цветов, которыми он пришел полюбоваться. В тот же миг он воспылал к ней любовью и упал на колени. Хлорида велела ему подняться. Он послушался, и тогда теплый ветер всколыхнул полы его плаща, развернул его и укрыл обоих в широких лиловых складках. Хлорида засмеялась, взяла руку гостя, повернула ее ладонью вверх и вложила в нее серебристую розу. Тот с улыбкой оборвал с нее все лепестки, пустив их по ветру.

Сначала Хлорида огорчилась, но незнакомец описал пальцем круг в воздухе, и лепестки вихрем закружились вокруг них. Хлорида в восторге захлопала в ладоши, любуясь танцем лепестков.

– Кто ты? – спросила она.

– Меня зовут Зефир, – ответил ее гость. – Я западный ветер. – Он протянул ей руку. Хлорида робко дотронулась до его ладони, а он с улыбкой притянул ее к себе и поцеловал. Потом провел пальцами по нежной щеке Хлориды. – Долгие столетия я странствую по миру, но никогда еще не встречал девы красивее тебя. Прошу тебя, скажи, как тебя зовут?

Вспыхнув, она ответила:

– Хлорида.

Тогда Зефир взял ее маленькую ладошку в свою руку и поклялся:

– Я вернусь следующей весной, Хлорида. Я хочу взять тебя в жены. Если, конечно, ты согласна.

Хлорида стыдливо кивнула. Тогда он поцеловал ее снова, и пурпурный плащ заклубился вокруг них, словно волны.

– Тогда жди меня через год, моя нежная Хлорида, богиня цветов.

Ветер подхватил его и унес прочь.

Целый год Хлорида готовилась к возвращению своего возлюбленного. Ее сад стал еще прекраснее, чем раньше, а цветы – еще счастливее. Стоило Хлориде подумать о Зефире, как поцелуй ветра касался ее зардевшейся щеки. Следующей весной Зефир вернулся к своей нареченной, ждавшей его в прекрасном саду. Они поженились среди цветов. Их брак оказался счастливым. Хлорида ухаживала за садом, а ее супруг каждую весну бережно рассыпал цветочную пыльцу над землей.

Их сад был самым красивым на свете, и люди со всего мира приходили полюбоваться им. Супруги нежно любили друг друга, и любовь их не ослабевала с годами. У них родился мальчик, которого назвали Карпос, что в переводе означает «плод»…

Я помолчала.

– Кишан?

Из-за костра послышалось негромкое похрапывание. Уснул, что ли?

– Ну вот, а мне казалось, что это очень красивый миф! – прошептала я. – Спокойной ночи, Кишан.

На следующее утро я проснулась от того, что кто-то громко чавкал у меня над ухом. Я подняла глаза и увидела кого-то очень высокого, желтого и с черными пятнами.

– Ой, Кишан, – зашипела я. – Проснись!

– Да я давно не сплю и все вижу, Келс. Не бойся. Он тебя не обидит.

– Да это ведь жираф!

– Ну да. Тут еще в роще гориллы шастают.

Я осторожно перевернулась и в самом деле увидела семейку горилл, обрывающих плоды с дерева.

– Они на нас не бросятся?

– Они ведут себя совсем не так, как обычные гориллы, но лучше в этом убедиться наверняка. Сиди тут, никуда не уходи.

Он скрылся в роще, но тут же вернулся обратно, уже в образе тигра. Я молча смотрела, как Кишан подходит к жирафу. Высоченный зверь с любопытством посмотрел на него, моргая длинными ресницами, а потом спокойно продолжил ощипывать листья с ветки дерева. Тогда Кишан направился к гориллам, но и с ними повторилась та же история. Они заметили его, осмотрели и даже обменялись мнениями друг с другом. А потом снова принялись за свой завтрак, их не насторожило даже то, что Кишан почти вплотную подошел к их детенышу.

Он снова превратился в человека и пристально уставился на горилл.

– Хм-м. Очень любопытно. Они меня совсем не боятся.

Я встала и начала собирать наши вещи.

– Мне кажется, ты где-то потерял свою походную одежду. Ты снова в черном, мистер Тигр.

– Нет, не потерял. Я оставил ее в роще. Сейчас принесу.

После завтрака мы отправились к большому сооружению, которое заметили накануне. Насколько можно было разглядеть издалека, это было нечто огромное, деревянное и на вид очень старое. Внутрь вел длинный деревянный пандус. Когда мы подошли ближе, я с удивлением воскликнула:

– Да это же корабль!

– Нет, Келс, я так не думаю. Для корабля он слишком большой.

– Да нет же, Кишан, это точно корабль! Я думаю, это ковчег!

– Что?

– Ковчег – ну, Ноев ковчег, помнишь? Вспомни, что мистер Кадам рассказывал нам о мифологии, связанной со Всемирным потопом! Так что если это действительно та гора, к которой пристал Ной, то там должны быть остатки его ковчега. Идем же скорее!

Мы подошли к циклопической деревянной конструкции и заглянули внутрь. Я хотела залезть туда и все осмотреть, но Кишан предостерег меня:

– Не торопись, Келс. Древесина могла прогнить, далеко ли до беды? Давай-ка сначала я сам туда влезу и проверю, что да как.

С этими словами он скрылся в черных недрах корпуса и через несколько минут вылез обратно.

– Кажется, там безопасно, но лучше держись за мной, договорились?

Я влезла следом за ним. Внутри было темно, но на месте обрушившихся палубных досок зияли зазубренные дыры, через которые внутрь попадал солнечный свет. Я ожидала увидеть стойла, в которых содержались животные, но ничего подобного внутри не обнаружилось. В ковчеге было несколько уровней, соединенных между собой деревянными лестницами, но Кишан сказал, что подниматься по ним слишком опасно. Я вытащила фотоаппарат и сделала несколько снимков для мистера Кадама.

Когда мы выбрались из деревянной руины, я сказала:

– Слушай, Кишан, я тут подумала… Мне кажется, что Ноев ковчег в самом деле пристал здесь, а все звери, которых мы встретили, – дальние потомки тех тварей, которых он взял с собой. Вот почему они ведут себя так необычно. Они просто никогда не жили в другом мире.

– Даже если животные живут в раю, это еще не значит, что у них нет инстинктов, – возразил Кишан. – Инстинкты очень сильны, Келси. Инстинкты защиты своей территории, добывания пищи и… – он в упор посмотрел на меня, – поиска самки могут полностью подчинить себе поведение животного.

Я откашлялась.

– Ну, хорошо. Но еды здесь вдоволь, как и, – я помахала рукой в воздухе, – самок.

Он вскинул бровь.

– Возможно. Но откуда ты знаешь, что тут всегда бывает так, как сейчас? Может быть, зимой тут все иначе?

– Возможно, хотя вряд ли. Я видела тут цветы, которые расцветают только весной, и цветы, которые цветут осенью. Это странно, не находишь? Тут словно собрано все лучшее, что есть на свете. И звери тут все красивые и выглядят сытыми.

– Да, но мы пока не встретили ни одного хищника.

– Это верно. Нужно смотреть в оба.

Я вытащила тетрадь и записала все, что мы видели. Это место было очень похоже на рай, и кажется, мы с Кишаном были тут единственными людьми. Воздух был напоен свежими ароматами цветов, яблок, лимонов и травы. Было тепло, температура тут поддерживалась идеальная – не слишком жарко, но и не чересчур прохладно.

Земля была похожа на ухоженный сад. Ни одного сорняка,

сколько ни ищи. Ясное дело, в живой природе такого не бывает, здесь явно чувствовалась рука опытного садовника! Мы нашли прелестное птичье гнездышко с крапчатыми голубыми яйцами. Завидев нас, птичья семья весело защебетала и нисколько не встревожилась, когда мы подошли ближе, чтобы рассмотреть яйца.

Я старательно записывала в тетрадь всех зверей, которые встречались нам по пути. К вечеру в моем списке было уже несколько сотен различных животных, которые, насколько мне было известно, обитали в самых разных уголках земли, – слоны, верблюды и даже кенгуру весьма мирно уживались тут друг с другом! Вечером мы увидели первых хищников – львиную стаю. Кишан почуял их за целую милю, и мы решили осторожно подойти ближе, чтобы присмотреться. Кишан заставил меня забраться на дерево и ждать там, пока он будет знакомиться с хищниками. Когда он вернулся, на лице его было написано полное недоумение.

– Рядом с львиным прайдом пасется большое стадо антилоп, почти бок о бок, представляешь? Я увидел, что львица ест что-то красное, и решил, что она лакомится мясом, но оказалось – это фрукты! Здешние львы питаются яблоками!

Я полезла вниз. Кишан обхватил меня за талию и без труда поставил на землю.

– Ага! Значит, моя теория получила блестящее подтверждение! Здесь настоящий Эдем. Эти животные не охотятся.

– Похоже, ты оказалась права. Но все-таки, на всякий случай, я предлагаю держаться подальше от этих львов.

Через какое-то время мы повстречали других хищников – волков, пантер, медведей и даже тигра! Ни один из них не проявил к нам никакой враждебности. А волки и вовсе вели себя, как щенки, они обступили нас со всех сторон, требуя почесываний и поглаживаний.

– Вот чудеса! – пробурчал Кишан. – Меня это нервирует.

– Я понимаю, о чем ты, но мне… мне это нравится. Как бы я хотела, чтобы Рен тоже побывал здесь!

Кишан не ответил, но заторопил меня поскорее оставить волков и идти дальше.

Уже спустились сумерки, когда мы набрели на лесную поляну, белую от нарциссов. Мы начали разбивать лагерь, когда я услышала в зарослях чарующую мелодию флейты. Мы с Кишаном застыли. Это было первое свидетельство присутствия человека в этом загадочном месте.

– Что будем делать? – спросила я.

– Я схожу, посмотрю.

– Нет, давай пойдем вместе.

Кишан пожал плечами, и я пошла за ним. Следуя за волшебными звуками незамысловатой, протяжной мелодии, мы вскоре увидели музыканта – он сидел на камне возле ручья, играя на простой тростниковой свирели. Он держал ее двумя руками, прижав к полуоткрытым губам, и тихонько дул в отверстия трубочек. Когда мы робко приблизились, музыкант прекратил играть и улыбнулся нам.

У него были ярко-зеленые глаза цвета лесной листвы и красивое лицо. Серебристые волосы длиной чуть ниже плеч свободно падали ему на спину. На макушке из-под серебряных прядей выглядывали два небольших замшевых рога бурого цвета, похожих на рожки молодого олененка. Ростом загадочный музыкант был чуть ниже среднего человека, а кожа у него была белой с едва заметным сиреневым оттенком. Он был босиком и в штанах, сшитых из замши или похожего материала. Сверху на нем красовалась просторная рубаха цвета спелого граната, с длинными рукавами.

Незнакомец повесил свирель себе на шею и посмотрел на нас.

– Здравствуйте.

– Привет, – настороженно ответил Кишан.

– Я ждал вас. Мы все вас ждали.

– Кто «мы»? – полюбопытствовала я.

– Ну, прежде всего я. А еще все сильваны и феи.

Кишан озадаченно переспросил:

– И вы все нас ждали?

– О да, еще бы! Очень долго ждали. Но вы, должно быть, устали с дороги. Идите за мной, я отведу вас туда, где вы сможете отдохнуть.

Но Кишан не тронулся с места. Тогда я вышла из-за его спины.

– Привет. Меня зовут Келси.

– Приятно познакомиться, Келси. А я – Фавн.

– Фавн? Кажется, я уже слышала это имя.

– Неужели?

– Да! Вы – Пан!

– Пан? О нет, вы ошибаетесь. Я – Фавн. По крайней мере, так меня называют в семье. Идемте.

Он встал, перепрыгнул через камень и побежал в лес по вьющейся каменной тропке. Я повернулась и взяла Кишана за руку.

– Идем. Я ему доверяю.

– А я нет.

Я сжала его руку и прошептала:

– Да брось, все нормально. Уверена, ты к нему привыкнешь.

Кишан ответил на мое пожатие и покорно зашагал за мной следом за нашим провожатым.

Мы прошли через рощу и вскоре услышали впереди переливчатый смех. Когда мы приблизились к поселку, я поняла, что этот смех совершенно не похож на звуки, издаваемые людьми, он был просто не от мира сего.

– Фавн, скажи… а кто такие сильваны?

– Лесной народец. Лесные нимфы, или дриады.

– Лесные нимфы?

– Ну да. Разве в вашем мире их нет?

– Нет. У нас и фей нет.

Мне показалось, что он смутился.

– А кто же тогда выходит из ваших деревьев, когда они расщепляются?

– Никто, насколько мне известно. Честно говоря, я вообще никогда не видела, чтобы дерево расщеплялось, разве что от удара молнии или если его рубят.

Он остановился как вкопанный.

– Ваш народ… рубит деревья?

– В моей стране? Ну да, конечно.

Фавн печально покачал головой.

– Какое счастье, что я живу здесь! О, бедные ваши деревья! Страшно представить, как это скажется на будущих поколениях!

Я переглянулась с Кишаном, который едва заметно качнул головой, и мы пошли дальше.

К этому времени уже совсем стемнело. Мы прошли под широкой аркой, увитой тысячами мелких ползучих роз всех цветов и оттенков, и очутились в деревне сильван. Блестящие фонари свисали с вьющихся стеблей, оплетавших самые большие деревья, которые мне доводилось видеть в жизни. Внутри стеклянных домиков-фонарей порхали крохотные разноцветные огоньки – розовые и бирюзовые, серебристые и оранжевые, желтые и фиолетовые. Присмотревшись получше, я поняла, что эти огоньки живые. Это были феи!

– Кишан! Ты посмотри! Они же светятся, как светлячки!

Феи были похожи на больших бабочек, но, приглядевшись, я поняла, что свет исходил совсем не от их тел. Мягкое свечение излучали разноцветные крылышки, которые медленно открывались и закрывались, стоило воздушным феям присесть на деревянную жердочку в фонаре.

– А это… – Я ткнула пальцем.

– Цветные фонарики? – с полуслова понял меня Фавн. – Да,

наши феи по вечерам работают осветителями, у них двухчасовые смены. Но вы не подумайте плохого, они с радостью выполняют эту обязанность, ведь она помогает им бодрствовать. Вы же знаете, что если фея засыпает, ее свет гаснет?

– Вот как, – промямлила я. – Конечно.

Фавн повел нас дальше в глубь поселка. Небольшие домики, сплетенные из волокнистых вьющихся растений, стояли вокруг полянки, поросшей изумрудной травой. Центральная часть лужайки служила местом для общих торжеств. За каждым домиком росло огромное дерево, исполинские стволы вздымались высоко в небо, а могучие ветви, раскидываясь во все стороны, сплетались друг с другом, образовывая нечто вроде прелестной зеленой беседки вокруг сказочного поселка.

Фавн приложил к губам свирель и заиграл веселую мелодию. Невысокие, гибкие и стройные создания стали выбегать из своих домиков, спрыгивать из укромных мест в густой кроне деревьев.

– Идите сюда! Идите и поприветствуйте тех, кого мы так долго ждали! Это Келси, а это Кишан. Встречайте же их!

Сияющие лица окружили нас со всех сторон. Все жители поселка оказались зеленоглазыми и среброволосыми, как Фавн. Это были очень красивые мужчины и женщины в струящихся одеждах из легких, как паутинка, переливающихся тканей ярких оттенков бесчисленных цветов, росших в поселке.

Фавн повернулся ко мне:

– Чего бы вам хотелось в первую очередь – принять ванну или поужинать?

Удивленная, я все же ответила:

– Пожалуй, ванну. Если можно.

Он поклонился.

– Конечно! Антракия, Фиала и Деиопея, проводите Келси в женскую купальню!

Три прелестные сильваны отделились от толпы и смущенно приблизились ко мне. Две их них взяли меня под руки, а третья повела нас с поляны в сторону леса. Кишан проводил меня хмурым взглядом, ему явно не нравилось то, что нас разделили, но я подозревала, что очень скоро его тоже проводят, только в другую сторону.

Женщины-сильваны были ростом чуть поменьше Фавна и примерно на голову ниже меня. Они провели меня по тропинке, очаровательно освещенной разноцветными трудолюбивыми феями, и вскоре мы очутились возле круглого, погруженного в землю пруда, наполнявшегося из маленького, но бойкого ручейка. Вода без устали струилась по каскаду камней, а затем рушилась в пруд, поднимая облако мелких, почти невидимых брызг.

Получалось нечто вроде бесконечного фонтана с широким раструбом.

Мои провожатые сняли с меня рюкзак и исчезли, а я с наслаждением стащила с себя одежду и вошла в пруд. Поразительно, но вода оказалась теплой! Длинный, утопленный в воду камень, слишком удобный, чтобы иметь натуральное происхождение, служил надежной ступенькой при спуске и прекрасным сиденьем для купальщика. Когда я намочила волосы, три нимфы вернулись, неся с собой чаши с душистыми жидкостями. Они предложили мне выбрать аромат по вкусу, а когда я справилась с этим заданием, вручили упругий комок мха, заменявший натуральную губку. Зачерпнув душистое мыло, я стала соскребать с себя грязь, а нежная Фиала в это время намылила мои волосы тремя разными составами, заставляя смывать каждый под водопадом.

Фонарики фей лили теплый свет на купальню. Когда я вышла из пруда, а нимфы заботливо обернули мое тело и волосы в мягкие ткани, намытая кожа на голове и теле приятно пощипывала, и я чувствовала себя освеженной и отдохнувшей. Пока Антракия натирала меня душистым маслом, Фиала занялась моими волосами. Деиопея ненадолго исчезла, а затем вернулась с прекрасным воздушным платьем цвета морской волны, от ворота до подола затканным мерцающими цветами.

Я робко дотронулась до него.

– Какая прелесть! А вышивка просто чудесная, цветы кажутся настоящими!

Деиопея прыснула.

– Так они и есть настоящие!

– Не может быть! Как же вы их сюда пришили?

– Мы их не пришивали. Мы их вырастили. Мы попросили их стать частью платья, и они согласились.

– Тебе не нравится? – спросила Антракия.

– Что вы! Ни в коем случае! Еще как нравится! Я буду счастлива надеть это!

Три нимфы заулыбались и довольно защебетали, одевая меня. Закончив, они поднесли мне серебряное зеркало в овальной раме с резьбой в виде вьющихся цветов.

– Что скажешь, Келси? Тебе нравится, как ты выглядишь?

Я уставилась на ту, что отражалась в зеркале.

– Это я?

Они залились переливчатым смехом, будто колокольчики зазвенели.

– Да-да, конечно-конечно, это ты.

Я стояла, не в силах отвести глаз. У босой женщины,

смотревшей на меня из зеркальной глубины, были большие миндалевидные карие глаза и нежно-розовая кожа, светившаяся здоровьем. Присмотревшись, я увидела, что мои глаза были искусно подчеркнуты блестящими зелеными тенями, а ресницы стали длинными и черными. Мои губы сияли яблочно-красным блеском, а на обычно бледных щеках заиграл розовый румянец. Сине-зеленое платье в греческом стиле льстиво увеличивало все изгибы и округлости моей фигуры. Оно было собрано вокруг моих плеч, а от подчеркнутой талии ниспадало вниз длинными складками. Мои распущенные волосы волнами сбегали по спине, заканчиваясь чуть выше талии. И когда это они успели так сильно отрасти? Длинные черные пряди были убраны цветами и разноцветными крылышками бабочек. Ой, нет! Крылышки слегка встрепенулись. Это были феи, удерживающие на местах вьющиеся локоны моих волос.

– О! Право, не стоит им сидеть у меня в волосах! Наверное, у них полно своих дел.

Фиала покачала головой.

– Пустяки. Они польщены тем, что им позволено украшать локоны такой красавицы, как ты. Они говорят, что у тебя мягкие и красивые волосы, и они нежатся в них, словно в облаке. Наши феи счастливы, когда могут быть полезны. Пожалуйста, не прогоняй их.

– Ну ладно, – улыбнулась я, – но только на время ужина!

Три нимфы немного пошушукались и поколдовали надо мной еще несколько минут, после чего наконец остались вполне довольны моим внешним видом. Мы отправились обратно в поселок. Перед тем как выйти на луг, Деиопея вручила мне букет душистых цветов и велела не выпускать его из руки.

– Это… Надеюсь, я не выхожу замуж и ничего такого? – на всякий случай уточнила я.

– Замуж? – защебетали нимфы. – Нет-нет-нет, но почему ты спрашиваешь?

– Ты хочешь выйти замуж? – спросила Фиала.

Я отмахнулась.

– Ох, нет, забудьте. Просто красивое платье и букет цветов навели меня на такие мысли.

– В твоей стране есть такой обычай?

– Да.

Деиопея прыснула в кулачок.

– Ах, но если ты все-таки передумаешь и захочешь замуж, то знай, что твой жених очень-очень красивый!

Три нимфы, заливаясь хрустальным смехом, указали мне на трапезный стол, за которым с грустным видом сидел Кишан. Мои

спутницы бросились к столу и исчезли в толпе сребровласых сородичей. А я вынуждена была признать, что Деиопея не ошиблась. Кишан был очень красив. Сильваны нарядили его в белые брюки и синюю рубашку из той же тончайшей ткани, что и мое платье. Он тоже был босиком. Я невольно рассмеялась, глядя, как он растерянно косится на сильван, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Должно быть, он услышал мой смех, потому что вскинул голову и всмотрелся в толпу. Вот его глаза остановились на мне, но тут же скользнули дальше, продолжая искать кого-то. Он меня не узнал! Я снова засмеялась, его глаза снова вернулись ко мне – и застыли. Медленно поднявшись из-за стола, Кишан направился в мою сторону. Улыбаясь до ушей, он осмотрел меня с головы до ног и вдруг оглушительно расхохотался.

– Над чем это вы смеетесь, мистер? – раздраженно прошипела я.

Он взял мои ладони в свои, заглянул мне в глаза.

– Ни над чем, Келси. Ты самое пленительное создание, которое я видел в своей жизни.

– Вот как… Спасибо. Но почему тогда ты смеешься?

– Я смеялся, потому что мне повезло увидеть тебя такой и быть с тобой в раю, в то время как мой братец Рен был вынужден удирать от макак и драться с колючими деревьями. Выходит, мне хоть в чем-то повезло больше!

– Так оно и есть, по крайней мере, пока. Но я запрещаю тебе дразнить его этим.

– Смеешься, что ли? Я собираюсь сфотографировать тебя, чтобы потом во всех подробностях описывать ему наше путешествие. Так что стой тут, никуда не уходи! – Он убежал и тут же вернулся с фотоаппаратом.

Я нахмурилась.

– Кишан!

– Не спорь, Рен непременно захочет увидеть эту фотографию! Можешь мне поверить. Ну-ка, улыбочку! И цветочки повыше!

Он сделал несколько снимков, потом убрал фотоаппарат в карман и взял меня за руку.

– Ты очень красивая, Келси.

Я вспыхнула от его комплимента, но мною вновь овладела печаль. Я думала о Рене. Ему бы здесь понравилось. Это место было похоже на ожившую сцену из «Сна в летнюю ночь». Рен был бы прекрасным Обероном для меня – Титании.

Кишан дотронулся до моего лица.

– Грусть вернулась. Это разбивает мне сердце, Келс. – Он наклонился и нежно поцеловал меня в щеку. – Надеюсь, вы

окажете мне честь быть моей спутницей за ужином, *апсарас раджкумари*?

Я решила прогнать грусть и улыбнулась ему.

– Да. С условием, что ты переведешь, как ты меня назвал.

В его золотистых глазах заплясали искорки.

– Я назвал тебя принцессой, точнее – прекрасной принцессой.

Я рассмеялась.

– Как же тогда назвать тебя?

– Прекрасным принцем, разумеется! – Он подхватил меня под руку и повел к столу. Фавн сел напротив нас, рядом с очаровательной сильваной.

– Могу я представить вас нашей правительнице?

– Конечно! – ответила я.

– Келси и Кишан, познакомьтесь с Дриопой, королевой сильван.

Королева грациозно склонила головку, улыбнулась и воскликнула:

– Пришло время пиршества! Приятного аппетита, друзья мои.

У меня даже глаза разбежались. Блюда с рассыпчатым печеньем и медовыми кексами соседствовали с кружевными пирожными, увенчанными пышными шапками белых меренг, а также розетками со всевозможным ягодным вареньем, миниатюрными пирожками на один укус и коричными блинчиками. В конце концов я остановила свой выбор на щедрой порции салата из одуванчиков с сухофруктами и лаймовой заправкой, а к нему набрала целую гору аппетитных крекеров с яблоками, луком и грибами под корочкой из запеченного стилтонского сыра. Еще нас потчевали чем-то очень похожим на рождественский пудинг, тыквенными кексами с начинкой из сливочного сыра, нежными булочками с маслом и разнообразными фруктово-ягодными желе и джемами.

Все это запивалось медвяным цветочным нектаром и арбузной газировкой. Кишан предложил мне фруктовую закуску. Это была крошечная марципановая корзиночка со свежей малиной, украшенная взбитыми сливками. Вообще, вся еда на столе была миниатюрной, за исключением последнего блюда – гигантского слоеного клубничного торта. Алая глазурь стекала по краям белого многоэтажного шедевра, проложенного слоями сладких красных ягод и пышного заварного крема. Вершину торта украшали пики взбитых сливок, посыпанных сахарной пудрой, а запивать его предлагалось молоком.

Когда мы наелись до отвала, я наклонилась к Кишану и прошептала:

– Никогда не думала, что вегетарианская еда может быть

такой вкусной!

Он со смехом положил себе еще один кусок торта.

Я промокнула губы салфеткой.

– Послушайте, Фавн. Можно я задам вам один вопрос?

Он кивнул.

– Мы нашли руины ковчега. Вам что-то известно о Ное и животных, которые живут здесь?

– О да! Вы говорите о корабле? Да, мы видели, как большой корабль пристал к нашим горам и из него вышли животные всех видов. Многие из них сразу же покинули наше царство и ушли в ваш мир, включая людей, бывших на корабле. Некоторые животные решили остаться. Были и те, кто оставил поколения потомков в вашем мире, а затем вернулся сюда. Мы позволили им всем жить здесь при условии, что они будут соблюдать закон нашей страны – здесь никто не причиняет зла друг другу.

– Это… поразительно.

– Да, удивительно, что столько животных решили вернуться к нам. Обрести здесь мир и счастье.

– Как и мы. Фавн… мы ищем предмет, который называется омфалом, или краеугольным камнем. Пупом земли. Вы что-нибудь знаете о нем?

Все сильваны отрицательно покачали головами, а Фавн ответил:

– Нет. Боюсь, мы никогда не слышали о таком камне.

– А об исполинском дереве высотой в тысячу футов?

Он задумался ненадолго, потом покачал головой.

– О, нет. Если на свете и существуют такое дерево и такой камень, то они находятся за пределами нашего царства.

– То есть в том мире, откуда мы пришли?

– Не обязательно. В этом мире есть территории, на которые не распространяется наша власть. До тех пор пока вы находитесь под защитой наших деревьев, вам ничто не угрожает, но за их пределами мы уже не сможем вас защитить.

– Понятно, – пробормотала я, огорченно откидываясь на спинку своего стула.

Но лицо Фавна вдруг просветлело.

– Возможно, вы получите ответы на свои вопросы, если проведете ночь в Роще сновидений. Это особое место для всех сильван. Если нас тревожит трудный вопрос, который требует немедленного разрешения, или же нам нужен совет, мы ложимся спать в этой роще и либо находим ответ на утро, либо во сне прозреваем будущее и понимаем, что тревоживший нас вопрос отнюдь не был столь важен, как нам казалось.

– Пожалуйста, можно мы тоже попробуем?

– Конечно! Мы вас проводим.

Группка сильван оживленно защебетала на другом конце стола.

– Сколь знаменательно, что вы пришли к нам именно сейчас! – воскликнул Фавн, прислушавшись к их разговору. – Одно из наших деревьев расщепилось! Идите за нами, Келси и Кишан! Идите и своими глазами увидьте рождение дриады!

Кишан взял меня под руку, и Фавн повел нас к одному из домиков, за которым росло дерево. Все жители поселка уже ждали нас там, негромко выводя какую-то монотонную мелодию без слов.

Фавн шепотом пояснил нам:

– Эти деревья много старше вашего Ноя и его ковчега с животными. Они дали жизнь бесчисленным поколениям сильван. Каждый дом, который вы видите здесь, построен возле семейного дерева. Это означает, что все живущие в таком доме приходятся прямыми потомками материнского древа, растущего позади него. Кажется, уже скоро. Посмотрите вверх. Видите, как другие деревья помогают своей сестре?

Запрокинув голову, я уставилась в густую крону, и мне в самом деле показалось, будто ветви соседних деревьев крепко сжимают лиственные пальцы своей соседки, напружившейся рядом. Дерево поскрипывало и постанывало, листья мелко трепетали над нашими головами.

Древесные нимфы не сводили глаз с большого, бугристого узла, набухшего под одной из нижних веток дерева. Вот ветка задрожала, и все дерево всколыхнулось. Еще несколько напряженных секунд мы все, затаив дыхание, прислушивались к утробному рокоту внутри ствола и следили за его сокращением и растяжением, столь медленным, что я бы никогда его не заметила, если бы не смотрела специально, и вот наконец нижняя ветка с оглушительным треском отломилась!

Нимфы перестали петь, тишина воцарилась на поляне. Сломанная ветка висела на лоскуте коры, касаясь земли возле наших ног. В том месте, где ветка только что соприкасалась со стволом, теперь торчала маленькая серебристая макушка.

Группка сильван приблизилась к дереву и ласково заворковала над младенцем, покоившимся в дереве. Они вытащили его, завернули в одеяльце. Затем одна из сильван высоко подняла сверток над головой и объявила:

– Мальчик!

Толпа разразилась радостными возгласами, а счастливая семья скрылась в доме вместе с новорожденным. Другая группка сильван бережно отделила все еще содрогавшуюся ветвь от

дерева и смазала густым бальзамом овальную рану, оставшуюся на ее месте.

Сильваны принялись кружить вокруг дерева, а крохотные феи, взлетев над кроной, озарили ветви огоньками своих трепещущих крылышек. Когда праздник закончился, было уже очень поздно.

Фавн повел нас в Рощу сновидений, и по дороге я спросила его:

– Теперь мы знаем, откуда произошли сильваны, а как же феи? Они тоже рождаются из деревьев?

Фавн рассмеялся.

– О, нет! Феи появляются на свет из роз! Когда цветы отцветают, мы ожидаем плодов. Появляется бутон, растет, набухает, а в урочный час из него на свет выпархивает фея с крылышками того же цвета, что ее цветок.

– А вы бессмертные? Вы живете вечно?

– Нет. Мы не бессмертны, хотя живем очень долго. Когда сильван умирает, его тело хоронят под корнями материнского дерева, чтобы его воспоминания стали достоянием следующих поколений. Феи же умирают, только если погибает их розовый куст, так что они живут очень долго, хотя пробуждаются к жизни только по вечерам. Днем они спят в цветах, превращаясь в утреннюю росу. Но вечером наши маленькие спутницы вновь превращаются в фей. Ну, вот мы и пришли в Рощу сновидений.

Он привел нас в поистине укромный уголок. Больше всего это место было похоже на сказочный гостиничный номер для новобрачных. Между стволов высоких деревьев на крепких виноградных лозах висело устланное листьями ложе. С каждого угла его свисали плетеные корзинки с душистыми цветами. Тончайшее постельное белье было покрыто вышивкой в виде вьющихся лоз и листьев, а стайка маленьких фей, сопровождавших нас, тут же заняла свое место в светильниках.

– Четыре дерева, образующих эту беседку, растут строго по сторонам света – север, юг, запад и восток. Лучшие сны приходят, если спать головой на запад, чтобы проснуться вместе с солнцем, встающим на востоке. Удачи и хороших сновидений! – Он улыбнулся и оставил нас, прихватив с собой двух фей, чтобы освещать дорогу.

Я смущенно переступила с ноги на ногу.

– Э-э-э… как-то это немного неудобно.

Кишан смотрел на кровать, как на смертельного врага. Потом повернулся ко мне и галантно поклонился.

– Не вижу никаких причин для беспокойства, Келси. Я буду спать на земле.

– Ну, хорошо. Только… э-э-э… что, если сон предназначается именно тебе?

– В этом случае он найдет меня и под кроватью.

– Я, конечно, не могу знать наверняка, но мне кажется, что ты должен лечь со мной.

Он окаменел.

– Хорошо. Только спать будем спина к спине.

– Договорились.

Я первая забралась на постель и тут же утонула в мягчайших перинах и подушках. Кровать мягко покачивалась, как гамак. Кишан что-то раздраженно бормотал себе под нос, укладывая рюкзак. До меня доносились только обрывки фраз. Кажется, там было что-то насчет «прекрасной принцессы», а также горестные сетования на тему, «как мне теперь прикажете спать» и «пусть Рен только попробует не оценить!». Подавив смешок, я перекатилась на бок. Рен набросил на меня тончайшее покрывало, и я почувствовала, как кровать всколыхнулась под тяжестью его тела.

Легкий ветерок пошевелил мои волосы, и я услышала сбоку недовольный голос Кишана:

– Убери свои волосы на свою половину, Келс. Щекотно!

– Извини, – прыснула я.

Потом перебросила волосы через плечо. Кишан продолжал шипеть, кажется, насчет того, что «это больше, чем может вынести мужчина», и осторожно ворочаться на своем месте. Я быстро уснула, и всю ночь мне снились очень яркие сны о Рене.

В одном сне он не узнал меня и отвернулся. В другом он был счастлив и смеялся. Мы снова были вместе, он прижимал меня к себе и шептал на ухо, как сильно меня любит. Еще мне приснилась длинная веревка, объятая пламенем, и ожерелье из черных жемчужин. В каком-то сне мы с Реном плавали под водой в окружении проказливых стаек разноцветных рыбок.

Все сны были очень яркими и четкими, но ни в одном из них не было и намека на краеугольный камень. Я проснулась с тяжелым сердцем и обнаружила, что лежу нос к носу с Кишаном. Во сне он обнял меня, его голова лежала на моих волосах, прижимая меня к кровати.

Я затрясла его за плечо.

– Кишан. Кишан! Вставай!

Он очнулся, но не полностью, и сгреб меня в охапку.

– Ш-ш-ш, давай спать. Еще не рассвело.

– Еще как рассвело! – заявила я, пихнув его в ребра. – Пора вставать. Ну же, просыпайся!

– Ладно, милая, но сначала поцелуй. Мужчине требуется мотивация, чтобы выбраться из теплой постели.

– Насколько мне известно, мотивация такого рода как раз удерживает мужчину в постели! Не собираюсь я тебя целовать. Вставай сейчас же!

Он резко проснулся. Смущенно замычал и потер глаза.

– Келси? Это ты?

– Да, это Келси. А тебе кто снился? Дурга?

Он вдруг оцепенел и моргнул, потом еще раз.

– Это не твое дело, – неожиданно резко ответил он. – Но, к твоему сведению, мне снился омфал.

– Тебе? И где же он?

– Я не могу точно описать. Мне придется отвести тебя туда.

– Ладно. – Я спрыгнула с кровати и натянула платье.

Кишан окинул меня зорким взглядом и заметил:

– Сейчас ты красивее, чем вчера вечером.

Я только рассмеялась.

– Ну да, конечно! Все-таки странно, что омфал приснился тебе, а не мне.

– Вероятно, ты засыпала с другим вопросом.

Я застыла, разинув рот. Он был прав. Перед сном я совсем не думала о краеугольном камне. Все мои мысли были только о Рене.

Кишан с нескрываемым любопытством разглядывал меня.

– Так что же приснилось тебе, Келс?

– Тебя это не касается. Тоже.

Он прищурился и процедил:

– Забудь. Кажется, я смогу найти дорогу.

С этими словами он зашагал в сторону поселка сильван. Но, не пройдя и половины пути, вдруг резко остановился, повернулся и бросился обратно в Рощу сновидений.

– Я сейчас! – прокричал он мне, обернувшись через плечо. – Забыл кое-что!

Вскоре он вернулся, сияя, как начищенный четвертак, но как я ни приставала к нему с расспросами, мне так и не удалось узнать, что же сделало его таким счастливым.

19
Плохое

Мы позавтракали вместе с сильванами и получили в подарок новую одежду. Нам обоим вручили зеленые рубашки из невесомой ткани-паутинки, брюки цвета хаки с едва заметным отливом и удобные ботинки на плюшевой подкладке. Когда я спросила, кожаная это обувь или нет, добрые сильваны сначала не поняли моего вопроса. Но когда я объяснила, что имела в виду, они были глубоко шокированы таким предположением и напомнили, что в Сильване животным не причиняют никакого вреда. Сильваны сказали, что вся их одежда соткана феями и что на земле нет более красивого, легкого и мягкого материала.

Я искренне с ними согласилась. Сильваны рассказали нам о еще одном удивительном свойстве одежды, сотканной феями: во время путешествия достаточно лишь повесить ее на ветку дерева перед сном, и трудолюбивые феи за ночь вычистят ее, выгладят и починят все, что нуждается в починке. Мы поблагодарили их за подарки и за прекрасное угощение. Когда мы собирались встать из-за стола, Фавн принес новорожденного младенца и сказал:

– Прежде чем вы покинете нас, мы хотели обратиться к вам с одной просьбой. Семья, в которой появился новорожденный, просит вас дать ему имя.

– Вы серьезно? – выпалила я. – А если имя, которое я придумаю, не понравится семье?

– Они почтут за честь принять любое имя, данное вами.

Я не собиралась так быстро сдаваться, но прежде чем успела возразить еще что-нибудь, Фавн положил младенца мне на руки. Два маленьких зеленых глаза уставились на меня из-под мягкого одеяльца. Ребенок был прекрасен. Я бережно покачала его в руках, ласково приговаривая. Потом дотронулась пальцем до крохотного носика, потрогала пушистые серебристые волосенки. Малыш, гораздо более активный, чем человеческие дети его возраста, протянул розовую ручку, схватил меня за волосы и потащил на себя.

Кишан наклонился над свертком и осторожно высвободил прядь моих волос из маленького кулачка. Потом перебросил мои волосы мне через плечо, подальше от цепких ручек. После этого он протянул младенцу руку, и тот ухватил его за палец. Кишан расхохотался.

– Да, хватка у него что надо!

– Это точно, – я подняла глаза на Кишана. – Если ты не

против, я хотела бы дать ему имя Тарак, в честь вашего дедушки.

Золотистые глаза Кишана просияли.

– Думаю, он был бы рад иметь такого тезку.

Когда я сообщила Фавну, что предлагаю назвать малыша Тараком, сильваны разразились радостными возгласами. Тарак сонно зевнул, не проявив никакого интереса к своему новому имени, и стал сосать палец.

Кишан обнял меня за плечи и шепнул на ухо:

– Ты будешь хорошей матерью, Келси.

– В данный момент я скорее добрая тетушка. На-ка. Теперь твоя очередь его держать.

Я передала Кишану малыша, и тот, положив его на согнутый локоть, тихонько закурлыкал на своем родном языке. Я пошла переодеться и причесаться. Когда я вернулась, Кишан укачивал младенца, задумчиво глядя на его маленькое личико.

– Готов к выходу?

Он поднял на меня глаза, лицо его было непривычно нежным.

– Да. Подожди, мне тоже нужно переодеться.

Кишан отдал ребенка семье. Перед тем как уйти, он провел пальцем по моей щеке, улыбаясь каким-то своим мыслям. Его прикосновение показалось мне робким и нежным. Когда он вернулся, мы попрощались с добрыми сильванами, взяли рюкзак, в котором теперь лежало мое прекрасное платье, медовые кексы в дорогу и фляга цветочного нектара, и двинулись на восток.

Кишан, похоже, знал, куда идти, поэтому шагал впереди. Я часто ловила на себе его косые взгляды и каждый раз замечала странную улыбку на его лице. Примерно через час я не выдержала и спросила:

– Что с тобой сегодня? Ты ведешь себя как-то странно!

– Неужели?

– Да. Не хочешь рассказать?

Он ненадолго задумался, потом вздохнул.

– Среди моих снов был один о тебе. Ты полулежала в постели, усталая, но счастливая и очень красивая. И держала на руках темноволосого новорожденного мальчика. Ты назвала его Аник. Это был твой сын.

– О!

Пожалуй, это объясняло, почему он так странно вел себя со мной.

– А там… был кто-то еще со мной?

– Был, но я не смог разглядеть кто.

– Понятно.

– Малыш… Он был похож на нас, Келси. То есть… его отец либо Дирен, либо… я.

«Что?! Я слышала то, что услышала, или мне это показалось?»

Я без труда представила себе хорошенького мальчика с синими глазами Рена, но в следующую секунду глаза поменяли свой цвета, став золотистыми, как аризонская пустыня. Я нервно закусила губу. «Это все совсем нехорошо. Плохой сон, – пронеслось у меня в голове. – Возможно, он означает, что Рен погибнет? И я каким-то образом останусь с Кишаном? Я знаю, что Кишан меня любит, но не могу представить себе никакого будущего, в котором я предпочла бы его Рену. Но что, если у меня не будет такого выбора? Нет, я должна это выяснить!»

– А ты… хм… ты видел глаза малыша?

Кишан помолчал, пристально глядя мне в лицо, потом выдавил:

– Нет. Его глаза были закрыты. Он спал.

– А!

Я быстро зашагала вперед.

Кишан остановил меня, взяв за руку.

– Однажды ты спросила меня, хочу ли я иметь дом и семью. Долгое время был уверен, что без Джесубай мне не нужно ничего этого, но после того, как я увидел тебя во сне такой… с ребенком на руках, я… Да! Я хочу этого. Хочу его. И хочу… тебя. Я увидел его и почувствовал… гордость и ответственность. Я хочу жизнь, которую увидел в этом сне, очень хочу, Келс. И я подумал, что ты должна об этом знать.

Я молча кивнула и поежилась под его взглядом.

– А в твоих снах было что-то такое, о чем ты хотела бы мне рассказать? – спросил Кишан.

Я покачала головой, теребя в пальцах шов на подоле своей рубашки.

– Нет, пожалуй.

Он хмыкнул и, не говоря ни слова, зашагал вперед.

Ребенок? Я всегда хотела иметь семью и быть матерью, но разве я могла подумать, что сразу двое мужчин – пусть родные братья! – будут соперничать за мою любовь? Но если Рен все-таки погибнет… Нет! Сейчас я не буду об этом думать. Он не погибнет! Я сделаю все, чтобы найти Локеша. Я не побоюсь никакой опасности, я пожертвую всем ради Рена!

Мы шли весь день, делая короткие привалы по пути. Признание Кишана неотступно терзало меня всю дорогу. Я не знала, что мне с этим делать. Я не хотела его обижать. К тому же между нами было слишком много нерешенных вопросов. Слова так и рвались у меня с языка, но я не могла найти в себе храбрость первой заговорить об этом.

Это было неправильно.

Мое сердце вопило, что хочет только Рена, но разум напоминал, что мы далеко не всегда получаем желаемое. Как бы сильно я ни хотела вернуть своих родителей, это было невозможно. Моя голова сделалась похожа на котелок с кипящей водой, пузыри мыслей и идей безостановочно поднимались со дна на поверхность и лопались, превращаясь в паркую пустоту.

Мы почти не разговаривали друг с другом, если не считать предостережений типа «Осторожно, бревно» или «Тут лужа, не вляпайся». Наши отношения снова изменились, стали неловкими и натянутыми. Меня не покидало ощущение, что Кишан ждет от меня чего-то, причем много большего, чем я могу ему дать.

Наконец мы подошли к гряде холмов, и Кишан направился к небольшой пещере, темневшей у подножия одного из них. Когда мы подошли ближе, я заглянула в черную глубину.

– Здорово. Еще одна пещера! Терпеть их не могу. До сих пор мой опыт общения с пещерами был весьма неприятным.

– Все будет хорошо, – отозвался Кишан. – Доверься мне.

– Как скажешь. Веди.

Вскоре я услышала жужжание, становившееся все громче по мере того, как мы продвигались вглубь. В пещере было темно. В некоторых местах свет тонкими лучами падал сквозь отверстия в своде, выхватывая из мрака куски стен и пола. Я вытащила фонарик, посветила по сторонам. Что-то защекотало мое лицо. Пчелы! Вся пещера кишела пчелами! Стены были испещрены сотами. Мы с Кишаном как будто очутились внутри гигантского улья. Посреди пещеры на пьедестале стоял какой-то округлый каменный предмет с дыркой на вершине, немного похожий на пчелиное гнездо.

– Омфал!

Пчела заползла за воротник мой рубашки и ужалила меня.

– Ой! – взвизгнула я, прихлопнув ее ладонью.

– Ш-ш-ш, Келс. Тише. Они будут меньше нам досаждать, если мы постараемся вести себя тихо и без лишней суеты сделаем то, за чем пришли сюда.

– Хорошо, я попробую.

Пчелы сердито кружили вокруг нас. Мне потребовалась вся моя воля, чтобы не размахивать руками. Несколько штук ползали по моей одежде, но кажется, их жала почему-то не могли проткнуть легкую ткань. Почувствовав болезненный укус в запястье, я спрятала кисти в рукава, захватив обшлага в кулак. Потом подошла к камню и заглянула внутрь.

– Ничего не вижу!

– Попробуй использовать свою силу.

Кишана уже несколько раз ужалили в лицо, его бровь

угрожающе опухала прямо на глазах. Я нехотя вытащила кисти из рукавов, недовольно поморщившись, когда наглая пчела тут же поползла у меня по руке. Положив обе ладони на камень, я разожгла в себе жар и усилием воли погнала его из живота вверх. Вспышка светящегося тепла выстрелила из моих рук прямо в камень.

В следующую секунду тот окрасился желтым, потом оранжевым, а затем стал огненно-алым. Затем изнутри донеслось негромкое шипение, запахло газом. Струи пахучего дыма поползли по пещере, усыпляя пчел. С негромким стуком, как будто в пещере рассыпали мешок карамели, они попадали на пол и уснули.

– Кажется, ты должна вдохнуть эти испарения, как оракулы, о которых нам говорил Кадам.

– Ладно, будет исполнено.

Наклонившись, я сделала огромный вдох. В глазах у меня вспыхнули фейерверки и завертелись калейдоскопы. Фигура Кишана вдруг исказилась, вытянулась до потолка, потом закрутилась штопором. И меня с нечеловеческой силой затянуло в видение. Когда я очнулась, мы снова были в джунглях, и Кишан мазал мои укусы какой-то липкой мерзостью цвета гусеницы. Пожалуй, сказать, что она обладала сильным, характерным запахом, значит ничего не сказать. Отвратительное зловоние пропитало мои волосы, одежду и все вокруг.

– Фу! Гадость какая! Что это?

Кишан показал мне склянку.

– Сильваны дали мне это, когда я сказал им, что мы ищем место, где водятся пчелиные рои. Они, понятное дело, никогда не слышали о кусачих пчелах, а эту мазь используют для лечения своих любимых деревьев, если у тех вдруг ветром сломает ветку-другую. Сильваны заверили меня, что это чудодейственное средство.

– Когда это ты успел рассказать им, что мы отправляемся в пещеру с плечами?

– Когда ты переодевалась. Они сказали, что такая пещера есть неподалеку от их царства.

– Но воняет эта мазь все равно ужасно.

– Скажи лучше, каковы ощущения?

– Вообще-то… приятные. Она охлаждает и снимает зуд.

– В таком случае думаю, запах ты переживешь.

– Угу.

– Ну, у тебя получилось? Видела дерево?

– Да я видела дерево, четыре дома и кое-что еще.

– Что еще?

– Как ты и говорил, в этом саду есть змея. Точнее, очень большая змея, которая обвилась вокруг дерева и никого к нему не подпускает.

– Это демон?

Я обдумала этот вопрос.

– Нет. Просто огромная змея, которая выполняет свою работу. Но я знаю, как туда добраться. Иди за мной, а по дороге придумаем, что делать дальше.

– И то верно. Но прежде чем мы тронемся в путь, ты не могла бы оказать мне любезность?

Кишан протянул мне флакон, и я стала втирать вонючую мазь в его шею. Когда он снял рубашку, чтобы мне было легче обработать распухшие красные укусы на его груди и спине, я поспешно отвернулась, пряча от него свое пылающее лицо. Я честно старалась сделать все как можно быстрее, но что поделать, если его бронзовая кожа была такой восхитительно гладкой и теплой!

Когда я вышла у него из-за спины, Кишан отбросил с лица длинные черные волосы, предоставив мне возможность намазать зеленой кашицей его лоб и щеки. Самый большой волдырь красовался над его верхней губой. Я осторожно дотронулась до него.

– Тебе больно?

Я оторвала взгляд от его губ и заглянула в глаза. Кишан смотрел на меня так, что я вспыхнула.

– Да, – тихо ответил он.

Было очевидно, что он имеет в виду не пчелиный укус, поэтому я промолчала. Чувствуя на своем лице его обжигающий взгляд, я быстро обработала его губу и подбородок. Потом поспешно отстранилась, закрыла флакон и повернулась к Кишану спиной, чтобы не смотреть, как он одевается.

– Ну что, идем? – бросила я и, не дожидаясь ответа, сорвалась с места, так что Кишану пришлось меня догонять.

В полном молчании мы прошагали еще час или два, а когда солнце стало клониться к горизонту, устроили привал. Этой ночью Кишан снова потребовал сказку, и я рассказала ему одну из легенд о Гильгамеше.

– Гильгамеш был очень умным. Таким умным, что однажды он придумал, как смертному пробраться в царство богов. Он сделал это, скрыв свое настоящее имя, сказав, что его привело дело великой важности. Задавая хитрые вопросы, он узнал, где растет скрытый ото всех цветок бессмертия.

– Что еще за цветок такой?

– Точно не знаю. Может, это были листья чая или какое-

нибудь другое растение, которое в те времена добавляли в салат или в другие блюда. А возможно, имелась в виду какая-та трава или даже наркотик, вроде опиума. Но это неважно, главное, что Гильгамеш украл этот цветок. Четыре дня и четыре ночи он бежал со всех ног, без сна и отдыха, чтобы спастись от гнева богов. Ибо когда боги узнали о похищении цветка, они пришли в великую ярость и объявили награду всякому, кто сумеет остановить Гильгамеша. На вечер пятого дня Гильгамеш так устал, что прилег на землю, чтобы хоть на несколько секунд смежить веки. И случилось так, что пока он спал, самая обычная змея выползла на свою ночную охоту. И вот подползла она к душистому цветку, который Гильгамеш спрятал в маленький кисет из заячьей шкуры. Обрадовалась змея, решив, что перед ней лежит роскошный ужин, и проглотила кисет целиком. На следующее утро, когда Гильгамеш проснулся, он нашел возле себя лишь пустую змеиную шкурку. Так змея впервые сбросила кожу. С тех пор люди говорят, что такова змеиная природа. Когда змея сбрасывают шкуру, то умирает и рождается заново.

Я помолчала. Кишан не сказал ни слова.

– Значит, на этот раз ты не уснул? – спросила я.

– Нет. Мне понравилась твоя сказка. Спокойной ночи, *билаута*.

– И тебе того же.

Но этой ночью я не сразу смогла уснуть. Мысли о золотоглазом младенце очень долго не давали мне покоя.

Прошло целых два дня, прежде чем мы нашли то, что искали. Я знала, что дерево растет в широкой долине и что мы увидим его, если пройдем между сдвоенной вершиной горы. Весь первый день мы шли к горе, а большую часть второго потратили на подъем к вершине. Наконец мы добрались до места и посмотрели вниз.

Мы забрались так высоко, что облака загораживали нам вид. Пришлось дожидаться, пока ветер не выдует для нас окно в сплошной завесе туч. В первый момент нам показалось, будто лежавшая внизу долина вся покрыта лесами. Деревья были такие высокие, что вершины их скрывались в облаках. Но в видении, посланном мне омфалом, я видела только одно дерево, с огромным стволом и исполинской кроной!

Место явно было не то, но мы все равно решили спуститься в долину. Мы были примерно на середине склона, когда тучи наконец рассеялись, и я едва не вскрикнула от изумления – оказывается, то, что я приняла за лес, на самом деле было кроной огромного дерева, вздымавшегося выше гор! Когда я сказала об

этом Кишану, тот напомнил мне о заметках мистера Кадама. Я вытащила листы из рюкзака и стала читать их на ходу.

– Тут сказано, что корни этого гигантского дерева уходят в подземное царство, а листья касаются небес. И что ширина этого дерева тысячи футов, а высота – многие тысячи. Похоже на то, скажи?

– Вероятно, – сухо ответил Кишан.

Спустившись на поросшее травой дно долины, мы молча проследили взглядом от конца огромной ветки до ствола. Лучи солнца не могли пробиться сквозь исполинскую крону дерева, поэтому внизу было темно, холодно и очень тихо. Ветер шуршал огромными листьями, величиной с меня. Они хлопали и раскачивались на своих ветках, как мокрое белье на веревке. Незнакомые, зловещие звуки доносились до нас с вышины. Ветер со скрипом и стонами прокладывал себе дорогу сквозь листву, гулял над исполинскими ветвями, так что мы с Кишаном шли как будто сквозь заколдованный лес. Кишан придвинулся ближе ко мне и протянул руку. Я с благодарностью приняла ее, стараясь не обращать внимания на ощущение, будто за нами следят. Но оказалось, что Кишан тоже почувствовал это, ему казалось, будто какие-то таинственные существа разглядывают нас с высоты. Я попыталась обратить все это в шутку.

– Представь, каких размеров нимфочка может родиться из такого дерева!

Вообще-то, я всего лишь хотела пошутить, но при одной мысли о такой возможности мы оба, как по команде, с опаской посмотрели наверх.

Нам потребовалось несколько часов, чтобы дойти до ствола. Будто огромная деревянная стена, он тянулся во все стороны, насколько хватало глаз. Самая низкая ветка начиналась в сотнях футов над нашими головами. До нее никак нельзя было дотянуться, а забраться по стволу мы тоже не могли, поскольку у нас не было с собой альпинистского снаряжения.

– Я предлагаю разбить лагерь и отдохнуть, а наутро начнем огибать ствол с какой-нибудь стороны. Может, найдем ветку пониже или другой способ залезть наверх.

– По-моему, отличный план. Я с ног валюсь.

Тут послышалось громкое хлопанье, и огромный черный ворон опустился на землю возле нас. Посидев немного, он оглушительно каркнул, взмахнул крыльями и улетел. Я невольно подумала, что это дурной знак, но решила не делиться своими подозрениями с Кишаном.

Когда он попросил сказку на ночь, я рассказала ему ту, что вычитала в одной из книг мистера Кадама.

– Один был одним из богов викингов. У него были два ворона, которых звали Хугин и Мунин. Всем известно, что вороны – птицы вороватые, а эта парочка летала по всему миру и крала по заказу Одина.

– И что же они крали?

– А вот это как раз самое интересное! Хугин забирал мысли, а Мунин похищал воспоминания. Каждое утро Один посылал своих верных спутников на дело, и каждый вечер они возвращались к нему обратно. Они садились ему на плечи и нашептывали в уши воспоминания и мысли, которыми поживились за день. Таким образом Один узнавал обо всем, что происходило в мире, ни одна мысль, ни одно намерение не могло укрыться от него.

– Думаю, эта парочка была бы весьма полезна в бою. Всегда хорошо знать, что планирует противник.

– Конечно. Один так и делал. Но однажды Мунина похитил предатель. Когда Хугин, как обычно, вернулся домой, чтобы нашептать Одину подслушанные мысли, он немедленно забыл их все. Этой же ночью на Одина напали враги, и он был побежден. После этого люди перестали верить в богов. Хугин улетел, и обе птицы исчезли навсегда. Кстати, легенда о воронах Одина – одна из причин, по которой увидеть ворона считается плохой приметой.

– Ты не боишься, что ворон украдет твои воспоминания, Келс? – спросил Кишан.

– Сейчас мои воспоминания – это самое дорогое, что у меня есть. Я сделаю все, чтобы сохранить их, но я не боюсь никаких воронов.

– Очень долгое время я был готов отдать все на свете, лишь бы навсегда избавиться от своих воспоминаний. Я думал, что если смогу забыть, то, может быть, найду в себе силы жить дальше.

– Но ты не хотел забывать Джесубай, так же, как я не хочу забыть Рена или своих родителей. Вспоминать бывает очень тяжело, но ведь это часть нас самих.

– Хм-м-м… Спокойной ночи, Келси.

– Спокойной ночи, Кишан.

На следующее утро, когда мы складывали наши вещи, я заметила, что мой браслет с медальоном, подаренный Реном, бесследно исчез. Мы с Кишаном перерыли все вокруг, но он словно сквозь землю провалился.

– Келс, фотоаппарата тоже нет, и все медовые кексы пропали.

– О, нет! Что еще?

Он молча указал на мою шею.

– Что? Что там?

– Амулет исчез.

– Ч-что? Но как это случилось? Не могли же нас ограбить в этом богом забытом месте! И как я могла не почувствовать, как с меня что-то снимают во сне? – в отчаянии вопила я.

– Я подозреваю, что это проделки нашего приятеля– ворона.

– Но он же не настоящий! Это миф, Кишан!

– Ты сама говорила, что в основе мифов нередко лежит правда или частичная правда. Возможно, наши вещи украла проклятая птица. Будь это человек, я бы почувствовал. Но на птиц я во сне не обращаю внимания.

– И что будем делать?

– Единственное, что нам осталось. Идти дальше. У нас осталось оружие и Золотой плод.

– Да, но амулет!

– С ним все будет в порядке, Келс. Имей веру, не забывай, что нам советовал Океан-Учитель?

– Легко тебе говорить, Кишан! А у меня пропал браслет с фотографиями Рена! Вот если бы у тебя украли единственное изображение Джесубай, ты бы по-другому запел.

С минуту он молча смотрел на меня.

– Единственное изображение Джесубай живет у меня в сердце.

– Я знаю, просто…

Он поднял пальцем мой подбородок.

– У тебя есть возможность вернуть мужчину, Келси. Не стоит поднимать столько шума из-за фотографии.

– Ты прав, ты совершенно прав. Я знаю. Ладно, тогда идем.

Мы решили обойти дерево с левой стороны и отправились в путь. Ствол был настолько огромен, что не сразу и разглядишь, как он слегка закругляется вдалеке.

– Так что будем делать, когда мы увидим змею? – спросил Кишан.

– Это не злая змея. Она просто охраняет дерево. По крайней мере, так выглядело, когда я заглянула в камень. Если змея поймет, что у нас есть уважительная причина пройти, она нас пропустит. А если нет, попытается остановить.

– Хм.

Еще через час или два я рассеянно провела пальцем по коре дерева, и ствол шевельнулся у меня под рукой.

– Кишан! Ты видел?

Он подошел к дереву, дотронулся до него.

– Я ничего не вижу.

– Положи руку сюда. Вот так… да, вот здесь! Видишь? Поверхность как будто другая. Ага, вот! Снова пошевелилось!

Положи руку поверх моей. Теперь чувствуешь?

– Да.

Часть ствола, шириной приблизительно два метра, пришла в движение. Еще один участок, выше первого, пополз в другую сторону. Это было что-то очень знакомое, но я никак не могла сложить части головоломки в картинку. Все здесь было не тем, чем казалось, начиная с того момента, как мы приняли огромное дерево за целый лес. Ветер закружил вокруг нас, словно мы очутились внутри какой-то установки, нагнетавшей горячий воздух. Мощная воздушная тяга, сопровождаемая порывом раскаленного ветра, пригнула к земле короткую траву, и у меня мурашки побежали по рукам.

Кишан запрокинул голову и вдруг остолбенел.

– Не двигайся, Келси.

Воздух вокруг нас всколыхнулся еще сильнее, как будто насос заработал чаще.

– Что там, Кишан? – прошипела я.

За спиной у меня что-то зашуршало. Звук был такой, будто кто-то протащил мешок с расчлененным телом по куче сухих листьев. Захрустели мелкие ветки, задрожали листья, затрещали сучья. А потом я услышала гулкий, свистящий голос.

– Зач-чччем это вы приш-шшшшли в мой лес-ссссс?

Медленно обернувшись, я уставилась в огромный, немигающий глаз, увенчанный рогом.

– Вы страж Мирового Древа?

– Да-ааа. Зачем явилис-ссссь?

Я посмотрела вверх, и еще выше, и еще. Теперь я поняла, что видела перед собой раньше! Огромная змея обвилась вокруг дерева, и те двухметровые участки ствола, которые вызвали мое недоумение, были не чем иным, как кольцами ее тела! Надо признать, змея отлично маскировалась. На моих глазах ее тело меняло цвет, будто хамелеон, идеально сливаясь с обстановкой. Голова у змеи была огромная, размером с «хаммер» Рена, а узнать, хотя бы приблизительно, длину ее тела не представлялось никакой возможности. Кишан встал рядом со мной и взял меня за руку. Краем глаза я заметила, что на другую руку он уже надел чакру.

– Мы пришли за воздушным кладом, который хранится на вершине этого дерева, – прямо сказала я.

– Почему я долж-жжжна вас-ссс пропус-сссстить? И зачем вам нужен ш-шшшшарф?

– Значит, воздушный клад – это шарф?

– Да-аааа, ш-шшшшарф.

– Вот как. Понимаете, он нам нужен, чтобы снять проклятие,

наложенное на двух индийских принцев, и помочь народам их страны.

– Ч-ччччто ещ-щщще за принцы таки-иииие?

– Вот это один из них, Кишан. А второго принца, Дирена, его брата, похитили.

Гигантская змея несколько раз щелкнула своим огромным раздвоенным языком на Кишана, который мужественно выдержал этот осмотр. Я бы на его месте точно с визгом бросилась наутек.

– Я з-зззнать не з-зззznаю таких-хххх принцев. Нельз-ззззя вам пройти.

Огромная голова начала отворачиваться от нас, тяжелые кольца зашуршали по земле. И тут я почувствовала такое же движение на своей руке и закричала:

– Подождите!

Змея повернулась ко мне и опустила голову, чтобы получше меня рассмотреть. Фаниндра расправила свои кольца и, скользнув по моим плечам, оплелась вокруг шеи. Здесь она подняла головку вровень с гигантским глазом и тоже несколько раз прищелкнула языком.

– Кто она-аааа така-ааааая?

– Ее зовут Фаниндра. Она принадлежит богине Дурге.

– Дурга-ааааа. О да-аааа, я слышала о такой богине-еееe. Это ее з-ззззмея-аааа?

– Да. Фаниндра помогает нам в наших поисках. Богиня Дурга послала нас сюда и дала нам оружие.

– Теперь я понима-аааааю-ююююю.

Стражница долго-долго смотрела на Фаниндру, обдумывая нашу судьбу. Мне показалось, что все это время змеи беззвучно беседовали друг с другом.

– Вы мож-жжжете пройти-иииии. Я чу-ууую, что в ваш-шшших намерениях нет з-ззззла. Воз-зззzмож-жжжно, вы с-ссссправитесссссь. Воз-зззzмож-жжжно, таково ваш– шшше презназ-зззначение. Кто з-зззнает? Но ваш-шшш путь леж-жжжит через-зззз четыре дома-аааа. Дом птиц-ссссс. Дом тыкв-горля-яяяянок. Дом с-сссссссирен. И дом летуч-чччччих мыш-шшшшшей. Бу-ууууудьте осссссторож-жжжны. Ч-ччтобы пройти, вы дол-жжжжны каж-жжждый раз-зззз дела-ааааать пра-ааааавильный выбор…

Мы с Кишаном поклонились.

– Спасибо, Стражница.

– Удач-ччччиииии.

Огромная змея покивала нам своей тяжелой головой, так что все дерево всколыхнулось. Кольца, туго обвитые вокруг ствола, вновь пришли в движение, раздвинулись – и между ними открылся проход в толщу дерева, в глубине которого виднелась

потайная лестница. Фаниндра оплелась вокруг моего предплечья и вновь застыла, как и положено браслету.

Кишан шагнул в проход и подал мне руку. Я ухватилась за его пальцы и вошла внутрь ствола. Но не успела я заметить, что пол здесь покрыт толстым слоем опилок, как змея снова зашевелилась. Ее кольца закрыли проход, и мы с Кишаном оказались заперты в кромешной тьме под корнями великого Мирового Древа.

20
Испытания четырех Домов

Изумрудные глазки Фаниндры засияли в темноте, позволив Кишану отыскать в рюкзаке фонарик. Оказалось, что примерно в пяти футах впереди нас высился еще один ствол, столь же крепкий, широкий и высокий, как и внешний. Иными словами, это было дерево в дереве! Между двумя стволами вилась винтовая лестница. Ступеньки у нее были достаточно широки, чтобы мы с Кишаном могли идти бок о бок, и так глубоки, что мы могли без труда не только присесть на них, но даже улечься спать, если бы захотели.

Мы поднимались медленно и часто отдыхали. Не могу сказать, насколько высоко мы поднялись. Через несколько часов мы подошли к некоему подобию двери. Она была низенькая, пузатая, желто-оранжевого цвета. На том месте, где полагалось находиться дверной ручке, торчал грубый одеревенелый стебель. Я зарядила стрелу в лук и натянула тетиву, Кишан приготовил чакру. Встав сбоку, он взялся за «ручку» и медленно открыл дверь, а я перенесла одну ногу через порог и огляделась по сторонам в поисках неприятелей. Но никого не увидела.

Тесная комнатушка была от пола до потолка покрыта полками, выдолбленными в толще дерева. На полках и на полу громоздились сотни тыкв-горлянок всех цветов и размеров. Многие из них показались мне очень красивыми, они были украшены причудливыми узорами, покрыты резьбой и мягко озарялись изнутри огоньками горящих свечей.

Среди горлянок нашлось и несколько обыкновенных тыкв, однако украшавшая их резьба намного превосходила все, что я когда-либо видела на Хэллоуин. Мы медленно прошлись вдоль полок, любуясь узорами. Некоторые тыквы были раскрашены и натерты маслом до зеркального блеска, делавшего их похожими на драгоценные резные камеи. Кишан протянул руку, намереваясь дотронуться до одной из них.

– Стой! Не трогай их пока. Ведь это первое испытание, не забыл? Мы должны догадаться, что нужно сделать. Погоди секундочку, я сейчас достану записки мистера Кадама.

Оказалось, что мистер Кадам снабдил нас трехстраничной информацией о тыквах-горлянках. Мы с Кишаном уселись рядышком на полированный деревянный пол и углубились в чтение.

– Полагаю, наш случай не имеет ничего общего с песней

американских рабов «Следуй за горлянкой», – пробормотала я. – По крайней мере, я не вижу никакой связи. В этой песне подразумевается созвездие Большой Медведицы – ведь тыква-горлянка сбоку напоминает ковш, ты заметил? – это было указание беглым рабам, как добраться до подпольной железной дороги, тайной сети для переброски негров с Юга на Север.

Я перевернула страничку.

– Так, дальше тут всякие сведения о различных видах горлянок или бутылочных тыкв, об их происхождении, разные занимательные факты вроде того, что моряки специально разыскивали семена определенных сортов, чтобы вывести их на родине. Ага, это миф о лодках из бутылочных тыкв. Думаю, это тоже мимо.

Кишан весело фыркнул.

– А как насчет этого? Бутылочные тыквы как символ плодородия? Не хочешь попробовать, Келси? Лично я готов принести себя в жертву, если ты согласна, конечно.

Я пробежала глазами миф и сердито уставилась на хохочущего Кишана.

– Мечтать не вредно, приятель. Это мы определенно пропускаем. – Я перевернула следующую страницу. – А вот тут говорится, что горлянку нужно бросить в воду, если хочешь вызвать морских чудищ и змеев. Да уж, только этого нам недоставало!

– А вот это? Китайский миф. Юноша, достигший совершеннолетия, должен был выбрать горлянку, которая определит его судьбу. Каждая из этих тыкв содержала в себе нечто особенное. Некоторые таили опасность, другие были безвредны. Здесь написано, что одна из горлянок была наполнена эликсиром бессмертия. Может быть, нам повезет, Келс? Что, если мы просто должны выбрать себе по тыковке?

– Я согласна, вот только как мы узнаем, какая из них наша?

– Понятия не имею. Но мне кажется, нужно действовать наугад. Чур, я первый. А ты возьми лук и целься во все, что появится!

Кишан снял с полки простую тыкву в форме колокола. Ничего не произошло. Он потряс ее, подбросил в воздух, постучал об стену – все равно ничего.

– Что ж, попробуем ее разбить! – Он шмякнул тыкву об пол, так что рыжая мякоть выплеснулась наружу. – Ух ты! Вот и ужин.

Прежде чем я успела его остановить, Кишан подобрал ломтик тыквы и отправил его в рот. Когда он все-таки соблаговолил обратить внимание на меня, дело было уже сделано. В ответ на мое предупреждение Кишан лишь махнул рукой и сказал, что

было очень вкусно. Тем временем куски разбитой тыквы растаяли и исчезли с пола.

– Ладно, теперь моя очередь.

Я выбрала круглую тыковку, расписанную цветами, подняла ее над головой и со всей силы швырнула на пол. Черная змея с шипением выползла из обломков. Не успела я опомниться, как она изогнулась для броска и плюнула мне в ногу. Я хотела схватиться за лук, но услышала металлическое жужжание, и блестящая чакра впилась в деревянный пол возле моей ступни, отделив голову змеи от ее тела. В следующую секунду черное змеиное тело и остатки тыквы растворились в полу.

– Э-э-э, ну, теперь опять ты. Может быть, лучше брать простые тыквы, без украшений?

Кишан вытащил тыкву в форме бутылки, из которой вылилась какая-то жидкость, похожая на молоко. Я посоветовала ему не пить ее, потому что она запросто могла оказаться не тем, чем казалась. Кишан согласился, но вскоре мы выяснили, что если не выпить содержимое этой тыквы, то, во-первых, ее остатки не исчезнут с пола, а во-вторых, следующая не будет раскалываться, как ее ни кидай. Тогда Кишан залпом выхлебал молоко, и мы продолжили поиски.

Я выбрала здоровенную белую тыкву и добыла из нее лунный свет.

В маленькой бугристой тыковке оказался песок.

Длинная высокая порадовала нас прекрасной мелодией.

Пузатая серая коротышка, похожая на дельфина– афалину, выплеснула целую волну морской воды на штанину Кишана.

После этого я сняла с полки тыкву в форме ложки. Когда я ее разбила, оттуда повалил черный туман. Я отпрянула в сторону, но туман бросился на меня, заколыхался перед ртом и носом. На этот раз Кишан ничем не мог мне помочь. Я вдохнула – и сложилась пополам от кашля, перед глазами все расплылось. У меня закружилась голова, и я стала оседать на пол. Кишан едва успел подхватить меня.

– Келси! Ты побледнела! Как ты себя чувствуешь?

– Неважно. Кажется, в этой была какая-то болезнь.

– Ну-ка, ложись. Отдохни. Подожди, может, я сумею найти какое-нибудь лекарство.

Он принялся лихорадочно колотить тыкву за тыквой, а я лежала и смотрела. Меня била дрожь, потом бросило в жар. Из одной тыквы выполз скорпион, и Кишан растоптал его ботинком. Он нашел тыкву с ветром, тыкву с рыбой и еще одну с маленькой звездочкой, которая сияла так ярко, что нам пришлось зажмуриться, пока она не погасла и не впиталась в пол.

Каждый раз, когда в тыкве оказывалась какая-то жидкость, Кишан бросался ко мне и заставлял пить. Так я попробовала какой-то нектар, простую воду и нечто, напоминавшее густой горький шоколад. Я наотрез отказалась брать в рот жидкость, едко пахнувшую спиртом для растирки, но втерла его в кожу, после чего тыква исчезла.

В следующих трех плодах мы нашли огромного тарантула, которого Кишан отбросил ногой в угол комнаты, и большой рубин, который он прикарманил. Тут у меня почернело в глазах, и Кишан стал впадать в отчаяние. В очередной тыкве оказалась какая-то пилюля, и мы немного поспорили, стоит мне ее принимать или нет. К этому времени у меня страшно кружилась голова, я горела в жару, обливалась потом и совсем ослабела. Дышать было трудно, в ушах гудело, сердце колотилось как бешеное. Я запаниковала, потому что чувствовала: если мы немедленно не отыщем какое-то средство, я просто умру. Поэтому я разжевала таблетку и проглотила, решив, что хуже точно не будет. На вкус она оказалась как детская витаминка. Но лучше мне не стало.

В следующих двух тыквах оказался кусок сыра и кольцо. Сыр Кишан съел, а кольцо надел на палец. Третья тыква была до краев наполнена какой-то белой жидкостью. Кишан занервничал. И было от чего. Это мог быть как яд, который прикончил бы меня на месте, так и панацея от моей болезни, не говоря уже об эликсире вечной молодости. Я махнула рукой.

– Я выпью. Помоги мне.

Кишан приподнял мне голову и поднес содержимое тыквы к моим сухим, обескровленным губам. Я настолько ослабела, что едва могла глотать, белые ручейки потекли у меня по шее. Но после первого же глотка я почувствовала, как ко мне возвращаются силы.

– Еще!

Кишан влил в меня еще несколько капель, потом еще немного. Вкус был божественный. Теперь я уже настолько окрепла, что забрала у Кишана тыкву, обхватила ее двумя руками, прильнула губами к краю и в два огромных глотка выпила все до капли. В считанные секунды я вернулась к жизни, более того, я чувствовала в себе гораздо больше сил, чем до того, как вошла в эту комнату.

– Ты выглядишь намного лучше, Келс. Как ты себя чувствуешь?

Я вскочила.

– Здоровой! Сильной! Да что там, непобедимой!

– Отлично.

– Эй! А это что такое?

Я расшвыряла мешавшие мне тыквы и вытащила на свет большую круглую горлянку с длинным хвостиком.

– Смотри-ка, на ней нарисован тигр! Ну-ка, разбей ее!

Кишан взял у меня из рук тыкву и грохнул ее об пол. Внутри оказался сложенный в несколько раз листок бумаги.

Я не смогла удержаться от смеха.

– Это не тыква, а печенье с предсказанием! Интересно, что там написано?

– Тут сказано: «Спрятанный сосуд укажет путь».

– Спрятанный сосуд? Очень интересно! Может быть, имеется в виду спрятанная тыква-горлянка?

– Ну, конечно! Если хочешь спрятать тыкву-горялнку, спрячь ее в комнате, забитой тыквами-горлянками. Старое правило.

– Угу. Ладно, давай поищем какие-нибудь необычные тыквы где-нибудь в глубине полок или в углах комнаты.

Вскоре мы собрали целую коллекцию небольших тыковок. Кишан нашел десять штук, а я – примерно половину этого. Он первый расколотил свои находки, в которых обнаружились рис, бабочка, острый перец, снег, перо, лилия, хлопковая коробочка, мышь, еще одна змея, которую Кишан безжалостно прикончил, – конечно, она могла оказаться совершенно безвредной, но береженого Дурга бережет, – и дождевой червяк.

Обескураженные неудачей, мы приступили к изучению моей кучки. В первой тыкве оказалась нитка, во второй – оглушительная барабанная дробь, в третьей – запах ванили, а в четвертой, по форме напоминавшей наливное яблочко, – пустота. Мы прождали с минуту, начиная нервничать, поскольку опасались, что в этой тыкве тоже была какая-то невидимая болезнь. Разбитая горлянка растворилась, как и все прочие, а значит, что-то произошло. Вот только что? Неужели кто-то из нас заболел?

– Ну, что? Ты что-нибудь видишь?

– Нет. Ш-ш-ш. Дай послушать.

Еще через минуту я сказала:

– Ну? Услышал?

– Да. В комнате что-то изменилось, только я пока не знаю что. Постой-ка… Ну, конечно! Воздух! Воздух стал немного другим. Ты чувствуешь?

– Нет.

– Подожди немного.

Кишан прокрался вокруг полок, обошел все углы, осмотрел ряды тыкв. Потом положил руку на одну из стен и наклонился над ней, раздвинув тыквы, которые с глухим стуком покатились

по полке.

– Отсюда идет воздух! Кажется, там дверь. Помоги мне убрать тыквы!

Мы расчистили всю стену, оставив одни полки.

– Я не могу сдвинуть вот эту. Она застряла.

Речь шла о совсем маленькой тыковке, которая, как мне казалось, росла прямо из стены. Я и тянула ее, и пихала, но она даже не думала поддаваться. Кишан подошел ко мне, чтобы оценить препятствие, и вдруг покатился со смеху. А я в это время все пыталась вытянуть упрямую тыкву.

– Ну что? – оскорблено прошипела я. – Чего ты смеешься?

– Отойди-ка, Келс.

Я уступила ему место, а он положил руку на тыкву.

– Ну? – выпалила я. – И что ты этим пытаешься доказать? Говорю же, она не двигается с места!

Кишан молча повернул тыкву, потом пихнул.

– Это дверная ручка, Келси, – давясь смехом, сказал он, а потом без всякого усилия распахнул кусок стены, который оказался совсем не стеной, а дверью. За ней виднелись ступеньки, ведущие еще выше.

Кишан протянул руку.

– Ну, что скажешь?

– Знаешь, я больше никогда не смогу относиться к тыквенным пирогам, как раньше!

Громкий смех Кишана эхом прокатился по полому стволу дерева.

Через несколько часов подъема Кишан запросил пощады.

– Давай присядем и поедим, Келс. Я не могу за тобой угнаться. Даже не знаю, как надолго тебе хватит выпитого заряда энергии!

Я остановилась примерно за десять ступенек впереди него и подождала, пока он поравняется со мной.

– Вот теперь ты понял, как я себя чувствую, пытаясь угнаться за вами, тиграми!

Он улыбнулся и сбросил с плеч рюкзак. Мы расположились со всеми удобствами на широкой ступеньке. Кишан расстегнул рюкзак, вытащил оттуда Золотой плод и задумчиво покатал его между ладоней. Потом загадочно ухмыльнулся и прошептал что-то на своем родном языке. Мерцающая тарелка возникла перед нами из воздуха и застыла, обретя плотность. Густой пар, поднимавшийся от овощей, пах весьма знакомо.

Я сморщила нос.

– Карри? Хм. Теперь моя очередь заказывать.

Я попросила печеный картофель, окорок в вишневой глазури, зеленую стручковую фасоль и булочки с маслом и медом. Когда мой заказ был доставлен, Кишан с любопытством уставился в мою тарелку.

– Может, поделимся?

– Нет, спасибо. Я не фанатка карри.

Он в два счета расправился со своей едой, после чего стал выдумывать несуществующих чудищ, чтобы заставить меня обернуться и оставить без присмотра свою тарелку. В итоге я отдала ему половину своего ужина, лишь бы он оставил меня в покое.

После еще одного часа подъема моя экстрасила исчерпалась. Я едва переставляла ноги. Кишан предложил мне посидеть на ступеньке, а сам отправился на поиски следующего дома. Пока Кишана не было, я заполняла свой дневник.

– Я нашел следующую дверь, Келс. Идем. Надеюсь, там можно будет получше отдохнуть.

Винтовая лестница в толще Мирового Древа привела нас к очаровательному домику, утопавшему в зарослях плюща и цветов. Изнури доносился мелодичный смех.

– Там какие-то люди, – прошептала я. – Надо быть осторожными.

Кишан кивнул и снял с ремня свою чакру, а я взяла в руки лук.

– Готова?

– Готова, – шепотом ответила я.

Он осторожно приоткрыл дверь, и нас обступила толпа самых прекрасных женщин, которых я когда-либо видела в жизни. Не обращая внимания на наше оружие, они пригласили нас в свой дом.

Роскошная зеленоглазая женщина с пышными волнами длинных каштановых волос, алыми губами и нежной, как шелк, фарфоровой кожей, одетая в длинное переливающееся платье цвета коралла, взяла Кишана под руку.

– Ах, бедняжка! Должно быть, ты устал после долгого путешествия. Идем же, идем. Здесь усталые путники могут искупаться и отдохнуть от странствий.

– Искупаться было бы неплохо, – завороженно ответил Кишан.

На меня красавица даже внимания не обратила. Она смотрела только на Кишана. Она поглаживала его руку, шептала что-то о мягких подушках, горячей воде и освежающих напитках. Вскоре к ней присоединилась еще одна дива. Эта оказалась блондинкой с голубыми глазами и в длинном одеянии цвета

переливающегося на солнце серебра.

– Да-да, идем с нами, – проворковала она. – Здесь тебя ждет покой и нега. Идем же.

И они повлекли было Кишана куда-то прочь, но тут я подала голос. Кишан обернулся ко мне и хотел уже вернуться, но в этот момент к нам приблизился еще один обитатель дома. Это был мужчина. Высокий, ростом не меньше шести футов, загорелый, мускулистый, с обнаженным торсом, синими глазами и светлыми волосами. И, в отличие от дамочек, он сразу же бросился ко мне.

– Здравствуй, добро пожаловать в наш дом. Нам с сестрами так редко выпадает радость принимать гостей! Мы будем счастливы, если ты захочешь немного побыть с нами. – Он улыбнулся мне, и я вопреки желанию залилась румянцем.

– Ну-у, вы очень любезны, – пролепетала я.

Кишан хмуро уставился на мужчину, но девушки вновь пустили в ход чары своих улыбок и длинных, трепещущих ресниц.

– Эй, Кишан, мне кажется…

Из-за занавеси вышел еще один мужчина. Вы не поверите, но он оказался еще красивее первого. Темноволосый, с темными глазами и такими губами, что я забыла о Кишане. Красавец очаровательно надул свои прекрасные губы и воскликнул:

– Неужели вы совсем не хотите погостить у нас? Ну, останьтесь, хоть ненадолго! Мы так стосковались по обществу! – Он испустил театральный вздох. – Единственное, что скрашивает наш досуг, это собрание книг.

– У вас есть библиотека?

– О, да! – Он ослепительно улыбнулся и предложил мне руку. – Вы позволите мне показать ее вам?

Поскольку Кишан уже ушел вместе с женщинами, я решила принять это заманчивое предложение, сообразив, что если мужчины попробуют меня обидеть, я всегда смогу испепелить их молниями.

В домике действительно оказалась богатая библиотека, причем в ней были именно те книги, которые я любила. И даже более того, при ближайшем рассмотрении оказалось, что здесь не было ни одной неизвестной мне книжки. Тем временем мне предложили подкрепиться.

– Вот, попробуйте эти пирожные. Честное слово, это просто восторг! Наши сестры прекрасно готовят.

– О! Хм, нет, спасибо. Мы с Кишаном только недавно поели.

– Ах, какая незадача! Но тогда, возможно, вы хотите освежиться?

– У вас есть ванная?

– Разумеется! Она здесь, за занавеской. И душ тоже есть.

Потяните вот за эту виноградную лозу, и вода дождем польется с листьев дерева. А мы пока приготовим для вас прохладительные напитки и очаровательный уголок, где вы сможете как следует отдохнуть.

– Благодарю вас.

Судя по всему, мы попали в Дом сирен. Хорошо хоть, что ванна у них была самая настоящая, и я с радостью воспользовалась возможностью принять душ и переодеться. Выйдя из душа, я обнаружила длинное золотое одеяние, явно приготовленное для меня. Оно было очень похоже на одежду тех двух женщин, что увели Кишана. Поскольку моя земная одежда была вся рваная и в крови, я решила временно переодеться в золотистое нечто, а брюки и рубашку, сотканные феями, повесить на ветку, чтобы заодно проверить, смогут ли феи привести их в порядок на Мировом Древе.

Переодевшись, я тихонько просмотрела записи мистера Кадама о сиренах. Отрывки из «Одиссеи» я пролистнула, как и миф о Язоне и аргонавтах. Все это я и так знала, гораздо полезнее оказались собранные мистером Кадамом сведения о морских нимфах или нереидах, а также наядах, тритонах и русалках, которых тоже иногда называли сиренами.

«Эти создания с большей вероятностью следует отнести к дриадам, чем к наядам… Они сохраняют ослепительную красоту до самой смерти…» Так, с этим все понятно, неинтересно. Ага, а вот это любопытно: «Исключительное долголетие… могут быть невидимыми… особое время – полдень и полночь». Хм, полночь как раз скоро наступит. «Могут быть очень опасны, способны насылать безумие, вызвать оцепенение, удар и безумную страсть».

В дверь негромко постучали.

– Да?

– Вы готовы выйти, мисс?

– Почти.

Я быстро просмотрела оставшиеся записи и убрала их в рюкзак. Когда я вышла, оба мужчины стояли по обеим сторонам от двери, глядя на меня, как две гадюки на птичье гнездышко.

– Э-э-э, прошу меня извинить.

Пройдя между ними, я пересекла комнату и опустилась на что-то, напоминавшее огромный бескаркасный диван-мешок, застланный пушистой шкурой. Мужчины уселись по бокам от меня.

Один из них взял меня за плечо.

– Ах, как вы напряжены! Прилягте и расслабьтесь. Наш диван примет форму вашего тела.

Судя по всему, возражения здесь не принимались, поскольку

мой заботливый хозяин мягко, но настойчиво стал опрокидывать меня на диван.

– Да, здесь очень удобно, большое спасибо. Э-э-э… хм, скажите, пожалуйста, а где Кишан?

– Кто такой Кишан?

– Молодой человек, с которым я пришла.

– Я не заметил никакого молодого человека, – ответил мой собеседник.

– Стоило вам переступить порог нашего дома, как мы больше не видели ничего, кроме вас! – поддержал его второй мужчина.

– О да, конечно! – горячо воскликнул первый. – Мы были ослеплены! Ведь вы столь прелестны!

Один из них принялся поглаживать мою руку, а второй стал массировать мне плечи.

Они кивнули на стол, уставленный всевозможными яствами.

– Не хотите отведать засахаренных фруктов? Они просто тают во рту.

– Нет, спасибо. Я еще не успела проголодаться.

Тот, что массировал мне плечи, принялся осыпать поцелуями мою шею.

– Ах, какая у вас нежная кожа!

Я попыталась выпрямиться, но он вернул меня на прежнее место.

– Расслабьтесь. Мы здесь для того, чтобы угождать вам.

Второй мужчина подал мне высокий бокал из резного хрусталя, наполненный какой-то пузырящейся красной жидкостью.

– Газированный бузинный сок.

Он всучил мне бокал, взял мою вторую руку и стал целовать пальцы. Вязкий морок заколыхался у меня перед глазами. Я на секунду опустила веки и отдалась ощущениям губ, лобызавших мою шею, и теплых рук, массировавших мои усталые плечи. Наслаждение медленно разливалось по моему телу, пробуждая жажду большего. Вот кто-то из мужчин поцеловал меня в губы. Вкус у его поцелуя был чужой. Что-то во всем этом было не так…

– Нет, – прошептала я, слабея, и попыталась оттолкнуть их, но мужчины и не думали от меня отставать. Что-то царапалось на краю моего угасающего сознания, нечто неуловимое, увертливое, что могло бы помочь мне сосредоточиться и вернуть себе ясность мысли. Но массаж плеч был так приятен… Вот мужчина перешел к моей шее, описывая мелкие круги большими пальцами своих рук. И тут то, что я столь мучительно пыталась вспомнить, вдруг вспыхнуло в моем гаснущем мозгу.

Рен! Он вот так же массировал мне шею. Я вызвала из памяти

его лицо. Вначале оно расплывалось, но когда я стала мысленно перечислять черты, которые любила в нем, его лицо стало яснее. Я думала о его волосах, глазах, о том, как он всегда держал меня за руку. Я думала о том, как он клал свою голову мне на колени, когда я читала ему, как он ревновал меня и любил блинчики с арахисовым маслом, и еще о том, как он выбрал сливочно-персиковое мороженое, потому что оно напоминало ему обо мне. И тогда я услышала, как он говорит: *Мейн тумсе мохаббат карта хуун, йадала.*

– *Муджхе тумсе пьархай,* Рен, – прошептала я в ответ.

В голове у меня что-то щелкнуло, и я резко выпрямилась. Мужчины обиженно надулись и попытались вернуть меня на место. Потом принялись что-то тихо напевать. Перед глазами у меня снова все поплыло, но я стала мурлыкать про себя песенку, которую Рен написал для меня, на слова его стихотворения. И встала с дивана. Мужчины снова стали упрашивать меня отведать лакомств или выпить сока, но я решительно отказалась. Тогда они попробовали заманить меня на мягкую постель. Я стояла как вкопанная, а они тянули меня за руки, упрашивали и увещевали. Они на все лады расхваливали мои волосы, глаза и красивое платье, они ломали руки и восклицали, что я их первая гостья за тысячи лет и что они просто хотят подольше насладиться моим обществом.

Но я снова и снова отказывалась, твердя, что нам нужно идти своей дорогой. Они настаивали, они взяли меня под руки и потащили к постели. Я вырвалась и схватила свой лук. В мгновение ока я зарядила стрелу и, натянув тетиву, прицелившись в грудь тому, кто стоял ближе. Мужчины попятились от меня, один из них поднял руку, моля о пощаде. Потом они молча переглянулись, повернулись ко мне и грустно покачали головами.

– Мы сделали бы вас счастливой. С нами вы забыли бы все свои невзгоды. Мы любили бы вас.

Но я покачала головой.

– Я люблю другого.

– Со временем вы сумели бы нас оценить. Вы полюбили бы нас. Мы умеем забирать мысли, заменяя их страстью и наслаждением.

– В этом я не сомневаюсь, – съязвила я.

– Но мы одиноки. Наша последняя подруга умерла много столетий тому назад. Мы любили ее.

Второй мужчина добавил:

– Да, мы ее любили. За все время, что она прожила с нами, печаль никогда не посещала ее сердце.

– Но мы бессмертны, а ее жизнь закончилась слишком быстро.

– О да. И теперь нам нужна замена!

– Мне очень жаль, мальчики, но я вам не подойду, – решительно объявила я. – У меня нет ни малейшего желания становиться вашей, – тут мне пришлось сглотнуть, прежде чем закончить, – любимой наложницей. Не говоря уже о том, что я не желаю забывать все и всех.

Они долго-долго рассматривали меня.

– Что ж, так тому и быть. Ты можешь идти.

– А Кишан?

– Он должен сделать свой выбор.

С этими словами оба кавалера превратились в тоненькое облачко дыма и растаяли в стволе дерева. Я вернулась в ванную, чтобы забрать свою сотканную феями одежду, и с удовольствием убедилась, что она вся вычищена и починена. Упаковав рюкзак, я снова вышла в комнату, но вместо фривольного будуара там теперь была простая пустая комната с единственной дверью. Я открыла ее, вышла из дома и вновь очутилась на винтовой лестнице, спиралью поднимавшейся вверх по стволу Мирового Древа. Дверь закрылась за мной, и я очутилась одна на ступеньках.

Воспользовавшись этим, я переоделась в мягкие брюки и рубашку, сотканные руками фей, и стала гадать, сумеет ли Кишан вырваться из плена сирен и если сумеет, то как скоро. Честно признаться, мягкая постель была куда более приятным местом для сна, чем каменные ступеньки. Не удержавшись, я невесело хмыкнула: «Пожалуй, останься я в этой мягкой постели, спать мне вряд ли пришлось бы!»

Мысленно я поблагодарила Рена за свое спасение от этих дриад, тритонов или кем там они были. Потом усталость взяла свое. Расстелив спальник на ступеньке, я забралась внутрь и уснула. Среди ночи Кишан потряс меня за плечо.

– Привет.

Я приподнялась на локте и зевнула.

– Кишан? Долго же ты выбирался!

– Ага. Отделаться от этих красоток оказалось не так– то просто.

– Как я тебя понимаю! Мне пришлось наставить на своих красавцев стрелу, чтобы они от меня отвязались. Вообще-то, я не ожидала, что ты так быстро вырвешься. Мне пришлось вызвать в памяти Рена, чтобы сбросить с себя чары, которыми они опутали мой разум. А ты о чем думал?

– Поговорим об этом позже, Келс. Сейчас я очень устал.

– Ладно. Спокойной ночи. Возьми мое одеяло. Я бы разделила с тобой спальник, но прости, сейчас я по горло сыта мужчинами.

– Я все понял, Келси. Спасибо. Спокойной ночи.

Проснувшись, мы поели, собрали вещи и продолжили свой путь вверх по лестнице Мирового Древа. Вскоре впереди показался яркий свет. В стволе открылось отверстие, и мы вылезли сквозь него наружу. Несколько секунд я наслаждалась солнечным светом, но потом обнаружила, что лестница ничем не огорожена с внешней стороны. Запаниковав, я вжалась в ствол и наотрез отказалась смотреть вниз.

Зато Кишан пришел в полный восторг от высоты, на которую мы взобрались. Землю отсюда не было видно, а когда Кишан бросил вниз щепку, чтобы примерно оценить высоту, то даже не услышал звука падения. Огромные ветви тянулись во все стороны от ствола. Они были настолько огромными, что мы могли запросто пройти по ним бок о бок и еще осталось бы место. По дороге Кишан несколько раз залезал на ветви и бегал по ним, проверяя, нет ли там чего интересного. Я же предпочитала держаться как можно ближе к стволу.

После нескольких часов неторопливой ходьбы я остановилась перед темным дуплом, ведущим обратно в толщу ствола. Дождавшись отставшего Кишана, я полезла в отверстие. Эта часть ствола оказалась гораздо более сырой и темной, чем те, где мы были раньше. Откуда-то сверху просачивались струйки воды, под ногами хлюпало. Стены, до сих пор гладкие и ровные, теперь были все облупленные, шершавые и шелушащиеся. Наши голоса зловещим эхом отдавались в темноте. Создавалось впечатление, что где-то в дереве была большая дыра, вроде дупла.

– Этот участок дерева выглядит мертвым, как будто поврежденным какой-то хворью.

– Да, мне тоже так показалось. Древесина у нас под ногами тоже вся гнилая. Старайся на всякий случай держаться ближе к стенам.

Мы прошагали еще несколько минут, а потом ступеньки привели нас к черному отверстию, настолько низкому, что влезать в него можно было только на четвереньках.

– Тут ступеньки кончаются, дальше идти некуда. Полезем внутрь?

– Это будет трудновато.

– Ладно, тогда я заберусь туда первая и осмотрюсь, – предложила я. – Если там впереди окажется тупик, то я быстренько вернусь и тебе не придется напрасно ползать на

карачках.

Кишан согласился и вручил мне фонарь, забрав рюкзак. Потом он подсадил меня, и я, протиснувшись в узкий крысиный лаз, бодро поползла вперед на четвереньках, пока проход не начал сужаться. В этом месте можно было только остановиться, лечь на бок и толчками протискиваться вперед. Вскоре туннель вновь сузился, и я ударилась головой о потолок.

На ощупь древесина здесь была похожа на окаменелость. Огромная древесная глыба свисала сверху, загораживая всю верхнюю часть туннеля. Перевернувшись на живот, я кое-как проползла под ней – и передо мной открылась огромная пещера. Мне казалось, что я проползла сотни футов, хотя на самом деле длина туннеля не превышала двадцати пяти. Поразмыслив, я решила, что Кишан сумеет тут пройти, хоть и с огромным трудом.

Повернув голову, я заорала в темноту:

– Давай!

Дожидаясь Кишана, я осмотрелась по сторонам и заметила, что пол подо мной какой-то ноздреватый. Наверное, это из-за гниения древесины, решила я. Стены были от пола до потолка были покрыты бурой коркой, напоминавшей высохшую французскую горчицу. Потом над головой у меня раздалось громкое хлопанье крыльев, сопровождаемое пронзительным писком. Должно быть, тут где-то было гнездо. Визг несколько раз облетел пространство полого дерева, с каждой секундой становясь все громче и яростнее. Тогда мне стало не по себе.

– Эй, Кишан! Поторопись!

Я подняла фонарик. И не увидела ничего, кроме странного колыхания воздуха. Казалось, будто стайки невидимых птиц сталкиваются друг с другом в темноте. Потом что-то задело меня по руке и тут же отлетело в сторону. Если это была птица, то довольно крупная.

– Кишан!

– Почти тут.

Я услышала, как он ползет на животе ко мне. Он был уже совсем рядом.

И тут нечто – или даже целое сообщество таких нечто – снова ринулось в мою сторону. «Может быть, это просто гигантские мотыльки?» Я выключила фонарик и стала размахивать руками, с нетерпением следя за приближением Кишана. Первым делом из туннеля появился его рюкзак, потом голова. Но тут над моей головой раздалось просто оглушительное хлопанье крыльев. Острые крючковатые пальчики больно впились мне в плечи. Я невольно вскрикнула. Пальцы вцепились еще крепче, а затем с яростным, оглушительным всплеском крыльев и пронзительным

«И-и-и-и-и-и!» меня вдруг подняли в воздух!

Кишан стремительно выполз из лаза и схватил меня за ногу, но мои похитители без труда оторвали меня от него. Я услышала снизу отчаянный крик:

– Келси!

Я закричала в ответ, и мой голос насмешливым эхом облетел стены. Я болталась в воздухе где-то высоко-высоко, гораздо выше, чем Кишан, но все-таки еще видела его внизу. Вскоре моих похитителей окружила еще большая стая их сородичей, и меня поглотила визжащая, хлопающая крыльями и колышущаяся масса теплых невидимых летунов. Время от времени до меня дотрагивалось то нечто шерстяное, то, наоборот, гладкое и кожаное, а порой я ощущала царапающее прикосновение острых когтей.

Но вот хлопанье крыльев замедлилось, существа спустились ниже и неожиданно отпустили меня. Не успев даже взвизгнуть, я с глухим стуком шлепнулась на задницу. Первым делом поискала фонарик. До смерти боясь увидеть, где я очутилась, но исполненная решимости выяснить это, я включила его и посмотрела перед собой.

Я не сразу поняла, что вижу. Повсюду, куда ни глянь, виднелись сплошные массы бурых и черных тел. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять – это были летучие мыши. Гигантские летучие мыши. А я стояла на каменном карнизе, под которым зияла бездна глубиной несколько сот футов. Я поспешно отпрянула к стене.

Кишан, выкрикивая мое имя, лез на стену.

– Я цела! – прокричала я ему. – Они ничего со мной не сделали! Я тут, на выступе!

– Держись, Келс! Я уже иду!

Нетопыри, висевшие вниз головами, с любопытством следили за продвижением Кишана круглыми черными глазками. Живая масса их тел находилась в постоянном движении. Некоторые из них по-паучьи переползали через своих сородичей, выискивая более удобное местечко, другие энергично хлопали крыльями, прежде чем туго обернуть их вокруг тела. Третьи просто раскачивались туда-сюда. Многие ели, многие спали.

Они были шумные. Они висели вниз головами, следили за нами и при этом без умолку болтали, издавая бесконечные щелчки, хлопки, поскрипывания и стрекотания.

Поначалу Кишан довольно бодро карабкался наверх, но потом застрял и вынужден был вернуться. Он несколько раз пытался долезть до карниза, на который меня посадили, но каждый раз был вынужден спуститься обратно. После шестой

попытки он остановился возле отверстия лаза, который привел нас сюда, приложил ладони ко рту и прокричал:

– Это невозможно, Келс! Я не могу к тебе забраться!

Я открыла рот, чтобы ответить ему, но меня опередила гигантская летучая мышь.

– Ни-ииииивозможно! – прощелкала она, безостановочно хлопая крыльями. – Он говори-ииииит, это ни-ииивозможно! Все возможно, ти-ииииигр!

– Вы знаете, что он тигр? – спросила я у летучей мыши.

– Мы его ви-ииииди-ииим. Мы его слыши-ииииим. Его дух надтреснут.

– Его дух надтреснут? Что это значит?

– Значи-ииит, что он и-ииииспытывает пе-ееееечаль. Он и-ииииизлечи-ииит свою боль… если-ииииии спасет те-ееебя.

– Он излечится от своей боли, если спасет меня? – переспросила я. – Но как он может это сделать?

– Он как мы. Наполови-ииииину челове-ееек, наполови-ииину ти-ииигр. А мы наполови-ииииину пти-ииицы, наполови-ииииину звериииииии. Полови– ииииины должны сое-еееди-ииииниииииться. Он должен при-ииинять ти-ииигра.

– Но как он может соединить две свои половины?

– Пусть сам узнае-ееет.

Я хотела задать еще один вопрос, но тут сразу несколько летучих мышей взмыли в воздух и полетели в разные стороны пещеры, похожей на черную утробу. Ритмичные щелчки, которые, как я уже поняла, были их природным эхолокатором, вновь раздались в воздухе, эхом отлетая от стен. Я кожей почувствовала едва уловимую вибрацию. Через несколько секунд мелкие камешки, вмурованные в стены пещеры, начали светиться. Чем дольше нетопыри издавали свой стрекот, тем ярче разгорались огоньки. Когда летучие мыши наконец умолкли, вся пещера была освещена.

– Све-ееет погаснет, когда е-ееего вре-ееееемя исте-ееечет. Он долже-ееееен успе-ееееть спасти-иииии тебя раньше-ееее. Пусть при-ииизовет на помощь и-иииии ти-ииигра и-иииии че-ееелове-ееееека. Скаж-иииии е-ееему.

– Ладно. – Я подошла к краю карниза и закричала Кишану: – Летучие мыши говорят, что ты должен использовать обе половины своего существа, чтобы забраться сюда до того, как свет начнет гаснуть! Они говорят, что ты должен признать свою тигриную сущность!

Теперь, при ярком освещении, стала хорошо видна вся опасность предстоящего Кишану пути. Целый ряд похожих на сталагмиты колонн из окаменевшего дерева, с плоскими

верхушками, рос из пола пещеры. Преодолеть расстояние между ними было выше любых человеческих возможностей, но тигр, наверное, мог бы попробовать.

Кишан посмотрел на меня, подбросил в воздух чакру, превратился в черного тигра – и прыгнул. Он продвигался очень быстро. Затаив дыхание, я смотрела, как он ловко перепрыгивает с колонны на колонну, почти не тратя времени на то, чтобы сгруппироваться и позаботиться о равновесии. Я только ахала от ужаса, понимая, что каждый следующий прыжок может стать для него последним. Запрыгивая на последний столб, Кишан слегка промахнулся, так что ему пришлось глубоко вонзить когти в окаменевшее дерево и обвить его хвостом, чтобы не свалиться.

Кишан превратился в человека, поймал свою чакру и тут же бросил ее снова. Теперь он стоял на вершине колонны, настолько узкой, что там едва помещались две человеческие стопы. Но страшнее всего было то, что прыгать отсюда было некуда. Даже тигру. Кишан внимательно огляделся, обдумывая свой следующий шаг. Нетопыри, мигая круглыми глазами, с любопытством смотрели на него со своих насестов. Свет начал меркнуть. И чем темнее становилось в пещере, тем опаснее делался путь Кишана.

Я помнила, что он видит в темноте гораздо лучше меня, и все-таки его положение казалось очень ненадежным. Но вот Кишан принял какое-то решение, сгруппировался, вновь обернулся черным тигром и подпрыгнул в воздух. Но ведь ему некуда было приземляться!

– Нет! – завизжала я. – Кишан, нет!

Он на лету превратился в человека и упал. Распластавшись на животе, я подползла к самому краю своего узкого выступа и перевела дух, увидев, Кишана, болтавшегося на длинной лозе. Перебирая руками, он медленно полз вверх, но все равно был еще очень далеко от меня. Поймав в воздухе свою чакру, он взял ее в зубы и стал раскачиваться из стороны в сторону, пока не дотянулся до сучка, торчавшего из толщи дерева. Подтянувшись, Кишан влез на него и немного передохнул. Оценив свое положение, он ухватился за другую лозу, подпрыгнул и снова начал раскачиваться.

Он выполнил целую серию сложнейших акробатических трюков. На моих глазах тигр по меньшей мере трижды превращался в человека и обратно. В какой-то момент Кишан запустил в воздух свою чакру, и та, просвистев через всю пещеру и срезав лозу, полетела обратно в тигриную лапу, которая в последний момент успела превратиться в человеческую руку, чтобы поймать свое оружие. Вцепившись в крепкие лозы, Кишан

перелетал от одной стены пещеры к другой, на лету перепрыгивая на новые крепкие побеги. С каждым разом он все ближе подбирался ко мне, но я уже видела, что последняя лоза не дотягивается до моего карниза и между нами все равно останется не меньше десяти футов.

Мне хотелось зажмуриться, но я понимала, что обязана смотреть, как Кишан рискует жизнью, чтобы добраться до меня. Вот он снова отлетел назад и оттолкнулся. Но на этот раз, едва коснувшись ногами стены, Кишан ухватился за лозу зубами, превратился в черного тигра и изо всех сил напружинил могучие задние лапы. Потом снова стал человеком, подтянулся настолько, насколько позволяла длина лозы, и прыгнул. Перекувырнувшись в воздухе, он превратился в тигра и вытянул черные лапы к краю моего выступа. Вот его длинные когти впились в дерево возле моей ноги, чакра воткнулась в нескольких дюймах от моей руки, а сам Кишан повис в воздухе. Тигриные когти превратились в человеческие пальцы.

– Кишан!

Я схватила его за ворот рубашки и потянула изо всех сил. Он перекатился через край выступа и растянулся на нем, тяжело дыша. И тут свет погас.

– Вот ви-иииииди-иииишь? Он справи-иииился!

Руки Кишана дрожали, я тайком смахнула слезу.

– Да. Он справился, – тихо ответила я.

Кишан сел, и тогда я обхватила его, крепко-крепко обняла и поцеловала в щеку. Несколько секунд он прижимал меня к себе, потом нехотя отпустил. Убрал пряди волос с моего лица.

– Прости, что я не смог взять наш рюкзак, – сказал он.

– Ничего страшного! Ты бы все равно не смог подняться сюда вместе с ним!

– Мы при-ииииинесем его.

– Ну да, конечно, – пробурчала я себе под нос. – Жаль, что вы не смогли перенести сюда Кишана!

– Мы должны были-иииии и-иииииспытать его. И-иииии он справи-иииился.

Одна из летучих мышей спикировала вниз и вернулась назад с рюкзаком. Она бросила его мне в руки и улетела.

– Спасибо. – Я робко дотронулась до руки Кишана. – Ты в порядке?

– В полном! – ухмыльнулся он. – Скажу по секрету, что согласился бы повторить этот номер за настоящий поцелуй.

Я легонько стукнула его по руке.

– Мне кажется, сестринского поцелуя в щеку было вполне достаточно, ты согласен?

В ответ он пробурчал что-то неразборчивое.

– Куда нам идти отсюда?

Одна из летучих мышей тут же отозвалась:

– Мы вас отнесем.

Два нетопыря отцепились от потолка пещеры, пролетели камнем несколько футов, а потом с кожистым хлопком развернули свои крылья. Бешено размахивая ими, они быстро набрали высоту и зависли у нас над головами. Потом медленно спустились, и я снова почувствовала у себя на плечах прикосновение цепких когтистых пальчиков.

Услышав предостережение:

– Не-ееее ше-ееееве-еееели-иииись! – я решила последовать этому мудрому совету.

С оглушительным стрекотом летучие мыши поднялись в воздух, унося нас все выше и выше по полому стволу мирового древа. Честно говоря, этот полет нельзя было назвать приятным, но я понимала, что он сэкономит нам несколько часов изнурительного подъема. Я ожидала, что мы полетим вертикально вверх, но летучие мыши поднимались по спирали, медленно, но неуклонно, забираясь все выше и выше.

Постепенно я заметила, что вокруг становится все светлее, и вскоре увидела над головой просвет – широкую расщелину в стволе, откуда струился колеблющийся оранжевый свет, дрожавшими бликами рассыпавшийся по стенам дерева. Моей кожи коснулся прохладный ветерок, несший с собой свежие древесные запахи, невыразимо приятные после гнилостной затхлости, провонявшей плесенью, аммиаком и горелыми лимонами. Наши крылатые спутники подлетели к трещине и, оглушительно хлопая крыльями, осторожно опустили нас на ветку. Я сразу заметила, что ветки здесь заметно тоньше, чем внизу, однако достаточно крепкие, чтобы с легкостью выдержать наш вес.

С последним напутствием: «Будьте-еееее осторожны!» – летучие мыши скрылись в толще дерева, оставив нас одних.

– Слушай, Келс, брось-ка мне рюкзак. Я хочу переодеться в черное и обуться, – попросил Кишан.

Я исполнила его просьбу и отвернулась, чтобы он мог переодеться.

– Конечно, – без остановки тараторила я. – До слез жалко, что твоя одежда, сотканная феями, пропала. Она ведь исчезла, как только ты превратился в тигра. А мне она так нравилась! И удобная какая, правда? Хорошо, что мистер Кадам настоял на том, чтобы мы взяли по дополнительной паре обуви…

– Э-э-э, Келс? Вообще-то, одежда мастериц-фей лежит в

рюкзаке.

– Что? – Я так удивилась, что обернулась, застав Кишана голым по пояс. Пришлось срочно отвести глаза. – Как же это случилось?

– Не знаю. Наверное, магия фей. Слушай, отвернись, пожалуйста, если, конечно, не хочешь посмотреть, как я раздеваюсь.

Покраснев до корней волос, я поспешно отвернулась. Был уже вечер, поэтому мы решили перекусить и отдохнуть. Несмотря на усталость, я до смерти боялась спать на ветке, хотя она была вдвое шире двуспального матраса на моей орегонской кровати.

Поэтому я упрямо сидела в самом центре ветки.

– Я боюсь упасть.

– Ты устала, Келси. Тебе нужен отдых.

– Я не могу.

– Я буду тебя держать. Ты не упадешь.

– А если ты упадешь?

– Кошки не падают с деревьев, только спрыгивают по своей воле. Иди сюда.

Он обнял меня одной рукой и положил мою голову на свое плечо. Я была уверена, что ни за что не усну, но тут же провалилась в сон.

На следующее утро, когда я, зевая, протерла заспанные глаза, то первым делом увидела Кишана, в упор разглядывавшего меня. Одной рукой он обнимал меня за талию, а моя голова покоилась на плече его другой руки.

– Ты что, не спал?

– Вздремнул немножко.

– Когда же ты проснулся?

– Час назад или около того.

– Почему же ты меня не разбудил?

– Тебе надо было выспаться.

– Ох, Кишан. Ладно, спасибо, что не дал мне упасть.

Он долго смотрел на меня.

– Келс… Я хочу тебе кое-что сказать.

– Что же? – Я повернулась на бок, чтобы видеть его лицо. – О чем?

– Ты… ты очень много значишь для меня.

– Ты тоже очень много для меня значишь.

– Нет. Это не то, что я имел в виду. Я хочу сказать… то есть я чувствую… и у меня есть основания верить… что мы… что мы можем быть небезразличны друг другу.

– Ну конечно, ты и сейчас небезразличен мне.

– Да, но я говорю не о дружбе.

– Кишан, я…

– Скажи, неужели нет никакой возможности, ни малейшего шанса, что ты могла бы полюбить меня? Неужели ты совсем-совсем ничего не чувствуешь ко мне?

– Конечно же чувствую! Но…

– Никаких но! Вот если бы Рена не было, ты могла бы быть моей? Мог бы я стать тем, кого ты полюбила бы?

Я положила ладонь ему на щеку.

– Кишан, я и так испытываю к тебе самые добрые чувства. Я и так тебя люблю.

Он улыбнулся и наклонился надо мной. В тот же миг в мозгу у меня включилась тревожная сигнализация, и я отшатнулась назад, но испугалась, что упаду. Забыв обо всем, я схватила Кишана за рубашку и вцепилась в нее, как утопающий за брошенный круг.

Он крепче обнял меня, не сводя глаз с моего лица. От него не укрылся мой перепуганный взгляд, и вероятно, он даже догадался, что испугала меня не только мысль о падении. Так или иначе, но он справился со своими чувствами, слегка отстранился и негромко сказал:

– Я никогда не отпущу тебя, Келс.

Признаться, я не вполне поняла, что он хотел этим сказать, но на всякий случай ответила:

– Я знаю.

Тогда он отпустил меня и занялся завтраком.

Мы опять поднимались вверх. Ступеньки стали намного уже, винтовая лестница шла снаружи дерева. Кстати, ствол тоже стал заметно меньше. На полный оборот вокруг него у нас теперь уходило не больше получаса. Еще через несколько часов этого пугающего подъема ступеньки стали стремительно сужаться, и вскоре мы увидели плетеный канат, свисавший из странного сооружения, похожего на детский домик на дереве.

Я хотела продолжать подниматься по лестнице, но Кишан настаивал на том, что мы должны залезть в этот домик по веревке. В конце концов, он предложил компромисс: еще полчаса мы идем по ступенькам, но если не увидим ничего интересного, то вернемся к канату. Впрочем, наш спор оказался напрасным, поскольку уже через пять минут подъема ступеньки сменились шишковатыми наростами, а затем и вовсе пропали.

На обратном пути я сказала:

– Знаешь, у меня вряд ли хватит сил залезть на такую высоту.

– Об этом можешь не волноваться. У меня хватит сил поднять

нас обоих.

– Что это ты задумал?

– Увидишь.

Когда мы подошли к канату, Кишан первым делом снял с меня рюкзак и надел себе на спину. Потом жестом поманил меня подойти ближе.

– Что?

Он указал на место прямо перед собой.

– Что ты от меня хочешь?

– Обними меня руками за шею, а кисти просунь под лямки рюкзака.

– Ладно, только не вздумай шутки шутить, потому что я до смерти боюсь щекотки.

Он закинул мои сплетенные руки себе на шею и подсадил меня себе на бедра, так что его лицо оказалось совсем рядом с моим. Вскинул бровь.

– Если я и вздумаю что-нибудь, то даю слово, тебе будет не до смеха.

Я нервно хохотнула, но его лицо оставалось серьезным и напряженным.

– Ладно. Ну, полезли, что ли.

Я почувствовала, как напряглись его мышцы, изготовившись к прыжку, но внезапно Кишан замер и снова посмотрел на меня. Вот его взгляд спустился к моим губам, а потом он вдруг резко наклонил голову и запечатлел теплый нежный поцелуй в уголке моего рта.

– Ки-шан.

– Прости. Не удержался. Ведь сейчас ты совершенно беспомощна и не сможешь от меня отвернуться. Не говоря уже о том, что ты слишком соблазнительна. Кстати, скажи спасибо, что я и так сдерживаюсь из последних сил!

– Ну да, конечно.

Он подпрыгнул в воздух. Я невольно взвизгнула от страха, но Кишан уже ловко карабкался вверх по канату. Он методично перебирал руками, ставя ноги на веревочные узлы, но порой ему приходилось держаться одной рукой за канат, а другой за ветку, чтобы сохранить равновесие. При этом он ухитрялся следить за тем, чтобы я не оцарапалась о ствол. Если не считать того, что мы болтались в сотнях или даже тысячах футах над землей, а также закрыть глаза на тряску и на кульбиты, которые выделывал мой желудок при каждом рывке Кишана, подъем был вполне нормальным. И даже слишком, поскольку прижиматься к Кишану оказалось несколько более приятно, чем мне бы хотелось.

«Видимо, у меня слабость к мужчинам типа Тарзана».

Когда мы добрались до домика, Кишан поднялся по канату еще немного выше и застыл там, чтобы я могла осторожно спуститься вниз. После этого он оттолкнулся от дерева, влетел в домик и эффектно приземлился. Вне всякого сомнения, ему это нравилось!

– Ради всего святого, заканчивай с этим позерством! Неужели ты не понимаешь, на какой мы высоте и что стоит тебе сорваться, как ты погибнешь ужасной смертью? Ты ведешь себя так, будто это какое-то сплошное веселое приключение!

– Я понятия не имею, на какой мы высоте, – совершенно спокойно ответил Кишан. – Честно говоря, мне все равно. Но ты права, мне весело. Мне нравится все время оставаться человеком. И нравится быть с тобой. – Он обнял меня за талию и привлек к себе.

– Хм.

Я постаралась как можно быстрее высвободиться.

Поскольку я не имела никакого права упрекать его за радость «все время оставаться человеком» и совершенно не знала, что сказать насчет «быть с тобой», то решила промолчать. Мы уселись рядышком на деревянном полу домика и стали перебирать заметки мистера Кадама. Мы перечитали их дважды и стали ждать, но в домике ничего не происходило. Судя по всему, это должен был быть дом птиц, но где же они все? Может быть, это какое-то другое место? Я стала терять терпение.

– Эй! Кто-нибудь дома? – громким эхом разнесся мой голос.

Ответом мне было хлопанье крыльев и хриплое карканье. Оказалось, в верхнем углу домика притаилось незаметное гнездо. Два черных ворона, высунув головы, разглядывали нас с высоты. При этом они переговаривались друг с другом при помощи глухих звуков, похожих на щелканье, раздававшееся где-то в глубине их глоток.

Затем птицы покинули свое гнездо и закружили под крышей домика, выделывая акробатические трюки в воздухе. Я во все глаза следила за их фокусами, кто бы мог подумать, что птицы умеют делать двойное сальто или летать вверх ногами! Разумеется, я не сразу обратила внимание на то, что с каждым кульбитом вороны оказывались все ближе и ближе к нам. Но бдительный Кишан снял с пояса чакру и занес ее над головой, как кинжал.

Я дотронулась до его руки и слегка покачала головой.

– Давай подождем и посмотрим, что они будут делать. Чего вы от нас хотите? – спросила я.

Птицы опустились на пол в нескольких шагах от нас. Один из воронов повернул голову и уставился на меня немигающим

черным глазом. Черный язык показался из разинутого клюва, пробуя воздух. Ворон сделал шаг в мою сторону.

Потом раздался сиплый, скрипучий голос:

– Отнасхотите?

– Вы меня понимаете?

Птицы закивали головами, время от времени прерываясь, чтобы пригладить свои перья.

– Что вы здесь делаете? И кто вы такие?

Вороны подскочили еще чуть ближе. Один из них сказал:

– Хуггггн.

Мне показалось, будто второй в это же время проскрежетал:

– Мууунан.

Я недоверчиво вытаращила глаза.

– Вы Хугин и Мунин?

Черные головы снова затряслись вверх-вниз. Птицы подпрыгнули еще ближе.

– Это вы украли мой браслет?

– И амулет? – добавил Кишан.

Головы дружно закивали.

– Знаете, мы хотим получить их обратно. Медовые кексы можете оставить себе. Впрочем, я думаю, вы их уже съели.

Птицы хрипло заклекотали, оглушительно защелкали черными клювами и замахали на нас своими крыльями. Взъерошенные перья распушились, так что оба ворона стали выглядеть вдвое крупнее, чем были.

Я с вызовом скрестила руки на груди.

– Не хотите отдавать, да? Что ж, это мы еще посмотрим!

Вороны нерешительно приблизились к нам, потом один из них вспорхнул мне на колено. Кишан немедленно всполошился.

Я снова дотронулась до его руки.

– Если это Хугин и Мунин, то они нашептывали мысли и воспоминания в уши Одину. Наверное, они хотят сесть нам на плечи и поговорить с нами.

Я оказалась права, поскольку стоило мне склонить голову набок, как один из воронов, захлопав крыльями, взлетел мне на плечо. Когда твердый клюв замер возле моего уха, я стала ждать, когда ворон заговорит. Но вместо этого почувствовала, будто из меня что-то вытягивают. Черная птица осторожно вытаскивала что-то из моего уха, но при этом я не ощущала никакой боли.

– Что ты делаешь?

– Мыслиотпираю.

– Что?

– Мыслиотпираю.

Я ощутила еще один рывок, потом из меня как будто что-то

выдернулось, и Хугин ускакал прочь, волоча в клюве нечто прозрачное, похожее на клок паутины.

Я зажала ладонью ухо.

– Что ты сделал? Выклевал часть моего мозга? Теперь у меня мозговая травма?

– Мыслиотпер.

– Да что это значит, в конце концов?

Ворон защелкал клювом, и нитевидная прядь, свисавшая из его клюва, начала медленно таять в воздухе. А я сидела, разинув рот от ужаса, и гадала, что же он со мной сделал. Неужели он украл мои воспоминания? Я стала лихорадочно рыться в своем мозгу, пытаясь припомнить все самое важное. Я искала какой-нибудь провал, пустоту или зазор. Но, разумеется, это был напрасный труд. Если эта вороватая птица в самом деле похитила мои воспоминания, то как я могла вспомнить, что это было?

Кишан коснулся моей руки.

– Ты в порядке? Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно, просто…

Я замолчала на полуслове, потому что в этот момент в мозгу у меня что-то сдвинулось. Что-то произошло. Нечто неуловимое прошлось по поверхности моего сознания, как резиновый скребок по намыленному оконному стеклу. Я чувствовала, как слои смятения, непонимания, интеллектуального хаоса и прочей грязи – мне придется пользоваться этим термином за неимением более подходящего слова – сходят с меня, как омертвевшая кожа после солнечного ожога. И из-под всех этих наносов проступала ясность, как будто до сих пор всевозможные страхи, тревоги и мрачные мысли забивали поры моего сознания.

В эти несколько секунд я с предельной ясностью увидела все, что нам предстоит сделать. Я поняла, что мы почти достигли своей цели. Увидела, что нас ждет встреча со свирепыми хранителями, стерегущими Шарф, и мне открылось, на что способен этот Шарф. В эту секунду я узнала, как спасти Рена.

Мунин прыгал перед Кишаном, ожидая его разрешения.

– Все нормально, Кишан! Давай. Позволь ему сесть тебе на плечо. Это не больно, честное слово. Поверь мне.

Он с сомнением посмотрел на меня, но все-таки склонил голову в сторону. Я, как зачарованная, смотрела, как Мунин захлопал огромными крыльями и тяжело опустился на плечо Кишану. Он не стал складывать крылья, а лениво помахивал ими, трудясь над ухом Кишана.

Пока они были заняты, я повернулась к Хугину.

– Мунин делает с ним то же самое, что ты со мной?

Ворон отрицательно покачал головой и переступил с лапы на

лапу. Потом, видимо, считая вопрос исчерпанным, принялся рыться клювом в перьях.

– А в чем разница? Что он делает?

– Разуйглаза.

– Разуйглаза?

Ворон важно кивнул.

Мунин спрыгнул на пол, волоча в клюве тонкий черный клочок размером с земляного червяка. Запрокинув голову, он разинул клюв и проглотил свою добычу.

– Фу… это что-то другое. Кишан? Что это было? Ты в порядке?

Он медленно, с усилием ответил:

– Со мной все хорошо. Он… он показал мне.

– Что он тебе показал?

– Он показал мне мои воспоминания… во всех подробностях. Я увидел все, что тогда произошло. Я снова увидел себя и Джесубай. Увидел своих родителей, Кадама, Дирена… всех нас. Но с одним большим отличием.

Я взяла его за руку.

– С каким? Что за отличие?

– Этот черный клочок, который ты видела… Мне трудно объяснить, но этот ворон будто снял с моих глаз черные очки. И я увидел все так, как оно произошло на самом деле, как было в жизни, понимаешь? Не со своей точки зрения, а в реальности. Я увидел все как будто глазами стороннего наблюдателя.

– И это изменило твои воспоминания?

– Не изменило… но прояснило. Я увидел, что Джесубай была милой нежной девушкой, которая очень хорошо ко мне относилась, но не по своей воле добивалась моего внимания. Она не любила меня так, как я любил ее. И очень боялась своего отца. Она была полностью послушна его воле, но в то же время отчаянно хотела сбежать от него куда угодно. И все закончилось тем, что отец убил ее… Он швырнул ее с такой силой, что она сломала себе шею. Как же я мог не заметить ее страха, ее постоянной тревоги? – Он потер подбородок. – Да, она хорошо скрывала свои чувства. А Локеш воспользовался моей любовью к Джесубай. Я должен был догадаться, что он за человек, но я был ослеплен, любовь лишила меня рассудка. Но как я мог не видеть этого до сих пор?

– Любовь порой толкает людей на безумства.

– А ты? Что увидела ты?

– Мне вроде как мозги пропылесосили.

– Что значит пропылесосили?

– Пылесос – это такая электрическая щетка для уборки. Мои

мысли теперь ясны, как твои воспоминания. Короче, теперь я знаю, как нам раздобыть Шарф и что будет дальше.

– И что же будет дальше?

– Это я расскажу тебе по пути, но сначала…

Я подпрыгнула и приподняла гнездо, примостившееся в углу домика. Оба ворона возмущенно запрыгали и злобно закаркали, разевая клювы. Не выдержав, они подлетели ко мне и замахали крыльями у меня перед лицом.

– Мне очень жаль, но, между прочим, вы сами виноваты. Это же вы прочистили мне мозги, не забыли? Не говоря уже о том, что это наши вещи. И они нам нужны.

Я забрала из гнезда фотоаппарат, свой браслет с медальоном и амулет. Кишан помог мне застегнуть браслет и цепочку от амулета, а фотоаппарат поглубже засунул в рюкзак. Птицы с молчаливым укором смотрели на меня.

– Ладно, может быть, у нас найдется для вас что– нибудь другое, взамен украденного, – сдалась я.

Кишан вытащил из рюкзака рыболовный крючок, светящуюся палочку и компас и сложил все это в гнездо. Как только я поставила гнездо на место, вороны бросились к нему, чтобы поскорее рассмотреть и оценить свои новые сокровища.

– Спасибо вам, приятели! Идем, Кишан. За мной!

21
Шарф Небесной Ткачихи

Я выпрямилась и подошла к углу домика. В этом месте с потолка свисала простая веревка. Я схватила ее и дернула. Откуда-то сверху послышалось тарахтение, панель потолка сдвинулась в сторону, и оттуда с грохотом вывалилась деревянная лестница.

– Следующая часть пути будет самой трудной, – объяснила я Кишану. – Эта лестница ведет к внешним ветвям, по которым нам предстоит забраться на самую вершину дерева, где мы увидим огромное птичье гнездо. Шарф хранится в гнезде, только птицы там живут железные.

– Железные птицы?

– Да, и нам придется сразиться с ними, чтобы забрать Шарф. Постой-ка. – Я быстренько пролистала записки мистера Кадама и отыскала нужную. – Вот. Тут сказано, с кем мы будем драться.

На картинке была изображена мифическая стимфалийская птица, выглядевшая достаточно жутко и без подробного описания, приложенного к иллюстрации.

Кишан прочитал вслух:

– «Кошмарные плотоядные птицы с железными клювами, бронзовыми когтями и ядовитым пометом. Обычно живут большими стаями».

– Милашки, скажи?

– Держись поближе ко мне, Келс. Мы не знаем, сможешь ли ты исцелиться здесь, как в стране сильван.

– Ну, насчет тебя мы тоже этого не знаем, – хмыкнула я. – Но так и быть, я постараюсь не бросать тебя надолго.

– Очень смешно, Келси. Лезь, я за тобой.

Мы взобрались по лестнице и очутились в гуще ветвей, переплетавшихся так плотно, что я невольно подумала о детском игровом городке. Лезть по этим веткам было не сложнее, чем путешествовать по такому городку, если, конечно, не задумываться о падении. Кишан заставил меня карабкаться первой, чтобы прийти мне на помощь, если я вдруг сорвусь, что однажды все-таки случилось. Моя подошва соскользнула с мокрой ветки, но Кишан поймал мою ногу, поставил ее обратно и подтолкнул меня наверх.

Порядком выдохшись, мы присели отдохнуть на ветках, прислонившись рюкзаками к стволу – я повыше, Кишан пониже. После того как он протянул мне бутылку с лимонадом без сахара,

которую я осушила одним долгим глотком, мне вдруг бросилась в глаза странная рана на ветке, на которой я сидела.

– Кишан, посмотри сюда.

Густая паста желтовато-зеленого цвета жирной каплей запеклась на краю моей ветки, проев ее почти наполовину вглубь.

– Мне кажется, мы нашли ядовитый помет, – сухо заметила я.

Кишан сморщил нос.

– Причем это старый экземпляр, возможно, двухнедельной давности. Но воняет будь здоров!

В самом деле, едкий смрад обжигал ноздри.

– Думаю, нам нужно всерьез остерегаться этих ядовитых бомб!

Теперь, когда мы познакомились с запахом железных птиц, нам не составило труда найти путь к гнезду. На это ушел еще час изнурительного подъема, но наконец мы увидели чудовищных размеров гнездо, расположенное на трех сплетенных вместе ветках.

– Ух ты, до чего же здоровенное! Больше, чем у Большой птицы!

– Кто такая Большая птица?

– Это такая огроменная желтая мохнатая кукла из передачи «Улица Сезам». Как ты думаешь, птицы где-то рядом?

– Я ничего не слышу, но запах тут повсюду.

– Хм, хорошо иметь тигриный нос под рукой! Лично я вообще ничего не чувствую.

– Считай, тебе повезло. Боюсь, что этот смрад будет преследовать меня до могилы.

– Мне кажется, это только справедливо, что тебе придется драться с вонючими птицами. Вспомни, что Рен сражался с каппами и бессмертными мартышками!

Кишан недовольно буркнул что-то себе под нос и полез к огромному гнезду. Повсюду на ветках блестели лужи засохшего помета, протравившие их во многих местах чуть ли не до середины. Вскоре я убедилась, что если поставить ногу слишком близко к такой кляксе, то ветка начинала крошиться, а иногда даже ломалась.

Мы потихоньку приближались к месту назначения, полагаясь на то, что животный слух Кишана заранее предупредит нас о приближении птиц. Гнездо оказалось размером с хороший бассейн, это было хитрое сооружение из веток толщиной в мою руку, сплетенных между собой в некое подобие циклопической пасхальной корзинки. Мы вскарабкались по веткам и залезли внутрь.

В центре гнезда покоились пять здоровенных яиц. Каждое из

них было величиной с джакузи. Бронзовые, гладкие и лоснящиеся, они горели на солнце, посылая слепящие лучи нам в глаза. Кишан легонько постучал по одному из яиц, и оно откликнулось гулким металлическим эхом.

Я обошла кругом яйца и ахнула. Оказалось, что яйца лежали на самой прекрасной, самой тончайшей ткани, которую я когда-либо видела в жизни. Это был Шарф Небесной Ткачихи! Он казался живым. Цвета чередовались и перетекали друг в друга, подчиняясь ритму геометрических узоров, вытканных на Шарфе. Калейдоскоп всех оттенков голубого сменялся ярко-розовыми и желтыми тонами, а те, в свою очередь, превращались в нежно-зеленые и золотые, чтобы незаметно перелиться в иссиня-черные волны цвета воронового крыла. В этом танце красок было что-то завораживающее.

Кишан окинул взглядом небо и сказал, что пока все чисто. Присев на корточки рядом со мной, он пристально осмотрел Шарф.

– Нам придется по одному перекатить эти яйца, – сказал он, изучив ситуацию. – Они очень тяжелые.

– Ладно. Давай начнем вот с этого.

Мы обхватили блестящее яйцо и осторожно откатили его на край гнезда, после чего вернулись за вторым. Возле него мы нашли птичье перо. Вы представляете себе, как выглядит перо обычной птицы? Легкое, гибкое, с полым стрежнем, правильно? Так вот, лежавшее перед нами перо было длиннее моей руки, тяжелое, как гиря, и цельнометаллическое. Когда Кишан с усилием сдвинул его в сторону, я заметила, что края у этого перышка острые, как зубья циркулярки.

– Хм, не нравится мне это.

– Еще бы, – не стал спорить Кишан. – Нам лучше поторопиться.

Мы катили третье яйцо, когда сверху раздался пронзительный крик.

Птица была еще далеко, но она стремительно приближалась к гнезду. Уж не знаю, как она смогла увидеть нас на таком расстоянии, но, на нашу беду, она это сделала. Я прикрыла глаза ладонью, чтобы лучше видеть. Сначала птица показалась мне небольшой, но по мере ее стремительного приближения мне пришлось изменить свою точку зрения. Могучие крылья надежно удерживали в воздухе жуткое создание, парившее на восходящих потоках теплого воздуха.

Бух. Солнце вспыхнуло на металлическом теле птицы, на миг ослепив меня. Бух. Она подлетела ближе и как будто увеличилась еще вдвое. Я услышала хриплый жалобный клич. В ответ раздался

чуть более тихий крик, и к первой птице присоединилась вторая. Бух.

Дерево заходило ходуном, когда огромная тяжесть обрушилась на ближайшую ветку. Птица заорала на нас и запрыгала к своему гнезду. Кишан загородил меня собой, и мы попятились назад, стараясь держаться спиной к стволу.

Бух. Бух. Бух. Птица пролетела прямо над нами. Честно говоря, она была больше похожа на чудовище, чем на птицу. Склонив голову, она сверлила нас своим бешеным взглядом. По моим грубым прикидкам размах ее крыльев составлял около сорока футов, то есть примерно половину длины самолета мистера Кадама. Я поспешно зарядила стрелу и оттянула тетиву, но в последнюю секунду невольно вздрогнула, потому что проклятая птица издала оглушительный визг, гудящей волной отдавшийся во всем моем теле. Моя рука дрогнула. Я промахнулась.

Тело у этого чудища было величиной с гигантского орла. Ряды плотных, лежащих внахлест перьев покрывали грудь птицы, а на ее длинные широкие крылья нельзя было даже взглянуть без страха. Перья там были длинной с доску для серфинга, а их заостренные кончики торчали в стороны, как зубцы на пиле. Вот железная птица забила крыльями и растопорщила хвостовые перья, чтобы вовремя затормозить и камнем ринуться вниз.

У нее были повадки настоящего хищника. Сильные, мускулистые ноги с острыми, как бритва, когтями вытянулись в нашу сторону, готовясь схватить. Кишан швырнул меня лицом на дно гнезда, и птица промахнулась на пару дюймов. Голова чудовища немного напоминала чаячью, с крепким, удлиненным и загнутым на конце клювом, вот только верхнее надклювье у нее венчалось дополнительным крюком, делая все сооружение опаснее обоюдоострого меча.

Подлетев поближе, вторая птица громко щелкнула на нас своим жутким клювом, и оба острых края лязгнули друг о друга, словно лезвия огромных ножниц. Видя, что одна из птиц подобралась слишком близко, я метнула в нее свою молнию. Луч энергии ударил чудище в металлическую грудь и отлетел обратно, не причинив ей ни малейшего вреда, зато подпалив ветки гнезда в каком-нибудь футе от ноги Кишана.

– Осторожнее, Келс!

Все это мне очень не нравилось.

– Мои молнии на нее не действуют! – проорала я.

– Дай-ка я попробую! – Он швырнул свою чакру. Она со свистом прорезала воздух и описала широкую дугу за спиной птицы.

– Кишан! Как можно промахнуться мимо такой туши?

– Смотри внимательнее!

Чакра закончила вычерчивать дугу и помчалась обратно к Кишану. На обратном пути она ударила птицу и вгрызлась в ее металлическое крыло с жутким звуком, с которым дрель входит в лист металла. Птица издала пронзительный крик и рухнула в тысячефутовую бездну, разверстую под кроной дерева, теряя при падении перья и куски крыльев. Дерево бурно закачалось.

Еще три птицы закружили над нашими головами, пытаясь достать нас острыми когтями или клювами. Я зарядила еще одну стрелу и прицелилась в ближайшую к нам хищницу. Стрела угодила ей прямо в грудь, но даже не оцарапала, а только еще больше разозлила.

Кишан юркнул в щель между яйцами, уворачиваясь от птицы, вознамерившейся насадить его на свой коготь, как на шампур.

– Цель не в броню, а в глаз или горло, Келси!

Послушавшись мудрого совета, я пустила вторую стрелу в шею птицы, а третью – в ее глаз. Чудовище отпрянуло, а потом упало, кувыркаясь в воздухе, как потерявший управление самолет.

Вот теперь мы не на шутку их разозлили.

Прибыло подкрепление. Эти птицы действовали весьма умно и находчиво. Одна из них стала наступать на Кишана, постепенно оттесняя его к краю гнезда. Выждав, когда он окажется полностью поглощен этими маневрами, вторая птица подлетела сверху и схватила Кишана в когти.

– Кишан!

Я вскинула руку, метя в глаз похитительнице. На этот раз моя молния сработала, как надо. Железная птица зашлась визгом и разжала когти, выронив Кишана обратно в гнездо. Я проделала тот же фокус со второй противницей, и та улетела, громко зовя на подмогу товарок.

Я подбежала к Кишану.

– Ты цел?

Его рубашка была порвана и залита кровью. Птичьи когти пробороздили глубокие раны на его груди, кровь лилась ручьями.

– Все… нормально, – прохрипел Кишан. – Просто… больно. Как будто… порезали раскаленными ножами, но все… уже заживает. Не подпускай их к себе!

Больше всего меня встревожило то, что кожа вокруг его ран стала быстро опухать, наливаясь грозной краснотой.

– Мне кажется, у них когти покрыты какой-то кислотой, – с жалостью пробормотала я.

Кишан с шумом втянул в себя воздух, когда я дотронулась до

его кожи.

– Все заживет. – Внезапно он замер. – Слушай! Они переговариваются друг с другом. Они возвращаются! Приготовься, – прокряхтел он и с усилием встал, а я заняла место за двумя оставшимися яйцами.

– С учетом всех обстоятельств я бы все-таки предпочел мартышек! – крикнул мне Кишан.

Я поежилась.

– Не стоит торопиться с выводами, – ответила я. – Мы с тобой возьмем в прокате «Кинг-Конга» и «Птиц», а потом ты решишь, что лучше.

Он ухмыльнулся и крикнул на бегу:

– То есть ты приглашаешь меня на свидание? Если да, то это дает мне дополнительный стимул выбраться отсюда живым.

– Ради этого я готова на все!

– Ловлю тебя на слове.

Кишан перебежал к дальнему краю гнезда, ловко вскарабкался наверх и перепрыгнул на ветку, уходившую куда-то в небеса. Здесь он вытащил чакру и запустил ее в воздух. Солнце полыхнуло на поверхности золотого диска, в мгновение ока чакра облетела вокруг ствола, покромсав не меньше дюжины птиц, круживших над кроной.

Они рассыпались во все стороны, но быстро перегруппировались. Мне казалось, будто я вижу, как они просчитывают свой следующий шаг. Внезапно птицы, как по команде, разом ринулись на нас. С визгом и клекотом стая понеслась в атаку. Однажды мне довелось увидеть совместное нападение стаи чаек на человека. Окружив на берегу мужчину с сэндвичем в руках, они клевали и преследовали его до тех пор, пока он с криком не бросился наутек. Те птицы действовали пугающе дружно, решительно и агрессивно. Но ведь это были всего лишь чайки, а не металлические чудовища!

Птицы с треском ломали ветки дерева, прорываясь к нам. Больше половины стаи погналось за Кишаном, который ловко прыгал с ветки на ветку, пока не очутился у меня за спиной под защитой яиц. Воздух вокруг гнезда бурлил от свирепого хлопанья крыльев. Казалось, мы очутились в центре смерча. Кишан еще дважды метнул свою чакру, которая, прежде чем вернуться к своему хозяину, успела отсечь лапу одной птице и распороть живот другой. Я тоже не отставала: пустила стрелы в глаза двум птицам и еще двух ослепила молниями.

– Ты не можешь отогнать их от меня на минутку, Келс? – прокричал Кишан.

– Попробую! А зачем?

– Хочу сдвинуть два оставшихся яйца!

– Давай, только поторопись!

В порядке эксперимента я попробовала зарядить очередную стрелу своей силой, прежде чем отпустить тетиву. Эффект превзошел все ожидания. Моя стрела с такой силой вонзилась в глаз птице, что оторвала ей голову. Дымящееся обугленное туловище с оглушительным грохотом обрушилось на край гнезда, частично повиснув в воздухе. Гнездо затрещало и опасно накренилось, едва не свалившись с дерева. При этом его так сильно тряхнуло, что меня подкинуло в воздух, как на батуте, и перебросило через стену гнезда. В последний момент я успела уцепиться за край, чтобы не упасть.

Каким-то чудом мне удалось перебросить руки через край, но тяжесть собственного тела увлекала меня вниз. По руке текла кровь. Со свирепой решимостью я впилась пальцами в стену гнезда и просунула ногу между ветками, чтобы не свалиться. При этом я сорвала пару ногтей и расцарапала в кровь руки и ноги, но все это были сущие пустяки. Главное, я не упала, избежав ужасной смерти. По крайней мере, временно.

Кишан оказался гораздо устойчивее меня. Он быстро вскочил на ноги и бросился ко мне.

– Держись, Келс!

Он подбежал к краю гнезда, лег на живот и вытянул руку. Схватив меня сначала за одно плечо, потом за другое, он рванул изо всех сил, и я шлепнулась на него сверху.

– Цела? – только и спросил он.

– Ага. Все нормально.

– Вот и славно, – улыбнулся он и только успел обнять меня, как вдруг заметил наверху новую напасть. Подложив одну ладонь мне под затылок, а второй рукой обхватив за талию, он покатился вместе со мной через все гнездо, пока мы не врезались в противоположную стену. И остались лежать, причем Кишан оказался на мне сверху.

– Берегись! – завизжала я.

Две птицы с двух сторон склонились над нами, приготовившись искромсать нас своими металлическими клювами. Я подобрала валявшуюся рядом сломанную ветку и воткнула ее в глаз ближайшей птице, уже изготовившейся освежевать Кишана. Вторую я обезвредила молнией.

– Спасибо.

Я улыбнулась до ушей, гордая своими успехами.

– Пожалуйста.

Гнездо снова угрожающе накренилось. Обезглавленное тело птицы, валявшееся на его краю, было слишком тяжелым, чтобы

удержаться в таком положении. Оно начало падать, увлекая за собой гнездо. Кишан ухватился за ветки по обе стороны от моей головы.

– Держись! – заорал он.

Я обвила руками его шею, прижалась всем телом и замерла, а гнездо, накренившись над бездной, развалилось пополам. Одна его часть, вместе с птицей, полетела вниз, а вторая – та, в которой остались мы с Кишаном, повисла на двух надломленных ветках. В животе у меня все оборвалось, когда эта половина гнезда вместе с ветками, на которых оно худо-бедно держалось, вдруг сорвалась и, пролетев фута три вниз, с зубодробительным треском ударилась о развилку сучьев. Три яйца выкатились из него и разбились о нижние ветки. Мы с Кишаном шмякнулись на дно гнезда и кубарем покатились к краю.

– Где Шарф? – завизжала я.

– Тут!

Невесомый Шарф, вылетев из гнезда, повис на сломанной ветке в нескольких футах под нами. Он трепетал на ветру и мог в любой момент упорхнуть прочь.

– Келс, давай быстрее! Возьмись за мою руку. Я опущу тебя вниз, а ты его достанешь.

– Ты уверен?

– Да, уверен! Давай!

Кишан схватил меня за руку и опустил вниз. До сих пор не могу поверить, что у него хватило на это сил! Он уцепился второй рукой за ветку и держал нас обоих на одной руке. И все-таки этого оказалось недостаточно.

– Я не могу до него дотянуться! Может, ты возьмешь меня за ногу?

– Да, пожалуй. Вернись-ка на секунду.

Кряхтя от натуги, Кишан втащил меня обратно, подбросил в воздух, как мешок с мукой, и поймал за талию, не дав упасть. Я судорожно обхватила его за шею, ловя воздух разинутым ртом.

– Что… делать?

– Сначала вот это. – Он прильнул к моим губам и жадно поцеловал. – А теперь обхвати меня левой ногой за пояс.

Я выразительно посмотрела на него.

– Да делай же, что тебе сказано!

После нескольких попыток мне все-таки удалось кое-как зацепиться ногой за его талию. После этого он выпустил меня и схватил за ногу. Это было жутко. Но мне снова пришлось поверить, что Кишан сможет удержать нас одной рукой. По сравнению с этим мой акробатический номер на плечах у Рена в Кишкиндхе казался детской забавой.

Я поморщилась при мысли о том, какие еще безумные фокусы мне придется проделать в будущем, выполняя оставшиеся два задания. Мысленно я молила ветки подержать гнездо еще немножечко, хотя бы до тех пор, пока я не поймаю вьющийся на ветру Шарф. Но, будучи реалисткой, я каждую секунду ожидала услышать громкий треск, знаменующий конец всех наших надежд.

Отпустив шею Кишана, я стала медленно опрокидываться вниз, держась сначала за ремень его брюк, потом за колено, а в конце концов, за стопу. При этом я безостановочно бормотала:

– Неужели нельзя было выбрать для всех этих приключений акробатку из Цирка Дю Солей? Если кому-то интересно мое мнение, то я считаю, что болтаться вниз головой на сломанной ветке в тысячах футов от земли – задание не для девушки, посещающий начальный класс ушу!

– Келс!

– Что?

– Закрой рот и достань Шарф!

– А я что делаю?

Я потянулась ниже, Кишан громко застонал.

– Ну же, Кишан! Осталась всего пара дюймиков!

Его рука сдвинулась с моей икры на лодыжку, и я закачалась над зеленой бездной.

До смерти перепугавшись, я стала звать Кишана, но потом пересилила себя, быстро зажмурилась, сглотнула – и качнулась всем телом в сторону Шарфа. И тут ветер сорвал его с ветки. Колышась в воздухе, он проплыл мимо меня. В последнюю секунду я успела схватить его за кончик и вот тогда – вися вниз головой, оглушенная грохотом крови в ушах, до боли стискивая в пальцах Шарф, в то время как Кишан из последних сил удерживал нас обоих, – меня посетило видение.

Зеленый шатер листвы, расплывшись, закачался у меня перед глазами, потом стал выцветать, пока не побелел, и тогда я услышала голос:

– Келси! Мисс Келси! Вы меня слышите?

– Мистер Кадам? Да, я вас слышу.

Я увидела смутные очертания палатки у него за спиной.

– Я даже вашу палатку вижу!

– А я вижу вас и Кишана.

– Что? – Я повернула голову за спину и увидела стертую фигуру Кишана, державшего за ногу мое перевернутое вниз головой тело. Шарф опасно свисал с моего скрюченного пальца. Словно сквозь вату до меня донесся далекий крик Кишана:

«Келси! Держись!»

Потом из воздуха стали проступать призрачные очертания какого-то другого человека.

И я снова услышала близкий голос мистера Кадама:

– Не говорите ни слова. Ни в коем случае не позволяйте ему вызвать вас на разговор.

– Хорошо.

В ту же секунду медальон мистера Кадама засветился красным. Посмотрев на свой, я убедилась, что он тоже покраснел. Когда я снова подняла глаза, из тумана выступила фигура еще одного человека.

Локеш.

На этот раз он был одет в деловой костюм. Его черные волосы были гладко зачесаны назад, а пальцы унизаны перстнями. Медальон у него на шее тоже сиял красным светом, и я сразу заметила, что он намного крупнее наших.

Локеш улыбнулся, его лживые черные глаза вспыхнули.

– Ах! А я-то все думал, когда же мы снова увидимся с вами! – Он говорил очень вежливо, словно мы только что познакомились на вечернем чаепитии. – Дорогая моя, я потратил на вас очень много времени и ресурсов.

Я молча разглядывала его, не говоря ни слова. Но невольно поморщилась, когда он стал бесцеремонно меня рассматривать.

Локеш снова заговорил тихим, угрожающим голосом:

– К сожалению, у нас нет времени углубляться в столь любимые мною подробности, поэтому буду краток. Я хочу получить медальон, который вы носите. Вы принесете его мне. Если вы сделаете это, я подарю жизнь вашему тигру. Если же нет… – Он вытащил из кармана нож, попробовал большим пальцем остроту лезвия. – Я разыщу вас, перережу вам горло… – Он холодно посмотрел мне в глаза, прежде чем закончить: – …и сниму его с вашей окровавленной шеи.

Мистер Кадам не выдержал.

– Не вмешивайте юную леди в свои дела! Я сам встречусь с вами и отдам то, что вы требуете. А вы за это отпустите тигра на свободу.

Локеш повернулся к мистеру Кадаму, мерзкая улыбка исказила его черты.

– Я не сразу узнал вас, мой друг. Кстати, любопытно будет узнать, как вы заполучили свой амулет. Если хотите заключить сделку, приходите в мой офис в Мумбаи.

– Как же мне найти этот офис, друг мой?

– Отыщете самое высокое здание в Мумбаи, мой офис в пентхаусе.

Мистер Кадам кивнул, и Локеш продолжил давать ему инструкции. Пока они говорили, я пыталась рассмотреть подернутую дымкой сцену, разворачивавшуюся за спиной у Локеша. Какой-то человек с великим почтением обращался к нему, но Локеш не обращал на него никакого внимания. Мистер Кадам однажды сказал, что незначительные на первый взгляд детали видения могут подсказать нам, где искать Рена, поэтому я старалась запомнить все до мельчайших подробностей.

У слуги, обращавшего к Локешу, были черные волосы, уложенные в пышный пучок надо лбом. Через весь лоб у него вилась татуировка, очень похожая на строки пророчества, написанные на санскрите. Мужчина был обнажен по пояс, его грудь и шею украшали многочисленные ожерелья из самодельных бусин. Золотые кольца позвякивали в его ушах. Он поддерживал рукой другого мужчину и указывал Локешу на него.

Второй мужчина стоял дальше от меня, уронив голову на грудь. Спутанные пряди грязных волос падали ему на лицо. Он был весь избит и окровавлен, но из последних сил пытался вырваться из рук человека, державшего его. Слуга орал на него и толкал, пока несчастный, споткнувшись, не рухнул на колени. Тогда слуга наотмашь ударил его по лицу и рывком запрокинул ему голову назад. При этом волосы истерзанного пленника упали с его лба. И я увидела его проникновенные ярко-синие глаза.

Не помня себя, я бросилась вперед и закричала:

– Рен!

Но он меня не слышал. Его голова снова безжизненно упала на грудь. А я разрыдалась.

Но кое-кто услышал меня. Локеш. Он хищно обернулся и прищурился. Потом крикнул что-то своим слугам, но те его не слышали. Тогда он снова повернулся ко мне и впервые впился взглядом в туманные картины за моей спиной. Все вокруг нас стало быстро терять свои очертания. Я не знала, сумел ли Локеш увидеть Кишана, но молилась, чтобы этого не произошло.

Через мгновение колдун перевел взгляд на меня. Не оборачиваясь, он указал на Рена и с притворным сочувствием пощелкал языком.

– Как, должно быть, мучительно для вас видеть его в таком виде! Хотите, открою вам маленький секрет? Он зовет вас, когда я его пытаю. К несчастью для него, он не хочет поделиться со мной сведениями о вас. – Он отвратительно усмехнулся. – Представляете, он даже не назвал мне вашего имени, хотя я и так его знаю. Вас зовут Келси, не так ли?

Локеш впился глазами в мое лицо, ожидая подсказки.

Потом насмешливо продолжил:

– Это стало камнем преткновения для нашей дружбы. Он оказался настолько скрытен, что не захотел даже подтвердить мои сведения о вашем имени! Признаться, я не был удивлен. Он всегда был чересчур упрям. О, вы снова плачете? Какая жалость! Но утешьтесь, ведь он не сможет молчать вечно! Поверьте моему опыту. Если, конечно, не умрет от боли прежде, чем образумится. К счастью для меня, его тело наделено огромным запасом прочности. – Краем глаза следя за моим лицом, Локеш стал вычищать микроскопические пылинки из-под ногтей. – Не стану скрывать, мне очень нравится его мучить. Два удовольствия в одном – смотреть, как он страдает и как человек, и как зверь. Вы себе не представляете, сколь неслыханно утонченным я могу быть в своих изысканиях! Одно плохо – наш друг исцеляется так быстро, что даже мне никак не удается довести его до пределов выносливости. Но могу заверить вас – я делаю для этого все возможное.

Я сунула в рот дрожащие пальцы, укусила их, подавляя рыдание, и с мольбой посмотрела на мистера Кадама. Но тот лишь покачал головой, веля мне хранить молчание.

Локеш язвительно усмехнулся.

– Впрочем, если вы подтвердите, как вас зовут, я дам ему краткую… как бы это сказать? О да, краткую передышку. Не утруждайтесь говорить, меня устроит простой кивок. Ведь вас зовут Келси Хайес, не так ли?

Я не сводила глаз с Рена. Я не могла ни шевельнуться, ни взглянуть на Локеша.

Он стал терять терпение:

– Я полагаю, если вы хоть немного любите этого упрямца, вы захотите хотя бы ненадолго избавить его от боли, хотя бы немного облегчить его муки! Нет? Вероятно, я ошибся в ваших чувствах. Но, несомненно, не ошибся в его привязанностях. Он не сказал ни слова о вас, лишь во сне он взывает к своей возлюбленной. Впрочем, наверное, это не вас он зовет своей любимой. – Он надолго замолчал. – Ах, да, чуть не забыл! Двум нашим братцам никогда не везло в любви, не правда ли? Пожалуй, пришло время избавить хоть одного из них от напрасных страданий. С моей стороны это будет актом милосердия.

И тут я не смогла сдержаться.

– Нет! – закричала я не своим голосом.

Локеш изогнул бровь и сказал что-то, но так тихо, что я не расслышала. Когда мы трое больше не могли слышать друг друга, мистер Кадам повернулся и посмотрел мне в лицо. Локеш, не сводивший с нас глаз, делал мне какие-то жесты руками, но я не

обращала на него внимания и смотрела только на мистера Кадама, медленно таявшего в воздухе. Я стояла и вытирала слезы руками, а он печально улыбнулся мне, подмигнул – и исчез.

Я моргнула, и белизна сменилась яркой зеленью. Кровь молотом стучала в ушах.

Кишан, надрывая голос, орал на меня:

– Келси! Да Келси же! Очнись!

К счастью, я каким-то чудом не выронила Шарф.

– Я его поймала! Вытягивай меня, Кишан!

– Келси! Берегись!

Раздался птичий визг. Извернувшись, чтобы посмотреть наверх, я увидела прямо перед собой широко разинутый черный зев металлический птицы и получила уникальную возможность во всех подробностях рассмотреть устройство ее обоюдоострого ножницевидного клюва. Грозные края этого клюва были покрыты зеленой патиной. Я послала ей в глотку молнию, и птица улетела. Дым, как из трубы, клубами валил у нее из клюва.

Захрипев от натуги, Кишан потащил меня наверх. Я обхватила его за пояс и вцепилась мертвой хваткой. Убедившись, что я ни за что его не отпущу, Кишан разжал руки, а я сплела пальцы у него за спиной, сжимая в кулаке Шарф. Одним могучим усилием Кишан подтянулся на край сломанного гнезда и помог мне залезть. Я заметила, что руки у него дрожат от напряжения.

Он сел и первым делом осмотрел мои руки и ноги.

– Цела? Что с тобой было?

– Очередное видение, – прошептала я. – Потом расскажу.

Мы пригнулись, услышав поблизости птичий крик. Я подняла рюкзак, взяла в руку лук и колчан, по волшебству наполнившийся новыми золотыми стрелами.

– Ну, что теперь? – спросил Кишан.

– Теперь уносим отсюда ноги. Быстрее!

Мы стали спускаться вниз по веткам, пока не убедились, что птицы больше не могут разглядеть нас с высоты. Мы еще слышали, как они кружат над своим разоренным гнездом, перекликаясь друг с другом, но чем дальше мы уходили, тем тише становились крики. Вскоре мы перестали их слышать.

– Стой, Келс. Нужно передохнуть.

– Ладно.

Золотой плод услужливо подал нам еду и напитки, а после того, как мы подкрепились, Кишан заставил меня показать ему мои раны. Сам он выглядел совершенно невредимым. Все его порезы уже зажили, зато у меня были отвратительного вида ссадины и раны на руках и ногах. Кроме того, я с мясом сорвала

пару ногтей, которые теперь кровоточили, а еще под один ноготь загнала длиннющую щепку, которой Кишан и занялся в первую очередь.

– Будет больно, – сочувственно сказал он. – Щепки и иглы дикобразов – злейшие враги тигров.

– Неужели? Почему?

– Мы тремся боками о деревья, чтобы пометить свою территорию, а дикобразами изредка питаемся. Умный тигр нападает на дикобраза спереди, но иногда эти твари могут извернуться и распустить свои колючки. Я несколько раз загонял себе в лапы такие иглы, они причиняют жуткую боль, и раны всегда нарывают. При ходьбе эти иглы ломаются. Тигр никак не может вытащить их самостоятельно, поэтому мне приходилось ждать, когда придет время превратиться в человека, чтобы избавиться от этой пакости.

– Ох, бедные тигры! А я-то все ломала голову, почему Рен всегда терся о деревья в джунглях! А эти иглы дикобразов не могут выйти сами?

– Нет. Они сгибаются в кольцо и остаются под кожей. Раствориться они не могут, выйти тоже. Щепки еще могут выйти сами или с гноем, а иглы никогда. Они остаются в тигрином теле до конца жизни. Кстати, из-за них многие наши собратья становятся людоедами. Они испытывают постоянную боль и уже не могут охотиться на крупную или быстроногую дичь. Приходится нападать на тех, кто послабее. Я знал нескольких тигров, которые умерли от голода из-за таких ран.

– Но если все так ужасно, то здравый смысл должен подсказывать тиграм не охотиться на дикобразов!

Кишан лукаво улыбнулся.

– Но они же такие вкусные!

– Фу! – Я со свистом втянула в себя воздух. – Ой!

– Почти все. Ну вот. Готово.

– Спасибо.

Он промыл мои самые глубокие царапины спиртовыми салфетками и перевязал, где смог.

– Думаю, здесь у тебя все заживет быстрее, чем обычно, хотя и не так быстро, как у меня. Нам нужно отдохнуть.

– Отдохнем, когда спустимся.

Кишан со вздохом потер подбородок.

– Келс, мы лезли сюда несколько дней. Спуск займет почти столько же.

– А вот и нет! Я знаю короткий путь. Когда вороны промыли мне мозги, я увидела, что умеет делать волшебный Шарф. Нам нужно только прогуляться по длинной ветке.

Я видела, что Кишан встревожился, однако без возражений подчинился. Мы дошли до самого конца ветки.

– Что дальше? – спросил он.

– Смотри!

Я положила Шарф на ладонь и сказала:

– Двухместный парашют, пожалуйста.

Шарф задрожал, скрутился в узел, сжался в комок, растянулся, а потом сложился в несколько раз. На глазах у нас с Кишаном со всех четырех его концов показались нити. Они тянулись, сплетались вместе, образовывали узлы, стропы и лямки. Наконец Шарф застыл. Он превратился в гигантский рюкзак с двумя парами лямок.

Кишан в недоумении уставился на него.

– Ты что сделала, Келси?

– Увидишь. Надевай быстрее!

– Насколько я помню, ты попросила парашют. Ты полагаешь, что отсюда можно спуститься на парашюте?

– Угу.

– Мне так не кажется.

– Слушай, хватит разговоров. Ведь тигры не боятся высоты, правда?

– Дело не в высоте, Келси. Дело в том, что мы находимся на огромной высоте, на ветке дерева, а ты предлагаешь броситься в бездну, доверившись странной тряпке, которую ты принимаешь за парашют.

– Это и есть парашют, и у нас все получится.

– Келси.

– Что нам сказал Океан-Учитель? Имей веру! Этот Шарф может проделывать и не такие штуки, я тебе на обратном пути все о нем расскажу. А теперь, Кишан, доверься мне.

– Я верю тебе, но не верю этой тряпке.

– Ладно, я собираюсь прыгнуть вниз. Ты со мной или как?

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты упряма, как ослица? И второй вопрос: с Реном ты тоже была такой упрямой?

– Рену пришлось иметь дело не только с упрямством, но и с сарказмом, так что тебе еще повезло.

– Так-то оно так, но ему в награду доставались поцелуи.

– Тебе тоже досталась парочка.

– Но они не были даны мне добровольно!

– Правильно, потому что ты их украл.

– Лучше украденные поцелуи, чем никакие.

Я выразительно подняла брови.

– Ты затеял этот спор со мной, потому что струсил?

– Нет. Я не трушу. Ладно. Если ты настаиваешь, то хоть

объясни, как действует твоя тряпка.

– Легко! Мы пристегиваемся, прыгаем, летим вниз с дерева, а потом дергаем за вытяжной трос. По крайней мере, мне кажется, что это делается именно так, – негромко пробормотала я.

– Келси.

– Не волнуйся! Мы должны спуститься именно так. Я знаю, что у нас все получится.

– Ладно.

Он стал пристегиваться, а я в это время перевесила свой рюкзак на грудь. Потом подошла к Кишану.

– Э-э-э… ты слишком высокий для меня. Наверное, мне нужно встать на ветку повыше.

Я огляделась в поисках чего-нибудь подходящего, но Кишан просто обнял меня за талию и приподнял. Он держал меня на весу возле своей груди, пока я пристегивалась.

– Спасибо. Теперь ты должен обнять меня, разбежаться и спрыгнуть с ветки. Справишься?

– Полагаю, что да, – сухо ответил он. – Готова?

– Да.

Он крепче прижал меня к себе.

– Раз… Два… Три…

Кишан сделал пять огромных прыжков и бросился в бездну.

22
Выход

Ветер оглушительно свистел у нас в ушах, а мы стремительно падали вниз, кувыркаясь в воздухе, как домик Дороти, подхваченный смерчем. В конце концов Кишану удалось зафиксировать нас в положении лицом вниз. Он поймал мои машущие в воздухе руки, и теперь мы держались друг за друга. Но не успели мы занять более-менее стабильное положение, как сверху раздался до тошноты знакомый визг. Металлическая птица неслась за нами в погоню.

Кишан поднял мою левую руку в воздух, и мы резко развернулись вправо, набирая скорость. Птица повторила наш маневр. Тогда он поднял наши правые руки, и мы повернули влево. Теперь птица оказалась прямо над нами.

Кишан прокричал:

– Держись, Келс!

Он отвел наши руки назад, прижал к бокам, после чего мы дружно нагнули головы вниз. И камнем ринулись вниз. Но хитрая птица тоже сложила крылья и понеслась следом за нами.

– Я сейчас разверну нас, Келс! Попробуй срезать ее молнией! Готова?

Я кивнула, и Кишан молниеносным кувырком перевернул нас спинами вниз. Теперь я оказалась сверху, и мне открылся вид на металлическое брюхо птицы. Я послала в него серию коротких молний, намереваясь разозлить птицу, чтобы она отвязалась от нас. В глаз я ей не попала, зато угодила в угол клюва. Как я и рассчитывала, птице такое обхождение очень не понравилось, и она с возмущенным визгом улетела прочь.

– Держись!

Кишан снова перевернул нас и выровнял в воздухе. Потом он дернул за кольцо, и я услышала шуршание материи, расправлявшейся на ветру. Послышалось громкое «хлоп!», и Шарф-парашют раскрылся. После этого мы стали падать гораздо медленнее, и Кишан крепче обнял меня за талию. Через какое-то время он взялся за клеванты и стал управлять стропами.

– Правь так, чтобы мы пролетели между двумя горами! – прокричала я ему.

Но тут сверху снова раздался пронзительный визг, означавший, что птицы отыскали нас и здесь. Целых три твари закружили над нами, пытаясь достать когтями и клювами. Я попыталась отогнать их молниями, но на таком расстоянии было

очень трудно попасть им в глаза. Тогда я открыла рюкзак, висевший у меня на груди, и вытащила лук.

Кишан уклонился влево, а я прицелилась и пустила стрелу. Она просвистела над головой у птицы. Зато вторая стрела угодила ей в шею, а поскольку я догадалась зарядить ее энергией, птицу здорово тряхнуло током. Я слышала, как она с грохотом рухнула вниз. Еще одна птица ухитрилась задеть нас крылом, заставив несколько раз перекувырнуться в воздухе, но я так разозлила ее своими молниями, что она не стала развивать успех и ретировалась. Зато третья птица оказалась очень коварной. Она старалась держаться у нас за спиной, не попадая в поле моего зрения. При этом она совершала дерзкие налеты на наш парашют, ухитрившись когтем прорвать в его куполе огромную дыру. Купал тут же сдулся, и мы начали падать. Кишан пытался управлять нашим полетом, но шквалистый ветер был намного сильнее.

И тут парашют начал сам себя чинить. Нитки сами собой вытянулись из ткани, переплелись, натянулись – и наш чудесный Шарф снова стал целехонек, а от дыры не осталось и следа. Купол вновь наполнился воздухом, а Кишан, дернув за стропу, вывел нас на нужный курс.

Упорная птица, взбешенная неудачей, возобновила свои нападения, ловко избегая моих стрел. При этом она оглушительно орала, и, что было еще хуже, на ее крики откликнулись другие птицы.

– Нужно приземляться!

– Уже скоро, Келс!

Теперь нас преследовало не меньше дюжины птиц. Только чудо могло спасти нас, позволив живыми спуститься на землю. Кровожадная стая кружила над нами, хлопала крыльями, визжала, вопила и щелкала клювами.

Но мы были уже почти у цели. Нам нужно было продержаться всего несколько секунд! Но птица, похоже, тоже поняла это. Она камнем ринулась на нас. Так получилось, что мы заметили это только в самое последнее мгновение. Мерзкая тварь широко разинула глотку, готовясь перерезать нас пополам своим клювом-ножницами. Мысленно я уже слышала, как трещат мои когти, и видела, как металлическая птица разрезает меня на кусочки.

Я выпустила несколько стрел, но все мимо. Ветер тоже обратился против нас и теперь дул нам в лицо, ограничивая мои возможности. Кишан, как мог, маневрировал нашим парашютом, то камнем пикируя вниз, то выписывая резкие развороты в стороны. В конце концов, я просто закрыла глаза и вскоре почувствовала удар о твердую землю.

Кишан пробежал несколько шагов, потом рухнул сверху меня

на траву. Несколько секунд он отчаянно ворочался на мне, пытаясь отстегнуть снаряжение.

– Пригни голову, Келс!

Птица была уже над нами. Она вцепилась клювом в купол парашюта и с силой рванула, распоров его пополам. Я невольно сморщилась, прислушиваясь к жуткому треску рвущейся волшебной ткани. Отчаявшись добраться до нас, птица бросила изуродованный парашют и снова закружила в воздухе. Кишан высвободился наконец из снаряжения, вытащил из рюкзака чакру и запустил ее в птицу, а я, присев на корточки, стала складывать парашют.

– Пожалуйста, починись и уменьшись!

Ничего не произошло. Кишан снова швырнул свою чакру.

– Мне нужна помощь, Келс!

Я выпустила несколько стрел, краем глаза косясь на волшебную ткань. Наконец она начала расплетаться и сжиматься, сначала медленно, потом все быстрее. Не успела я и глазом моргнуть, как парашют снова превратился в Шарф.

– Займи их на минутку, Кишан. Я знаю, что делать.

Взяв в руки Шарф, я попросила:

– Собери все ветры в один!

Узоры всколыхнулись, цвета изменились, а сам Шарф начал удлиняться. Крутясь и вертясь, он стал раздуваться и расти, пока не превратился в большой мешок, полощущийся на ветру. Сильный поток воздуха ударил мне в лицо, прежде чем ринуться в мешок. Когда первый ветер иссяк, сзади налетел второй и тоже помчался в волшебную торбу. Вскоре на меня со всех сторон обрушились ветры. Они бросали и тянули меня во все стороны, так что я с трудом удерживала мешок с беснующимися вихрями.

Наконец последние порывы иссякли, и воздух стал совершенно неподвижен, только мешок бешено рвался у меня из рук. Я посмотрела на Кишана, окруженного десятком птиц, которых он с трудом удерживал на расстоянии своей смертоносной чакрой.

– Кишан! Спрячься за меня!

Он отвел руку назад и мощным броском запустил в небо чарку. Пока она со свистом разрезала воздух, он в один прыжок очутился возле меня, схватился одной рукой за мой брыкающийся мешок, а второй поймал свое оружие, прежде чем оно снесло мне голову.

Я возмущенно подняла брови, а он только ухмыльнулся до ушей.

– Ладно, готов? – крикнула я. – Тогда раз, два, три!

Мы открыли мешок и выпустили все ветра Шангри-Ла на

птиц. Трех тварей тут же расплющило о склон горы, а остальные с позорным визгом помчались спасаться на свое Мировое Древо. Когда ветры стихли, а пустой мешок вяло провис у нас в руках, Кишан изумленно воззрился на меня.

– Келси… Как ты это… – Он осекся и замолчал.

– Шарф, прошу тебя.

Мешок смялся, сжался, перекрутился узлом, стал нежно-голубым, потом золотистым и вот уже вновь превратился в легкий воздушный Шарф. Я повязала его на шею, перебросив один конец через плечо.

– Отвечу честно: сама не знаю. Когда Хугин и Мунин прочистили мне мозги, в моей памяти всплыли все легенды и мифы, которые я читала раньше. Я вспомнила наставления Небесной Ткачихи и все, о чем рассказывал мистер Кадам. Однажды он рассказал мне легенду о японском божестве по имени Фудзин, который повелевал ветрами и повсюду носил их с собой в мешке. И еще я узнала, что этот Шарф волшебный, как Золотой плод. Возможно, я знала обо всем этом и до того, как Хугин нашептал мне мысли на ухо. А может быть, нет. Я знаю, что Шарф может сделать что-то еще, нечто такое, что поможет нам спасти Рена, но я расскажу тебе об этом после того, как мы выберемся отсюда, ладно? Птицы скоро вернутся, и нам нужно торопиться.

– Ладно, но сначала мне нужно кое-что сделать.

– Что же?

– Вот это.

Он рванул меня к себе и поцеловал. Жадно. Его губы страстно прильнули к моим. Его поцелуй был быстрым, беспокойным и неистовым. Кишан крепко прижимал меня к себе, одной рукой придерживая мою голову за затылок, а другой обнимая за талию. И он целовал меня исступленно, с таким самозабвением, что остановить его было столь же реально, как остановить снежную лавину.

Когда вас накрыло лавиной, у вас есть два выхода: встать на месте и попытаться помериться с ней силами или же сдаться и покатиться вместе со снежным шквалом, уповая, что доберетесь живыми до конца склона. Полагаю, вы уже догадались, что я избрала второй вариант. Наконец Кишан поднял голову, схватил меня за руки и закружил, оглашая горы громогласным победным гиканьем.

Когда он выдохся, я не сразу смогла отдышаться. Потом пропыхтела:

– В честь чего это?

– Просто счастлив, что выжил!

– Ладно, замечательно. Только в следующий раз, будь добр, держи свои губы подальше от меня.

Он усмехнулся.

– Не расстраивайся, Келс.

– Я не расстраиваюсь. Я… я пока не знаю, как к этому относиться. Все произошло так быстро, что я даже не успела отреагировать.

Он ухмыльнулся еще шире.

– В следующий раз я дам тебе время, слово тигра.

– В какой такой следующий раз?

Он слегка нахмурился.

– Да брось, не стоит делать из мухи слона! Это всего лишь естественная реакция на спасение от верной смерти. Как у солдата, который вернулся с войны и, едва сойдя с корабля на пристань, хватает первую попавшуюся девчонку и целует ее взасос!

– Очень возможно, – как можно суше ответила я, – но разница в том, что эта девчонка, как ты выразился, была на одном корабле с тобой. Когда мы вернемся домой, можешь хватать любую девушку, какая тебе приглянется, но от этой – руки прочь. Все ясно?

Он с вызовом скрестил руки на груди.

– В самом деле? А мне показалось, твои руки были совсем не прочь.

Вне себя от бешенства, я заорала на него:

– Если мои руки и касались тебя, то только для того, чтобы оттолкнуть, понял?

– Да говори что угодно, ты просто пытаешься успокоить свою совесть. Не хочешь признать, что тебе это понравилось.

– Та-аак, дай-ка подумать. О да, ты совершенно прав, Казанова! Мне в самом деле очень понравилось – когда это закончилось!

Но Кишан упрямо покачал головой.

– Ты все-таки ужасно упрямая. Неудивительно, что у Рена было столько проблем.

– Да как ты смеешь даже упоминать своего брата!

– Когда ты посмотришь в лицо фактам, Келс? Я тебе нравлюсь, это же ясно как день. И теперь ты провела со мной больше времени, чем с ним.

– Знаешь, вот сейчас ты мне совсем не нравишься! Послушай, давай закончим этот бесплодный спор и поскорее вернемся к воротам.

– Конечно. Но мы продолжим нашу дискуссию позже.

– Непременно. Как только Шангри-Ла покроется льдом.

Кишан взял рюкзак и ухмыльнулся.

– Я дождусь. Веди, *билаута*.

– Целующийся бандит, – процедила я.

Кишан коварно ухмыльнулся, вскинув бровь. В полном молчании мы несколько часов шагали без остановки. Вернее, Кишан несколько раз предпринимал попытки заговорить со мной, но я упрямо игнорировала его присутствие.

Проблема заключалась в том, что произошедшее между нами было… Кроче говоря, Кишан имел основания сказать то, что он сказал. Я в самом деле провела с ним больше времени, чем с Реном, не говоря уже о том, что мы несколько месяцев прожили под одной крышей. Мы вместе прошли через всю Шангри-Ла, мы провели бок о бок долгие недели, мы засыпали и просыпались вместе.

Ежедневное общение неизбежно сближает людей и даже… порождает более тесные отношения между ними. Просто Кишану оказалось легче принять это, чем мне. И неудивительно. После того как Кишан открыто признался мне в своих чувствах, ему стало легче проявлять их. Неприятность заключалась в том, что у меня все это вызывало гораздо меньше отпора, чем должно было. Целоваться с Кишаном оказалось совсем не то же самое, что делать это с Арти, Джейсоном или даже Ли. Целуя Ли, я полностью контролировала ситуацию. С Реном тоже все было по-другому. Рена я сравнила бы со сказочным водопадом в джунглях – живым, сверкающим, играющим на солнце. Таинственным раем, ждущим своего открывателя. Кишан был совсем другим. Он был бурной горной рекой шестой ступени сложности – быстрой, непредсказуемой и проходимой лишь для самых опытных экстремалов. Оба брата были потрясающими, волшебными, обворожительными и очень-очень притягательными, но целоваться с Кишаном было опасно.

Не так опасно, как с мужчинами-тритонами, те просто были чужими, и целовать их было неправильно. Если быть честной до конца, то целуя Кишана, я не чувствовала ничего неправильного. Более того, мне это нравилось, это было похоже на более страстную, более горячую и будоражащую версию поцелуев Рена. С Кишаном меня не покидало ощущение, будто я буквально поймала за хвост тигра и что мне в любую секунду угрожает опасность потерять почву под ногами и унестись с ним, куда глаза глядят. И это, заметьте, не казалось таким уж плохим вариантом. Неудивительно, что я не на шутку разволновалась.

«Наверное, я просто слишком долго нахожусь в разлуке со своим парнем, – думала я, пытаясь разобраться в своих чувствах. – Я безумно скучаю по своему тигру, а Кишан –

наилучшая ему замена. Уверена, что дело только в этом». В этом было дело или не в этом, но я всю дорогу успокаивала себя этим выводом, чтобы не думать о худшем.

Как и Рен, Кишан обладал врожденным умением находить выход из неприятных ситуаций. Я даже не заметила, как он заставил меня забыть о том, что мы в ссоре.

– Бери спальник, Келс.

– Не надо. Смотри!

Я сняла с шеи Шарф и сказала:

– Пожалуйста, большую палатку, спальный мешок, две мягкие подушки и по комплекту чистой одежды для каждого из нас.

Шарф зашевелился и завертелся, нитки снова заструились из него. Они сплетались вместе, образуя толстые шнуры, которые вдруг выстрелили сразу в несколько сторон, обмотавшись вокруг крепких ветвей деревьев. Когда растяжки были установлены, Шарф соткал крышу, стены и пол палатки. Она держалась на двух веревках, намотанных на деревья. А клапаны не застегивались на молнию, а связывались вместе шнурками.

Я просунула голову внутрь.

– Залезай, Кишан!

Он следом за мной забрался в просторную палатку, и мы, усевшись рядышком, стали смотреть, как разноцветные нити ткут для нас толстый спальный мешок и две огромные подушки. На подушках уже лежала сложенная новая одежда. Пока я взбивала себе подушку, Кишан расстелил наш старый спальник рядом с моим.

– Как Шарф выбирает цвет? – спросил он.

– Наверное, по настроению, а может быть, в зависимости от запроса. По крайней мере, палатка, спальник и подушки выглядят именно так, как им положено. Хотя знаешь что? Сам Шарф меняет свой цвет в течение дня. Я заметила это, пока мы шли.

Кишан вышел наружу, чтобы переодеться, а я быстренько натянула чистую одежду и повесила рубашку и брюки, сотканные феями, на ветку дерева. Когда Кишан вернулся, я уже забралась в свой мягкий спальник и повернулась на бок, чтобы избежать разговора.

Он молча залез в свой мешок, и несколько секунд я чувствовала на своей спине упорный взгляд его золотистых глаз.

В конце концов он сдался и хмыкнул:

– Ну что ж, спокойной ночи, Келс.

– Спокойной ночи, Кишан.

Я так устала, что уснула, едва смежив веки, и тут же провалилась в очередной сон.

Мне приснились Рен и Локеш и та же комната, что и в

последнем видении. Рен сидел в клетке в темном углу. Его грязные волосы свалялись и спутались, и я даже не поняла, что это он, пока он не открыл глаза. Эти глаза я узнала бы где угодно. Они горели в темноте, как два ярких синих сапфира. Ведомая их светом, я крадучись пошла через комнату. Я смотрела в эти глаза, как потерявший надежду моряк в бурную беззвездную ночь смотрит на далекий свет маяка.

Когда я приблизилась к клетке, Рен моргнул, словно только что увидев меня. Голос его прозвучал сипло, как у человека, терзаемого жаждой:

– Келс?

Я вцепилась в прутья клетки, жалея, что не могу сломать их.

– Да. Это я.

– Я тебя не вижу.

На один ужасный миг я подумала, что Локеш ослепил его. Не помня себя, я упала на колени перед клеткой.

– А так? Лучше?

– Да.

Рен придвинулся чуть ближе и схватил меня за руки. В эту секунду облака расступились, и лунный свет хлынул в узкое окошко, тускло озарив его лицо.

Я тихо вскрикнула, слезы хлынули у меня из глаз.

– О, Рен! Рен! Что он с тобой делает?

Заплывшее лицо Рена представляло собой один сплошной кровоподтек. Струйка крови стекала из уголка его рта, глубокий порез тянулся через весь его лоб к щеке. Я протянула дрожащий палец и коснулась его виска.

– Ему никак не удается получить от меня сведения о тебе, поэтому он вымещает на мне свою ярость.

– Я… мне… мне так жаль, – всхлипнула я, мои слезы градом закапали ему на руку.

– Не плачь, *прийатама*. – Он прижал свою ладонь к моей щеке, я взяла ее и поцеловала.

– Я не могу видеть тебя таким! Не могу, Рен! Мы придем за тобой. Пожалуйста, пожалуйста, Рен, продержись еще немножко!

Он опустил глаза, словно устыдившись чего-то.

– Боюсь, я не смогу.

– Не говори так! Никогда, слышишь, никогда не говори этого! Я уже иду к тебе. Я знаю, что делать. Знаю, как тебя освободить. Но ты должен остаться в живых, Рен. Во что бы то ни стало! Пообещай мне.

Он тяжело вздохнул.

– Он подобрался слишком близко, Келс. Каждую секунду, которую он удерживает меня в плену, тебе угрожает смертельная

опасность. Он одержим тобой, Келси. Он потерял покой и сон, он все время пытается вытянуть из моего сознания информацию о тебе. Он ни за что не остановится. И не отступит. Он… он сломает меня. Скоро. Если бы он подвергал меня только физическим мукам, то я, наверное, выдержал бы все, но Локеш использует черную магию. Он одурманивает меня. Насылает кошмары. Вызывает галлюцинации. А я… я так устал.

– Тогда скажи ему, – срывающимся голосом попросила я. – Скажи ему все, что он хочет знать, может быть, тогда он от тебя отстанет!

– Я никогда не скажу ему, *према*.

– Но, Рен! – прорыдала я. – Я не могу тебя потерять!

– Я всегда буду с тобой. Все мои мысли только о тебе. – Он поймал прядь моих волос, поднес к губам. Вдохнул аромат. – Всегда, Келс.

– Не сдавайся! Только не сейчас, когда мы уже так близко!

В его глазах что-то мелькнуло.

– Есть один вариант, на который я могу пойти.

– Какой? Что за вариант?

– Дурга, – произнес Рен и надолго замолчал. – Дурга предложила мне свою защиту, но запросила слишком дорогую цену. Это того не стоит.

– Стоит! – воскликнула я. – Твоя жизнь дороже всего на свете! Соглашайся! Даже не думай, Рен! Ты должен довериться Дурге. Сделай, что она предлагает. Сделай, Рен! Какова бы ни была цена, твое спасение все равно дороже!

– Но, Келси…

– Ш-ш-ш. – Я бережно прижала палец к его разбитым губам. – Только выживи, Рен. Хорошо?

Он только судорожно вздохнул и посмотрел на меня яркими, молящими глазами.

– Тебе нужно уходить. Он скоро вернется.

– Я не хочу покидать тебя.

– И я не хочу, чтобы ты уходила. Но ты должна.

Смирившись, я повернулась к выходу.

– Постой, Келси. Прежде чем ты уйдешь… ты не поцелуешь меня?

Я просунула руку сквозь прутья и легонько коснулась его лица.

– Я боюсь сделать тебе больно.

– Это неважно. Пожалуйста. Поцелуй меня, прежде чем уйдешь.

С хриплым стоном Рен опустился на колени передо мной, протянул дрожащие руки сквозь прутья клетки и нежно привлек

меня к себе. Вот его ладони скользнули вверх, легли на мои щеки, и наши губы встретились. Его поцелуй был теплым, нежным и мучительно кратким. У него был соленый привкус моих слез. Оторвавшись от меня, Рен улыбнулся мне слабой улыбкой растрескавшихся губ. Я видела, как он сморщился от боли, убирая руки. Только тогда я заметила, что у него сломаны пальцы.

И снова начала плакать. А Рен, вытирая мои слезы большим пальцем, негромко прочитал мне стихотворение Ричарда Лавлейса:

Когда в узилище ко мне
Летит Эрот шальной
И возникает в тишине
Алтея предо мной,
Когда в душистых волосах
Тону средь бела дня, —
Какие боги в небесах
Свободнее меня?
Уму и сердцу не страшна
Решетка на окне:
И в клетке мысль моя вольна,
Любовь моя – при мне,
Ей нипочем любой засов,
Любая западня…
Лишь ангелы средь облаков
Свободнее меня![6]

Он прижался лбом к прутьям.

– Единственное, чего я не могу вынести, это мысли, что он заставит страдать тебя. Я этого не допущу. Я не позволю ему найти тебя, Келс. Чего бы мне это ни стоило.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он улыбнулся.

– Ничего, милая. Не волнуйся. – Он отстранился, устало привалившись искалеченным телом к задней стене клетки. – Тебе пора уходить, *йадала*.

Я встала, готовясь подчиниться, но снова остановилась, услышав его негромкий оклик:

– Келси?

И обернулась.

– Что бы ни случилось, пожалуйста, помни, что я люблю тебя, *хридая патни*. Дай мне слово, что ты это запомнишь! Прошу тебя, дай мне слово.

– Я запомню, обещаю. *Муджхе тумсе пьархай,* Рен.

– Теперь иди.

Он страдальчески улыбнулся, и вдруг глаза его изменились. Их синева поблекла, они стали серыми, равнодушными, безжизненными. Возможно, всему виной была игра света, но мне вдруг почудилось, будто Рен умер. Я нерешительно шагнула к клетке.

– Рен?

Его ласковый голос ответил мне из темноты:

– Пожалуйста, уходи, Келси. Все будет хорошо.

– Рен?

– До свидания, любовь моя.

– Рен!

Что-то случилось, что-то было очень-очень плохо. А потом я почувствовала какой-то хлопок. Внезапно мне стало нечем дышать. Теперь я точно знала, что все очень плохо. Невидимая связь, существовавшая между нами, за последние месяцы стала почти осязаемой, как стальной трос, протянутый от сердца к сердцу. Чем ближе мы становились, тем больше крепла эта связь. Она вошла в мою плоть и кровь, соединяя меня с Реном, как телефонная линия, но сейчас что-то случилось с кабелем. Я всем своим существом ощущала разрыв; острые, жестокие, зазубренные обрывки рвали и кромсали мое сердце, будто тысячи раскаленных ножей, вонзающихся в кусок масла. Я закричала и забилась. Впервые с того далекого дня, когда я увидела своего белого тигра, я осталась одна.

Кишан затряс меня за плечи, выдернув из тумана сновидения:

– Келси! Келси! Проснись!

Я открыла глаза, и свежие слезы побежали у меня по щекам, по следам, оставленным ночными рыданиями. Не в силах выдавить ни слова, я обвила руками шею Кишана и зарыдала. Он посадил меня себе на колени, прижал к груди и гладил по спине, пока я безутешно оплакивала его брата.

Наверное, я все-таки уснула, потому что проснулась в своем спальнике, в объятиях Кишана. Глаза у меня распухли, ресницы склеились во сне, и я отлежала себе всю щеку, потому что спала на кулаке.

– Келси? – прошептал Кишан.

– Я проснулась, – пробормотала я.

– Ты в порядке?

Я невольно поднесла руку к саднящей гулкой пустоте, поселившейся у меня в груди, и усталая слеза скатилась из уголка моего глаза. Уткнувшись лицом в подушку, я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

– Нет, – тускло ответила я. – Он… ушел. Что-то случилось. Мне кажется… мне кажется, что Рен… умер.

– Что случилось? Почему ты так думаешь?

Я пересказала ему свой сон и, как смогла, описала разрыв нашей связи.

– Келси, возможно, это был всего лишь сон, очень плохой, но все-таки сон. Нет ничего странного в том, что человек, переживший сильное потрясение – вроде нашей вчерашней схватки с птицами, – видит во сне кошмары.

– Возможно, – глухо повторила я. – Но мне снились не птицы.

– И тем не менее мы пока ничего не знаем наверняка. Вспомни, Дурга пообещала защитить его.

– Я помню. Но то, что я видела, выглядело слишком реальным.

– Ты все равно не можешь знать наверняка.

– Возможно, могу.

– Что ты задумала?

– Я хочу снова заглянуть к сильванам. Может быть, если я проведу еще одну ночь в Роще сновидений, то сумею увидеть будущее. Может быть, я узнаю, сможем мы спасти его или нет.

– Ты веришь, что это получится?

– Сильваны говорили, что когда они сталкиваются с неразрешимыми проблемами, то идут в Рощу за советом. Пожалуйста, Кишан. Давай попробуем.

Несколько секунд Кишан молча смотрел на меня, потом вытер слезы с моих щек.

– Хорошо, Келс. Идем. Давай поищем Фавна.

– Кишан, это еще не все. Что значит *хридая патни*?

– Где ты это услышала? – тихо спросил он.

– В своем сне. Рен сказал мне это перед тем, как мы расстались.

Не говоря ни слова, Кишан встал и вышел из палатки. Я выбралась следом и увидела, что он задумчиво смотрит куда-то вдаль. Потом он поднял руку, рассеянно провел по ветке дерева и, не оборачиваясь, сказал:

– Так наш отец называл нашу мать. Это значит… жена моего сердца.

Путешествие до поселка сильван заняло целый день. Милые дриады были несказанно рады увидеть нас снова и решили устроить торжество в нашу честь. Но у меня не было ни сил, ни настроения праздновать. Когда мы спросили, можно ли мне провести ночь в Роще сновидений, Фавн горячо заверил нас, что все к нашим услугам. Добрые нимфы принесли мне легкий ужин

и до наступления ночи предоставили в мое распоряжение один из своих уютных домиков. Кишан тоже понял, что я хочу побыть одна, поэтому отправился ужинать с сильванами.

Когда сгустились сумерки, Кишан пришел за мной, но не один, а с гостем.

– Вот, кое-кто хочет с тобой пообщаться.

Он держал за руку сребroголового сильванского карапуза, едва научившегося ходить.

– Кто это у нас такой?

– Ну-ка, приятель, скажи красивой тете, как тебя зовут.

– Рак, – ответил мальчик.

– Тебя зовут Рак? – переспросила я.

Круглая мордашка малыша расплылась в улыбке.

– Он хочет сказать, что его зовут Тарак, – подсказал Кишан.

– Тарак! – ахнула я. – Глазам своим не верю! Да ему на вид года два, не меньше!

Кишан пожал плечами.

– Видимо, сильваны быстро взрослеют.

– Невероятно! Тарак, милый, иди ко мне, дай мне на тебя посмотреть.

Я протянула руки, и Кишан ласково поманил малыша вперед. Тарак сделал несколько неуклюжих шажков в мою сторону и повалился мне на колени.

– Какой же ты большой мальчик! И какой красивый! Хочешь поиграем? Смотри-ка!

Я сняла с шеи Шарф, и мы стали следить за игрой калейдоскопа красок на ткани. Когда Тарак дотронулся до Шарфа, на легкой материи проступил маленький отпечаток розовой ладошки, через секунду превратившийся в завиток желтого цвета.

– Плюшевых зверей нам, пожалуйста!

Шарф всколыхнулся, разошелся на несколько лоскутов, и через несколько мгновений вокруг нас оказалась целая куча самых разных плюшевых зверей. Кишан уселся рядом со мной, и мы втроем стали играть в большой звериный парад. Боль, терзавшая мое сердце, немного утихла, пока я смеялась вместе с маленьким сильванским ребенком. Схватив игрушечного тигра, Кишан стал учить Тарака правильно рычать и в разгар игры поднял глаза на меня. Наши взгляды встретились, и он подмигнул мне. Я порывисто схватила его за руку, сжала и прошептала:

– Спасибо.

Он поцеловал мои пальцы и с улыбкой сказал:

– А теперь тете Келси пора спать. Да и тебе пришло время

возвращаться домой, приятель.

Он подхватил Тарака с пола, посадил себе на плечи и негромко сказал мне:

– Я сейчас вернусь.

Я собрала плюшевых зверей и сказала Шарфу, что они нам больше не нужны. Нити начали разматываться в воздухе, вновь сплетаясь в единое полотно. Как раз к приходу Кишана все было закончено.

Он присел на корточки рядом со мной, приподнял мое лицо за подбородок, чтобы видеть глаза.

– Келси, ты совсем измучена. Сильваны приготовили тебе купальню. Сходи, отмокни как следует перед сном. А я буду ждать тебя в роще, договорились?

Я кивнула, и три уже знакомые мне нимфы отвели меня в купальню. На этот раз они не смеялись и не щебетали. Почувствовав мое настроение, они молча вымыли мои волосы и натерли все тело душистым кремом. Они одели меня в платье из крученого шелка и велели оранжевокрылой фее поводить меня в Рощу сновидений. Кишан уже ждал меня там и, чтобы не терять времени даром, попросил Шарф соткать ему удобный гамак.

– Я так понимаю, номер для новобрачных тебя по-прежнему не соблазняет? – вяло пошутила я.

Он сидел ко мне спиной, проверяя узел гамака.

– Я просто подумал, будет лучше… – Кишан обернулся и увидел меня. Его золотистые глаза изумленно округлились, но он тут же с удвоенным вниманием уставился на свои узлы. Потом откашлялся. – Мне кажется, на этот раз тебе лучше спать одной, Келс. А я прекрасно устроюсь здесь.

Я пожала плечами.

– Как скажешь.

Кишан забрался в гамак и вытянулся во весь рост, закинув руки за голову. Он лежал и смотрел, как я откидываю покрывала на постели.

До меня донеслось негромкое:

– Ты выглядишь очень… очень красивой, вот что.

Повернувшись к нему, я подняла руки и осмотрела свое длинное голубое платье с развевающимися просторными рукавами. Мои мягкие после мытья волосы гладкими волнами сбегали по спине. Бледная кожа сияла после тщательного мытья, отшелушивающего средства и блестящих притираний сильванских женщин. Возможно, я и в самом деле выглядела красивой, но чувствовала себя опустошенной, как выпотрошенное пластмассовое пасхальное яйцо. Яркое, пусть даже искусно украшенное снаружи, но без подарка внутри. Никчемная,

бесполезная, мертвая оболочка.

– Спасибо, – машинально ответила я, забираясь в постель.

Этой ночью я очень долго лежала без сна, глядя на звезды. И все время я чувствовала на себе неотступный взгляд Кишана, он был со мной даже тогда, когда я положила ладонь под щеку и наконец уснула.

Мне приснилось… ничего. Я не увидела во сне ни Рена, ни себя, ни Кишана, ни мистера Кадама. Мне снилась пустота. Бесконечная тьма, словно разверстая бездна, поглотила мое сознание. У этой тьмы не было ни формы, ни глубины, в ней не было места краскам, не было места счастью. Это было все, что рассказала мне Роща сновидений. Я проснулась раньше Кишана. Без Рена моя жизнь потеряла смысл. Я была пустой, выжатой и никчемной. Слишком многое ушло.

Когда погибли мои родители, из моей жизни будто с корнем вырвали два могучих дерева. Но потом в мою жизнь пришел Рен, который заполнил глухой пустырь моего сердца. Постепенно оно исцелилось, высохшая земля поросла мягкой травой, прекрасными сандаловыми деревьями, белым жасмином и алыми розами. А в центре этого райского уголка шумел фонтан, окруженный тигровыми лилиями, где я могла сидеть, наслаждаясь теплом, покоем и любовью. Теперь фонтан был разбит, лилии вытоптаны, деревья повалены, а плодородная почва превратилась в пыль, на которой больше никогда не сможет вырасти ни травинки. Мое опустошенное сердце превратилось в бесплодную пустыню.

Нежный ветерок пошевелил мои волосы, бросил пряди на лицо. Я не стала их убирать. Мне было все равно. Я не слышала, как Кишан встал. Просто почувствовала, как его пальцы коснулись моего лица, убрали волосы со щеки и бережно заправили их за ухо.

– Келси?

Я не ответила. Мои немигающие глаза равнодушно смотрели в светлеющее небо.

– Келс?

Он просунул руки мне под спину и поднял меня. Потом сам забрался на кровать и прижал меня к своей груди.

– Келси, прошу тебя, скажи что-нибудь. Поговори со мной. Я не могу видеть тебя такой.

Он покачал меня, как ребенка. Я слышала его и даже отвечала ему мысленно, но чувствовала себя полностью отрезанной от всего мира, от своего тела, от себя самой.

Из оцепенения меня вывела капля дождя, шлепнувшаяся мне на щеку. Я машинально подняла руку и смахнула ее.

– Дождь пошел? Я думала, тут не бывает дождя.

Кишан не ответил. Еще одна капля упала мне на лоб.

– Кишан?

Я подняла на него глаза и поняла, что это был не дождь, а слезы.

Его золотистые глаза блестели от слез.

Озадаченная, я поднесла руку к его щеке.

– Кишан? Ты почему плачешь?

Он улыбнулся дрожащими губами.

– Я думал, что потерял тебя, Келс.

– А.

– Скажи мне, пожалуйста. Что ты увидела такое, что унесло тебя так далеко от меня? Ты видела Рена?

– Нет. Я не видела ничего. Только холодную тьму. Я думаю, это значит, что он мертв.

– Нет! Я так не думаю, Келс. Этой ночью я видела Рена во сне.

Жизнь потоком хлынула в мое тело.

– Ты видел его? Ты уверен?

– Да. Мы с ним ругались на корабле.

– Ты уверен, что это не был сон о прошлом?

– Уверен. Мы были на современной яхте. Кажется, это наша яхта.

Я резко села.

– Ты абсолютно, на сто процентов, уверен, что это случится в будущем?

– Да.

Тогда я обняла его, расцеловала в лоб и щеки, сопровождая каждый поцелуй лихорадочным:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

– Погоди, Келс. Дело в том, что в моем сне мы ругались из-за того…

Я расхохоталась, схватила его за рубашку и затрясла, слегка обезумев от головокружительного облегчения. Он жив! Жив!

– Да мне наплевать, из-за чего вы ругались, Кишан! Вы постоянно ругаетесь!

– И все-таки, наверное, я должен тебе сказать…

Но я уже спрыгнула с кровати и забегала по лужайке, собирая наши вещи.

– Ах, потом расскажешь! Сейчас у нас нет на это времени. Идем же скорее, Кишан! Чего мы ждем? Нужно скорее спасти моего тигра! Идем, да идем же!

Сумасшедшая энергия переполняла меня, я просто не могла устоять на месте. Отчаянная, лихорадочная решимость охватила все мое существо. Каждая минута отсрочки означала

продолжение терзаний моего любимого. Мой последний сон о Рене был не сном, а явью. Я бы никогда не смогла придумать незнакомые слова на хинди, тем более те, которыми отец Рена называл его мать. Нет, в ту ночь я каким-то чудом перенеслась к Рену. Я прикасалась к нему, целовала его. Да, что-то разорвало нашу связь, но он был жив! И его можно было спасти. Даже больше – он будет спасен! Кишан видел будущее.

Сильваны приготовили для нас роскошный завтрак, но мы попросили завернуть нам его с собой в дорогу, поспешно распрощались с добрым народцем и отправились к Вратам Духа. Следуя подробным указаниям сильванов, мы за два дня безостановочного пути добрались до места. В дороге Кишан был непривычно молчалив, но я была слишком занята мыслями о Рене, чтобы задумываться над этим.

Когда мы добрались до ворот, я попросила Шарф приготовить нам по комплекту зимней одежды. По-прежнему не говоря ни слова, мы с Кишаном переоделись, и я, пробудив в себе энергию, приложила руку к оттиску ладони на привратном столбе. Моя кисть вспыхнула и засветилась, став прозрачной и розовой, врата засияли и отворились. Мы с Кишаном переглянулись. Он снял перчатку и прижал теплую ладонь к моей щеке, внимательно вглядываясь в мое лицо. Я улыбнулась и обняла его.

Я рассчитывала, что объятие будет кратким, но Кишан обхватил меня обеими руками и так крепко прижал к себе, словно мы расставались навсегда. Вырвавшись, причем довольно грубо, я натянула перчатку и вошла через ворота в солнечный день на горе Эверест. Подошвы моих зимних ботинок захрустели по сверкающему снегу, а Кишан, пройдя меж столбами, тут же превратился в черного тигра.

23
Дорога домой

Я обернулась и в последний раз посмотрела на просторы Шангри-Ла, медленно растворяющиеся в вихре красок. Но вот алый свет, пульсировавший в отпечатке ладони, погас, и Врата Духа вновь обрели свой прежний вид – теперь это были два простых высоких столба, оплетенные молитвенными флажками, хлопающими на пронзительном ветру.

Поморгав, я потерла глаза. Мои ресницы цеплялись за что-то. Это оказалась полупрозрачная зеленая пленка, соскользнувшая с моих глаз, как пара контактных линз. Кишан, судя по всему, был надолго заперт в тигрином теле, как в свое время Рен после выхода из Кишкиндхи. Он выразительно уставился на меня, моргая, и я увидела, что на одном глазу у него болтается такая же странная пленка.

– Ну-ка, замри и не шевелись. Я сниму с тебя эти шоры, чтобы не мешали.

Осторожно взявшись за кончик, я стащила пленку сначала с одного его глаза, потом с другого. Это заняло довольно много времени, но дело того стоило. Видимо, действие чудодейственной пелены, созданной Океаном– Учителем, закончилось, и нам пора было вновь обрести способность видеть реальный мир. Покончив с этим, я забросила на спину рюкзак и сделала первый шаг в долгом и трудном спуске вниз, к лагерю мистера Кадама. Было солнечно, но очень холодно. Кипучая энергия гнала меня вперед. Я ни разу не остановилась на привал, хотя Кишан всем своим видом давал понять, что это неразумно. Но я только подгоняла его идти быстрее и остановилась, лишь когда стало слишком темно идти дальше.

После того как Хугин открыл мои мысли, мой разум стал ясным и чистым, словно стеклышко. Я с легкостью обдумала и составила план. Мне открылось, как спасти Рена, единственное, чего я не знала – это где его искать. Вся надежда была на то, что мистеру Кадаму удастся найти какие-нибудь сведения о культуре и быте загадочного народа, одного из представителей которого мы увидели в видении. Помимо этого приходилось уповать на то, что природные условия позволят нам совершить рискованное путешествие в джунгли и что мистер Кадам сообразит, откуда лучше всего начать поиски. И еще я всей душой надеялась, что пока мы странствовали по Шангри-Ла, время в обычном мире остановилось или, по крайней мере, замедлилось. Теперь у меня

уже не было сомнений в том, что каждую минуту, проведенную в плену у Локеша, Рен терпит немыслимые страдания. Я не могла этого выносить, не могла думать о его муках и о том, сколько времени мы уже потеряли, – вспомнить хотя бы месяцы, потраченные на подготовку к путешествию к Вратам Духа!

В эту ночь я очень долго лежала без сна в палатке, в подробностях обдумывая свой сон. Одно я знала точно – мы не позволим Локешу заполучить новую жертву вместо Рена! И мы не будем покупать свободу моему тигру. Мы просто освободим его и все вместе вернемся домой.

На следующее утро Кишан превратился в человека. Я быстренько попросила Шарф выдать ему полный комплект зимней одежды, а пока он переодевался в палатке, занялась завтраком. Вскоре Кишан присоединился ко мне, одетый во все новое: теплую флиску цвета ржавчины, плотно облегающий черный водонепроницаемый пуховик, черные брюки с эластичными манжетами, утепленные перчатки, толстые шерстяные носки и ботинки. Он был настолько хорош собой в этой экипировке, что я с удовольствием поздравила себя с отлично выполненной работой стилиста.

Вскоре мы обнаружили, что Шарф Небесной Ткачихи подарил Кишану шесть дополнительных часов свободы от тигриной шкуры. Таким образом, наш поиск был закончен почти наполовину. Отныне мои тигры могли оставаться людьми целых двенадцать часов в сутки.

Если бы не Кишан, то я, наверное, шагала бы по горам без сна и отдыха, пока не свалилась бы от усталости. К счастью, мой спутник оказался более благоразумным. Он напомнил мне, что, как ни спеши, дорога вниз займет не меньше двух дней. Когда мы остановились на вторую ночевку, я решила познакомить Кишана со своим планом спасения Рена и показать ему, на что еще способен наш волшебный Шарф.

Мы забрались в палатку, услужливо сотканную Шарфом, и я, разложив на полу спальник, села рядом с Кишаном и положила на колени Шарф.

– Значит так, наш Шарф умеет проделывать несколько фокусов. Думаю, ты уже понял, что он может создать любую вещь, сделанную из ткани или натуральных волокон. Еще, как ты уже видел, Шарф умеет собирать ветры, превращаясь в нечто вроде волшебного мешка бога Фудзина. Но у Шарфа есть и третье, пожалуй, самое необычное свойство. Он умеет… менять внешность.

– Менять внешность? Что ты имеешь в виду?

– Э-э-э, как бы тебе это описать? Ты когда-нибудь видел, как

фокусник вытаскивает кролика из шляпы или превращает птицу в перо?

– В наш дворец изредка приходили факиры. Помню, один из них как-то превратил мышь в собаку.

– Ага! Очень похоже. Это иллюзия. Вроде фокуса, который проделывается при помощи света и зеркал.

– И как это работает?

– Помнишь, Небесная Ткачиха сказала нам, что в сотканной ткани заключена сила? Эта сила позволяет не только соткать одежду, которую носят люди, но и сделать тебя похожим на любого из этих людей! Только нужно быть очень внимательным и точно представить себе того, в кого ты хочешь перевоплотиться. Вот сейчас я попробую это сделать, а ты скажешь, получилось или нет. – Я задумалась ненадолго, потом попросила: – Пожалуйста, сделай меня похожей на… Нилиму!

Шарф растянулся в длинную полосу лоснящейся черной материи, по которой стремительно прокатывались разноцветные волны. Вся поверхность ткани сверкала, словно была расшита тысячами драгоценных блесток, мгновенно вспыхивающих и гаснущих в ее складках. Радужные зайчики заплясали на стенах палатки, будто тысячи стеклянных призм разбросали лучи во все стороны. Я с головы до ног завернулась в волшебную ткань, закрыв лицо и волосы. Коже сразу стало тепло, все тело загудело. Переливавшаяся всеми цветами ткань ярко озаряла угол палатки, в котором я сидела, наблюдая за собственным лазерным шоу. Когда сияние угасло, я осторожно развернула ткань и посмотрела на Кишана.

Увидев меня, он разинул рот.

– К-Келс?

– Ага.

– Ты… да у тебя даже голос стал, как у Нилимы! И одета ты, как она!

Опустив глаза, я обнаружила, что Шарф нарядил меня в светло-голубое шелковое платьице длиной до колен. Мои прекрасные смуглые ноги были совсем голые!

– Ой, я только заметила! Я же замерзну!

Кишан набросил на меня свой пуховик, потом взял мою руку и внимательно осмотрел ее.

– Кожа у тебя очень похожа на кожу Нилимы. Даже ее длинные крашеные ногти и те тут как тут! Невероятно!

Я поежилась.

– Ладно, будем считать, что демонстрация окончена. Я жутко мерзну. – Поспешно закутавшись в ткань, я попросила: – Теперь преврати меня обратно, пожалуйста! – Цвета заиграли вновь, и

спустя мучительно долгую минуту я сбросила с себя полотнище, снова став сама собой. – Теперь ты, Кишан! Ведь у меня не было зеркала, и я не видела, насколько похоже получилось.

– Ладно. – Он взял у меня Шарф и сказал: – А меня сделай похожим на… на мистера Кадама!

После этого он замотался в ткань. Через минуту передо мной стоял мистер Кадам. Он выглядел в точности таким, каким я видела его в последний раз. Не удержавшись, я протянула палец и потрогала его короткую бородку.

– Вот это да! Ну, вылитый!

Я ощупала ткань его брюк. Брюки были самые настоящие. Что и говорить, это была мастерская копия. Кишан-Кадам потрогал свое лицо, пригладил коротко подстриженные волосы.

И тут я заметила кое-что.

– Постой! У тебя его амулет! Скажи, он настоящий?

Кишан потрогал амулет, потеребил в пальцах цепь.

– Выглядит как настоящий, но по ощущениям – фальшивка.

– То есть?

– Я носил амулет большую часть своей жизни, и когда отдал его тебе, то всем существом почувствовал его отсутствие. А этот я совсем не чувствую. В нем нет никакой силы. Кроме того, он чуть легче, да и поверхность у него немного другая.

– Хм, очень интересно. Знаешь, я до сих пор не уверена, что чувствую силу твоего амулета.

Я потрогала амулет, висевший на шее Кишана, потом взвесила на руке свой.

– Да, мне кажется, что твой сделан из какой-то ткани.

– Вот как? – Он потер амулет между пальцами. – Слушай, а ты права! Поверхность немного шероховатая. А ты правда не чувствуешь силу амулета?

– Нет.

– Не расстраивайся! Если бы ты носила его столько, сколько я, ты бы тоже почувствовала.

– Возможно, амулеты действуют так только на вас, на тигров? Ведь вы так тесно связаны с ними.

– И это возможно. Ладно, спросим у Кадама.

Кишан превратился в себя.

– Ну, теперь выкладывай свой план.

– Сразу предупреждаю, что еще не успела обдумать его во всех подробностях, но мне кажется, мы могли бы перевоплотиться в слуг Локеша и проникнуть туда, где они держат Рена.

– Значит, ты не планируешь с ним торговаться? Не хочешь менять амулет на Рена?

– Нет, если мы сможем этого избежать. Этот вариант мы

оставим на крайний случай. Главная слабость моего плана в том, что я не знаю, где держат Рена. Но в своем видении я, помимо Рена, видела другого человека и надеюсь, мистер Кадам сможет его опознать.

– Каким образом?

– У него очень характерная прическа и весьма примечательная татуировка. Я никогда в жизни не видела ничего подобного.

– Все это вилами по воде писано, Келс. Даже если Кадам сможет опознать слугу, это совсем не обязательно приведет нас к тому месту, где Локеш держит Рена.

– Я понимаю, но другого варианта у нас все равно нет.

– Ладно, допустим, теперь мы знаем как. Но остается вопрос – где.

– Да.

На следующий день мы наконец перешли границу вечных снегов и продолжили быстрый спуск со склона. Кишан спал в образе тигра, поэтому большую часть дня шагал рядом со мной как человек, и мы могли всласть поболтать. Он признался, что после долгого странствия по Шангри-Ла в облике человека ему впервые стало тесно в тигровой шкуре. Подобно Рену, Кишан очень быстро привык к человеческому бытию и стал мучительно тосковать по нему. Я, как могла, утешала его, напоминая, что двенадцать часов намного лучше шести. Теперь он мог спать в виде тигра, чтобы проводить большую часть дня обычным человеком. Это была чистая правда, но Кишан все равно очень страдал.

Воспользовавшись паузой в разговоре, я осторожно спросила:

– Кишан?

Он недовольно хрюкнул, поскользнувшись на гравийной осыпи.

– А?

– Ты не мог бы рассказать мне все, что тебе известно о Локеше? Где ты впервые с ним познакомился? Как он выглядит? Расскажи мне все, что ты знаешь, о его жене, о семье, происхождении. Обо всем.

– Хорошо. Для начала тебе стоит знать, что в нем нет царской крови.

– То есть как? Я всегда думала, что он тоже раджа.

– Был, но не всегда. Когда я впервые с ним познакомился, он был советником своего раджи. Однако он быстро продвигался по дворцовой служебной лестнице. Когда его раджа неожиданно умер, не оставив потомства, Локеш взошел на его трон.

– Хм, похоже, это очень любопытная история. Я бы хотела узнать ее во всех подробностях. Скажи, его восшествие на престол было мирным? Все сразу признали его раджой, никто не протестовал?

– Даже если кто-то и был недоволен, Локеш быстро подавил все протесты и немедленно приступил к созданию собственной могучей армии. Его царство всегда было очень миролюбивым, и до воцарения Локеша между нами никогда не было никаких конфликтов. Впрочем, в первое время Локеш тоже старался поддерживать с нами самые добрые отношения. Со временем на границах наших царств стали вспыхивать мелкие стычки, затем появились случаи военных столкновений, но Локеш всегда горячо клялся, что ничего не знал об этих досадных происшествиях. Сейчас мы думаем, что все это время Локеш прощупывал наше царство на прочность, поскольку стычки всегда возникали в ключевых местах, там, где положение наших войск было особенно сложным. Но Локеш каждый раз заверял моего отца в своем бесконечном почтении, горько сетовал на мелкие недоразумения и обещал жестоко наказать выживших участников конфликта.

– Выживших? Что это значит?

– Эти стычки неизменно заканчивались гибелью его солдат. Локеш относился к ним, как к пушечному мясу. Он требовал от своих людей одного – беспрекословного повиновения, и они выполняли это требование.

– Неужели никто в вашем царстве ничего не подозревал?

– Если кто-то и почуял неладное, то это Кадам. Он в то время стоял во главе нашей армии и очень быстро заподозрил, что за этими «недоразумениями» кроется нечто большее, нежели бестолковость воинов, якобы неправильно понявших приказ. Но мистер Кадам оказался в одиночестве. Посещая наше царство, Локеш был само очарование. С моим отцом он всегда держался скромно и почтительно, но во время этих визитов он хладнокровно готовил план нашего уничтожения.

– У него есть какие-нибудь слабости?

– Полагаю, он куда больше осведомлен о моих слабостях, чем я о его. Я думаю, он издевался над Джесубай. По словам Локеша, его супруга умерла задолго до того, как мы познакомились с ним. Джесубай никогда не говорила о своей матери, а мне тогда и в голову не приходило ее расспрашивать. Насколько я знаю, после смерти Джесубай у Локеша не осталось ни семьи, ни потомства, если только он потом не взял себе новую жену. Он безумно жаждет власти. Пожалуй, это его слабость.

– А деньги? Деньги он любит? Мы могли бы купить у него свободу для Рена?

– Нет. Он равнодушен к богатству, в деньгах он видит лишь средство для достижения власти. Его не прельстишь ни золотом, ни драгоценностями. Возможно, сам он будет утверждать обратное, но я ему не верю. Он очень властолюбивый человек.

– Нам что-нибудь известно о других частях амулета? Ты знаешь, каким образом Локеш их заполучил?

– На этот вопрос я вряд ли смогу ответить точно. Об амулетах я знаю только то, что нам о них рассказывали родители. Они говорили, что фрагменты амулета носили пять великих правителей, передавая их своим потомкам из поколения в поколение. Семья моей матери владела одной из таких частей, семья моего отца – другой. Так мы с Реном получили свои амулеты. Тот, что ты сейчас носишь, принадлежал нашей матери, а мистер Кадам носит отцовский. Мне неизвестно, как Локеш раздобыл три оставшиеся фрагмента. Скажу тебе больше, я вообще ничего не слышал о существовании этих частей, пока Локеш об этом не сказал. Мы с Реном носили наши амулеты под одеждой, ведь это были самые драгоценные сокровища нашей семьи.

– Может быть, Локеш каким-то образом раздобыл список семейств, владеющих амулетами? – спросила я.

– Может быть и так. Но я никогда не слышал о существовании такого списка.

– Скажи, твои родители знали, что эти амулеты настолько могущественны?

– Нет. До тех пор, пока мы не превратились в тигров.

– А у вас в роду были долгожители, такие, как мистер Кадам?

– Нет. Обе ветви нашей семьи были плодовиты, у наших предков не было недостатка в молодых принцах, которым передавались амулеты. В семье моего отца было принято передавать амулет сыну в восемнадцатый день рождения. Наши предки отличались завидным долголетием, однако в этом не было ничего необычного, да и средняя продолжительность жизни в те времена была не та, что сейчас.

– К сожалению, все эти сведения ничего не говорят нам о слабостях Локеша.

– Мне кажется, это не так.

– Почему это?

– Как я уже сказал, больше всего на свете Локеш жаждет власти. И поскольку погоня за фрагментами амулета стала смыслом его жизни, поскольку он готов на все ради обладания ими, значит, амулеты – это его слабость.

– И как мы можем ее использовать?

– Мы только что видели, как Шарф создал копию амулета.

Если Локеш купится на этот фокус и примет фальшивку за сокровище, он будет думать, что победил нас всех.

– Но нам пока неизвестно, может ли поддельный амулет существовать отдельно от своего хозяина, а если даже может, то как долго, – возразила я.

На это Кишан просто пожал плечами и ответил:

– Ну так проверим это, как только вернемся.

– Это правильно.

Тут я споткнулась о камень, и Кишан поддержал меня. Не спеша выпускать меня, он долго с улыбкой смотрел мне в глаза, потом отвел волосы с моего лица.

– Мы почти пришли. Продолжим путь или хочешь передохнуть?

– Я могу идти дальше.

Он отпустил меня, но снял у меня со спины рюкзак.

– Кишан, я хотела поблагодарить тебя за все, что ты сделал в Шангри-Ла. Без тебя я бы никогда не справилась.

Он легко забросил рюкзак себе на плечо, выпрямился и с минуту стоял неподвижно, обдумывая что-то.

– Но ведь ты не думаешь, что я отпустил бы тебя туда одну?

– Нет, – улыбнулась я, – но я все равно благодарна тебе за то, что ты был рядом.

– Значит, благодарность – это все, что я получу в награду?

– А на что ты рассчитывал?

– На обожание, преданность, преклонение, безрассудную страсть или, по меньшей мере, капитуляцию перед моим очарованием.

– Мне искренне жаль, Дон Жуан, но тебе придется довольствоваться моей вечной благодарностью.

Он театрально вздохнул.

– Что ж, полагаю, это не самое плохое начало. Будем считать, что мы квиты. Ведь я так толком и не поблагодарил тебя за то, что ты уговорила меня вернуться домой. Мне… Знаешь, как ни странно, в этой жизни обнаружилось много того, что мне нравится.

– Договорились, – улыбнулась я.

Кишан обнял меня за плечи, и мы зашагали вниз по склону.

– Я все думаю, встретим мы снова того старого злющего медведя или нет? – хмыкнул Кишан.

– А я не боюсь! – храбро ответила я. – На этот раз я не подпущу его к себе! В тот раз я так испугалась, что даже забыла о своих молниях. Наверное, я все-таки непутевый боец.

– Зато с птицами ты справилась что надо, – ухмыльнулся Кишан. – Лично я готов очертя голову ввязаться в любую битву

вместе с тобой! Кстати, я не рассказывал тебе, как однажды забыл дома свой меч? – Он поцеловал меня в лоб и пустился в воспоминания о былых счастливых временах.

Уже сгустились сумерки, когда мы увидели далеко впереди маленький костерок, мерцавший у самого подножия горы. Кишан уверенно заявил, что это лагерь мистера Кадама. Он сказал, что узнает его запах в порывах ветра. Последнюю милю пути он вел меня за руку, потому что стало слишком темно и я не видела дорогу. Когда мы подошли ближе, я увидела тень мистера Кадама внутри палатки.

Бросившись к палатке, я закричала:

– Тук-тук-тук! Не пустите на ночлег двух усталых странников?

Тень качнулась, молния на входе со свистом расстегнулась.

– Мисс Келси? Кишан?

Мистер Кадам вышел наружу и крепко обнял меня. Потом повернулся и с силой хлопнул Кишана по спине.

– Ах, но вы, наверное, промерзли до костей! Заходите внутрь. Сейчас я вскипячу чай. Одну секундочку, только чайник поставлю.

– Мистер Кадам, не утруждайте себя! У нас есть Золотой плод, не забыли?

– Ах, ну конечно же! Совсем запамятовал!

– А еще мы принесли с собой кое-что новенькое!

Я сняла с шеи переливчатый фиолетовый Шарф, который тут же стал менять цвет на бирюзовый.

– Мягкие подушки, пожалуйста, и… хотелось бы палатку попросторнее! – попросила я.

Бирюзовые нити немедленно потянулись со всех концов Шарфа. Часть из них принялась плести большие подушки всех цветов радуги, а другие прошили стены палатки. Через несколько секунд мы удобно расположились на мягких подушках в просторной палатке, размером с две предыдущие. Мистер Кадам, не в силах вымолвить ни слова, завороженно следил за работой трудолюбивой пряжи.

Я задергала плечами, чтобы сбросить пуховик, но Кишан галантно пришел мне на помощь.

– То есть этот Шарф действует по принципу Золотого плода, только создает не еду, а текстильные изделия? – нарушил молчание мистер Кадам.

– Ну, грубо говоря, да.

– «Народы Индии в покровы облачая, великой силой их над миром наделите», – пробормотал мистер Кадам.

– Значит, мы должны одеть всю Индию при помощи этого Шарфа?! – воскликнула я. – Вот странно, что я сама до этого не додумалась! Но постойте. Кажется, в пророчестве говорилось что-то о смене обличия?

Мистер Кадам порылся в куче бумаг и вытащил листок с пророчеством.

– Да, вы правы. Здесь сказано: «Золотого диска искусный полет и прехитрая смена личины – вот что в логове смерти вам жизнь сбережет, даст избегнуть ужасной кончины». Вы это имели в виду?

Я рассмеялась от радости.

– Ага, теперь все понятно! Видите ли, мистер Кадам, волшебный Шарф может не только создавать полезные вещи и одежду. Еще он умеет собирать ветры, как мешок бога Фудзиня.

Мистер Кадам всплеснул руками.

– Как волшебный мех, который бог ветров Эол вручил Одиссею? Большой кожаный мех, перевязанный серебряной бечевой?

– Да, только наш мешок не кожаный. Хотя серебряная бечева пришлась бы очень кстати.

– В таком случае, возможно, что этот мешок послан другим богом ветра? Скажем, Ваю? Или Стрибогом? Ньердом? Пазузу?

– Не забудьте Зефира и Борея! – подхватила я.

– А можно говорить по-человечески? – взмолился Кишан.

Мистер Кадам рассмеялся.

– Прости. Я немного увлекся.

– Не хочешь продемонстрировать, Кишан? – предложила я.

– С удовольствием!

Мистер Кадам наклонился ко мне.

– Что вы хотите мне продемонстрировать, мисс Келси?

– Сейчас увидите. Смотрите внимательно!

Кишан взял Шарф и прошептал:

– Маскируй! – и стремительно обмотал его вокруг себя. Как и в прошлый раз, Шарф стремительно удлинился, став черным, с искрами и переливами. – Я хочу проверить, сможет ли он выполнить мысленный заказ, как Золотой плод! – раздался из-под черной мантии голос Кишана.

– Правильно, хорошо придумал! – одобрила я.

Когда Кишан отнял от лица Шарф, я невольно ахнула. Передо мной стоял Рен. То есть Кишан, принявший его вид. Должно быть, он заметил мое перекошенное лицо.

– Ой, прости, Келс. Просто я не хотел пугать мистера Кадама, показав ему его двойника.

– Все хорошо, Кишан. Только прошу тебя, превратись обратно

побыстрее.

Он послушался, а мистер Кадам так и остался сидеть, остолбенев. Он потерял дар речи. Но для меня увидеть Рена в палатке – даже зная, что это всего лишь Кишан, – оказалось слишком тяжелым испытанием. Мне с трудом удалось подавить свои чувства.

Кишан быстро принял свой облик и объяснил мистеру Кадаму:

– Шарф позволяет перевоплощаться в любого человека, какого пожелаешь! В горах Келси превращалась в Нилиму, а я – в вас. Нужно будет испытать пределы действия Шарфа и попробовать разные перевоплощения.

– Просто… потрясающе! – пробормотал мистер Кадам. – Э-э-э, Кишан… можно мне взять его?

– Конечно!

Стоило мистеру Кадаму коснуться Шарфа, как тот тут же изменил цвет. Из ржаво-горчичного он стал оливково– зеленым в тех местах, где по нему скользили пальцы нашего мудрого друга.

– Мне кажется, вы ему понравились, мистер Кадам! – пошутила я.

– О да… я задумался о его возможностях. Скольким людям смогут помочь наш Золотой плод и эта прекрасная ткань! Подумайте только, как много на свете голодных, мерзнущих от холода в стужу… О, это поистине божественные дары.

Оставив его любоваться Шарфом, я попросила Золотой плод заварить нам ромашкового чаю и подать к нему сливки и сахар. Кишан, не особенно любивший чай, попросил горячий шоколад с корицей и взбитыми сливками.

– Как долго нас не было? – спросила я у мистера Кадама.

– Чуть больше недели.

Я быстро прикинула в уме дни, потраченные на подъем и спуск с горы.

– Очень хорошо. Значит, время, проведенное в Шангри-Ла, не засчитывается.

– Как долго вы пробыли в Шангри-Ла, мисс Келси?

– Точно не знаю, но мне кажется, не меньше двух недель. Так ведь? – Я посмотрела на Кишана, и тот кивнул, прихлебывая свой шоколад. – Мистер Кадам, когда мы пустимся в дорогу?

– Можем выехать с рассветом.

– Я хочу как можно скорее вернуться домой. Нам нужно подготовиться к операции по спасению Рена.

– В таком случае можно попробовать пересечь границу и въехать в Индию со стороны штата Сикким. Это будет гораздо быстрее, чем снова путешествовать через все Гималаи.

– Насколько быстрее?

– Зависит от того, как быстро нам удастся перейти границу. Но если не случится ничего непредвиденного, вся дорога займет несколько дней.

– Очень хорошо! Но сейчас нам нужно столько всего рассказать вам! Столько всего обсудить.

Мистер Кадам задумчиво посмотрел на меня поверх своей чашки с чаем.

– Мисс Келси, я вижу, что в последнее время вы очень мало спали. У вас усталые глаза.

Он перевел взгляд на Кишана, потом снова отхлебнул свой чай.

– Я думаю, сейчас вы оба должны как следует выспаться. Впереди у нас долгая дорога, и вы сможете обо всем рассказать мне в машине.

– Согласен, – кивнул Кишан. – Последние дни совершенно тебя измотали. Отдохни немного, *билаута*.

Я допила свой чай.

– Вижу, что осталась в меньшинстве. Ну и ладно. Тогда давайте ложиться спать, чтобы завтра встать как можно раньше.

Я попросила Шарф соткать нам дополнительный спальник и подушки для всех. И почти сразу же уснула, убаюканная негромким разговором, который Кишан и мистер Кадам вели на своем родном языке.

На следующее утро мы отправились домой. Пройдя пограничный контроль и таможню, мы без остановок преодолели половину расстояния до дома и заночевали в городке Гая. Мы вели машину по очереди, после чего отсыпались на заднем сиденье. Даже Кишану позволено было сесть за руль, но мистер Кадам, не забывший о плачевном эпизоде с джипом в Индии, все время зорко наблюдал за ним. По дороге мы во всех подробностях рассказали мистеру Кадаму о нашем путешествии. Я поведала о восхождении на Эверест и встрече с медведем. Следом Кишан в красках описал, как пронес меня во Врата Духа и как мы странствовали по Шангри-Ла.

Мистер Кадам пришел в восторг от рассказа о сильванах и засыпал нас кучей вопросов. Наш ученый друг и наставник хотел составить подробнейший отчет о нашем путешествии, поэтому ловил каждое слово, на ходу заполняя страницы путевого блокнота своим бисерным каллиграфическим почерком. Разумеется, он задал нам множество уточняющих вопросов об испытаниях четырех домов и о железнокрылых стражах. При этом он то и дело понимающе кивал, словно наши слова подтверждали

его давние предположения.

В гостинице мы уселись за стол и показали мистеру Кадаму фотографии Ноева ковчега, Мирового Древа, сильванов и четырех домов. Эти кадры заставили нас с Кишаном вспомнить новые подробности путешествия, поэтому мистер Кадам снова вытащил свой блокнот и скрупулезно внес дополнения в записи.

Кишан показал мне какой-то кадр в фотоаппарате.

– Слушай, а это что такое?

Я покрутила его так и эдак и расхохоталась.

– Да это же глаз Хугина! Видишь! Вон там, сзади, гнездо!

Кишан забрал у меня камеру и прокрутил еще несколько снимков.

– А почему вы не брали с собой фотоаппарат в Кишкиндху?

Я пожала плечами, но у мистера Кадама на все был готов ответ.

– Я не хотел обременять Келси лишней тяжестью. Как ты помнишь, Золотого плода у нас тогда не было, поэтому ей пришлось нести с собой еду и воду на много дней, ведь мы не знали, как долго продлится их путешествие.

Кишан хмыкнул и сказал:

– А вот этот кадр я непременно распечатаю и сохраню на память, *апсарас ра джкумари.*

Он снова протянул мне фотоаппарат. На снимке я была запечатлена в струящемся сильванском платье с феями в волосах вместо заколок. Я была похожа на сказочную ясноглазую принцессу со светящейся фарфоровой кожей. Волосы мягкими волнами сбегали по моей спине, а из локонов кое-где выглядывали любопытные феи, старавшиеся получше рассмотреть мое лицо. Мистер Кадам взглянул мне через плечо.

– Этот наряд вам очень к лицу, мисс Келси.

Кишан громко расхохотался.

– Да вы бы видели ее вживую! Очень к лицу – это мягко сказано!

Мистер Кадам улыбнулся и вышел, чтобы принести из машины свою сумку.

Кишан закрыл за ним дверь, вернулся к столу и привалился к нему боком. Потом согнул ногу в колене, обхватил ее руками и с самым серьезным видом уставился на меня.

– Я не погрешу против истины, если скажу, что никогда не видел женщины прекраснее.

Я нервно переплела пальцы.

– Ах, Кишан, кардинальная смена образа всегда производит такое впечатление на окружающих! Эти прелестные феи пользовались бы бешеной популярностью в наших салонах

красоты.

Кишан взял меня за локоть, повернул к себе.

– Но не смена образа сделала тебя красавицей, Келси. Ты и так красивая. Этот новый образ лишь подчеркнул то, что было всегда. – Он приподнял мою голову за подбородок и заглянул в глаза. – Ты просто прелесть, Келси.

Он положил свои теплые ладони на мои голые руки и легонько потер их. Потом привлек меня ближе к себе, и я увидела, как его взгляд спустился к моим губам. Кишан наклонил голову, поднес свои губы к моим. Но я уперлась ладонями ему в грудь и предупредила:

– Ки-шан.

– Мне нравится слышать, как ты произносишь мое имя.

– Пожалуйста, отпусти меня.

Он поднял голову, вздохнул и тихо сказал:

– Рен… ему очень, очень повезло.

Он неохотно отпустил меня и отошел к окну.

Чтобы сгладить неловкость, я занялась распаковыванием своей сумки, вытаскивая оттуда туалетные принадлежности и пижаму. С минуту Кишан молча наблюдал за мной, потом потер щеку и сказал:

– Похоже, мне тоже пора бы сменить образ. Горячий душ зовет меня.

Все еще нервничая, я ответила:

– Угу. Меня тоже. Горячий душ – это просто божественно.

Он приподнял бровь.

– Хочешь пойти первая?

– Да нет, иди, я после тебя.

Его глаза лукаво заискрились, и он сказал, понизив голос:

– Было бы поистине божественно, если бы ты ответила, что предпочитаешь сэкономить воду…

Я возмущенно разинула рот.

– Ки-шан!

Он нагло подмигнул мне.

– Да ладно, не принимай всерьез. Но ведь попытка не пытка, согласись?

К счастью, возвращение мистера Кадама, избавило меня от необходимости отвечать.

На второй день мы с мистером Кадамом обменялись впечатлениями от видения о Локеше. Оказалось, он тоже обратил внимание на украшенного татуировкой слугу, более того, он не сомневался, что столь характерная внешность позволит выяснить, откуда родом этот человек. Кроме этого, мистер Кадам собирался

втайне обследовать офис Локеша в Мумбаи.

Воздух был настолько влажен, что, наверное, можно было бы наполнить бутылку с водой, просто вывесив ее за окно машины. Мы мчались мимо храмов с золотыми куполами и людей, трудившихся на полях, проезжали по мостам над полноводными реками и по затопленным дорогам, но я оставалась глуха ко всем этим чудесам. Я думала только о Рене. Единственное, что отвлекало меня от страха за него, были мысли о Кишане.

Во время странствий по Шангри-Ла между нами возникли какие-то новые отношения, но я пока не знала, что мне с этим делать. Недели, проведенные рядом с Кишаном, ничего не изменили для меня. Зато он от ни к чему не обязывающего флирта перешел к более серьезным шагам. Оставалось надеяться, что со временем он утратит ко мне интерес.

Честно говоря, вначале я думала, что чем лучше он меня узнает, тем быстрее остынет. Но по-видимому, все оказалось ровно наоборот. Мне нравился Кишан, но совсем не так, как я ему. За время нашего путешествия я научилась доверять ему и рассчитывать на его поддержку. Он стал мне хорошим другом, но мое сердце принадлежало не ему, а его брату. Возможно, узнай я Кишана первым, все могло бы быть иначе. Но все случилось так, как случилось.

Всю дорогу эти мысли неотступно крутились у меня в голове. Значит, вся наша неземная любовь с Реном – просто-напросто случайность? Все произошло только потому, что я встретила его первым и у нас появилась возможность узнать друг друга и влюбиться? А что было бы, если бы ко мне в Америку приехал не Рен, а Кишан? Неужели тогда мой выбор был бы другим?

Печальная правда заключалась в том, что я не знала ответа на этот вопрос. Кишан был очень привлекательным молодым человеком, как внешне, так и внутренне. В нем было нечто такое, что пробуждало желание обнять его покрепче и никуда не отпускать от себя. Он был одинок. Как и Рен, он отчаянно хотел обрести свой дом. Как и Рен, он нуждался в женщине, которая обнимет его и даст покой измученному, уставшему от скитаний тигру. Я с легкостью могла представить себя в роли его спасительницы. Мне было совсем нетрудно вообразить, что я могу полюбить его и быть с ним счастлива.

Но как же Рен? Ведь он тоже обладал всеми теми качествами, которые мне так нравились в Кишане! У него было все, чего я только могла пожелать, да еще в роскошной упаковке. Не говоря уже о том, что белый тигр нуждался в любви и утешении ничуть не меньше черного. У нас с Реном было гораздо больше общего, мы были как будто созданы друг для друга. Мне нравились

ласковые имена, которые он давал мне. И то, как он пел мне и играл на мандолине. А еще мне нравилось, с каким увлечением он читал Шекспира и как смотрел со мной кино, горячо болея за хороших парней. И я уважала его за то, что он никогда не мошенничал, даже в соперничестве за любимую девушку. Если бы я не встретила Рена, если бы на его месте в цирковой клетке оказался Кишан, то я, без сомнения, смогла бы найти счастье с ним. Но поскольку Рен любил меня и хотел быть со мной, никакая сила не могла заставить меня обратить взор на Кишана. Рен был моей Вселенной, даже сейчас, когда его не было рядом.

У моего Рена не было ни одного недостатка, ни одного оттенка серого. Он был белоснежным котом без единого черного пятна, как Кишан – черным, без вкрапления белого. К сожалению, я не могла смотреть на Кишана глазами Рена. Для меня Кишан тоже был герой. Оба брата страдали. Оба были несчастны. И Кишан заслуживал счастья не меньше, чем Рен…

Кишан, сидевший за рулем, время от времени поглядывал на меня в зеркало заднего вида.

Я прикусила губу, глубоко погрузившись в свои мысли, но тут он вдруг спросил:

– О чем призадумалась?

Я вспыхнула и пробормотала:

– Думаю, как нам спасти Рена.

Потом отвернулась лицом к спинке кресла, закрыла глаза и незаметно для себя уснула.

Когда колеса нашей машины захрустели по гравию подъездной аллеи, Кишан бережно разбудил меня.

– Вот мы и дома, *билаута*.

24
Признания

Я была до слез рада вернуться домой. Кишан внес внутрь наши вещи и тут же испарился. Мистер Кадам тоже извинился, сославшись на то, что ему нужно срочно связаться кое с кем из своих старых знакомых. Оставшись одна, я поднялась к себе, приняла долгий-предолгий горячий душ и разобрала грязные вещи.

Переодевшись в пижаму и домашние тапочки, я спустилась в прачечную и загрузила стиральную машинку. Но что делать с одеждой, сотканной феями? В конце концов, я решила повесить ее на ночь на террасе, хотя бы для того, чтобы проверить, есть ли феи в нашем мире. Покончив с делами, я прошлась по дому, чтобы поглядеть, кто чем занят.

Мистер Кадам разговаривал по телефону в библиотеке. Мне удалось услышать только часть его беседы. Заметив меня, он кивнул и придвинул мне стул, чтобы я могла сесть рядом.

– Да. Разумеется. Свяжитесь со мной, как можно быстрее. Да-да, все правильно. Не ограничивайте себя в расходах. Будем на связи. – Он отключился и посмотрел на меня.

Рассеянно крутя свой мокрый локон, я поинтересовалась:

– Кто это был?

– Один из моих подчиненных, человек редких и многочисленных талантов. В частности, он просто гений внедрения в крупные организации.

– И что он будет для нас делать?

– Как что? Прежде всего он выяснит, кто работает в пентхаусе самого высокого небоскреба в Мумбаи.

– Вы ведь не собираетесь сами туда пробраться? – всполошилась я. – Локеш может и вас схватить!

– О, нет. Кстати, в этот раз Локеш невольно сообщил нам больше сведений о себе, чем разузнал о нас. Вы обратили внимание на его костюм?

– Костюм? Да нет, мне показалось, ничего примечательного.

– Вы ошиблись! Его костюм сшит на заказ, и сшит в Индии. Только две фирмы во всей стране специализируются на пошиве столь дорогих мужских костюмов. Я уже послал своего человека выяснить их адреса.

Я с недоверчивой улыбкой покачала головой.

– Мистер Кадам, вам кто-нибудь говорил, что вы исключительно наблюдательны?

Он тоже улыбнулся.

– Возможно, пару раз.

– Что ж, я очень рада, что вы на нашей стороне. Я потрясена! А мне и в голову не пришло обратить внимание на его одежду! Да, но что насчет его слуги?

– О, у меня есть несколько предположений по поводу того, откуда он может быть родом, принимая во внимание его ожерелья, прическу и татуировку. Пожалуй, к завтрашнему дню я сумею максимально сузить круг наших поисков. Но разве вы не хотите перекусить и лечь спать? Дорога была тяжелая.

– Я хорошо выспалась в машине, но перекусить совсем не прочь. Вы со мной?

– Пожалуй, присоединюсь.

Я вскочила со своего места.

– Ой, мистер Кадам! Чуть не забыла. У меня же есть для вас подарок.

Выбежав из библиотеки, я отыскала под лестницей свой рюкзак, захватила из кухни пару тарелок и два стакана и вернулась со всем этим в кабинет. Поставив стакан и тарелку перед мистером Кадамом, я расстегнула рюкзак.

– Насчет выпечки я не уверена, но нектар не должен был испортиться.

Заинтригованный, мистер Кадам наклонился над рюкзаком.

Распаковав изящные свертки, которые сильваны дали нам с Кишаном в дорогу, я разложила на тарелке изысканные деликатесы. К сожалению, пакетик с тончайшими кружевными печеньями превратился в пакетик с крошками. Зато другие лакомства выглядели столь же свежими и аппетитными, как и на столе в Шангри-Ла.

Мистер Кадам со всех сторон осмотрел миниатюрные закуски, восхищаясь их красотой и изяществом. Пока он с некоторой опаской пробовал галету с жареными грибами и крошечную тартинку с малиной, я рассказала ему, что сильваны – вегетарианцы, которые любят все изящное и прекрасное. Потом я вытащила плотно притертую пробку из фляги, сделанной из выдолбленной тыквы-горлянки, и налила мистеру Кадаму сладкого золотистого нектара. В этот момент в комнату вошел Кишан и тут же уселся рядом со мной.

– Эй, вы! А меня почему не пригласили на сильванское чаепитие? – полушутя возмутился он.

Я подвинула ему свою тарелку и сходила на кухню за третьим стаканом. Наслаждаясь краткой мирной передышкой, мы смеялись, чокались и с удовольствием уплетали тыквенные булочки с маслом грецкого ореха и крохотные, на один укус,

пирожки с яблоками, сыром и луком. Опустошив горлянку до последней капли, мы попросили Золотой плод повторить напиток и с восторгом убедились, что он способен выполнить даже такой экзотический заказ. Единственное, что омрачало этот чудесный вечер – это отсутствие Рена. Мысленно я дала себе слово составить список всех изысканных блюд, которыми угощали нас сильваны, чтобы после освобождения Рена мы могли с помощью Золотого плода устроить для него настоящее сильванское пиршество.

Этой ночью мы засиделись допоздна. Кишан превратился в тигра и уснул возле моих ног, а мы с мистером Кадамом продолжали читать книги о народах и сельских племенах, населяющих Индию. Было примерно половина четвертого утра, когда я, перевернув страницу пятой по счету книги, увидала изображение женщины с татуировкой на лбу.

– Мистер Кадам, взгляните-ка!

Он встал из-за стола и опустился в кожаное кресло напротив меня. Взяв у меня из рук книгу, он внимательно изучил иллюстрацию.

– Да. Это один из народов, о котором я подумал. Он называется байга.

– Что вы знаете об этих байга? Кто они такие?

– Народ байга относится к древнейшему, дравидскому населению Индии. Байга живут замкнутыми общинами, сохраняют обособленность, избегают связей с внешним миром. Они охотники и собиратели, по возможности избегают занятий земледелием, ибо считают, что это наносит вред Матери-Земле. Мне известно о двух группах байга – одни живут в индийском штате Мадхья-Прадеш, в Центральной Индии, а вторые обитают на востоке, в штате Джаркханд. Погодите-ка, кажется, вот в этой книге содержатся более подробные сведения о них.

Он обвел глазами книжные полки и вытащил нужный том. Потом уселся рядом со мной и открыл книгу.

– Вот, это целая энциклопедия об адиваси, здесь непременно должно быть про байга.

Я наклонилась, чтобы почесать Кишана за ухом.

– Кто такие адиваси?

– Этим термином обозначают все без исключения реликтовые племена и малые народы Индии. Но на самом деле под это определение попадают очень разные культуры. Вот, смотрите, ирула, ораоны, санталы и, – он перевернул страницу, – байга!

Он нашел нужную главу и пробежал пальцем вниз по странице.

– «Занимаются ручным подсечно-огневым земледелием…

Богатые традиции татуировок… Полностью зависят от джунглей. Практикуют традиционную медицину, развито знахарство, традиции жречества… Изготавливают красивые изделия из бамбука». Ага, а вот и то, что нас интересует, мисс Келси! «Мужчины-байга отращивают очень длинные волосы и носят прически в виде пучков». Что скажете? Мужчина, державший Рена, очень подходит под это описание! И все-таки меня кое-что смущает… Видите ли, я не могу себе представить, чтобы мужчина-байга оставил свое племя, отправившись служить кому-то вроде Локеша!

– Даже за большое вознаграждение?

– В данном случае деньги не имеют значения, мисс Келси. Жизнь байга целиком и полностью связана с племенем. Понимаете, не существует такой причины, которая заставила бы его покинуть своих сородичей. Это было бы полным разрывом со всеми традициями, со всем образом жизни. Байги очень простые, цельные и искренние люди. Каким образом такой байга может стать сообщником Локеша? Однако этот вопрос следует изучить подробнее. Завтра я приступлю к изучению племен байга. А сейчас, мисс Келси, нам пора спать. Никаких возражений! Время позднее, а назавтра нам с вами понадобятся свежие головы.

Я кивнула и поставила книгу на полку. Несколько секунд мистер Кадам молча смотрел на меня, потом пожал мое плечо.

– Не волнуйтесь. В конце концов, все устроится. Я это чувствую. Мы очень далеко продвинулись в наших поисках! Халиль Джебран говорил: «Чем глубже горе проникло в тебя, тем больше радости ты сможешь вместить». Я знаю, что в жизни у вас было много горя, но чувствую, что вас ждут великие радости, мисс Келси.

Я улыбнулась ему, крепко обняла и прошептала в его рубашку:

– Спасибо вам. Не знаю, что бы я без вас делала. Но вам тоже нужно немного поспать.

Мы попрощались, мистер Кадам ушел к себе, а я поплелась вверх по лестнице в свою спальню. Кишан тихонько крался за мной следом, потом так же бесшумно вошел в мою комнату. Подойдя к стеклянной двери он остановился, ожидая, когда я пущу его на террасу. Я открыла дверь и присела на корточки рядом с тигром, чтобы погладить его по черной спине.

– Спасибо, что решил составить мне компанию.

Он вспрыгнул на покачивавшиеся под ветром качели и тут же уснул. А я забралась в свою постель и крепко обняла белого плюшевого тигра, надеясь заполнить пустоту в сердце мыслями о Рене.

Утром я проснулась около одиннадцати. Мистер Кадам снова висел на телефоне, но отключился сразу же, как только я вошла в комнату.

– Похоже, нам улыбнулась удача, мисс Келси! С утра я засел за исследование вопроса о байга, прочел все, что написано о племени, живущем в штате Мадхья-Прадеш, и не нашел ровным счетом ничего примечательного. Зато племя из Восточной Индии, похоже, исчезло.

– Что значит, исчезло?

– Видите ли, по соседству с племенем байга обычно есть несколько деревень, жители которых время от времени общаются с членами племени. Такие встречи часто возникают по различным спорным вопросам, например по поводу вырубки леса. Но это племя байга, о котором мы с вами говорили, недавно бесследно исчезло. Они кочевники и частенько переходят с места на место, но до сих пор никогда не пропадали так надолго, не выходя на связь с местными властями. В настоящее время байга несколько ограничены законом, они не могут свободно кочевать, как в былые времена. Я намерен продолжить поиски. У меня есть знакомые, которые могут сделать спутниковые фотографии всей местности и поискать наше пропавшее племя. Если им удастся обнаружить что-либо, заслуживающее внимания, я немедленно сообщу вам и Кишану. А сейчас – отдыхать! За последние недели вам здорово досталось, и я хочу, чтобы вы восстановили свои силы. Тем более что до тех пор, пока мы не получим новую информацию, делать вам все равно нечего. Поплавайте в бассейне, посмотрите кино или съездите куда-нибудь пообедать. Вы заслужили передышку.

– Вы уверены, что я ничем не могу помочь? Я все равно не могу отдыхать, зная, что Рен страдает.

– Ваши тревоги не уменьшат его страданий. Он бы тоже хотел, чтобы вы отдохнули. Мы скоро найдем его, мисс Келси. Не забывайте, мне много раз приходилось командовать сражениями, и одну премудрость военного дела я усвоил твердо: вышедшие из битвы войска нуждаются в отдыхе и развлечениях. Вы не исключение, мисс Келси. Найти время для отдыха исключительно важно для душевного здоровья солдат. Так что шагом марш отсюда, и чтобы я не видел вас обоих до вечера!

– Слушаюсь, мой генерал! – с улыбкой отсалютовала я. – Обязуюсь передать ваши указания Кишану.

Он салютовал мне в ответ.

– Выполняйте.

Я с хохотом побежала на поиски Кишана.

Он тренировался в спортзале. Присев на нижнюю ступеньку лестницы, я несколько минут наблюдала за ним. Кишан выполнял сложнейшую серию акробатических прыжков и переворотов, абсолютно невозможных для обычного человека, не обладающего тигриной силой. Приземлившись в двух шагах от меня, Кишан весело улыбнулся.

– Знаешь, если вы с Реном захотите принять участие в Олимпийских играх, то непременно завоюете несколько золотых медалей. По спортивной гимнастике, легкой атлетике, вольной борьбе, да всего не перечислишь! Заработали бы миллионы долларов!

– Мне не нужны миллионы.

– А табуны хорошеньких девушек, которые не сводили бы с тебя глаз?

Он рассмеялся.

– Мне нужно, чтобы только одна хорошенькая девушка не сводила с меня глаз, но она смотрит в другую сторону. Ладно, ты зачем пришла? Хочешь потренироваться?

– Нет. Я пришла спросить, не хочешь ли ты искупаться? Мистер Кадам приказал нам сегодня отдыхать.

Кишан взял полотенце, вытер вспотевшее лицо и мокрые волосы.

– Искупаться, говоришь? Что ж, возможно, это меня остудит. – Он лукаво поглядел на меня из-под своего полотенца. – Разумеется, если ты пообещаешь надеть бикини.

– Вот уж не думаю! – прыснула я. – У меня фигура не для бикини.

Кишан испустил глубокий трагический вздох.

– Какой удар! Ну ладно, встретимся у бассейна.

Я бросилась к себе, переоделась в красный закрытый купальник, набросила халат и вышла на террасу.

Кишан, уже успевший надеть яркие пляжные шорты, деловито устанавливал сетку для водного волейбола. Я бросила свой халат на шезлонг и только собралась попробовать ногой воду, как почувствовала на спине что-то холодное.

– Ой! Что ты делаешь?

– Не дрыгайся! Солнцезащитным кремом кто будет мазаться? С такой белой кожей ты мигом обгоришь!

Кишан очень умело намазал мне спину и шею кремом и уже перешел было к рукам, но здесь я его остановила.

– Спасибо, здесь я и сама могу, – сказала я, протягивая руку за флаконом. Выдавив щедрую порцию на ладонь, я стала натирать руки и ноги. Крем пах кокосом.

Кишан с ухмылкой посмотрел на мои ноги, потом подмигнул.

– Не торопись.

К тому времени, когда он притащил из кладовки мяч и стопку полотенец, я закончила мазаться. Кишан бросил полотенца на мой халат.

– Не хочешь сыграть в волейбол?

– Ты меня обыграешь.

– Тогда я буду играть на глубокой стороне. Это даст тебе фору.

– Ладно, давай попробуем.

– Постой-ка.

– Что еще?

Он коварно ухмыльнулся.

– Ты пропустила одно местечко.

– Где?

– Вот тут.

С этими словами он с хохотом шлепнул здоровенную кляксу крема мне на нос.

Я ткнула его кулаком.

– Ты просто несносен! – и подняла руки, чтобы растереть крем.

– Не надо, – сказал он. – Дай я.

Я опустила руки, а Кишан стал осторожно размазывать крем по моему носу и щекам. Поначалу он делал это дружески, но очень скоро его настроение изменилось. Он подошел ближе ко мне, впился своими золотистыми глазами мне в лицо. Тогда я набрала в грудь побольше воздуха и бросилась наутек. Отбежав на несколько шагов, я бомбочкой прыгнула в глубокую часть бассейна, с ног до головы забрызгав Кишана и залив все вокруг.

Он со смехом нырнул за мной. Взвизгнув, я нырнула и поплыла под водой к другому концу бассейна. Высунула голову из воды – Кишана нигде не было видно. И тут цепкая рука схватила меня за ногу и утащила под воду. Когда я, кашляя и отфыркиваясь, снова вынырнула на поверхность, Кишан вспрыгнул на бортик рядом со мной и резким движением отбросил со лба волосы. Я хотела сбросить его в воду, но он только расхохотался.

Разумеется, он не поддался, а когда я в бессильном гневе хорошенько обрызгала его, он отплатил мне тем же, и между нами вспыхнула настоящая водная битва. К сожалению, очень скоро выяснилось, что мне не суждено выйти из нее победительницей. Тренированные руки Кишана не знали усталости, а посылаемые им могучие волны без труда гасили мои жалкие брызги. В конце концов я запросила перемирия.

Кишан с готовностью прекратил обстрел и схватил

волейбольный мяч. Мы начали состязание, и вскоре я с радостью убедилась, что на свете все-таки существует спортивная игра, в которой я могу себя показать.

Когда я забила третий мяч, выиграв очередное очко, Кишан не выдержал:

– Где ты научилась играть? Ты просто мастер!

– В воде я играю в первый раз, но в школе участвовала в матчах. Меня даже зачислили в школьную команду, но это случилось в тот год, когда погибли мои родители. После этого я потеряла интерес к соревнованиям, но волейбол все равно остается моей любимой игрой. Между прочим, я и в баскетбол неплохо играю, хотя мне недостает роста. А вы играли в спортивные игры?

– Честно говоря, на это у нас не было времени. Мы, конечно, состязались в борьбе и стрельбе из лука, сражались в настольные игры вроде пачиси, но это не считается.

– Но ты же видишь, я все равно с трудом у тебя выигрываю, хотя ты играешь в первый раз, да еще на глубокой стороне бассейна.

Кишан перехватил в воздухе мяч и свалился с ним в воду. Вынырнув, он очутился прямо напротив меня по другую сторону сетки. Внезапно он приподнял ее и поднырнул. Около сетки было так глубоко, что мне приходилось стоять на цыпочках, чтобы держать голову на поверхности. Кишан остановился в трех футах от меня, и я прищурилась, пытаясь предугадать, что он собирается делать. Несколько напряженных секунд Кишан с коварной улыбкой разглядывал меня, не трогаясь с места. Занервничав, я подняла руки, готовясь обрызгать его, если он снова перейдет в атаку.

Но тут Кишан оттолкнулся ногами и очутился возле меня. Обвив ногами мою талию, он притянул меня к себе, ухмыльнулся и прошептал:

– Что я могу сказать? Я не умею проигрывать.

И поцеловал меня.

Я застыла. Наши губы были мокрыми от воды. Сильно чувствовался привкус хлорки. В первые секунды Кишан не двигался, поэтому целоваться с ним было все равно что целовать мокрую кафельную плитку на бортике бассейна. Но вот он крепче обхватил мою талию, заскользил руками по моей голой спине и наклонил голову.

В тот же миг ни к чему не обязывающий, стерильный, мокрый, с запахом хлорки, дружеский никакой-не-поцелуй превратился в самый настоящий поцелуй весьма активного и убедительного мужчины – и при этом совсем не Рена.

Потеплевшие губы Кишана приятно ласкали мои губы. Настолько приятно, что я забыла о том, что не хочу его целовать, и стала с жаром отвечать. Мои руки, вместо того чтобы оттолкнуть Кишана, крепко вцепились в его теплые мускулистые предплечья. Кожа у него была гладкая и теплая от солнца.

Кишан с жаром приветствовал мой отклик, он обвил меня одной рукой за талию, крепко прижав к своей груди, а второй скользнул по голой спине вверх, взяв меня за затылок. На какую-то долю секунды я забылась в его объятиях. Но потом ко мне вернулась память, и поцелуй Кишана, вместо того чтобы унести меня на небеса и сделать счастливой, причинил мне боль.

Я высвободила свои губы и отстранилась. Кишан, не убирая руки с моей талии, подцепил пальцем мой подбородок и заглянул в глаза. Несколько секунд он молча смотрел на меня, и от этого взгляда у меня на глаза навернулись слезы. Слезинка, сбежав по моей щеке, шлепнулась ему на руку.

Он криво улыбнулся.

– Я рассчитывал на другую реакцию.

Я резко рванулась из его рук, он нехотя отпустил меня. Не оборачиваясь, я поплыла прочь и вышла из бассейна.

– Прости, если тебя это расстроило, но я никогда не называл себя чемпионом по поцелуям.

– Меня не это расстроило.

– Тогда что же?

Я не ответила.

Присев на бортик, я растопырила пальцы и положила ладонь на воду. Потом, не глядя на Кишана, тихо спросила:

– Я когда-то дала тебе повод надеяться на что-то?

Он с унылым вздохом взъерошил свои мокрые волосы.

– Нет, но…

– Но что?

Я подняла на него глаза. Как оказалось, это была большая ошибка.

Кишан выглядел таким беззащитным. Надеющимся и одновременно потерявшим надежду. Желающим поверить и не смеющим решиться. Его переполняли гнев, отчаяние и досада. Его тоскующие золотые глаза были полны горечи и в то же время светились мрачной решимостью.

– Но… я не могу не думать о том, что, может быть, Рена похитили не случайно! Возможно, это была судьба. Потому что ты должна быть со мной, а не с ним!

Не сдерживаясь, я ударила его наотмашь:

– О да, Рена похитили не случайно! Это случилось только потому, что он добровольно пожертвовал собой, спасая нас с

тобой. И ты вот так решил ему отплатить?

Я мрачно наблюдала за тем, как шипы моих упреков вонзаются в его сердце. Обвинять Кишана было легко, но что делать с моим поведением? Все мои негодующие упреки относились ко мне ничуть не в меньшей степени, чем к Кишану. Я жестоко винила себя в том, что допустила этот поцелуй. Но хуже всего было то, что этот возмутительный поцелуй мне очень понравился.

Кишан отплыл на другой конец бассейна и встал, прислонившись спиной к бортику.

– Думаешь, мне все равно, да? – выкрикнул он. – Думаешь, мне наплевать на брата? Но это не так! Несмотря на все, что случилось, я каждый день жалею, что они похитили его, а не меня! Тогда ты была бы с Реном. Он – с тобой. А я получил бы то, что заслужил.

– Кишан!

– Я не шучу. Что ты знаешь обо мне? Ты знаешь, что я каждый день ненавижу себя за все, что сделал? И за то, что я чувствую!

Я поморщилась.

– Думаешь, я хотел в тебя влюбляться? Да я сам старался держаться от тебя подальше! Я дал ему возможность быть с тобой! Но что я могу сделать, если вторая половина моего существа постоянно твердит: а что, если? Что, если ей назначено быть с тобой, а не с Реном? Что, если сама судьба послала ее тебе в ответ на твои молитвы? Тебе – а не ему!

Он пылко смотрел на меня через разделявший нас бассейн. Даже на таком расстоянии я чувствовала его боль.

– Кишан, но я…

– Постой, прежде чем ты скажешь хоть слово, я хочу тебя предупредить: мне не нужна твоя жалость. Так что если ты хочешь сказать, что это не так и предложить мне свою верную дружбу, то лучше промолчи.

– Я совсем не это хотела сказать.

– Хорошо. Значит, ты признаешь, что тебе это понравилось? Что между нами есть нечто? Что тебя ко мне тянет?

– Тебе нужно, чтобы я это признала?

Он скрестил руки на груди.

– Да. Думаю, да.

Тогда я всплеснула руками в воздухе.

– Отлично! Как скажешь! Да, я это признаю! Доволен? Между нами что-то есть. Да! Меня к тебе тянет. И все было очень здорово. Более того, это было настолько хорошо, что заставило меня на целых пять секунд забыть о Рене. Ну что, теперь доволен?

– Да.

– Вот как? А я – нет!

– Я это вижу. – Он зорко разглядывал меня через бассейн. – Значит, если я правильно понял, мне досталось всего пять секунд?

– Если быть точной, то, наверное, около тридцати.

Он хмыкнул. Руки он по-прежнему держал скрещенными на груди, а на лице его появилась самодовольная мужская ухмылка.

Я печально вздохнула.

– Кишан, я…

Но он не дал мне закончить:

– Ты помнишь, как мы спаслись из дома сирен в Шангри-Ла?

– Да.

– Ты тогда сказала, что тебя спасли мысли о Рене.

Я кивнула.

– Так вот, а меня спасли мысли о тебе. Ты заполнила все мое существо, и чары сирен рассеялись. Тебе не кажется, что это что-то да значит? Может быть, нам с тобой предназначено быть вместе? Правда в том, Келси, что я уже давно думаю о тебе. С того самого дня, как я впервые увидел тебя, я не могу выбросить тебя из головы.

Слеза скатилась по моей щеке.

– Прости меня за все, что случилось, – грустно ответила я. – Прости за то, что тебе приходится терпеть. И особенно за страдания, которые я тебе причиняю. Я не знаю, что тебе сказать, Кишан. Ты удивительный. Ты чудесный. Даже слишком чудесный. Сложись все иначе, я бы сейчас наверняка до сих пор целовала тебя.

Я уронила голову на руки, а Кишан, нырнув, поплыл под водой ко мне. Услышав, как он встает рядом, я посмотрела на него. Струйки воды стекали по его бронзовому торсу. Он был поистине прекрасен. Любая девушка была бы счастлива любить такого парня.

Кишан протянул мне руку.

– Тогда иди сюда и поцелуй меня!

Я покачала головой и грустно вздохнула.

– Я не… не могу. Послушай, я знаю только то, что люблю его. Ты, конечно, очень соблазнительный, но быть с тобой я просто не могу. Я не могу его предать. Пожалуйста, не проси меня об этом.

Я отошла от бассейна и завернулась в полотенце. За спиной послышался плеск – это Кишан вылез следом за мной.

Он развернул меня к себе, и я нехотя посмотрела на него.

– Но я хочу, чтобы ты знала – мое соперничество с Реном тут ни при чем. Это не ревность. Это не какой-то тайный план. И даже не увлечение. – Он провел большими пальцами по моим щекам,

взял мое лицо в свои ладони. – Я люблю тебя, Келс.

И он сделал шаг ко мне.

Но я уперлась ладонью в его теплую грудь и сказала:

– Если ты в самом деле меня любишь, то не целуй меня больше. – Не трогаясь с места, я стала ждать его ответа. Это было непросто. Мне хотелось броситься наутек и запереться в своей комнате, но мы должны были раз и навсегда закрыть этот вопрос.

Кишан стоял на месте, тяжело дыша. Он смотрел себе под ноги, поэтому я видела, как вереница чувств проходит по его лицу. Когда наконец он поднял глаза, я поняла, что он сдался.

– Я не могу пообещать, что больше никогда не поцелую тебя, но даю слово, что не сделаю этого до тех пор, пока вы с Реном не расстанетесь.

Я хотела возразить, но оказалось, что он еще не закончил. Кишан нежно дотронулся до моей щеки.

– Я не такой человек, чтобы сдерживать свои чувства! Я не буду сидеть в своей комнате, изнывать от тоски и пописывать любовные стишки. Я не мечтатель, Келси. Я боец. Человек действия. Так что ты должна знать: мне придется собрать всю волю в кулак, чтобы не бороться за тебя. Когда что-то нужно сделать, я делаю это, вот и все. Когда я что-то чувствую, я подчиняюсь этим чувствам. И я все равно не понимаю, почему Рен должен получить девушку своей мечты, а я – нет! По-моему, несправедливо, чтобы со мной это случилось во второй раз.

Я накрыла его руку своей ладонью.

– Ты прав. Это несправедливо. Несправедливо, что тебе пришлось все эти недели днем и ночью быть рядом со мной. Несправедливо просить тебя оставить при себе свои чувства. Несправедливо просить тебя оставаться моим другом, когда ты хочешь большего. Но что делать, если ты нужен мне? Мне нужна твоя помощь. Нужна твоя поддержка. Но больше всего мне нужна твоя дружба. Без нее я не вышла бы живой из Шангри-Ла. И сейчас я не смогу спасти Рена без тебя. Несправедливо просить тебя о помощи, но я все равно прошу. Пожалуйста. Я прошу, чтобы ты оставил меня.

Он повернулся в сторону дома, надолго задумался, потом снова взглянул на меня. Дотронулся до моих волос и обиженно пробурчал:

– Ладно. Я отстану от тебя, но сделаю это не ради него и уж точно не для себя! Я сделаю это ради тебя. Запомни это.

Молча кивнув, я проводила взглядом его удаляющуюся фигуру. Когда он ушел, у меня подогнулись колени и я без сил рухнула на шезлонг.

Остаток дня я просидела в своей комнате, читая книги о

байга. Но мне приходилось по нескольку раз перечитывать один и тот же кусок. Я утратила цельность, противоречивые чувства раздирали меня. Это было, как если бы у меня потребовали выбрать, кого из родителей оставить в живых, а кого отдать на смерть. Какой бы выбор я ни сделала, гибель отвергнутого будет на моей совести. Речь шла не о выборе счастья, а о выборе горя. Кому я решу его причинить?

Но я не хотела причинить страдания ни одному из братьев! Мое счастье оказалось зыбким. Это было совсем не то, что отказать Ли или Джейсону! Рен любил меня, он нуждался во мне. Но ведь и Кишан тоже? Здесь не было простого выбора, как не существовало ответа, который устроил бы обоих. Наконец я отложила книгу, взяла одно из стихотворений Рена и хинди-английский словарь. Это оказалось стихотворение, которое он написал после моего отъезда из Индии. Перевод занял очень много времени, но дело того стоило.

Жив ли я?

Я могу дышать,
Я могу осязать,
Я могу чувствовать вкус.

Но воздух больше не наполняет мои легкие,
Но все предметы одинаково грубы на ощупь,
А все вкусы неотличимы друг от друга.

Жив ли я?

Я могу видеть,
Я могу слышать,
Я могу чувствовать.
Но мир стал черным и белым,
Но голоса сделались тихи и глухи,
Но я чувствую лишь смятение и пустоту.
Когда ты со мной,
Воздух переполняет меня,
Делает легким, веселым
И счастливым.
Я жив!

Мир полон красок и звуков,
Вкусы дразнят мой аппетит,
Все вокруг нежное и душистое,

И я чувствую тепло твоего присутствия.

Я знаю, кто я такой и чего хочу.

Я хочу тебя.

Рен

Огромная слеза тяжело шлепнулась на листок бумаги. Я быстро отодвинула стихотворение подальше от своих слез. Несмотря на все искренние признания Кишана, несмотря на всю сложность моих отношений с ним, одно было совершенно очевидно. Я любила Рена. Всем сердцем. Правда заключалась в том, что будь он сейчас здесь, со мной, мне никогда не пришло бы в голову даже задуматься над выбором. Когда он был со мной, я тоже знала, кто я такая и чего хочу. Даже сейчас, когда наша связь исчезла, мое сердце расцветало от его слов. Я легко представляла, как он произносит их, как сидит за своим столом и пишет это стихотворение.

Если мне нужен был ответ, то он был здесь, в моем сердце. Думая о Кишане, я испытывала смятение, привязанность и нежность, щедро приправленную чувством вины. Но с Реном я была искренней и беззаботной. Свободной и отчаянно счастливой. Да, мне нравился Кишан, но любила я Рена. И уже неважно, как это случилось. Главное – случилось.

Кишан правильно сказал, я провела с ним больше времени, чем с Реном. Неудивительно, что мы сблизились! Но Рен… Рен держал мое сердце в своих руках. Оно билось лишь потому, что он берег его.

Я решила быть добрее к Кишану. Мне ли не знать, что такое боль разбитого сердца? Мистер Кадам был прав, я нужна Кишану. Но я буду держаться с ним твердо, дав понять, что он мне только друг. Что я с радостью стану для него всем, что он во мне ищет, но только не возлюбленной.

Приняв решение, я сразу почувствовала себя лучше. Стихотворение Рена вернуло мне точку опоры. Я вложила его в свой дневник и спустилась вниз, чтобы поужинать вместе с Кишаном и мистером Кадамом.

Кишан вздернул брови, когда я ему улыбнулась. Не говоря ни слова, он уткнулся в свою тарелку, но я, не обратив внимания на эту эскападу, взялась за вилку.

– Рыба выглядит просто восхитительно, мистер Кадам. Спасибо.

Он небрежно махнул рукой, перегнулся через стол и сказал:

– Как хорошо, что вы пришли, мисс Келси! У меня есть новости.

25
Спасение Рена

Во рту у меня мгновенно пересохло, и я поперхнулась рыбой. Кишан, ни слова не говоря, придвинул мне стакан воды. Отхлебнув огромный глоток прохладной жидкости, я откашлялась и нервно выдавила:

– Какие новости?

– Мы нашли пропавшее племя байга, но с ним явно что-то случилось. Сейчас племя находится в сердце джунглей, вдали от деревень. Гораздо дальше того места, куда байга когда-либо заходили за последние столетия. Более того, они находятся дальше, чем им разрешено законом. Но еще более странно то, что спутники зафиксировали наличие какой-то техники рядом со стоянкой племени.

– Что за техника? – спросил Кишан.

– Около поселка стоят какие-то большие грузовики, хотя хорошо известно, что байга не пользуются машинами. Далее, довольно внушительное сооружение обнаружено на небольшом удалении от поселка. Это строение намного крупнее традиционных построек байга. Я думаю, что это военный лагерь.

Он отодвинул свою тарелку.

– Этот участок джунглей охраняют вооруженные люди. Похоже, они защищают байга от нападения.

– Но кто может напасть на байга из джунглей? – не поняла я.

Мистер Кадам потер руки.

– И в самом деле, кто? Племя байга исключительно миролюбивое, нам неизвестно ни о каких стычках между ним и соседями. Более того, в этом племени вообще нет воинов, как и каких-либо ценностей, представляющих интерес для внешнего мира. Так почему они вдруг стали бояться нападения? Разве что они полагают, будто враг явится в образе… – тут мистер Кадам посмотрел на Кишана: – …в образе тигра.

Кишан довольно хмыкнул.

– Похоже, вы и впрямь кое-что выяснили!

– Но почему именно байга? – не вытерпела я. – Зачем Локешу понадобилось это племя? Почему бы не держать Рена в городе или хотя бы на военной базе?

Мистер Кадам порылся в своих бумагах.

– Думаю, я знаю ответ на этот вопрос. Не далее как сегодня я позвонил своему приятелю, профессору древней истории в Бангалорском университете. В своем время мы с ним частенько

коротали вечера за обсуждением царств Древней Индии… Но ближе к делу. Так вот, этот профессор всегда питал особый интерес к… магии. Он подробнейшим образом изучил племя байга и с радостью поделился со мной потрясающей информацией! Итак, во-первых, наши байга больше всего на свете страшатся колдунов и злых духов. Они верят, что все несчастья – болезни, потери урожая, смерти – насылают злые духи. Они верят в магию, поэтому превыше всех почитают своего знахаря, которого называют *гуния*. Так что Локешу достаточно было продемонстрировать им какие-нибудь магические трюки, чтобы доверчивые байга с радостью подчинились его воле. Не забывайте, они считают себя защитниками и стражами леса. Локеш мог сказать им, будто джунглям угрожает великая беда, поэтому они должны немедленно переселиться в чащобу, а вооруженных стражей он якобы также расставил для защиты леса. Но это еще не все, друзья мои! Я перехожу к самой интересной части. Мой друг профессор сказал, что знахари-гунии племени байга якобы обладают властью над тиграми.

Я разинула рот.

– Что? Но как?

– Пока мне известно лишь то, что они каким-то образом могут защитить свои деревни от нападения тигров. Возможно, Локеш выяснил, что эта вера возникла не на пустом месте.

– Вы полагаете, что они удерживают Рена при помощи какой-то магии?

– Не знаю, но полагаю, что мы должны это выяснить и, лучше всего, на месте.

– Так чего же мы ждем? Давайте действовать!

– Мне нужно немного времени, чтобы доработать наш план, мисс Келси. Главная наша цель – выбраться оттуда живыми. Да, кстати. К сожалению, я должен сообщить вам очень печальную новость: оба моих информанта пропали. Я послал их обследовать пентхаус в самом высоком небоскребе Мумбаи, и с тех пор от них нет никаких известий. Поскольку они не вышли на связь со мной, я предполагаю самое худшее.

– Вы думаете, они погибли?

Он сухо ответил:

– Это не те люди, которые дали бы взять себя живыми. Поймите меня правильно, я не могу допустить, чтобы кто-то еще поплатился жизнью за помощь нам. Поэтому отныне мы одни.

Я сглотнула.

Мистер Кадам посмотрел на Кишана.

– Как видишь, мы снова воюем с Локешем, только уже в новом тысячелетии.

Кишан сжал кулаки.

– На этот раз он не заставит нас бежать наутек, поджав хвосты!

– Вот именно.

Откашлявшись, я решила вмешаться:

– Я вижу, трудности вас только радуют, но как насчет меня? В отличие от вас, я не боец. На что мы можем рассчитывать? Особенно сейчас, когда нас всего трое против армии Локеша и племени байга?

Кишан накрыл мою руку своей.

– Это кто тут не боец? Да ты не хуже любого солдата, с которым мне доводилось бок о бок сражаться в бою! Не говоря уже о том, что многие мужчины позавидовали бы твой храбрости. Положись на мистера Кадама, ему не впервой разрабатывать военную стратегию в условиях численного превосходства противника. Раньше он не раз приводил нас к победе, не подкачает и сейчас.

– Если я чему-то и научился за долгие годы жизни, мисс Келси, то только тому, что тщательное планирование практически всегда приводит к нужному результату, – скромно добавил наш главнокомандующий.

А Кишан добавил:

– И не забывай, что у нас очень много оружия.

– Как и у Локеша, – буркнула я.

Мистер Кадам потрепал меня по руке.

– У нас больше.

Он разложил на столе распечатку спутниковой фотографии, взял красный карандаш и стал обводить интересующие нас места. Потом протянул мне листок бумаги и ручку.

– Ну что, приступим?

Первым делом мы записали в столбик все, чем мы располагали, затем обсудили, как это можно использовать. Некоторые идеи были совсем глупыми, в других заключались кое-какие крупицы смысла. Я записывала их все без разбора, не зная, что из этого нам пригодится. И вот что у меня получилось.

Тем временем мистер Кадам обвел в кружок все более-менее интересные участки и пометил звездочкой место, где, по его мнению, мог содержаться Рен. Он сказал, что чем проще план, тем легче его выполнить, а наш план был элементарен: пробраться – найти – выбраться. Сложным его делало желание мистера Кадама проанализировать все возможные варианты развития событий.

Он стремился предусмотреть все случайности. Он придумывал все новые и новые вопросы, начинавшиеся с «А что,

если?». Что, если Кишан не сможет проникнуть на базу, поскольку магия байга подействует на его тигриную сущность? Что, если в джунглях установлены капканы и ловушки? Что, если там больше солдат, чем мы думаем? Что, если мы не сможем проникнуть в эту часть джунглей? Что, если Рена там нет?

Он составил отдельный план для каждого такого случая, продумав, как устранить проблему и достичь успеха. Затем он свел все проблемы в один список и заставил нас с Кишаном назубок затвердить свои роли. Это оказалось непросто. Мы должны были запомнить, что делать в случае каждой возникшей трудности. Вскоре мне стало казаться, что меня заставляют вызубрить все возможные концовки в книге из серии «Выбери себе приключение». Но мистеру Кадаму и этого показалось мало. Он устроил нам практические тренировки. Потом мы занялись исследованием возможностей Золотого плода и волшебного Шарфа, а также заучили несколько хитрых приемов с использованием нашего оружия. После этого не знающий снисхождения мистер Кадам до самого вечера гонял нас в спортзале, заставив освежить навыки рукопашного боя, а заодно отработать несколько новых приемов. Когда он наконец объявил первый день подготовки законченным, я едва держалась на ногах от усталости. Голова шла кругом, все мышцы горели огнем, я была с ног до головы покрыта кленовым сиропом и хлопковой ватой – последствиями неудавшейся попытки задействовать одновременно Золотой плод и Шарф.

Попрощавшись, я с трудом поднялась вверх по лестнице и включила душ. Сняв с руки Фаниндру, посадила ее на подушку. Мистер Кадам разработал для нее отдельный план, но она даже не пошевелилась, когда он излагал свои соображения. Мы не знали, захочет она нам помогать или нет, но я все равно решила взять ее с собой. Фаниндра столько раз спасала мне жизнь, что заслужила право отправиться с нами на задание. Я смотрела, как она устраивается на подушке, расправляя и заново укладывая свои золотые кольца. На миг изумрудные глаза Фаниндры вспыхнули ярким светом, а потом погасли.

Тут я услышала, как что-то хлопает на террасе. Ох, да это же моя сильванская одежда! А я и забыла, что оставила ее висеть там! Судя по всему, в нашем мире фей не было, по крайней мере в этой части света. Моя одежда была вполне цела, но явно нуждалась в хорошей стирке. Я бросила ее в корзину для грязного белья и полезла в душ. С наслаждением расслабив ноющие мышцы, я стала думать о разных пустяках, например о том, в какой воде лучше стирать сильванскую одежку – в холодной или в горячей, – и едва не уснула стоя.

Мистер Кадам дрессировал нас целую неделю, пока не решил, что мы готовы отправиться на поиски племени байга.

Мы трое стояли у подножия большущего дерева, в темных–претемных джунглях. По очереди передавая друг другу Шарф, мы преобразились, согласно плану.

Перед тем как превратиться, мистер Кадам шепнул нам:

– Вы знаете, что делать. Ну, удачи!

Я обернула Шарф вокруг шеи, завязала и прошептала в ответ:

– Не угодите в ловушку!

Он бесшумно растворился в темноте джунглей.

Кишан быстро обнял меня и тоже ушел. Его шаги были совсем тихи. Вскоре я осталась одна в ночных джунглях. Натянув лук, я передвинула Фаниндру повыше и стала ждать сигнала.

Вот по лесу прокатился оглушительный рев, сопровождаемый нестройными криками людей. Это был сигнал, которого я ждала. Не оглядываясь, я бросилась бегом через джунгли в сторону лагеря, расположенного примерно в четверти мили от дерева. Приблизившись, я вытащила Золотой плод и шепотом дала ему указания. Согласно плану, мне предстояло вывести из строя две наблюдательные вышки, стоявшие по сторонам лагеря, и прожекторы.

Так, сначала прожекторы. Я огляделась по сторонам и узнала сразу несколько строений. Не зря мистер Кадам заставлял нас тщательно рассматривать спутниковые фотографии, пока мы не запомнили план местности до мельчайших деталей. Хижины байга полукругом примыкали к джунглям. Они располагались позади солдатских блиндажей и строя военных машин повышенной проходимости. Мистер Кадам сказал, что буква «М» обозначает бронетранспортер с повышенной защитой от мин и самодельных взрывных устройств, следовательно, такие машины будет чертовски трудно вывести из строя.

Хижины байга, со стенами, сплетенными из сухой травы, были рассчитаны на проживание одной, максимум двух семей. Мне не хотелось наносить удар близко к ним. Эти хрупкие избушки слишком легко могли превратиться в пылающие костры.

Командный пункт лагеря состоял из четырех отделений, каждое размером с полуприцеп, только раза в два выше. Помещения располагались попарно, а их стены, сделанные из какого-то металлосплава, выглядели довольно прочными. Две наблюдательные вышки, как мы и рассчитывали, высились по обеим сторонам лагеря. На площадке каждой вышки торчали трое солдат, еще двое располагались внизу. Возле южной башни я заметила высокий шест с закрепленной на нем спутниковой

тарелкой. Прожекторов я насчитала ровно четыре штуки, не считая двух мощных фонарей, установленных на каждой башне.

Мне нужно было отыскать генератор, но я его пока не видела. Может быть, он спрятан в какой-нибудь из хижин? Поразмыслив, я решила не терять времени на поиски и выключить прожекторы вручную, один за другим. Подняла руку, прицелилась. Тепло хлынуло в мою кисть, ладонь алым фонариком засветилась в темноте. Длинным белым языком выстрелила молния. Сначала один, а следом за ним и три других прожектора с громким хлопком взорвались и погасли.

Кто-то вскочил в одну из машин и включил фары. Мотор чихнул, затрещал и заглох. Видимо, весь бензин впитался в кексы, которыми я щедро набила бензобаки. Тем не менее электрика еще работала, и мощные фары обшаривали джунгли в поисках злоумышленника, то есть меня. Памятуя о том, что военные машины не так-то легко вывести из строя, я включила свою молниеметательную силу на полную мощность и послала толстенный поток энергии из ладони в бронетранспортер.

Заряд с оглушительным грохотом ударил в машину, и она, подлетев футов на тридцать в воздух, взорвалась огромным огненным шаром, после чего с отвратительным скрежетом мнущегося и рвущегося металла обрушилась на соседний бронетранспортер. Не мешкая, я послала второй заряд; на этот раз машина просто перевернулась. Трижды перекувыркнувшись, она завалилась набок возле дерева.

Теперь пришла очередь наблюдательных вышек. По сравнению с остальными сооружениями в лагере, эти башни выглядели довольно хлипкими. Четыре простые деревянные опоры, на один этаж выше командного пункта, а сверху квадратная площадка, на которой размещались трое людей и фонарь. Единственный путь на площадку вел по грубой деревянной лесенке, видимо, построенной руками байга.

К этому времени солдаты все-таки сумели определить мое местонахождение. Лучи фонарей запрыгали в мою сторону. Я выпустила первую золотую стрелу и услышала из темноты глухое кряканье, за которым последовал шум упавшего тела. Нужно было шевелиться. Тут что-то засвистело в воздухе и зашуршало в кустах, где я пряталась. Дротики! Видимо, люди получили приказ взять нас живыми.

Я бросилась в кромешную тьму. Глаза Фаниндры неярко засветились, давая как раз столько света, чтобы я смогла без помех добраться до нужного места. Присев за кустом, я снова накопила заряд и выстрелила в ближайшую башню. Она взорвалась как огромная огненная бомба, озарив все

пространство лагеря. Перепуганные люди метались во все стороны.

Уже не прячась, я бросилась через толпу к следующей башне. В какой-то момент мне пришлось юркнуть между двумя зданиями, пропустив вперед себя группу солдат. Выждав, когда они отбегут на несколько шагов, я вывела из строя двоих из них. В это время мистер Кадам громогласно кричал на байга, которых собрал вокруг себя, призывая их оказать нам помощь в битве. Я невольно прыснула, до того он был прекрасен в своей роли. Положив гаду в условленном месте, я побежала дальше.

Пора и делом заняться! Скользнув за погруженную в тень стену здания, я примерилась ко второй вышке. Но сначала нужно было расправиться со спутником. Достав стрелу, я зарядила ее своей энергией и выпустила в тарелку. Раздался удар, потом шипение, треск и наконец взрыв. Но теперь солдаты со второй вышки сообразили, где находится их главная цель. Я едва успела метнуться за какие-то ящики, когда они начали стрелять. Вжик-хлоп, вж-жжик-хлоп – дротики дождем прошили место, где я только что стояла.

Мое сердце бешено колотилось от страха. Попади они в меня своими транквилизаторами – и все пропало. Я бы уже не смогла ни помочь Кишану, ни спасти Рена. Слушая крики людей, бросившихся меня искать, я собрала в кулак все свое мужество и снова натянула тетиву. Золотая стрела сверкнула в лунном свете и замерцала, зарядившись моей энергией. На этот раз я стояла слишком близко, поэтому, когда деревянную конструкцию сотрясло взрывом, меня подбросило в воздух и с силой швырнуло наземь, ударив головой о стену. Мало того, когда я, пошатываясь, встала и хотела ощупать свой затылок, с неба на меня посыпались тяжелые обломки вышки. Теперь я была вся в крови.

Тут из темноты выпрыгнул солдат и бросился на меня. Сцепившись, мы покатились по земле. Я ударила его кулаком в солнечное сплетение и вскочила. Он тоже хотел подняться, но я, памятуя об уроках Рена, прыгнула ему на спину и схватила руками за горло. Но солдат оказался опытным противником. Посопротивлявшись для виду, он вдруг извернулся и бросился на землю, ударив меня об скалу. Я с размаху врезалась головой в камень и почувствовала, как теплый ручеек крови побежал из моего рассеченного виска вниз по щеке.

Обливаясь кровью и полностью обессилев, я лежала под скалой, пытаясь заставить мир перестать крутиться у меня перед глазами. Мой солдат тем временем неторопливо поднялся и с ухмылкой протянул ко мне руки, готовясь задушить. Тогда я подняла ладонь, посмотрела в его черное от копоти лицо и в упор

метнула молнию. Солдат отлетел на несколько футов, ударился о командный пункт, сполз на землю и застыл, безжизненно уронив голову на грудь.

Теперь нужно было найти Рена. Пошатываясь, я побежала между хижинами. Еще один солдат погнался за мной, но на этот раз, наученная горьким опытом, я отпрыгнула в сторону, упала и покатилась по земле. Когда усыпляющий дротик просвистел у меня над головой, я привстала на одно колено и без труда остановила своего преследователя молнией. Дверь в главное здание охраняли два бойца, стоявшие наизготовку. Когда я приблизилась, они произнесли несколько слов на разных языках. Я коротко кивнула, один из них достал ключ, чтобы впустить меня. В этот раз все прошло как по маслу. Я выглядела так, как надо, а в бою они меня не видели.

Пройдя между часовыми, я бесшумно вошла внутрь. К сожалению, дверь тут же захлопнулась и автоматически заперлась у меня за спиной. Я решила не забивать себе голову этой задачкой, решив, что подумаю об этом после. У меня раскалывалась голова, в висках пульсировала боль, но в целом мне сказочно повезло. Я отделалась несколькими глубокими рваными ранами на руках и ногах, огромной шишкой на затылке и синяками по всему телу, чудом избежав серьезных повреждений. Оставалось только надеяться, что Кишан и мистер Кадам тоже вышли целыми из этой переделки.

Внутри командного пункта было темно. Я очутилась в каком-то складском помещении, заставленном коробками и ящиками. Прокравшись на цыпочках в соседнюю секцию, я вошла в солдатскую казарму. Самый неприятный момент наступил, когда, завернув за угол, я нос к носу столкнулась с тем, кем притворялась. Заряд энергии стер изумленное выражение с лица моего двойника. Вспышка света коротко озарила комнату, и неподвижное тело растянулось на полу.

Мебели в этом здании было совсем мало, но я все равно отбила себе все ноги, то и дело натыкаясь в темноте на какие-то ящики. К счастью, Фаниндра сжалилась надо мной. Ее глаза вспыхнули, и все вокруг озарилось волшебным ночным светом, позволившим мне без помех ориентироваться в этом лабиринте помещений. Вскоре я услышала в соседней комнате голоса Кишана и Локеша. Ситуация с каждой минутой становилась все более тревожной. Наше время истекало. Согласно плану, я уже должна была найти Рена.

Конечно, если бы я отыскала генератор, все прошло бы гораздо быстрее, ведь мне нужно было по одному гасить все прожекторы и сражаться с куда большим количеством солдат, чем

я рассчитывала. Поэтому пришлось слегка изменить первоначальный план. Только теперь я в полной мере осознала мудрость мистера Кадама, заранее подготовившего нас ко всем неожиданностям. Пересилив себя, я временно отложила поиски Рена и отправилась искать Кишана.

Вернувшись в заднюю часть командного пункта, я вскарабкалась по груде ящиков под самый потолок. Подо мной была большая комната, размером с хороший склад. На металлических стеллажах хранилось всевозможное оружие, боеприпасы и прочее снаряжение. Груда неподвижных тел свидетельствовала о том, что Кишан успешно справился с задачей обезвреживания личной охраны Локеша. Но сейчас Локеш загнал его в свой личный кабинет.

По меркам военного бункера этот кабинет выглядел вполне роскошно. Толстый ковер на полу. Очень красивый письменный стол в углу, одна стена полностью завешана телемониторами, транслировавшими сцены царящего снаружи хаоса. В стеклянном стеллаже возле письменного стола хранилось всевозможное оружие самых разных эпох. Противоположная стена была занята различным электронным оборудованием и всевозможными приборами непонятного предназначения. Сплошные коммутаторы и мониторы, ни дать ни взять отсек подводной лодки! На одной из панелей часто-часто мигали красные лампочки, наверное, это была какая-то тревожная сигнализация.

Три подвесных светильника, жужжавших под потолком, время от времени помаргивали, давая понять, что в лагере начались перебои с электричеством. Насколько я могла видеть, Кишан отлично играл свою роль. Я зарядила стрелу и стала ждать, когда он отступит в сторону. Тем временем надменный и самоуверенный Локеш продолжал наступать, пытаясь сломить волю Кишана. В отличие от своих солдат, Локеш был без камуфляжа. На нем был привычный черный костюм и голубая шелковая сорочка. Он выглядел моложе мистера Кадама, хотя его виски и зализанные назад, в стиле кинематографических мафиози, волосы были густо посеребрены сединой. Я снова обратила внимания на перстни, унизывавшие его смуглые пальцы, и на привычку крутить эти кольца во время разговора. Очередная мерзкая реплика Локеша заставила меня обратиться в слух.

– Я могу рассечь тебя пополам одним словом, но мне нравится смотреть, как мои враги страдают. А ты – изысканный деликатес, которого я ждал долгие-долгие годы, поэтому спешка здесь неуместна. Что ты пытаешься изобразить? Ты же понимаешь, что не можешь победить. Хотя, отдам тебе должное, я

не ожидал, что ты так ловко расправишься с моей личной охраной. Это были хорошо тренированные бойцы.

Кишан недобро усмехнулся, продолжая кружить перед Локешем.

– Как оказалось, не слишком хорошо.

– Истинная правда! – искренне расхохотался Локеш. – Возможно, я мог бы предложить тебе поработать на меня. Что скажешь? У тебя, несомненно, есть определенные таланты, а я щедро вознаграждаю тех, кто мне служит. Но должен сразу предупредить, что за малейшее неповиновение я караю смертью.

– В данный момент я не ищу работу, кроме того, что-то мне подсказывает, что в вашей фирме крайне низкий уровень удовлетворенности сотрудников.

С этими словами Кишан разбежался, подпрыгнул в воздух и изо всех сил ударил Локеша в лицо.

Тот сплюнул кровь на пол и улыбнулся разбитыми губами. Струйка крови сбежала из уголка его рта. Локеш изящно стер ее пальцем, размазал по нижней губе, слизнул – и расхохотался. Похоже, боль доставляла ему удовольствие. Меня передернуло от отвращения.

Тем временем Локеш как ни в чем не бывало продолжал:

– Должен признать, диверсия оказалась довольно зрелищной, но довольно шуток. У тебя всего один амулет, я же владею силой трех. Отдай мне амулет и можешь убираться прочь, прихватив с собой своего тигра. Разумеется, я не позволю вам уйти слишком далеко, но небольшой шанс все-таки дам. Это сделает последующую охоту более увлекательной.

– Что-то мне подсказывает, что я уйду отсюда и с тигром, и с амулетом. Кстати, вы не рассматриваете возможность, что я убью вас и захвачу ваши три амулета?

Локеш запрокинул голову и разразился безумным хохотом.

– Ты дашь мне все, что я хочу, дитя мое. И очень скоро горько пожалеешь о пустой гордыне, толкнувшей тебя отвергнуть мое щедрое предложение. Ты и опомниться не успеешь, как будешь предлагать мне все что угодно в обмен на прекращение страданий.

– Если вам позарез нужен этот амулет, так идите сюда и попробуйте его взять! Заодно посмотрим, так ли хорошо вы деретесь, как чешете языком! Или вы с некоторых пор деретесь только чужими руками… старичок?

Улыбка сползла с лица Локеша, он вскинул обе руки в воздух. Электрические искры засверкали между его растопыренных пальцев.

Кишан снова прыгнул на него, но с разбегу ударился о

невидимую стену. Локеш зашептал какие-то заклинания, потом еще шире растопырил пальцы и снова взметнул руками. Все незакрепленные предметы в комнате взмыли в воздух и закружились в вихре, с каждой секундой набирая скорость. Локеш медленно свел руки вместе – и вихрь приблизился к Кишану. Предметы набросились на него со всех сторон. Острые ножницы прорезали на его лбу длинную царапину, которая тут же начала затягиваться.

Заметив это, Локеш жадно уставился на амулет.

– Отдай его мне! Мне предназначено собрать воедино все элементы этой великой силы!

Кишан стал ловить крупные предметы и крушить их в руках.

– Тебе придется снять его с моего трупа! – воскликнул он.

Локеш расхохотался жутким смехом, в котором слышалась неподдельная радость.

– Как скажешь!

Он сложил ладони вместе и потер их друг о друга. Пол заходил ходуном. Ящики, на которых я сидела, грозно накренились. Не устояв на ногах, Кишан упал, и на него тут же градом посыпались вещи, как относительно легкие, вроде степлеров, карандашей и ножниц, так и куда более серьезные – ящики письменного стола, книги и мониторы.

Я тряслась от страха. Этот человек пугал меня сильнее всего, с чем мне довелось столкнуться в последнее время. Я бы скорее согласилась еще раз убежать от стаи капп, чем заглянуть ему в глаза. Само зло волнами исходило от него, окрашивая черным все вокруг. Его тьма душила меня. Даже сейчас, когда Локеш не догадывался о моем присутствии, я всей кожей чувствовала, как черные призрачные пальцы ищут меня, подбираются ближе, чтобы схватить, стиснуть и выдавить жизнь из моего тела.

Подняв трясущуюся руку, я выпустила молнию. Она примерно на фут не долетела до Локеша, который был так занят Кишаном, что даже не заметил вспышку света, пролетевшую мимо него. Не заметил он и того, что моя молния сделала с его оружейной витриной, видимо, приписав это воздействию вызванного им самим землетрясения. Стеклянный стеллаж разлетелся на куски, и осколки, втянутые в вихрь, начали резать Кишана. Вскоре к ним присоединился смертоносный арсенал Локеша. Тот залился радостным смехом, глядя, как острые куски стекла полосуют Кишана, а его раны затягиваются на глазах. Вот крупный осколок вонзился в руку Кишана. Тот вырвал его. Кровь фонтаном хлынула из его рассеченной руки, присоединившись к безумному хороводу, закрученному вихрем.

Я похолодела от страха. Мои руки ходили ходуном. Но я

должна была собраться! Должна была пересилить себя. Кишану нужна была моя помощь. Поэтому я зарядила стрелу и прицелилась в сердце Локешу.

Снаружи послышались громкие крики. Хотелось надеяться, что это байга и что все идет по плану. Если же нет, то мы с Кишаном пропали. Но тут раздался оглушительный грохот, разом развеявший мои сомнения. Звук гады я не спутала бы ни с чем на свете! Мистер Кадам спешил нам на помощь. Здание сотряслось до основания. Если начался штурм, значит, все солдаты были уже окружены и выведены из строя. Что и говорить, мистер Кадам оказался на высоте. Возможно также, что Локеш, сам того не подозревая, сыграл нам на руку, ибо бедные байга, замученные его тиранией, были счастливы поднять восстание.

Я выстрелила прямо в сердце Локешу, но в последний момент он повернулся на звук гады, и моя стрела угодила ему в плечо. Вихрь, окруживший Кишана, моментально замер, и все предметы грозным дождем обрушились на пол. Тяжелый металлический сейф приземлился Кишану на ногу, и тот с громким кряхтением сбросил его с себя. Несомненно, такой удар должен был раздробить ему ступню.

Охваченный гневом Локеш стремительно обернулся – и увидел меня. Электрический разряд сорвался с пальцев колдуна, его дыхание заморозило воздух в комнате, послав ледяной ветер в мою сторону. Я оцепенела, не в силах вздохнуть, чувствуя, как кровь сворачивается в моих жилах.

– Ты!

Мурашки выступили у меня на коже. Рявкнув какой-то приказ на непонятном языке, который Локеш, видимо, считал моим родным, он вырвал из своего плеча стрелу и прошептал над ней какое-то заклинание. В тот же миг золотая стрела помчалась в мою сторону. К счастью, мой внутренний огонь, подчиняясь бессознательному инстинкту самосохранения, согрел меня настолько, что я смогла пошевельнуться. Мои руки сами собой взлетели к лицу, закрывая его, но стрела остановилась в полудюйме от моего носа. Я протянула руку – и она послушно легла мне в ладонь. Разъяренный неудачей, Локеш всплеснул руками и энергично потер ладонь о ладонь. Пирамида ящиков, на вершине которой я сидела, обрушились на пол, и я кубарем покатилась вниз, несколько раз больно ударившись о какие-то острые углы. Грянувшись об пол, я с громким стоном выбралась из-под завала. Плечо жгло огнем, а одна нога, придавленная ящиком, вывернулась под каким-то странным углом.

Кишан выхватил чакру, которую до сих пор прятал под рубашкой, и бросил ее в висящие под потолком светильники.

Послышался металлический свист, и комната погрузилась во тьму. Кишан бросил чакру еще несколько раз, но невесть откуда взявшиеся ветры каждый раз меняли траекторию полета диска, не позволяя ему попасть в Локеша. Волоча за собой ногу, я с трудом переползла в другое убежище. Тем временем Кишан поймал чакру и кинулся на Локеша. Тот закричал, призывая своих солдат, его голос прозвучал неожиданного громко и гулко, как будто он говорил в рупор, а невидимый ветер уносил его слова пределы бункера. Но все солдаты Локеша сидели под замком. Никто не пришел ему на помощь. Двое дерущихся, сцепившись вместе, подкатились ко мне. Локеш прошипел какие-то слова, и воздушный пузырь начал раздуваться между ним и Кишаном. Вскоре Кишан был отброшен прочь, а Локеш поднялся на ноги.

Я тоже встала и даже заставила себя поднять ладонь. Но как я ни старалась набраться храбрости, мои трясущиеся руки отказывались повиноваться. Огонь не разгорался. Внутри поселился холод, словно кто-то злой и могущественный затоптал мой внутренний костер. Заметив мой жест, Локеш по-змеиному дернул головой. Потом расхохотался, глядя на мои бесплодные попытки, и снова зашептал что-то себе под нос. Я окаменела. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Выкатившаяся слеза примерзла к моей щеке.

К счастью, Кишан, в отличие от меня, не утратил храбрости. Воспользовавшись тем, что Локеш отвлекся, Кишан заломил ему руку за спину. Потом молниеносно приставил чакру к горлу колдуна. Сверкающее лезвие впилось в тонкую смуглую кожу, струйки кровь потекли по золотому диску, закапали на голубую сорочку Локеша.

Тот хмыкнул и ласково спросил:

– Ты хочешь, чтобы я убил его? Я могу это сделать мгновенно. Я заморожу его кровь, и его сердце перестанет биться.

Кишан посмотрел на меня и замер. Он мог бы одним движением запястья отрезать Локешу голову, но остановился, и я увидела борьбу чувств на его лице. Он удержался ради меня. Локеш хрипло закашлялся, тяжело отдуваясь от напряжения. Новый удар потряс стены – это мистер Кадам и байга продолжали крушить здание.

Придя в себя, Локеш продолжил свои угрозы:

– Если ты не уберешь руки, я убью его. Выбирай! – Его глаза полыхнули гневом, словно отсветом вечно тлеющего, но никогда не гаснущего костра.

Кишан отпустил его. Я внутренне застонала, по-прежнему не в силах шелохнуться. Все пропало. А ведь мы почти победили. Но теперь мы оказались в руках чудовища.

Локеш снова зашептал, и вскоре Кишан оказался обездвижен, как и я. Расправив плечи, Локеш небрежным жестом отряхнул пыль с лацканов дорогого пиджака. Потом прижал чистый носовой платок к кровоточащей ране на шее. Весело рассмеявшись, он подошел к Кишану и ласково потрепал его по щеке.

– Ну вот и все, дитя мое. Всегда лучше договариваться, верно? Теперь ты видишь, насколько жалкой и бессмысленной была твоя попытка тягаться со мной? Впрочем, готов признать, что несколько недооценил тебя. Я уже забыл, когда в последний раз участвовал в таком славном поединке! О, я уже предвкушаю, как приятно мне будет сломить твой дух, сколько удовольствий ждут меня в процессе.

Он вытащил из-под пиджака очень старый и очень жуткого вида нож и любовно помахал им перед носом у Кишана. Потом подошел ближе, провел тупым концом ножа по щеке Кишана.

– Это то самое лезвие, которое много-много лет назад я впервые опробовал на твоем принце. Видишь, как заботливо я хранил его все эти годы? Ты можешь назвать меня сентиментальным старым дураком, но я всегда лелеял надежду, что однажды этот нож закончит начатое дело. Но почему бы мне не использовать его и на тебе тоже? Вполне возможно, что именно для этого я столь долго берег это острое лезвие! О да, так мы и поступим! Но с чего же начать? Может быть, с красивого шрама, который сделает твое личико чуть менее привлекательным? Но, разумеется, сначала мне придется снять с тебя амулет. Ах, как долго я ждал его! О, ты и представить не можешь, как страстно я мечтал почувствовать заключенную в нем силу! Как жаль, что ты, мое бедное дитя, уже не сможешь увидеть того, что сделает для меня твой амулет!

Он с притворным огорчением покачал головой.

– К сожалению, сейчас у меня нет времени даже на небольшой сеанс пластической хирургии. Я бы с огромным удовольствием преподал тебе несколько уроков послушания. Единственное, что может соперничать с удовольствием искромсать твое тело этим ножом, это возможность изуродовать тебя на глазах у принца. Полагаю, ему понравится мое скромное рукоделие.

Мне было страшно. Если бы Локеш не парализовал меня своими чарами, я бы все равно оцепенела от страха. К этому нельзя было подготовиться. Сражаться с чистым, беспримесным злом оказалось гораздо труднее, чем я думала. Железные птицы, бессмертные мартышки и каппы просто выполняли свою работу. Они охраняли волшебные дары, которые я пришла забрать, это

была честная игра по честным правилам. Но противостоять Локешу, смотреть, как он поигрывает своим ужасным ножом перед горлом Кишана, было невыносимо страшно.

Я изо всех сил старалась не слушать, как он разглагольствует о мучениях, которым подвергнет Кишана. Это было омерзительно. Меня бы непременно вырвало, не будь я парализована. До сих пор я просто не могла себе представить, что кто-то может быть настолько жесток. Мне хотелось заткнуть уши. Мой бедный Рен несколько месяцев подвергался пыткам этого психованного изверга! При одной мысли об этом у меня сердце обливалось кровью. Локеш совмещал в себе коварство императора Палпатина из «Звездных войн» и садистскую жестокость Ганнибала Лектора. Он был одержим жаждой власти, как лорд Волан-де-Морт, и бессердечен, как Минг Беспощадный, убивший собственную дочь. Так же, как и сам Локеш. Внутри у меня все тряслось от ужаса. Я не могла смотреть, как он будет мучить Кишана. Я просто не могла этого вынести.

Когда Локеш схватил Кишана за подбородок, приготовившись располосовать ему лицо, до меня вдруг дошло, что хотя я сама не могу пошевелиться, но Золотой плод по-прежнему подчиняется моим мысленным указаниям. Я пожелала первое, что пришло мне в голову. Я заказала карамель, и она явилась. Мощный град круглой и твердой, как камень, карамели. Он обрушился на комнату, перебив все мониторы и расколов одно из окон. Дробный грохот оглушил меня. Звук был такой, как будто тысячи мраморных шариков высыпались на стеклянное озеро. Кругом все билось и разлеталось на осколки. Мы с Кишаном тоже оказались под обстрелом твердых кругляшей. Висевший у меня за спиной рюкзак спас мою шею от перелома, но бедному Кишану пришлось несладко. К счастью, он не утратил способности быстро исцеляться, но я уже не рассчитывала на то, что мы выйдем отсюда живыми.

Вскоре весь пол оказался на целый фут погребен под слоем разноцветной карамели. Некоторые драже при падении раскалывались пополам. Одна из них ударила Локеша под глаз, и тот, пошатнувшись, упал на пол. Изрыгая бранные междометия на своем родном языке, он барахтался в карамели, пытаясь встать на ноги и выяснить, откуда сыпется этот град. Затем он заметил, что в пылу возни потерял свой нож и стал разгребать драже, ища его. К этому времени нас с Кишаном засыпало почти до плеч.

И тут здание вновь содрогнулась, и участок стены рядом с нашим отсеком обрушился вниз. Локеш, уже отыскавший свой нож, кое-как поднялся с пола, подскочил к Кишану и стал рвать с него амулет, пока не порвал цепочку, оставив алый кровоточащий

рубец на его шее.

Быстро наклонившись, Локеш прижал лезвие ножа к лицу Кишана и прошипел:

– Мы еще встретимся. – Он жутко оскалился в улыбке. – Скоро.

Он медленно провел лезвием по щеке Кишана вниз, к горлу, оставляя ужасный кровавый шрам. После этого он с мучительным стоном оторвался от своей жертвы, утопая в драже, добрался до стены и нажал невидимую кнопку. Стенная панель отодвинулась, и Локеш растворился в черном провале.

Сразу после этого первые байга, ведомые мистером Кадамом, ворвались в кабинет и бросились поднимать нас с пола. Кишан уже почти исцелился, только рубашка у него была вся залита кровью. Порез на щеке оказался очень глубоким. Снаружи донесся рев мотора, затем последовал оглушительный треск, и машина, вырвавшись из подвального помещения бункера, понеслась по грунтовой дороге прочь из деревни. Я могла бы остановить ее двигатель при помощи Золотого плода, но намеренно не сделала этого.

Да, мне стыдно в этом признаться, но я просто побоялась снова сталкиваться с Локешем. Ни за что на свете я не хотела увидеть его снова. Пусть поскорее скроется из глаз и из памяти! Стоя в оцепенении, я последними словами ругала себя за трусость. Если бы я могла шевелиться, то забилась бы в темный угол и дала волю слезам.

Локеш был слишком могущественен. Мы не могли его победить. Лучшее, на что мы могли надеяться, это избегать встречи с ним.

Я понимала, что Кишан и мистер Кадам будут разочарованы моей трусостью. Теперь я знала цену своей воинской отваге. Огромные железные птицы? Не вопрос! Каппы? Фаниндра и Рен справятся с ними. Мартышки? Ничего страшного, от синяков и царапин не умирают. Но Локеш? Нет. Перед этим врагом я втягивала голову в плечи и пускалась наутек. Я не понимала, почему он вызывает у меня такой животный ужас. Ведь он был всего-навсего чудовищем. Очередным монстром, с которым нужно было сразиться. Только у этого монстра было человеческое лицо. И это почему-то делало его гораздо более страшным.

Через несколько минут чары, которыми Локеш обездвижил меня и Кишана, потеряли свое действие. Сбросив оцепенение, мы стали разминать затекшие конечности. Как только к Кишану вернулись силы, он побрел через горы карамели мне на выручку. Мистер Кадам остался отдавать приказы байга, а мы с Кишаном отправились на поиски Рена. Тут и Фаниндра соизволила

очнуться и помочь нам в розысках. Пошевелившись, она стала расти.

Я опустила руку вниз, чтобы ей было легче соскользнуть на пол, и золотая змея заструилась мимо ящиков и коробок с боеприпасами. Возле отсека, который я приняла за тупик, она вдруг остановилась и приподняла головку, пробуя языком воздух. Потом она юркнула под какие-то ящики, позволив Кишану более тщательно осмотреть это место. Ящики оказались пустыми, и Кишан стал быстро отшвыривать их в сторону. За ними оказалась запертая дверь. Не успели мы и глазом моргнуть, как золотой хвостик Фаниндры скрылся под ней. Кишан навалился на дверь, тщетно пытаясь открыть ее. Когда стало ясно, что у него ничего не получается, я решила попробовать взорвать замок молнией. Мне потребовалось несколько минут, чтобы вновь разжечь в себе пламя. Только мысль о Рене, страдающем за запертой дверью, позволила мне преодолеть внутреннее оцепенение.

Дверь распахнулась, Кишан сделал вдох – и ноздри его раздулись. Все пространство внутри было пропитано густым, едким и сладковатым запахом человеческой крови и пота. Я сразу узнала это место. Я уже была здесь раньше. Это была пыточная камера, в которой Локеш терзал Рена. Ужасного вида инструменты висели на стенах и были рядами разложены на сверкающих хирургических столах. Ноги у меня приросли к полу при одном взгляде на эти кошмарные орудия и при мысли о том, какие страдания Локеш причинял ими человеку, которого я любила.

Современные хирургические инструменты лежали в медицинских лотках, более древние приспособления занимали места на полу и стенах. Я не могла удержаться. Протянув руку, я дотронулась до истрепанных концов плети. Машинально провела пальцем по ручке огромной столярной киянки и затряслась всем телом, представив, как она дробит кости Рена. Мой взгляд уперся в длинный ряд ножей всех видов, размеров и форм.

Я увидела деревянные клинья и штопоры, гвозди и клещи, пестики для колки льда и кожаные ремни, старинные железные намордники и современные дрели, утыканные гвоздями ошейники, огромные тиски, в которых можно было раздробить конечности человека и даже паяльную лампу. Сотрясаясь от рыданий, я шла вдоль бесконечных рядов инструментов, дотрагиваясь рукой до каждого. Не знаю, зачем я это делала. Наверное, прикосновение к ним было единственной возможностью почувствовать и понять, через что Рену пришлось пройти.

Кишан бережно взял меня за руку.

– Не смотри на это, Келс. Лучше смотри на меня или опусти глаза и смотри в пол. Не нужно этого делать. И вообще, тебе лучше подождать снаружи.

– Нет. Я должна быть здесь ради него. И я должна все увидеть.

– Хорошо.

Клетка стояла в самом темном углу, и я с трудом видела искалеченное тело, лежавшее в ней, и сверкающие кольца змеи, свернувшейся рядом. Поблагодарив Фаниндру, я снова надела ее на руку, отошла на два шага назад и взорвала замок. Потом подошла к клетке и распахнула дверь.

– Рен? – тихо позвала я.

Он не ответил.

– Рен? Ты… ты меня слышишь?

Фигура еле заметно пошевелилась, ко мне повернулось бледное, изможденное лицо. Синие глаза недобро сощурились. Но вот Рен увидел Кишана, его глаза распахнулись, и он пополз к выходу. Кишан протянул ему руку, чтобы помочь.

Очень медленно, осторожно, Рен вытянул дрожащую руку и вцепился в прут возле двери клетки. На его недавно сломанных пальцах запеклась кровь. Ничего не видя сквозь застилавшие глаза слезы, я попятилась назад, чтобы дать ему возможность выйти. Кишан шагнул вперед и подхватил его. Когда Рен наконец выпрямился, я громко ахнула. Он был весь избит. Но к этому я была готова, кроме того, мой тигр уже успел заметно исцелиться от ран. Сильнее всего меня потрясло не это, а то, насколько он исхудал. Локеш морил его голодом. И, видимо, не давал пить. Его некогда сильное тело превратилось в скелет, обтянутый кожей. Ярко-синие глаза ввалились, их окружали черные круги. Заострившиеся скулы выпирали сквозь кожу, а шелковистые черные волосы теперь висели клочьями тусклой свалявшейся пакли. Он сделал шаг в мою сторону.

– Рен? – прошептала я, протягивая руку.

Он сощурил глаза, стиснул кулак и замахнулся с такой силой, которую никак нельзя было предположить в этом изможденном теле. Я почувствовала страшный удар в челюсть, потом осела на пол и отключилась.

26
Байга

Почувствовав какое-то движение, я открыла глаза и увидела над собой темно-зеленый полог листвы. Кишан нес меня через джунгли. Я с облегчением отметила, что он уже вернул себе свой прежний облик. Признаться, мне было немного неловко видеть его в маскировке.

– Кишан? Куда мы идем?

– Ш-ш-ш. Не шевелись. Байга ведут нас в глубь джунглей. Нам всем нужно как можно дальше отойти от базы.

– Сколько я пробыла в отключке?

– Часа три. Как ты себя чувствуешь?

Я осторожно потрогала свою челюсть.

– Как будто меня медведь нокаутировал. Он… он в порядке?

– Он без сознания. Байга несут его на самодельных носилках.

– Но он в безопасности?

– Насколько это возможно.

Тут Кишан негромко сказал что-то на незнакомом языке, и подошедший мистер Кадам осмотрел мое лицо. Он поднес к моим губам открытую флягу, и я медленно отпила несколько глотков, болезненно морщась каждый раз, когда приходилось двигать челюстью.

– Будь добр, поставь меня на землю, Кишан. Мне кажется, я уже могу идти.

– Как скажешь. Можешь опереться на меня, если будет нужно.

Он осторожно опустил меня на землю и поддержал, когда я покачнулась, пытаясь найти равновесие. Припадая на больную ногу, я сделала несколько неуклюжих шагов, но Кишан не выдержал и с ворчанием подхватил меня на руки. Я прижалась к его груди, закрыла глаза и поняла, что у меня болит все тело. Все руки у меня были в синяках, и я почти не могла шевелить губами. Оказалось, что мы шагали в длинной процессии, уходившей в чащу джунглей. Десятки людей проходили мимо нас, почтительно кивая головами, прежде чем отойти. Байга ступали совершенно бесшумно, даже женщины и дети тихо, как призраки, шли по темным джунглям.

Четверо здоровенных мужчин несли носилки с распростертым на них неподвижным телом. Когда они проходили мимо нас, я чуть не свернула шею, чтобы хотя бы мельком увидеть его. Кишан прибавил шаг и пошел рядом с носилками, чтобы я могла как следует рассмотреть бесчувственное тело Рена.

Переменив положение рук, он чуть крепче прижал меня к своей груди. Лицо его было непроницаемо. Так мы шли около часа. Рен все время спал. Когда мы вышли на поляну, какой-то старый байга приблизился к мистеру Кадаму и почтительно растянулся у его ног. Обернувшись к нам, мистер Кадам сказал, что байга хотят разбить лагерь на ночь и приглашают нас на праздничный пир.

Мне казалось, что было бы лучше продолжить путь и поскорее добраться до нашего сборного пункта, но я решила подчиниться мнению мистера Кадама. В конце концов, он был нашим стратегом и командиром, и раз он считал, что сделать привал будет безопасно, то так тому и быть. Кроме того, Рену тоже было полезно как следует отоспаться перед путешествием домой. Мы остановились и стали смотреть, как байга разбивают стоянку. Они были чрезвычайно искусны и расторопны, однако им недоставало материалов и инструментов. Сжалившись над нашими союзниками, мистер Кадам попросил Шафр предоставить спальные места каждой семье. Я не сводила глаз с Рена. Носильщики занесли его в одну из палаток, но когда я хотела пойти за ними, мистер Кадам подозвал меня к себе.

Видя, что я разрываюсь пополам, Кишан сказал, что сам проведает Рена. Бережно опустив меня на землю возле нашего полководца, он направился в палатку, заметив, что мне в любом случае лучше пока побыть с мистером Кадамом, однако не объяснил почему. Когда он ушел, мистер Кадам попросил меня взять Золотой плод и устроить пир для байга. Им всем нужно было как следует подкрепиться. Чтобы ни на миг не ослаблять кольцо защитной магии, жестокий Локеш не позволял им покидать лагерь даже для охоты, и бедные байга уже давно голодали. Дав мне подробные указания, мистер Кадам взял Шарф и попросил его соткать большой толстый ковер, на котором могло бы рассесться все племя.

Я достала из рюкзака Золотой плод и стала заказывать блюда по списку, составленному мистером Кадамом. Душистый рис с жареными грибами, ломтики манго и других местных фруктов (оставалось надеяться, что я правильно выговорила их названия), печеная рыба, зеленые салаты, жаренные на гриле овощи, а от себя я добавила гигантский клубничный слоеный торт со свежими взбитыми сливками и густым баварским заварным кремом, совсем как в Шангри-Ла. Мистер Кадам удивленно приподнял брови, но ничего не сказал.

Он пригласил байга к столу. Кишан вышел из палатки и сел рядом со мной. Когда все расселись, я хотела незаметно покинуть пиршество и заглянуть в палатку к Рену, но Кишан твердо взял

меня за руку, усадил на место и прошептал, что с Реном все будет в порядке, а я сегодня вечером непременно должна сидеть рядом с мистером Кадамом. Он так горячо настаивал, что я в конце концов сдалась. Мистер Кадам начал говорить речь на языке байгани. Я терпеливо ждала, когда он закончит, бросая беспокойные взгляды на палатку, в которой лежал Рен.

Когда цветистая речь мистера Кадама подошла к концу, женщины байга вышли в центр круга и стали мыть всем руки душистой водой с ароматом цветов апельсина. После этого по кругу пустили огромные блюда с едой. Ни тарелок, ни приборов не предусматривалось. Конечно, Золотой плод мог бы с легкостью сервировать стол по высшему разряду, но мистер Кадам настоял на том, чтобы пир прошел в традициях племени байга. Поэтому мы по очереди зачерпывали руками с каждого блюда, а потом передавали его следующему едоку. Мне совсем не хотелось есть, но Кишан не забирал у меня блюда, пока я не брала хотя бы по капельке из каждого. Когда еда описала полный круг и все попробовали угощенье, блюда вновь пустились в путь. Так продолжалось до тех пор, пока вся еда не была съедена. Стараясь сохранять терпение, я вымыла перепачканные пальцы водой из фляги и приготовилась к очередному ритуалу. Улучив минутку, я шепнула Кишану, что мы напрасно теряем время, на что он ответил, что спешить нам некуда и что Рену нужно как следует отдохнуть.

Байга с радостью продолжили празднество. Появились музыкальные инструменты. Начались песни и пляски. Две женщины приблизились ко мне с чашами, наполненными какой-то черной жидкостью, и заговорили. Мистер Кадам перевел:

– Они спрашивают, не хотите ли вы сделать татуировку на память о славной победе вашего супруга над злыми силами.

– Почему они думают, что я замужем?

Мистер Кадам покраснел.

– Видите ли, они считают вас моей женой.

– А их не смущает наша… определенная разница в возрасте?

– Ах, мисс Келси, в племени байга считается вполне обычным делом, когда юная дева выходит замуж за мужчину в возрасте, тем более за мудрого старейшину. Они видели, как вы отдавали приказания Золотому плоду, поэтому принимают вас за богиню, мою супругу.

– Понятно. Что ж, поблагодарите их от моего имени и скажите, что я запомню эту славную победу и без всякой татуировки. Но скажите, пожалуйста, так, любопытства ради, за кого они принимают Кишана?

– Они считают его нашим сыном, а мы с вами, по их версии,

явились в джунгли, чтобы освободить своего старшего сына.

– Они полагают, что я похожа на мать двух взрослых сыновей?!

– Ах, мисс Келси, над прекрасной богиней время не властно!

– Вашими бы устами да мед пить, мистер Кадам!

– Покажите им свою кисть, мисс Келси.

– Мою кисть?

– Да-да, ту, на которой нанесен рисунок хной. Заставьте ее светиться, чтобы они увидели знаки.

Я подняла руку и собрала в себе энергию. Моя кисть, как обычно, засветилась изнутри. Кожа стала прозрачной, и на поверхности проступили нанесенные хной символы – алые на белом фоне.

Мистер Кадам что-то быстро заговорил, обращаясь к женщинам, и те, к моему огромному облегчению, с низким поклоном оставили меня в покое.

– Что вы им сказали?

– Сказал, что уже дал вам огненную татуировку в память об этом дне. Байга верят, что татуировки делают их женщин более прекрасными. Поэтому они ни за что не поверили бы, скажи я им, что не хочу портить вашу кожу. Каждый мужчина племени мечтает о жене с замысловатой татуировкой.

Байга танцевали, ликовали и наслаждались праздником. Один из мужчин оказался огнеглотателем. Я внимательно следила за представлением, искренне восхищаясь искусством факира, но внутри чувствовала только боль и смертельную усталость. Обессилев, я привалилась к Кишану, который обнял меня за плечи. Должно быть, я ненадолго уснула, потому что, когда я снова очнулась, огнеглотатель уже закончил. Все собравшиеся смотрели в сторону палатки. Я напряглась. Из палатки вышел Рен, с обеих сторон поддерживаемый мужчинами-байга. Он был голый по пояс, но байга уже промыли его раны и переодели его в свою традиционную льняную юбку, несколько раз обернутую вокруг бедер.

Рен сильно хромал, но выглядел гораздо лучше. Его вымытые волосы были зачесаны назад. Даже его раны, при всей их кошмарности, выглядели намного лучше. Рен обвел глазами толпу и увидел нас троих. Его взгляд, скользнув по мне и мистеру Кадаму, остановился на Кишане. Слабая улыбка озарила лицо Рена, и он двинулся к брату, который вскочил с места, чтобы поздороваться с ним и поддержать, если будет нужно. Мое сердце бешено заколотилось. Рен обнял Кишана и слабо потрепал его по спине.

– Спасибо, что спас меня и послал мне еду. Я пока не могу

много съесть, но все равно чувствую себя… пожалуй, что получше.

Опустившись рядом с Кишаном, он заговорил с ним на своем родном языке. Я пыталась поймать его взгляд, но Рен почему-то не спешил обратить на меня внимание.

Не выдержав, я откашлялась и спросила:

– Может быть, ты хочешь еще поесть?

Рен мельком взглянул на меня.

– Не сейчас, спасибо большое, – вежливо ответил он, возвращаясь к прерванному разговору с братом.

Мистер Кадам потрепал меня по руке и кивнул на вышедшего в круг знахаря байга. Тот опустился на колени перед мистером Кадамом и быстро-быстро залопотал на своем языке. Потом встал, выпрямился и хлопнул в ладоши. Высокий байга вышел из толпы, приблизился к Рену и низко поклонился. Это был тот самый мужчина, который истязал его в моем видении! Рен помрачнел, а мужчина, потупив взгляд, произнес несколько слов и вытащил из-за пазухи нож.

Мистер Кадам перевел:

– Пожалуйста, прости меня, о благородный! Я, как мог, противился демону, но он истязал мою семью. Теперь моя жена и дети мертвы. Мне незачем больше жить. Если ты не захочешь вернуть мне честь, я покину свое племя и отправлюсь умирать в джунгли.

Подняв руки к голове, мужчина осторожно распустил свой пучок. Длинные волосы, развернувшись, черной волной упали ему на колени. Добавив еще два слова, мужчина взмахнул ножом, вонзил его в свою гриву и одним махом отрезал ее. Не говоря ни слова, он уткнулся лбом в землю и на вытянутых руках протянул свои откромсанные волосы Рену.

Рен долго смотрел на распростертого перед ним мужчину, потом кивнул и протянул свои руки ладонями вверх, готовясь принять его волосы. После этого он произнес несколько слов, которые мистер Кадам любезно перевел для меня.

– Я принимаю твое подношение. Мы все пострадали от рук демона. Мы покараем его за совершенные преступления, включая твое беззаконное пленение и убийство твоих родных. Твои поступки против меня прощены. Я возвращаю тебе честь. Оставайся в своем племени и обрети мир в душе.

Мужчина отдал ему волосы и, пятясь, отошел. Следом знахарь привел двух красивых девушек байга. Они опустились на колени перед Реном и Кишаном, скромно сложив руки на коленях и глядя в землю.

У обеих были очень длинные, красивые черные волосы и

нежные, точеные черты лица. Их тонкие талии были подчеркнуты узкими поясами из полированного камня. При этом у обеих были такие формы, каких у меня никогда в жизни не будет. Руки и ноги красавиц были покрыты сложной татуировкой, убегавшей под вырезы и подолы их легких платьев. Я невольно задумалась над тем, насколько большая часть их тел покрыта живописью. Теперь я понимала, почему в племени байга татуировки считались признаком красоты. Эта нательная роспись не имела ничего общего с тем, что я так часто видела в Америке. Никаких гигантских орлов или надписи «Я люблю мамочку» с сердечком на месте глагола.

Татуировки байга были изящны. Завитушки, спирали, витки, цветы, листья и бабочки сбегали по рукам и ногам красавиц, словно изящная рамка картины или орнаментальные заставки средневековых книг. Татуировки обрамляли и подчеркивали красоту женщин, превращая их в утонченные, загадочные создания. Знахарь снова заговорил, указывая сначала на одну девушку, потом на другую.

Рен с трудом поднялся, широко улыбаясь. Я с жадностью смотрела на него. Я знала, что в бункере он не узнал меня из-за моего камуфляжа, но сейчас мне больше всего на свете хотелось обвить руками его шею, обнять и увести отсюда. К сожалению, мы должны были до конца исполнять свои роли. Прихрамывая, но сохраняя достоинство, Рен обошел вокруг девушек. Потом взял одну из них за руку, поднес ее пальцы к губам и с улыбкой поцеловал. Я смущенно нахмурила брови. Девушка подняла глаза на Рена и тоже стыдливо заулыбась. Лицо Кишана перекосилось, мистер Кадам помрачнел, как туча.

– Что это значит? – шепотом спросила я. – Что происходит?

– Подождите немного, мисс Келси.

Кишан встал и что-то негромко сказал Рену. Тот сложил руки на груди и снова посмотрел на девушек. Кишан стал что-то тихо втолковывать брату. При этом он несколько раз поглядывал то на меня, то на мистера Кадама, как будто искал помощи. Рен выглядел скорее сконфуженным, чем рассерженным. Он что-то спросил у брата, но я не расслышала, что именно. В ответ Кишан резко взмахнул рукой и указал на знахаря. Рен расхохотался, взял прядь волос девушки, потер между пальцами и произнес несколько слов, заставивших красавицу звонко рассмеяться.

– Эти девушки тоже собираются отрезать себе волосы? – спросила я.

Мистер Кадам еще больше помрачнел.

– Нет. Не думаю.

Кишан поклонился знахарю и обеим девушкам, сказал

несколько слов, потом повернулся к Рену спиной и вернулся на свое место рядом со мной. Рен улыбнулся девушке, пожал плечами и сел рядом с ним.

– Мистер Кадам! Да скажите же мне, что все это значит?

Тот смущенно откашлялся.

– Ах, да… видите ли, байга хотят предложить нашим с вами сыновьям стать полноправными членами племени.

– То есть предлагают им вступить в клуб байга? Ну и замечательно, в чем проблема? Что в этом плохого?

– Мисс Келси, нашим с вами богоравным сыновьям предлагают вступить в племя, взяв в жены этих прекрасных девушек. Эти две сестры предложили себя нашим мальчикам.

– Ой, – только и смогла сказать я, в смятении морща брови. – Но тогда… о чем спорили Рен и Кишан?

– Полагаю, о том… принимать это предложение или нет.

– Ого! А зачем Рен трогал волосы этой девушки?

– Я… простите, этого я не могу вам сказать, – пробормотал мистер Кадам и отвернулся от меня, явно не желая продолжать этот разговор.

Еще раз обдумав все увиденное, я толкнула локтем Кишана.

– Кишан, если ты хочешь взять в жены девушку-байга, то не раздумывай, – горячо зашептала я ему на ухо. – То есть, если, конечно, тебе это по душе. Они обе просто прелесть.

Он раздраженно рявкнул:

– Я не хочу брать в жены байга, Келси. А теперь помолчи, я тебе потом все объясню.

На этот раз я смутилась и даже слегка взревновала, но постаралась побыстрее избавиться от этих чувств, напомнив себе о том, что представители разных культур могут ошибочно трактовать поведенческие стереотипы друг друга. Поэтому я решила выбросить из головы этот эпизод и наслаждаться праздником. К тому времени, когда он закончился, я уже дремала, уронив голову на плечо мистеру Кадаму.

Кишан потряс меня.

– Келс? Просыпайся. Пора идти.

Он поставил меня на ноги, забросил мой рюкзак себе за спину, потом дал Рену какие-то указания. Мне показалось, что поручение Кишана пришлось Рену очень по душе. Мистер Кадам попрощался с байга, которые остались ночевать в джунглях, а мы продолжили путешествие к своему сборному пункту. Мистер Кадам включил какой-то ультрасовременный военный прибор, похожий на наручные часы с видеоэкраном размером с карточную колоду, на который по мере нашего продвижения загружалась спутниковая карта с точным указанием количества миль или

километров, оставшихся до места назначения.

Стоило нам снова войти в джунгли, как Рен превратился в тигра. Кишан сказал мне, что в этом виде он будет быстрее поправляться. Я попробовала было идти самостоятельно, но моя лодыжка распухла до размеров хорошего грейпфрута. Перед праздничным ужином мистер Кадам перевязал ее эластичным бинтом и дал мне таблетку ибупрофена, чтобы снять боль и опухоль, но моей бедной ноге не помешал бы лед. Лодыжку все еще дергало. Поскольку я продолжала настаивать, Кишан позволил мне пройти несколько шагов, опираясь на его руку. Когда Рен поравнялся со мной, я машинально протянула руку, чтобы погладить его по голове. Белый тигр негромко зарычал на меня, оскалив зубы, и Кишан поспешно встал между нами.

– Кишан? Что с ним такое?

– Он… он еще не пришел в себя, Келс.

– Мне кажется, он меня не узнает.

Кишан неуклюже попытался меня утешить:

– Мне кажется, он ведет себя, как любое раненое животное. Он защищается от боли, это естественно.

– Но помнишь, когда вы оба искалечили друг друга в джунглях, я ведь ухаживала за вами! И ни один из вас ни разу не попытался напасть на меня или даже огрызнуться. Вы всегда знали, что я – это я.

– Келси, мы не знаем, что с ним сделал Локеш. Я уверен, что он придет в себя, как только его раны исцелятся. А сейчас, будь добра, держись поближе ко мне и к мистеру Кадаму. Раненый тигр – животное крайне опасное.

– Ладно, – нехотя согласилась я. – Конечно, я не хочу доставлять ему лишних страданий.

Позволив мне прохромать еще несколько мучительных минут, Кишан не выдержал и снова взял меня на руки. Я пыталась возражать, говоря, что он выбьется из сил, но он заверил меня, что может нести меня несколько дней подряд и ни капельки не устанет. В конце концов я уснула у него на руках, поэтому переход через джунгли не отложился у меня в памяти. Когда мы остановились, Кишан осторожно поставил меня на ноги. Я тут же пошатнулась, но твердая рука Кишана легла мне на плечи, не дав упасть.

– Мистер Кадам? Где мы?

– Это плотина Майтхан на реке Баракар. Очень скоро за нами приедут.

Действительно, не прошло и минуты, как мы услышали гул моторов, и маленький самолет пролетел над нашими головами в сторону озера. Мы бросились бежать по галечному берегу и

вскоре увидели, что самолет сел прямо на гладкую, посеребренную луной воду. Мистер Кадам включил неоновый фонарь, вошел в воду и побрел к самолету. Кишан подтолкнул меня следом, но я замешкалась, глядя на белого тигра.

– Не волнуйся, Келси. Он умеет плавать.

Он пропустил меня вперед. Вода была прохладная, что оказалось настоящим облегчением для моей бедной ноги. Не сводя глаз с самолета, медленно дрейфовавшего к берегу, я зашла по шею и поплыла. Мистер Кадам уже стоял на подножке самолета, держась за дверь. Наклонившись, он схватил меня за руку и втащил наверх. Нилима улыбнулась мне из кресла пилота и похлопала ладошкой по соседнему сиденью.

Заранее извинившись за то, что вымочу салон, я уселась в кресло, следом в самолет забрался Кишан, и мы все стали ждать, когда подплывет белый тигр. Добравшись до самолета, он превратился в человека, подтянулся, залез в салон и плюхнулся в кресло рядом с Кишаном. Мистер Кадам запер дверь и занял место рядом со мной.

– Ну, держитесь! – скомандовала Нилима.

Нас бросило вперед, винты стали быстро набирать обороты. Разгоняясь, самолет несколько раз подпрыгнул на воде, а потом взмыл в ночное небо. Рен снова превратился в тигра. Он закрыл глаза и уснул, уронив голову на колени брату. Я улыбнулась Кишану, но он ответил мне бесстрастным взглядом и отвернулся к окну.

Мистер Кадам укрыл себя и меня пледом. Я прислонилась головой к его мокрому плечу и уснула под убаюкивающее гудение нашего гидросамолета.

27
Рассказы ветеранов

Я проснулась от того, что наш самолет ударился о воду небольшого озера, которое, как выяснилось, принадлежало Рену и Кишану и примыкало к их владениям. Нилима выключила двигатели, Кишан спрыгнул на причал и привязал наш самолет канатами, как лодку. На берегу нас уже ждал джип.

За время полета моя одежда успела наполовину просохнуть, отчего стала совсем неприятной. Мистер Кадам предложил мне переодеться, напомнив, что Шарф может дать мне любую одежду, но я отказалась, поскольку, по его словам, мы были в десяти минутах езды от дома. Мистер Кадам сел за руль, братья устроились на заднем сиденье, а мы с Нилимой кое-как уместились вдвоем на пассажирском кресле. Рен снова превратился в тигра. Я заметила, что он успокаивался, только если находился рядом с братом. Когда мы приехали домой, мистер Кадам посоветовал мне принять душ и лечь спать, но было уже утро, и я, несмотря на усталость, хотела побыть с Реном.

Наверное, я бы сумела настоять на своем, но мистер Кадам и Кишан выступили против меня единым фронтом, и мне пришлось сдаться. Они говорили, что Рену нужно время, чтобы полностью поправиться, и что для него сейчас лучше как можно дольше оставаться тигром. В конце концов, я согласилась принять душ, но твердо заявила, что вернусь и проверю, как он. Кишан отнес меня в мою комнату, помог снять ботинки и размотал бинт. Оставив меня в ванной, он бесшумно прикрыл за собой дверь и ушел.

У меня тряслись руки. Хромая, я заползла в душевую кабинку и включила горячую воду.

«Он здесь! Живой. Он спасен! Мы победили. Мы вырвали Рена из когтей Локеша и вернулись домой целыми и невредимыми!»

И все-таки я ужасно нервничала. Забравшись под горячий душ, я стала думать, что первым делом скажу Рену. Ведь мне столько всего нужно ему рассказать! У меня болело все тело. Плечо саднило. Я очень сильно ободрала его о тяжелый ящик, теперь вся кожа вокруг ссадины стала багровой. Честно говоря, большая часть моего тела приобрела этот пугающий оттенок. Я старалась помыться как можно быстрее, но каждое движение причиняло боль. Что поделать, я не была создана для таких приключений! Все эти прыжки, кувырки и борьба в грязи были не для меня. Внезапно мне пришло в голову, что в Кишкиндхе и

Шангри-Ла я почему-то совсем не мучилась от боли. Странно, очень странно. Вспомнить хотя бы битву с железными птицами, из которой я вышла вся в синяках, порезах и ссадинах. Выходит, там на мне все заживало, как на моих тиграх! Если не считать укуса каппы, то можно сказать, что я легко и незаметно выздоравливала во всех волшебных местах.

Рен, похоже, тоже исцелялся, но я знала, что он изранен не только физически. Мне было страшно думать о том, через что ему пришлось пройти. Я не знала, как он выжил, я была просто бесконечно благодарна ему за то, что он это сделал. Спасибо Дурге за то, что она помогла ему! Она сдержала свое обещание и сберегла моего белого тигра.

Выключив воду, я вышла из душа и медленно переоделась в байковую пижаму. Нужно было торопиться, но мне даже расчесываться было больно. Кое-как заплетя косы, я со скоростью улитки поплелась через всю комнату к двери. Оказалось, что Кишан уже ждал меня снаружи, привалившись спиной к стене и закрыв глаза.

Он тоже успел вымыться и переодеться. Не говоря ни слова, он подхватил меня на руки и понес по лестнице в гостиную. Там он посадил меня в кожаное кресло рядом с мистером Кадамом, а сам сел напротив Нилимы. Рен, все еще в тигрином обличии, лежал у ног Нилимы.

Мистер Кадам потрепал меня по руке и сказал:

– Он пока не превращался, мисс Келси. Возможно, он слишком долго пробыл в образе человека, и теперь ему нужно восстановить силы.

– Понятно. Ну, ладно. Главное, что он с нами.

Я не могла отвести глаз от своего белого тигра. Когда я появилась в комнате, он ненадолго поднял голову, но тут же снова уронил ее на лапы и закрыл глаза. Признаюсь, мне было немного досадно, что он не захотел лечь возле меня. Я не хотела многого, мне было бы достаточно хотя бы дотронуться до его шерсти. Но я тут же выбранила себя за эти мысли. Что за эгоизм? Нужно думать о нем, а не о себе! Это не меня пытали долгие месяцы в темнице у Локеша. Неужели я не могу хотя бы на время оставить в покое и не навязываться?

Нилима хотела узнать обо всех подробностях наших приключений, и мистер Кадам решил, что это отличный повод нам всем рассказать свои истории, чтобы увидеть картину во всей полноте. Нилима вызвалась приготовить ужин и попросила меня помочь ей, пока мистер Кадам будет мыться. Кишан остался с Реном, который снова уснул. Он сказал, что спящего тигра ни в коем случае не стоит будить, пусть спит сколько влезет.

Кишан отнес меня на кухню, усадил на стул и вернулся в гостиную. Тем временем проворная Нилима, вытащив все необходимое для приготовления омлета и французских гренков, поручила мне натереть сыр, а потом нарезать лук и зеленый перец. Какое-то время мы работали молча, но я то и дело ловила на себе любопытные взгляды Нилимы.

– Со мной все в порядке, правда, – заверила я ее. – Не стоит волноваться. Я не такая хрупкая, как Кишан пытается всех убедить.

– О, нет, дело не в этом. Вообще-то, я совсем не считаю вас хрупкой. Я думаю, вы очень храбрая.

– Тогда почему вы так на меня смотрите?

– Вы… особенная, мисс Келси.

Я не смогла удержаться от смеха.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы настоящий центр. Вы сплачиваете эту семью. Дедушка был так… удручен, когда вы уехали. Вы просто спасли его.

– Я думаю, мистер Кадам спасал меня гораздо чаще.

– Ах, нет! Мы стали настоящей семьей только после того, как здесь появились вы. Несмотря на грозящую нам опасность, до вашего появления я никогда не видела дедушку таким счастливым и довольным. Он любит вас, мисс Келси. Они все вас любят.

Смущенная этими неожиданными словами, я пробурчала:

– А вы, Нилима? Вам по душе эта безумная жизнь? Вы когда-нибудь хотели зажить обычной жизнью, без шпионажа, интриг и опасностей?

Она улыбнулась, смазала маслом сковородку и положила на нее четыре кусочка белого хлеба для гренков.

– Я нужна дедушке. Разве я могу его бросить? У меня, конечно, есть семья. Мои родители очень огорчаются, что я настолько поглощена своей карьерой, что никак не выйду замуж. Я каждый раз уверяю их, что очень счастлива на работе. Они не понимают этого, но принимают, ведь они меня любят. Кроме того, помощь дедушки позволяет им жить безбедно.

– Они знают, что живут на его средства?

– Нет, конечно! Я скрываю это от них. Дедушка очень долго колебался, прежде чем доверил мне свою тайну. Разве я могу поделиться ей с кем-то еще без его согласия?

Она взбила яйца, плеснула туда сливки и стала печь первый омлет. Было что-то уютное и домашнее в том, чтобы сидеть на кухне вместе с другой женщиной и болтать за готовкой.

– Но теперь, когда вы здесь, я надеюсь, что дедушка наконец-то сможет отдохнуть, – продолжала Нилима. – Я верю, что очень

скоро он сбросит с себя груз тревог и вековой ответственности за принцев. Разумеется, я очень горжусь тем, что у меня такой самоотверженный прапрадедушка и что мне довелось узнать его, но всему есть предел.

– Он самый благородный человек на свете! – поддержала я. – Знаете, Нилима, а я не знала никого из своих дедушек. На вашем месте я бы тоже очень им гордилась.

Мы замолчали, заканчивая приготовление еды. Я решила добавить к трапезе медвяный цветочный нектар и порезала дыню. Нилима достала тарелки, сложила их на большой поднос и понесла все в гостиную. Кишан перенес меня туда же, а тут и мистер Кадам подоспел. Белый тигр, разбуженный суетой, поднял голову и фыркнул.

Я поставила перед ним огромную тарелку с вареными яйцами. Он тут же принялся катать их языком туда-сюда, забрасывая в рот. Осмелев, я почесала его за ухом. На этот раз белый тигр не зарычал на меня, а только втянул голову в плечи. Видимо, я случайно задела какое-то больное место, потому что в груди у него глухо зарокотало.

Я бросилась утешать его:

– Не волнуйся, Рен! Я просто хотела поздороваться и предложить тебе завтрак. Прости, если сделала тебе больно, я не хотела.

Кишан подошел ко мне и сказал:

– Келси, я прошу тебя. Отойди.

– Да все в порядке! Он меня не обидит.

Мой белый тигр встал и отошел поближе к Кишану. Наверное, это может показаться смешным, но я почувствовала себя преданной, как если бы милый семейный любимец вдруг набросился на меня и цапнул за руку. Я понимала, что это глупо, но все равно обиделась. А Рен, положив свои большие белые лапы по обе стороны тарелки, уставился на меня синим немигающим взглядом и смотрел до тех пор, пока я не выдержала и не опустила глаза. Только тогда он снова принялся за еду.

Мистер Кадам погладил меня по руке и сказал:

– Ну что ж, давайте воздадим должное еде и расскажем Нилиме обо всем, что с нами приключилось! Думаю, Рену тоже будет интересно послушать.

Я молча кивнула, катая вилкой еду по тарелке. У меня пропал аппетит.

Кишан начал первым:

– Мы парашютировались на поляну в нескольких километрах от лагеря и дальше отправились пешком через джунгли. Один старый пилот, который работал на мистера Кадама еще во

времена аэрокомпании «Летающий тигр», согласился подбросить нас туда на одном из военных самолетов времен Второй мировой, который он поддерживает в рабочем состоянии.

Нилима кивнула.

Кишан потер подбородок.

– Этому пилоту лет девяносто, не меньше. Сначала я засомневался, сможет ли такой старик поднять самолет в воздух, но он на деле доказал, что возраст мастерству не помеха. Посадка была мягкой и легкой, несмотря на то, что Келси, в общем, так и не прыгнула.

– Все оказалось совсем не так, как на тренировке! – буркнула я, решив подать голос в свою защиту.

– Ты выполнила три тренировочных прыжка, да еще один раз прыгала со мной вместе в Шангри-Ла, так что опыт у тебя есть, – возразил Кишан.

– Это совсем другое дело! Во-первых, тогда это было днем, и во-вторых, мне не приходилось… управлять полетом!

Поймав недоумевающий взгляд Нилимы, Кишан объяснил:

– Во время тренировки мы прыгали в тандеме. – Он повернулся ко мне. – Ты прекрасно знала, что тебе нужно только попросить. Я бы с радостью прыгнул вместе с тобой, но ведь тебе, как всегда, нужно было настоять на своем!

– Знаешь, если бы ты… не распускал так руки в тандеме, то, может быть…

– Если бы ты не устраивала такие сцены каждый раз, когда я до тебя дотрагиваюсь, то…

– …все было бы замечательно! – хором закончили мы, гневно глядя друг на друга.

Бросив свирепый взгляд на Кишана, я испуганно пискнула:

– Может быть, вернемся к рассказу?

Кишан, недобро прищурившись, выразительно посмотрел на меня, давая понять, что вернется к этому разговору позже.

– Как я уже сказал, Келси отказалась прыгать. Кадам пошел первым, а потом мне пришлось выпихнуть Келси из самолета, пока мы не пролетели мимо поляны.

– Вообще-то, ты меня не выпихивал, – процедила я. – Ты выволок меня следом за собой!

Кишан в упор посмотрел на меня.

– Ты не оставила мне другого выхода, Келси.

Но это было не так. На самом деле там, в самолете, Кишан предложил мне другой выход. Бросить все наше предприятие, забыть Рена и бежать вместе с ним. Или это – или прыгать из самолета самой. Я тогда открыла рот, чтобы хорошенько отчитать его, но он зарычал, схватил меня за руку и выпрыгнул вместе со

мной из люка.

Кишан как ни в чем не бывало продолжал:

– Приземлившись на поляну, мы изменили облик и отправились каждый своей дорогой. Я принял образ Келси, нацепив на себя копию ее амулета.

– А я перевоплотилась в байга, который прислуживал Локешу. Кстати, Кишан, мне было очень не по себе, когда я видела тебя в своем обличии!

– Знаешь, мне тоже было не по себе, когда я был тобой! – огрызнулся он. – Согласно плану, я должен был разыскать Локеша и отвлечь его внимание, поэтому я спрятался за бункером и стал ждать условного сигнала: тигриного рева.

Тут в разговор вмешался мистер Кадам:

– Это, к слову сказать, был я. Ваш покорный слуга перевоплотился в тигра, бросился в джунгли и разрядил несколько капканов, заставив часть солдат кинуться в лес на поиски.

– Так все и было, – кивнул Кишан. – Тем временем Келси начала взрывать все кругом, чем, разумеется, отвлекла на себя внимание всего персонала, поэтому я без труда пробрался внутрь. Но найти Локеша было задачкой посложнее. Для начала мне нужно было пробиться сквозь кольцо его личной охраны, которая ни на шаг не отходила от своего хозяина. Признаюсь, это были очень опытные бойцы, но мне удалось вывести из строя несколько человек при помощи чакры и погасить свет, прежде чем они успели меня увидеть. А уж потом пришлось на всю катушку использовать преимущества своей новой внешности.

Насупившись, я с подозрением спросила:

– Надеюсь, мне будет позволено узнать, каким образом ты использовал преимущества моей внешности?

Кишан ослепительно улыбнулся.

– Я вел себя, как женщина! Вбежал в комнату, изобразил страх и смятение и стал со слезами просить больших, сильных мужчин защитить меня от сумасшедшего парня, который гоняется за мной, пытаясь зарезать ужасным золотым диском. Ну, ты понимаешь. Чуть-чуть похлопал глазками, немного пококетничал. Все, как принято у вас, женщин.

Я скрестила руки и в упор посмотрела на Кишана.

– Вот так, значит? Что ж, продолжай, не стесняйся!

Он вздохнул и провел рукой по волосам.

– Хорошенько подумай, прежде чем начнешь лезть на стенку, что, как я успел заметить, стало твоей привычной реакцией на каждое мое слово. Не стоит, потому что я знаю, о чем ты думаешь.

Я крепче сжала руки.

– Вот как? Неужели? И о чем же я думаю?

– Ты думаешь, что я пытаюсь опошлить всех женщин, и тебя в особенности. – Он с досадой всплеснул руками. – Нет, ты не такая, Келси! Я просто играл роль, которую мне дали, используя все свои средства!

– Ах, да используй свои средства сколько тебе влезет, я и слова не скажу! Но речь идет о моих средствах!

– Отлично! В следующий раз я превращусь в Нилиму!

– Эй, полегче! – одернула его Нилима. – Я тоже никому не давала разрешения использовать мои особенности!

Мистер Кадам положил конец закипающей перепалке:

– Может быть, мы вернемся к моменту обезвреживания личной охраны Локеша?

Кишан нехотя кивнул, процедив что-то нечленораздельное. Но потом вдруг принялся бурчать, что женщинам вообще нечего делать в военной операции и что в следующий раз он будет работать в одиночку.

– Я все слышала, Кишан! – рявкнула я. – Между прочим, без меня Локеш разделал бы тебя, как бог черепаху!

– Разумеется, – примирительно сказал мистер Кадам. – Успехом своей операции мы обязаны каждому ее участнику. Если не возражаете, я расскажу о своей роли, а потом ты, Кишан, закончишь свой рассказ.

Кишан откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

– Да, пожалуйста!

Для начала мистер Кадам рассказал Нилиме, какую удивительную свободу он испытал, перевоплотившись в тигра.

– Раньше я даже представить себе не мог, какая сила заключена под этой шкурой! Когда мы испытывали возможности Шарфа, то первым делом хотели попробовать перевоплотиться в разных животных. Но вскоре выяснилось, что мы можем принимать облик только черного и белого тигра – Рена и Кишана. Прибыв на место, я перевоплотился в черного тигра Кишана, а мисс Келси завязала мне на шее Шарф.

После этого я побежал в джунгли, где обнаружил сразу несколько заряженных капканов. Следя плану, я заставил сработать два из них, что немедленно включило сигнал тревоги, и в лес бросились солдаты. В меня стреляли, но я оказался быстрее. Так они гонялись за мной какое-то время, а потом я позволил солдатам поверить, будто они почти поймали меня, не замечая, что я привел их к их же собственной ловушке.

Когда они приготовились выстрелить в меня, я у них на глазах превратился в человека, чем вызвал такое замешательство,

что успел привести ловушку в действие. Я дернул за веревку, привязанную к куску мяса, после чего мои преследователи очутились в огромной сетке, вздернутой высоко над землей. Оставив их болтаться под веткой дерева, я бросился в лагерь, чтобы приступить к исполнению второй части моего плана. Когда я добрался до лагеря, мисс Келси уже уничтожила одну из двух наблюдательных вышек. Крестьяне разбегались кто куда, спасая свои семьи. Я встал под деревом и снова сменил облик.

Нилима подалась вперед, не сводя с него глаз.

– И в кого же ты превратился на этот раз, дедушка?

– О, я принял облик почитаемого божества байга по имени Далха Дао, который, согласно их верованиям, может предотвращать бедствия и болезни. Я собрал вокруг себя перепуганных байга и сказал им, что пришел помочь им избавиться от злого чужака. Они были несказанно счастливы помочь мне до основания разрушить «дом злого». Мисс Келси оставила для меня в секретном месте волшебную золотую гаду. И знаете, что удивительно? Обычно эта гада тяжела для меня, но стоило мне принять облик Далха Дао, как она сама легла мне в руку! С помощью байга я обрушил стену, после чего мои преданные поклонники помогли мне обезвредить людей Локеша.

– Но как ты выглядел? – не унималась Нилима.

Мистер Кадам стал пунцовым, и я поспешила прийти ему на помощь:

– Мистер Кадам в образе Далха Дао был поистине прекрасен! Он был похож на байга, только выше ростом, гораздо сильнее и намного красивее. Волосы у него были густые, длинные и черные, как вороново крыло, несколько прядей завязаны в пучок на макушке, а остальные падали прямо на спину. Он был мускулистый, как культурист, с прекрасно развитым торсом и весь в татуировках! При этом наш Далха Дао Кадам был голый по пояс, в юбке, обернутой вокруг бедер, и с бесчисленными ожерельями на шее. Да, и босиком! Он выглядел очень грозно, но так и было задумано. Ах, могу себе представить, как он был прекрасен, когда размахивал гадой!

Закончив свое восторженное описание, я заметила, что все смотрят на меня, а Нилима хохочет, закрывшись ладошкой.

– Что? – смутившись, спросила я. – Ну ладно, вы меня раскусили. Мне нравятся могучие индийские мужчины. Что в этом плохого?

Кишан насупился, мистер Кадам, похоже… был польщен, а Нилима продолжала хихикать.

– Ах, совсем ничего, мисс Келси, – ответила она. – Думаю, на вашем месте я бы тоже пришла в восторг от дедушки!

Мистер Кадам откашлялся.

– Да… так вот… простите, просто мне очень польстило это описание. Я уже не помню, когда в последний раз женщины находили меня… э-э-э… могучим.

Я фыркнула, а Нилима покатилась со смеху. Когда мы отсмеялись, мистер Кадам спросил:

– Готовы слушать дальше?

– Да! – хором ответили мы.

– Как я уже сказал, байга сплотились вокруг меня, и мы связали всех солдат. После этого мы двинулись в командный пункт. Тут выяснилось, что двери в бункер хорошо укреплены и заперты. Гораздо проще оказалось просто пробить дыру в стене, чем пытаться сломать дверь. Мы, конечно, обыскали всех солдат в поисках ключа, но так ничего и не нашли. В конце концов я прорвался внутрь, где обнаружил, что Келси и Кишан в оцепенении лежат на полу, а Локеша и след простыл. Причем, заметьте, вся комната была чуть не до потолка засыпана какими-то конфетами!

– Драже, – поправила я.

– Но как оно там очутилось?

– Мне нужно было что-то придумать, а поскольку Золотой плод остался единственным доступным мне средством, то я попросила его устроить град из твердого драже.

– Это было чрезвычайно мудрое решение! Кстати, дома мы его не предусмотрели… Исключительно эффективно!

– Да нет, надолго моего града все равно не хватило бы. Локеш мгновенно парировал все наши выпады. Единственное, что заставило его пуститься в бега, это ваше появление. Вы, мистер Кадам, и байга спасли нас и всю операцию.

– Значит, Локеш смог вас заморозить?

– Да.

– Вы запомнили, какими силами он обладает?

– Да.

– Очень хорошо! Мы обсудим это позже.

– Ладно. Я все равно собиралась записать все случившееся, по свежим следам.

– Замечательно! Итак, продолжаю свой рассказ. После того как Келси и Кишан нашли Рена, байга изъявили желание как можно скорее уйти подальше от лагеря. В считанные минуты они разобрали свои дома, погрузили на плечи все, что можно было унести, и потянулись в глубину джунглей. Какое-то время мы следовали за ними, отчасти потому, что я считал своим долгом помочь им уйти как можно дальше от Локеша, а отчасти потому, что нам все равно было по пути. Перед тем как отправиться в

путь, Рен достал нож и вспорол кожу на своей руке.

Я наклонилась к мистеру Кадаму.

– Что он сделал?

– Вытащил отслеживающее устройство, которое Локеш вживил ему под кожу.

Я с жалостью посмотрела на своего белого тигра. Глаза его были закрыты, но уши едва заметно шевелились. Он внимательно слушал.

– Итак, мы проделали часть пути вместе с байга, разделили с ними еду, даже, можно сказать, приняли участие в пиршестве и распрощались с нашими верными помощниками сразу после того, как я послал тебе сигнал, – закончил мистер Кадам, улыбаясь Нилиме.

– Вы великолепно исполнили роль божества, – поддела я его.

– О, да. Мне показалось, байга остались в убеждении, что мы все четверо пришли с небес им на помощь. Впрочем, если бы я увидел столько чудес, сколько увидели они, то сам поверил бы в свою божественную природу!

– Но они действительно обладают силой, позволявшей удерживать Рена в заточении?

– Я спросил их об этом, и знахарь подтвердил, что у него есть власть над тиграми и что он использовал свою магию против Рена, – ответил мистер Кадам. – Знахари байга умеют создавать нечто вроде защитного барьера вокруг своей деревни, чтобы отпугивать тигров. Однако что интересно! Этот знахарь заверил меня, что примерно неделю тому назад наложенные им заклинания вдруг сами собой изменились и вместо того, чтобы отпугивать тигров, стали притягивать их в лагерь! Всю эту неделю солдаты Локеша терпели нападения тигров.

– Ага, так вот почему Кишан смог попасть внутрь?

– Именно.

– Но значит, Рен мог выбраться оттуда?

– Возможно, однако Локеш, похоже, обладал собственной властью над ним. Я предполагаю, что магия байга была лишь запасным средством, на тот случай, если Локеш отвлечется и не сможет сам контролировать Рена.

Я тихо прошептала:

– Он просто чудовище. Никогда бы он не отвлекся, никогда! Рен был его бесценным трофеем, главным призом! Он столько столетий охотился за ним, столько мечтал захватить его в свои руки!

– Но сейчас он утратил интерес к Рену, – перебил меня Кишан. – Теперь он охотится за другой дичью.

Мистер Кадам едва заметно покачал головой.

– За кем? – спросила я.

Он промолчал.

– За мной, да? – тихо проронила я.

Кишан перегнулся через стол.

– Да. И тебе лучше узнать об этом, чтобы быть готовой.

– Но почему? То есть почему он охотится за мной?

– Потому что он знает, как много ты значишь для нас. И потому, что ты его побила, – усмехнулся Кишан.

– Но это была не я! Это ты.

– Да. Но он-то об этом не знает.

Я тихо застонала, вполуха слушая, как Кишан расписывает нашу схватку с Локешем. Мне даже удалось вставить несколько замечаний, когда Кишан что-нибудь забывал.

Теперь Рен внимательно смотрел на нас, ловя каждое наше слово. Я поставила свою нетронутую тарелку на пол, надеясь заинтересовать его омлетом. Он с любопытством покосился на меня, встал и с опаской приблизился на несколько шагов. Омлет он съел до последней крошки, зато гренки только повозил по тарелке. Тогда я подцепила толстый ломоть вилкой. Рен снова посмотрел на меня, потом очень аккуратно снял гренок пастью с вилки и проглотил. Точно так же мы поступили со вторым. Дочиста вылизав тарелку, Рен повернулся ко мне спиной, снова растянулся на полу возле Кишана и принялся слизывать липкий сироп со своих лап.

В это время Кишан замолчал, и когда я подняла на него глаза, то заметила, что он разглядывает меня. Мне показалось, будто в уголках его глаз залегли едва заметные морщинки печали. Я отвернулась. Он нахмурился и продолжил свой рассказ. Когда он дошел до того места, когда Локеш угрожал убить меня, остановив мое сердце, я перебила его и поправила:

– Локеш говорил не обо мне, Кишан.

– Нет, о тебе! Наверное, он догадался, кто ты такая. Он сказал – убью его и остановлю его сердце.

– Совершенно верно, только с какой стати тебе, представшему перед ним в облике Келси, заботиться обо мне, в моем образе слуги байга? Локеш сказал – убью его, а не ее.

– Но я только потому и не отрезал ему голову, что он грозил убить тебя!

– И что? – огрызнулась я. – Мы обсуждаем твои мотивы или угрозу Локеша? Повторяю – он грозил убить не меня.

– А кого же тогда?

Я посмотрела на белого тигра и почувствовала, что краснею.

– А, вот оно что, – тупо пробормотал Кишан. – Он грозил убить его. Жаль, что я сразу не догадался.

– Да, он пригрозил убить Рена. Он знал, что я ни за что не стану рисковать его жизнью.

– Да, конечно. Ты, разумеется, не станешь.

– Что это значит, Кишан? – с вызовом спросила я, в упор глядя на него. – И что ты имел в виду, когда сказал, что сожалеешь о своей недогадливости? Хочешь сказать, что если бы ты правильно понял угрозу Локеша, то не остановился бы?

– Да! Нет. Возможно. Я не знаю, как бы я поступил, Келси! Как я могу сейчас сказать, что бы сделал тогда?

Предмет нашего спора заставил белого тигра насторожить уши и повернуть голову в мою сторону.

– Что ж, в таком случае я рада, что ты ничего не понял! В противном случае Рена сейчас бы не было с нами.

Кишан вздохнул.

– Келси.

– Хватит! Спасибо, мне очень приятно знать, что ты был готов пожертвовать им!

Мистер Кадам поерзал на стуле.

– Это было бы очень трудное решение для Кишана, мисс Келси. Я лично учил мальчиков тому, что, несмотря на огромную ценность любой человеческой жизни, иногда приходится приносить жертвы ради блага всех. Если бы у Кишана появилась возможность избавить мир от Локеша, то его первым душевным порывом было бы сделать это, отняв жизнь у отвратительного тирана. Но то, что он удержал свою руку, говорит о силе чувств, которые он в тот момент испытывал. Прошу вас, не будьте столь строги к нему.

Но я в упор смотрела на Кишана. Он перегнулся через стол, сцепил кончики пальцев и уставился в пол.

– Я знаю, что он значит для тебя, Келс. Я уверен, что поступил бы точно так же, если бы догадался, что Локеш говорит не о тебе, а о Рене.

– Ты в этом уверен?

Кишан вскинул глаза на меня, и какое-то время мы молча смотрели друг на друга, ведя безмолвный разговор. Он знал, о чем я спросила. Подлинный смысл моего вопроса был понятен лишь нам двоим, ускользая от мистера Кадама и Нилимы. Я спрашивала Кишана, готов ли он сознательно обречь на смерть своего брата ради возможности получить все то, о чем мечтает. Мы оба понимали, что если бы Рен исчез со сцены, Кишану было бы гораздо проще занять его место. И я спрашивала его, способен ли он на такой шаг.

Кишан долго задумчиво смотрел мне в глаза, прежде чем ответить с подкупающей искренностью:

– Я обещаю тебе, Келси, что буду защищать его до конца своих дней, даже ценой своей жизни.

Его золотые глаза вспыхнули, их взгляд проник мне в душу. Теперь я знала, что он сказал это от чистого сердца, а значит, он изменился. Он перестал быть тем Кишаном, которого я год назад впервые встретила в лесу. Он избавился от своего усталого цинизма, инфантильной обиды на весь мир и вечного уныния. Передо мной сидел мужчина, готовый сражаться за свою семью, за свое дело. Он больше никогда не повторит той ошибки, которую совершил ради Джесубай. Глядя в его глаза, я поняла, что какие бы испытания ни готовило нам будущее, я всегда смогу целиком и полностью положиться на Кишана.

Впервые со дня нашего знакомства я увидела на его плечах мантию настоящего принца. Передо мной был мужчина, готовый пожертвовать собой ради других. Мужчина, понимающий свой долг и готовый его исполнить. Мужчина, не закрывающий глаза на свои слабости, но старающийся преодолеть их. И наконец, мужчина, который только что дал мне понять, что я могу любить другого, но он всегда будет беречь и охранять нас, даже если это разобьет ему сердце.

И я выпалила:

– Прости… прости, что усомнилась в тебе, Кишан! Пожалуйста, прости меня.

Он грустно улыбнулся.

– Мне не за что тебя прощать, *билаута*.

– Значит, я могу продолжить наш рассказ? – негромко спросила я.

– Почему нет? – отозвался он.

Первым делом я рассказала Нилиме о том, как при помощи Золотого плода вывела из строя бронетранспортеры, забив кексами их бензобаки, и залепила пчелиным воском дула оружия. Главный недостаток этой тактики заключался в том, что я смогла вывести из строя только ту технику и то оружие, которые видела. Вот почему Локешу удалось сбежать на машине, спрятанной в подземном гараже, а у солдат, которых я не увидела, оружие продолжало действовать.

Я описала град из драже, рассказала, как Локеш улизнул через потайную дверь и как Фаниндра привела нас к Рену. Не забыла я упомянуть и о том, как столкнулась в коридоре со своим двойником. Ведь я приняла облик байга, помогавшего Локешу, из-за чего мне достался хороший хук в челюсть от Рена. Я рассказала Нилиме о том, что жестокий Локеш вынудил несчастного байга работать на себя, и о том, как этот человек отрезал себе волосы в знак искреннего раскаяния и вручил эту

жертву Рену, прося у него прощения.

После этого я во всех подробностях описала праздничный пир и добавила, что две прекрасные девушки предложили себя в жены моим *сыновьям*. Нилима закатила глаза и сочувственно покачала головой, потягивая нектар. Я сказала, что Кишан, как мне показалось, был совсем не прочь взять себе хорошенькую жену, но Рен его отговорил.

– Келси, все было совсем не так, – возмутился Кишан.

– А как же тогда?

Краем глаза я заметила, что мистер Кадам снова едва заметно покачал головой, и на этот раз резко повернулась к нему.

– Что за секреты? О чем вы мне не говорите?

Мистер Кадам довольно неуклюже попытался успокоить мои подозрения.

– Ни о чем, мисс Келси! Дело лишь в том, – он смущенно замялся, – что было бы настоящим оскорблением ответить отказом на столь деликатное предложение, поэтому мальчикам пришлось изображать колебания, дабы умилостивить вождей племени.

– А…

Мистер Кадам и Кишан переглянулись. Кишан первый отвел глаза, на лице его было написано отвращение. Я посмотрела на Нилиму, которая тоже выглядела смущенной. Она украдкой внимательно разглядывала мистера Кадама. Кишан же вдруг стал проявлять признаки нетерпения и досады.

В конце концов я сказала:

– Я вижу, что у вас тут какой-то заговор, в который меня не посвящают, но сейчас я слишком устала, чтобы выводить вас на чистую воду, так что живите. Более того, меня вообще не интересуют эти девушки! Что было, то прошло. Главное, мы спасли Рена, а все остальное ерунда.

Тут Нилима откашлялась, встала из-за стола и, сложив посуду на поднос, хотела было отнести его на кухню, но Рен вдруг решил превратиться в человека. Все в комнате застыли. Он по очереди посмотрел на всех нас, потом тепло улыбнулся Нилиме.

– Вы позволите мне помочь вам?

Она на миг опешила, но потом с улыбкой кивнула. Мы все смотрели на Рена, ожидая, что он заговорит с нами, однако он, не говоря ни слова, понес поднос на кухню. Потом мы услышали, как он спрашивает Нилиму, не хочет ли она, чтобы он помог ей помыть посуду. Нилима ответила, что прекрасно справится со всем сама, тем более что другие, то есть мы, наверное, хотят поговорить с ним. Рен робко вернулся в комнату, остановился на

пороге, окинул оценивающим взглядом наши лица.

Потом сел рядом с Кишаном и негромко спросил:

– Почему мне кажется, будто я предстал перед испанской инквизицией?

– Мы просто хотим убедиться, что с тобой все в порядке, – ответил ему мистер Кадам.

– Я вполне хорошо себя чувствую.

Он не прибавил больше ни слова, но я мгновенно представила недостающую часть предложения: «для человека, которого пытали несколько месяцев».

Набравшись храбрости, я выпалила:

– Рен! Мне так… так жаль. Прости меня. Мы не должны были бросить тебя! Если бы я знала о своей силе, я бы спасла тебя. Это я во всем виновата, прости меня, если сможешь.

Рен, сощурившись, пристально всмотрелся в мое лицо.

Кишан тут же бросился спорить:

– Ты ничего не могла сделать, Келс! Он сам отпихнул тебя в мои руки! Это было его решение! Он хотел, чтобы ты спаслась, а ты тут ни при чем. – Он взглянул на Рена. – Скажи ей!

Рен перевел глаза на брата, как будто не понимая, о чем тот говорит. Потом сказал:

– Честно говоря, я этого не помню, но раз ты говоришь, наверное, так оно и было.

Договорив, он с любопытством посмотрел на меня, но мне совсем не понравился этот взгляд. Он смотрел на меня так, будто нашел в джунглях какое-то странное существо и теперь не знает, что с ним делать – то ли проглотить, то ли просто отогнать от себя ударом когтистой лапы. Иными словами, он откровенно разглядывал меня, слегка морща нос, будто почуял что-то неприятное, а потом, не сказав мне ни слова, обратился к мистеру Кадаму:

– Спасибо, что спасли меня. Я так и знал, что вы придумаете какой-нибудь хитрый план моего освобождения!

– Справедливости ради замечу, что это мисс Келси придумала придать мне облик божества байгу. Без волшебного Шарфа, который добыли они с Кишаном, мы бы никогда не смогли тебя освободить. Ведь я до последнего не знал, где тебя держат. Только благодаря видению, посланному Шарфом, мы увидели тебя и слугу из племени байга, что позволило нам выяснить, где Локеш прячет тебя. Не говоря уже о том, что обезвредить стражей мы смогли лишь с помощью оружия, подаренного Дургой.

Рен кивнул и улыбнулся мне:

– Я ваш вечный должник. Благодарю вас за все, что вы для

меня сделали.

Что-то было не так. Совсем не так. К чему эта церемонность? Он был совсем не похож на того Рена, которого я знала! Почему он держался со мной так холодно, так отстраненно? Кишан тоже смотрел на Рена так, словно тот выжил из ума.

Мы все трое сидели молча, глядя друг на друга. Плотное облако напряжения густело между нами. Неожиданно для самой себя я позавидовала Нилиме, гремевшей посудой на кухне. Теперь я уже не сомневалась, что случилась какая-то новая неприятность, о которой все знают, но почему-то предпочитают молчать, бросая на меня вопросительные взгляды. Нет, первым делом я должна была поговорить с Реном. И только после этого, когда между нами все снова станет по-прежнему, я побеседую по душам с Кишаном.

Поэтому я выразительно приподняла брови и стала сверлить взглядом мистера Кадама, пока до того не дошел смысл моей безмолвной просьбы. Смущенно кашлянув, он встал и сказал:

– Кишан, ты не поможешь мне передвинуть кое-что у меня в кабинете? Боюсь, одному мне не справиться с такой тяжестью.

Рен поспешно вскочил и сказал:

– Я с радостью помогу вам! Пусть Кишан остается.

Но мистер Кадам лишь улыбнулся:

– Ах, нет, ты лучше посиди и отдохни. Мы с Кишаном легко управимся вдвоем, тем более что мне кажется, мисс Келси хотела бы поговорить с тобой наедине.

Кишан не спешил подчиниться.

– Мне не кажется, что для нее безопасно…

Но я перебила его, в упор глядя на Рена:

– Все в порядке, Кишан. Рен меня не тронет.

Кишан перевел глаза на Рена, который кивнул и ответил:

– Конечно, я не обижу ее.

– Э-э-э, Кишан… Ты не мог бы…?

Он вздохнул, понимая, о чем я прошу, послушно подошел к моему креслу, поднял меня и бережно пересадил на диван рядом с Реном. Прежде чем уйти, он предупредил:

– Я буду рядом. Если понадоблюсь, только позови. – Он повернулся к Рену и предупредил: – Только попробуй ее обидеть! Я буду слушать.

– Нет, Кишан, ты не будешь слушать, – сказала я.

– Буду.

Я нахмурилась. После этого двое мужчин в конце концов вышли из комнаты, хотя Кишан с порога бросил на меня выразительный взгляд, который я проигнорировала. Наконец мы с Реном остались одни. Мне нужно было столько всего сказать

ему, но я вдруг растерялась, не зная, как себя вести. Его яркие темно-синие глаза с любопытством разглядывали меня, будто редкую птичку, неожиданно слетевшую ему на руку. Я тоже долго смотрела в его красивое лицо, прежде чем решилась заговорить.

– Если ты не слишком устал, мне бы хотелось поговорить с тобой немножко.

Он вежливо кивнул:

– Я к твоим услугам.

Я осторожно положила больную ногу на подушку, чтобы повернуться к нему.

– Я… я так скучала по тебе! – Он вскинул бровь. – Мне столько всего нужно тебе рассказать! Прости, просто не знаю, с чего начать. Я понимаю, ты очень устал и, наверное, еще страдаешь от боли, поэтому постараюсь не утомлять тебя. Я просто хотела сказать, что все понимаю! Тебе нужно время, чтобы полностью исцелиться, и я понимаю, что какое-то время ты захочешь побыть один. Не волнуйся, делай, как тебе лучше! Только знай, что если тебе что-то понадобится, то я всегда рядом. Я могу быть замечательной сиделкой, можешь капризничать со мной сколько хочешь! Я буду поить тебя куриным бульоном и кормить шоколадным печеньем с арахисовым маслом. Я буду читать тебе Шекспира или стихотворения, что пожелаешь! А можем начать с «Графа Монте-Кристо». – Я взяла его руку в свои ладони. – Пожалуйста, только скажи, чего ты хочешь! Я сделаю все, что угодно.

Он мягко высвободил руку и потер пальцем щеку.

– Ты очень добра ко мне.

– Добра? Да ты смеешься надо мной! – Я придвинулась ближе и взяла его лицо в свои руки. Он напрягся, стиснул зубы и со свистом втянул в себя воздух. – Ты – мой дом. Я люблю тебя.

Поймите, вначале у меня и в мыслях не было давить на него, да еще так энергично, но он был мне нужен! Мы так долго были в разлуке, но вот теперь он наконец-то сидел рядом со мной, и я могла дотронуться до него. Не удержавшись, я наклонилась и поцеловала его. Рен окаменел. Мои губы прильнули к его губам, я почувствовала влажные дорожки слез на своих щеках. Обвив руками его шею, я придвинулась ближе, пока не взгромоздилась ему на колени.

Одна рука Рена осталась лежать на диване за нашими спинами, вторая покоилась на его колене. Он остался отстраненным. Он не обнял меня и не поцеловал в ответ. Я чмокнула его в щеку, потом уткнулась лицом в его шею, вдыхая теплый сандаловый запах.

Наконец я оторвалась от него, выпрямилась и уронила руки

на колени. На лице Рена сохранилось все то же растерянное выражение. Он медленно дотронулся до своих губ и улыбнулся.

– Вот о таком возвращении домой мечтает каждый мужчина.

Я расхохоталась, до безумия осчастливленная тем, что он все-таки вернулся. Все страхи и сомнения были забыты, мой Рен вновь был со мной, ему всего-навсего нужно было время, чтобы освоиться, вернуться к нормальной жизни и ко мне. Тут он застонал от боли, и я поспешно отодвинулась. Мне показалось, что после этого он вздохнул с облегчением.

– Могу я задать тебе один вопрос? – спросил он.

Я снова взяла его руку в свою, поцеловала в теплую ладонь. Рен с явным интересом проследил за моими действиями, но снова поспешил отнять свою руку.

– Разумеется, сколько хочешь! – ответила я.

Он протянул руку, легонько потянул меня за косу, потрогал пальцами ленту.

– Кто ты такая?

28
Самый ужасный день рождения

Потрясенная до глубины души, я с нервным смешком воскликнула:

– Это не смешно, Рен! Что значит – кто я такая?

– Поверь, я глубоко тронут твоими заверениями в большой любви, но боюсь, ты получила контузию во время схватки с Локешем. Дело в том, что ты явно путаешь меня с кем-то другим.

– Путаю тебя с кем-то другим? О нет, ни в коем случае! Ты ведь Рен, не так ли?

– Да. Меня зовут Рен.

– Правильно. Рен. Человек, в которого я по уши влюблена.

– Но как ты можешь любить меня, если я впервые тебя вижу?

Я дотронулась до его лба.

– У тебя жар? Что-то не так? Скажи, а ты не ударялся головой?

Я быстро ощупала его голову, ища шишку или рану. Рен все с той же вежливой настойчивостью убрал мои руки.

– Я совершенно здоров, хм… Келси, да? У меня нет провалов в памяти и жара тоже нет.

– Тогда почему ты меня не узнаешь?

– Вероятно, потому, что мы никогда не встречались.

«Нет. Нет. Нет-нет-нет. Нет! Нет! Этого не может быть!»

– Но мы знакомы почти год. И мы… мы вместе. Наверное, Локеш что-то сделал с тобой! Мистер Кадам! Кишан! – завизжала я.

Кишан как угорелый ворвался в комнату. Отпихнув Рена, он бросился между нами. Потом сгреб меня в охапку, поднял и пересадил на стул напротив дивана.

– Что случилось, Келс? Он тебя обидел?

– Нет, нет! Ничего такого! Но он меня не узнает! Он меня не помнит!

Кишан отвел глаза.

– Ты знал! Ты знал об этом и ничего мне не сказал?

В комнату вошел мистер Кадам.

– Мы оба знали, мисс Келси.

– Что? Но почему вы не сказали мне?

– Мы не хотели вас тревожить. Мы думали, что это лишь временная проблема, которая пройдет, когда Рен немного поправится, – сдержанно ответил мистер Кадам.

Я вцепилась в руку Кишана.

– Значит, там, в джунглях, с женщинами байга…

– Он хотел взять их в жены, – ответил Кишан.

– Ну конечно! Теперь я все понимаю…

Мистер Кадам сел рядом с Реном.

– Ты так и не вспомнил ее?

Рен пожал плечами.

– Мне очень жаль, но я впервые увидел эту юную леди в тот момент, когда она вместе с Кишаном стояла перед моей клеткой, чтобы освободить меня.

– Ну конечно! Клетка! Ты помнишь клетку, в которой я впервые тебя увидела? Помнишь? Ты тогда жил в цирке. Участвовал в представлениях, а я рисовала тебя и читала тебе. А потом я помогла тебя освободить, помнишь?

– Да, я помню, как жил в цирке, но тебя там не было. Насколько мне помнится, я освободился самостоятельно.

– Нет. Ты не мог. Если бы ты мог освободиться сам, то почему ты этого не сделал раньше? Почему ты столько столетий провел в заключении?

Рен насупил свои красивые черные брови.

– Не знаю. Все, что я помню, это как выхожу из клетки, звоню мистеру Кадаму, а потом с его помощью возвращаюсь в Индию.

В этом месте мистер Кадам счел нужным вмешаться:

– Ты помнишь, как разговаривал с Пхетом? Помнишь, как мы с тобой спорили, стоит ли вести мисс Келси в джунгли?

– Я помню, как мы спорили, но совсем не о ней! Просто вы возражали против визита к Пхету. Вы считали, что это будет пустой тратой времени, но у меня было другое мнение.

Раздавленная, взволнованная до глубины души, я взмолилась:

– Но Кишкиндха, Рен! Ведь там я тоже была с тобой!

– Но я помню, что был один.

– Как это может быть? – пролепетала я. – Ты помнишь мистера Кадама? А Кишана? Нилиму?

– Да.

– Значит, ты забыл только меня?

– Выходит, что так.

– А как же День святого Валентина, наш танец, схватка с Ли, шоколадное печенье с арахисовым маслом, все наши фильмы, Орегон, попкорн в кастрюльке, университет, поездка в Тилламук? Это все… исчезло?

– Не вполне. Я помню наш поединок с Ли, помню печенье, Тилламук, фильмы и Орегон, но совсем не помню тебя.

– Значит, ты просто так очутился в Орегоне, без всякой причины?

– Нет, почему же. Я там учился в университете.

– А что ты делал в свободное время? Кто был с тобой?

Он сдвинул брови, глубоко задумавшись.

– Сначала никого, а потом приехал Кишан.

– Ты помнишь, как вы ссорились с Кишаном?

– Да.

– И по поводу чего была ссора?

– Вот этого я не помню. Хотя постойте, нет… Печенье! Мы поссорились из-за печенья.

Слезы хлынули у меня из глаз.

– Это очень злая, жестокая шутка! Как такое вообще возможно?

Мистер Кадам встал и потрепал меня по руке.

– Я пока не знаю. Возможно, мы имеем дело с временной потерей памяти.

– Вряд ли, – сердито огрызнулась я. – Это чересчур специфическая амнезия! Он помнит все, кроме меня. Нет, это работа Локеша.

– Полагаю, вы правы, но не теряйте надежды, мисс Келси. Прежде всего, не стоит торопить события, давайте дадим Рену время полностью оправиться от ран. Ему нужен отдых и покой, после чего мы постепенно постараемся пробиться к его запертым воспоминаниям. Я немедленно свяжусь с Пхетом и спрошу, не сможет ли он приготовить для нас какой-нибудь целебное травяное снадобье.

Рен протестующе поднял руку.

– Прежде чем вы подвергнете меня траволечению, гипнозу и прочим способам возвращения памяти, мне хотелось бы немного побыть одному. Простите.

С этими словами он встал и вышел из комнаты. Тут я разрыдалась в голос.

– Кажется, мне тоже нужно побыть одной, – выдавила я, бросаясь к двери. Припадая на больную ногу, я добралась до лестницы и остановилась, переводя дыхание. Перед глазами у меня все расплывалось от слез, я крепко вцепилась в перила, чтобы не упасть. Чья-то рука легла мне на плечо, обернувшись, я уткнулась мокрым лицом в грудь Кишану и захлебнулась плачем. Он подхватил меня под колени, поднял и молча понес наверх. Положив меня на кровать, он зашел в ванную, принес коробку бумажных салфеток и поставил ее на столик перед постелью. Потом что-то сказал на хинди, убрал волосы с моего лица, поцеловал меня в бровь и вышел.

Вечером ко мне заглянула Нилима.

Я сидела в белом кресле, обнимая белого плюшевого тигра.

Весь день я провела в постели, то рыдая, то засыпая. Нилима обняла меня и присела на диванчик.

– Он меня не узнает, – прошептала я.

– Дайте ему время. Вот, я принесла вам перекусить.

– Я не голодна.

– Вы сегодня даже на завтрак ничего не ели.

Я подняла на нее распухшие от слез глаза.

– Вряд ли я смогу проглотить хоть кусок.

– Ладно.

Нилима встала, ушла в ванную и вернулась оттуда с щеткой для волос.

– Все будет хорошо, мисс Келси. Он с нами, и он непременно вас вспомнит.

Она расплела мои волосы и стала расчесывать их бережными, долгими движениями щетки. Постепенно это успокоило меня, как всегда, напомнив о маме.

– Вы правда думаете, что он все вспомнит?

– Да. Но даже если память к нему не вернется, то он все равно снова влюбится в вас. Моя мама всегда говорит: где глубоко, там не пересохнет. Его чувства к вам настолько глубоки, что не могут исчезнуть навсегда, даже в такую засуху, как сейчас.

Я простуженно рассмеялась.

– Я бы хотела как-нибудь познакомиться с вашей мамой.

– Почему бы и нет?

Когда она ушла, я почувствовала себя настолько лучше, что решила спуститься вниз.

Кишан мерил шагами кухню. Когда я, хромая, вошла в дверь, он бросился ко мне, взял у меня из рук поднос с нетронутой едой и убрал в холодильник.

– Я смотрю, твоей ноге уже лучше.

– Мистер Кадам обложил ее льдом и заставил целый день держать в приподнятом положении.

– Как ты? – спросил он.

– Нормально. Со мной все будет хорошо, не беспокойся. Конечно, это не та встреча, о которой я мечтала, но это лучше, чем найти его мертвым.

– Я тебе помогу. Мы сможем вместе попробовать вернуть ему память.

Я понимала, чего ему стоило это предложение. Но знала и то, что он говорит это от чистого сердца. Кишан хотел, чтобы я была счастлива, и если ради этого нужно было вернуть мне любовь Рена, он был готов сделать это.

– Спасибо, я очень ценю твое участие.

Я хотела сделать шаг к нему, но споткнулась и чуть не упала.

Кишан подхватил меня и нерешительно обнял. Он ждал, что я, как обычно в последнее время, оттолкну его, но вместо этого я крепко-крепко прижала его к себе.

Кишан со вздохом обнял меня, поцеловал в лоб. Как раз в это время на кухню вошел Рен. Поймав его взгляд, я застыла, ожидая бурной реакции, но Рен не обратил на нас никакого внимания. Не говоря ни слова, он прошел к холодильнику, взял оттуда бутылку воды и удалился.

Кишан приподнял мою голову за подбородок.

– Он придет в себя, Келс.

– Да.

– Не хочешь посмотреть какой-нибудь фильм?

– Можно.

– Решено! Только чур что-нибудь живенькое, с действием! Никаких твоих любимых музыкальных тра-ля-ля.

Я невольно рассмеялась.

– С действием, говоришь? Что-то мне подсказывает, что приключения Индианы Джонса придутся тебе по вкусу.

Он обнял меня за талию и повел в домашний кинозал.

В этот день я увидела Рена только поздно вечером. Он сидел на террасе и смотрел на луну. Сначала я не решилась выйти к нему, боясь помешать, если он хочет побыть один, но потом решила, что он всегда может попросить меня уйти.

Поэтому я отодвинула раздвижную дверь и вышла на террасу. Рен кивнул мне, не трогаясь с места.

– Я тебе мешаю? – спросила я.

– Нет. Не хочешь присесть?

– Да, спасибо.

Он встал и помог мне сесть напротив. Я впилась глазами в его лицо. Кровоподтеки почти сошли. Чистые волосы были недавно подстрижены. Он был одет в дорогую повседневную одежду. Но тут мой взгляд упал на его босые ноги, и я невольно вскрикнула. Его ступни были все лиловые и распухшие, а значит, каждый шаг причинял ему неимоверные страдания.

– Что он сделал с твоими ногами? – прошептала я.

Рен опустил глаза и пожал плечами.

– Ломал их снова и снова, пока они не стали похожи на разбухшие кресла-мешки.

– Ох, – тоненько пролепетала я. – Можно мне взглянуть на твои руки?

Он вытянул перед собой руки, я бережно взяла их в свои и осмотрела. Его золотистая кожа вновь стала ровной и гладкой, длинные пальцы сделались прямыми, как были. На месте

вырванных с мясом ногтей уже выросли новые, здоровые и крепкие. Я перевернула его кисти и осмотрела ладони. Если не считать рубца, прочертившего внутреннюю часть его руки до запястья, они выглядели совершенно нормально. Обычный человек, которому переломали бы все кости в стольких местах, лишился бы обеих кистей или до конца жизни не смог бы ими пользоваться. В любом случае сросшиеся суставы пальцев навсегда остались бы кривыми, распухшими и негибкими.

Я провела пальцем по рубцу.

– Откуда это?

– Это след эксперимента, поставленного Локешем. Однажды он выпустил из меня всю кровь, чтобы посмотреть, выживу я или нет. Хорошая новость заключалась в том, что я выжил. Кроме того, крови оказалось столько, что Локеш больше не захотел пачкать свою одежду.

Он резко отдернул руки и закинул их на спинку качелей.

– Рен, я…

Он протестующе поднял руку.

– Не нужно извиняться, Келси. Ты здесь ни при чем. Мистер Кадам мне все объяснил.

– Да? И что же он тебе сказал?

– Он рассказал мне, что Локеш с недавних пор охотится за тобой, что ему нужен амулет Кишана, который ты носишь, и что если бы в тот раз я не остался в лесу, мы все трое попали бы в лапы Локеша.

– Понятно.

Он наклонился ко мне.

– Я рад, что он захватил меня, а не тебя. Ты бы погибла ужасной смертью. Никто не заслуживает столь страшного конца, Келси. Лучше бы люди Локеша захватили меня или Кишана, чем тебя.

– Да. Ты поступил, как настоящий рыцарь.

Он пожал плечами и отвернулся к освещенному бассейну.

– Рен, что он… с тобой сделал?

Он повернулся ко мне, опустил глаза на мою распухшую лодыжку.

– Можно?

Я кивнула.

Рен осторожно приподнял мою ногу и положил себе на колено. Легко коснувшись багрового синяка, он покачал головой и подложил мне под ногу подушку.

– Мне очень жаль, что ты была ранена в схватке. Какая досада, что ты не исцеляешься так же быстро, как мы.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– В этом мире есть вещи, которыми не стоит делиться. Хватит того, что кому-то одному приходится помнить о них.

– Но порой бывает легче, если рассказать кому– нибудь.

– Когда я почувствую, что готов это сделать, я поделюсь с Кадамом или Кишаном. Они закаленные мужчины и в своей жизни видели немало ужасов.

– Я тоже закаленная!

Он рассмеялся.

– Ты? О нет, ты слишком нежна, чтобы услышать о том, что я перенес.

Я с вызовом скрестила руки на груди.

– Я вовсе не неженка!

– Прости. Я не хотел тебя обидеть, но выбрал неудачное слово. Ты… ты слишком чиста и невинна, чтобы я мог поделиться с тобой. Я не хочу отягощать твою память мыслями о том, на что способен Локеш.

– Но это могло бы помочь тебе!

– Ты и так принесла достаточно жертв ради моего спасения.

– Но ведь ты вынес все эти муки только потому, что защищал меня!

– Я этого не помню, но если бы смог вспомнить, то уверен, все равно не стал бы ничего тебе рассказывать.

– Наверное. Ты всегда был ужасным упрямцем.

– Да. Есть вещи, которые не меняются.

– Скажи, ты готов попробовать воскресить какие– нибудь воспоминания?

– Можно попробовать. С чего бы ты хотела начать?

– Почему бы не с самого начала?

Он кивнул, и я рассказала ему, как впервые увидела его в цирке, как работала с ним и как однажды он сбежал из клетки и улегся спать на тюках с сеном, а я ругала себя за незапертую дверь. Я рассказала ему о кошачьем стихотворении и о его портрете, который я нарисовала в своем дневнике. Самое странное, что стихотворение о кошке он вспомнил. И даже процитировал мне его наизусть.

Когда я закончила, оказалось, что пролетел целый час. Все это время Рен слушал меня очень внимательно и кивал головой. Но больше всего его заинтересовал мой дневник.

– Можно мне прочитать его? – спросил он.

Я смущенно поерзала.

– Думаю, это может тебе помочь… Там есть и твои стихотворения, и подробные записи обо всем, что мы с тобой делали вместе. Возможно, это как-то запустит твою память! Только сразу предупреждаю: приготовься к потокам девичьих

чувств.

Он вопросительно приподнял бровь, а я поспешила объяснить:

– Понимаешь, нельзя сказать, чтобы у нас с тобой все сразу сложилось хорошо и гладко. Я то отказывала тебе, то брала свои слова обратно, то опять отказывала. И каждый раз это было довольно нелепо, но в тот момент мне казалось, я знаю, что делаю.

Рен улыбнулся.

– «Мне не случалось ни читать, ни слышать, будь то рассказ о подлинном иль басня, чтобы когда-нибудь струился мирно поток любви»[7].

– Когда ты успел прочитать «Сон в летнюю ночь»?

– Я не читал. Просмотрел книгу с самыми знаменитыми цитатами из Шекспира в университете.

– Ты мне об этом не рассказывал!

– Ах, значит, я все-таки знаю хоть что-то, чего не знаешь ты! – вздохнул он. – Поверь, эта ситуация для меня тоже очень неприятна. Прости за то, что невольно раню твои чувства. Я этого не хочу. Мистер Кадам рассказал мне, что ты потеряла родителей, это так?

Я кивнула.

– Представь, что ты не можешь вспомнить своих родителей. У тебя есть их фотографии, ты слушаешь рассказы о них, но сами они остаются для тебя совершенно чужими. Они помнят твои поступки, о которых у тебя не сохранилось никаких воспоминаний, они связывают с тобой какие-то свои ожидания. Представь, что они мечтают о твоем будущем, причем эти мечты не имеют ничего общего с тем, что хочешь для себя ты.

– Это было бы очень тяжело, – согласилась я. – Возможно, я даже усомнилась бы в том, что мне рассказывают.

– Именно. Особенно если перед этим тебя несколько месяцев подряд подвергали физических и моральным пыткам.

– Я понимаю.

Я встала, чувствуя, что он только что снова разбил мне сердце. Когда я проходила к двери, Рен коснулся моей руки.

– Я не хотел тебя обидеть. Поверь, я могу себе представить сотни вещей пострашнее, нежели узнать, что у меня есть нежная, милая и добрая подруга, которую я совсем не помню. Мне просто нужно время, чтобы принять это.

– Рен, ты правда так думаешь? То есть у нас есть возможность? Ты веришь, что можешь научиться… снова любить меня?

Он долго задумчиво смотрел на меня, прежде чем ответить.

– Я постараюсь.

Я молча кивнула. Он выпустил мою руку, и я закрыла за собой дверь.

«Он постарается».

Следующая неделя не принесла никаких перемен. Несмотря на все усилия мистера Кадама, Кишана и Нилимы, Рен по-прежнему не помнил ничего обо мне. Постепенно он стал терять терпение и раздражался на всех, кроме Нилимы, с которой охотно проводил время. Я догадывалась, что она досаждала ему меньше, чем мы. Нилима знала меня хуже всех, поэтому болтала с Реном о вещах, которые они оба помнили.

Я готовила для него все блюда, которые ему нравились в Орегоне, включая мое фирменное шоколадное печенье с арахисовым маслом. Первое время Рен ел его с удовольствием, но стоило мне объяснить ему значение этого печенья, как он заметно потерял к нему интерес. Ему не хотелось огорчать меня тем, что эта особенная выпечка не вызывает у него никакого отклика. Зато Кишан, пользуясь затруднениями Рена, с аппетитом поглощал все, что я готовила. На четвертый день я оставила свои кулинарные попытки. Я видела, что Рена терзают наши бесплодные ожидания и он становится все более раздражительным.

Однажды вечером, когда я, как обычно, спустилась к ужину, я обнаружила, что столовая украшена серпантином цвета персиков и слоновой кости и все с нетерпением ждут меня. Посреди красиво накрытого стола возвышался огромный торт.

– С днем рождения, мисс Келси! – воскликнул мистер Кадам.

– Мой день рождения? Ой, а я совершенно забыла!

– Сколько же тебе сегодня лет, Келс? – спросил Кишан.

– Э-э-э… Девятнадцать!

– Э, да ты еще совсем дитя! Правда, Рен?

Рен кивнул и вежливо улыбнулся.

Кишан крепко обнял меня.

– Ну-ка! Садись, а я принесу подарки.

Он отодвинул для меня стул, помог мне сесть и ушел собирать подарки. Пока он отсутствовал, мистер Кадам при помощи Золотого плода поставил передо мной мои самые любимые блюда: чизбургер, жареную картошку и шоколадный стаут. Все остальные тоже стали по очереди заказывать себе любимую еду, мы смеялись, отпуская шуточки по поводу выбора каждого. Впервые после возвращения Рена я смеялась вместе со всеми.

Когда мы поели, Кишан провозгласил, что пришло время подарков. Первым я развернула сверток от Нилимы. Там оказался флакон дорогих французских духов, который я тут же пустила по кругу.

Кишан понюхал и поморщился.

– Ее естественный аромат в сто раз лучше!

Когда флакон дошел до Рена, тот улыбнулся Нилиме и сказал:

– Мне очень нравится.

Улыбка сбежала с моего лица.

Затем наступила очередь мистера Кадама. Он через весь стол подтолкнул ко мне белый конверт и лукаво подмигнул, когда я подцепила пальцем клапан, чтобы поскорее узнать, что же там внутри. Там лежала фотография автомобиля.

Я высоко подняла карточку над столом.

– Что это такое?

– Твоя новая машина.

– Но мне не нужна машина! У меня дома стоит «бокстер»!

Мистер Кадам печально покачал головой.

– Уже не стоит. Я продал его вместе с домом через другую фирму. Локеш узнал об этом вашем жилище и мог выследить нас, поэтому нам пришлось замести следы.

Я помахала фотографией в воздухе и засмеялась.

– И какая же машина, по вашему мнению, потребовалась мне на этот раз?

– Да ничего особенного, пустяки. Просто транспортное средство, чтобы вы могли ездить туда-сюда.

– Не томите, мистер Кадам! Как называется моя машина?

– «Макларен SLR 722 Родстер».

– А она большая?

– Это кабриолет.

– А тигры туда поместятся?

– Нет. В вашей машине всего два сиденья, но наши мальчики теперь большую часть дня проводят в человеческом облике.

– А… она дороже тридцати тысяч долларов?

Мистер Кадам заерзал, как уж на сковородке.

– Да, но…

– На сколько дороже?

– Н-намного.

– Насколько намного?

– Примерно на четыреста тысяч.

У меня упала челюсть.

– Мистер Кадам!

– Ах, мисс Келси, я прекрасно понимаю, что это весьма

экстравагантный жест, но стоит вам только сесть за руль, как вы сразу поймете, что эта машина стоит каждого уплаченного за нее цента!

Я скрестила руки на груди.

– Я не сяду за руль.

У мистера Кадама вытянулось лицо.

– Но эта машина предназначена для езды!

– Вот вы ее и водите. А я буду ездить на джипе.

Это предложение заставило его заколебаться.

– Если вы так хотите, мисс Келси, то, возможно, мы могли бы поменяться…

Кишан захлопал в ладоши.

– Жду не дождусь, когда опробую «родстер» в деле!

Мистер Кадам погрозил ему пальцем.

– Нет-нет, дружок, ты и близко к нему не подойдешь! Ты получишь простой хороший седан. С пробегом.

– Я отличный водитель! – запротестовал Кишан.

– Тебе нужно еще много тренироваться.

Я со смехом прервала их спор.

– Хватит, хватит! Давайте вернемся к этому разговору, когда доставят машину.

– Ее уже доставили, мисс Келси. Она стоит в гараже. Думаю, мы сможем обкатать ее чуть позже, – добавил мистер Кадам, его глаза так и заблестели от предвкушения.

– Ладно, но только мы с вами. Спасибо за ваш потрясающе экстравагантный, сногсшибательный и выходящий за все рамки подарок!

Он радостно закивал.

– Ну вот, – улыбнулась я. – Теперь я готова к следующему подарку.

– Моя очередь! – сказал Кишан. Он вручил мне большую белую коробку, перевязанную синей бархатной лентой. Я нетерпеливо открыла ее, развернула тонкую шуршащую бумагу и коснулась пальцами нежного голубого шелка. Встав во весь рост, я вытащила из коробки тончайшее платье.

– Ах, Кишан, какая прелесть!

– Я специально заказал его в Китае, чтобы было похоже на то платье, что ты носила в Роще сновидений. Они, конечно, не смогли вплести в ткань живые цветы, но вышили их весьма искусно.

Изящные синие васильки с нежно-зелеными стебельками и листочками вились по подолу и поднимались по бокам платья к талии, откуда шли наискосок к плечу. Крохотные феи с лиловыми и оранжевыми крылышками весело порхали по стеблям и

листьям.

– Ой, спасибо! Я просто влюбилась в него!

Я крепко обняла Кишана и чмокнула его в щеку, отчего его золотые глаза вспыхнули от удовольствия.

– Спасибо всем вам!

– Гхм, вот еще подарок от меня. Он, конечно, не такой интересный, как другие, – сказал Рен, пододвигая ко мне наспех завернутый сверток, и тут же уставился на свои руки, чтобы не видеть мою застенчивую улыбку.

В свертке лежало что-то мягкое.

– Что там такое? Нет, постой, дай я угадаю! Новая кашемировая шапочка и перчатки? Нет-нет, в Индии они мне вряд ли пригодятся. Ага, я догадалась – это шелковый шарфик!

– Да открывай же скорее, мы все хотим посмотреть, – сказала Нилима.

Я разорвала бумагу и несколько раз моргнула.

Мистер Кадам наклонился ко мне.

– Что там, мисс Келси?

Слеза сбежала по моей щеке. Я быстро смахнула ее тыльной стороной ладони и улыбнулась.

– Прелестные носочки!

Я повернулась к Рену.

– Спасибо! Наверное, ты догадался, что мне как раз нужна новая пара!

Рен кивнул и положил себе на тарелку оставшейся еды. Нилима, почувствовав, что что-то не так, пожала мне руку и весело прощебетала:

– Ну, у кого осталось место для торта?

Я радостно улыбнулась, отчаянно пытаясь спасти праздничное настроение. Нилима стала разрезать торт, а мистер Кадам украшал каждый кусок щедрой порцией взбитых сливок. Я поблагодарила всех и откусила первый кусочек.

– Ой, он же персиковый! Никогда не ела персикового торта! Кто его приготовил? Золотой плод?

– Откроем вам секрет: торт испекли мы с Нилимой, – ответил мистер Кадам, деловито выдавливая новую порцию крема.

– А мороженое тоже персиковое со сливками? – улыбаясь до ушей, спросила я.

Мистер Кадам рассмеялся.

– Да. Причем прямиком из того магазинчика, который вы так любите. Кажется, из города Тилламук.

Я положила в рот еще один кусок торта.

– Я так и поняла, я сразу узнала вкус. Это мой любимый сорт мороженого. Спасибо, что подумали обо мне.

Мистер Кадам сел, с удовольствием отведал кусочек торта и сказал:

– Ах, мисс Келси, вынужден признаться, что я тут ни при чем. Весь этот праздник и угощение были придуманы очень давно и… – Тут он осекся и замолчал, осознав свою ошибку. Но было уже поздно, поэтому мистер Кадам, откашлявшись, закончил: – Скажем так, это была не моя идея.

– Вот как…

Он торопливо сменил тему, пытаясь отвлечь меня от мыслей о том, что мой старый любимый Рен за много месяцев до моего дня рождения придумал устроить мне сливочно-персиковое пиршество… Мистер Кадам продолжал говорить о том, что персики в Китае считаются символом долголетия и удачи, но я уже не слушала его. Кусок торта застрял у меня в горле. Пришлось сделать глоток воды, чтобы протолкнуть его.

Рен равнодушно поковырял кусок персикового торта, лежавший у него на тарелке.

– У нас не осталось шоколадного мороженого с арахисовым маслом? – громко спросил он. – Признаться, я не большой любитель персиков со сливками.

Потрясенная, я вскинула голову и с горечью посмотрела на него. Я слышала, как мистер Кадам сказал, что мороженое в морозилке. Рен отодвинул персиковый десерт и вышел из комнаты. Только тогда я заметила, что моя рука с зажатой в ней вилкой так и застыла в воздухе на полпути ко рту.

Я ждала. И очень скоро почувствовала, как сокрушительная волна обиды захлестнула меня. Посреди рая, празднуя свой день рождения в окружении любимых людей, я переживала свой личный, персональный ад. Мои глаза наполнились слезами. Извинившись, я встала и быстро отвернулась. Кишан, смущенный не меньше, чем я, тоже поднялся из-за стола.

Перед тем как уйти, я нашла в себе силы с деланым оживлением спросить у мистера Кадама, не могли бы мы с ним завтра опробовать машину.

– Конечно, – тихо ответил он.

Поднимаясь по лестнице, я услышала, как Кишан выясняет отношения с Реном. Он с подозрением в голосе спросил его:

– Что ты сделал?

И Рен тихо ответил ему:

– Я не знаю.

Эпилог
Нелюбимая

На следующее утро я проснулась с твердым намерением не вешать нос. Рен ни в чем не был виноват. Он не понимал, что сделал и почему мне от этого так больно. Он не помнил ни про носки, ни про мой запах, ни про то, что когда-то выбрал персиково-сливочное мороженное вместо шоколадного с арахисовым маслом. И вообще, неужели можно устраивать сцену из-за какого-то мороженого? Это же пустяки!

Никто не помнил об этих мелочах. Никто не знал о них. Кроме меня. Поэтому с утра я отправилась с мистером Кадамом кататься на новеньком кабриолете и постаралась радоваться, когда он демонстрировал мне удивительные свойства автомобиля. Только все было напрасно. Я механически выполняла нужные действия, но внутри у меня все оцепенело. Я была в отчаянии. Мне казалось, что я имею дело с двойником Рена. Он был как две капли воды похож на моего Рена, он даже разговаривал, как он, но при этом в нем погасло что-то важное. Чего-то недоставало.

После прогулки я планировала потренироваться с Кишаном, поэтому быстро переоделась, прошла через прачечную и спустилась по лестнице в спортзал. И остановилась, услышав доносившиеся оттуда голоса. Я не хотела подслушивать, но когда услышала свое имя, то не смогла уйти.

– Ты обижаешь ее, – сказал Кишан.

– Ты думаешь, я этого не понимаю? Я не хочу причинять ей боль, но я не могу заставить себя почувствовать то, чего не чувствую!

– Неужели ты не можешь хотя бы постараться?

– А я что делаю?

– Не морочь мне голову! Да ты мороженому уделяешь больше внимания, чем ей!

Рен раздраженно вздохнул.

– Послушай, я не хотел об этом говорить, но… В ней есть что-то… отталкивающее.

– Что ты несешь?

– Я не могу описать это. Просто каждый раз, когда я нахожусь рядом с ней… мне хочется поскорее сбежать. Я чувствую облегчение, когда ее нет рядом.

– Да как ты можешь даже говорить такое! Ведь ты любил ее! Ты жить без нее не мог! Ты желал ее так, как никогда и ничего не

желал в своей жизни.

Рен негромко ответил:

– Но я не могу даже представить себе, что когда-то был способен испытывать к ней нечто подобное. Да, она милая, довольно симпатичная, но слишком юная. Какая жалость, что я был влюблен в нее, а не в Нилиму!

– В Нилиму? – гневно воскликнул Кишан. – Но она нам все равно что сестра! Ты никогда не испытывал к ней никаких чувств!

– Зато с ней намного проще, – все так же тихо ответил Рен. – По крайней мере, она не преследует меня тоскливыми взглядами своих больших карих глаз!

Братья долго молчали. Я с такой силой закусила губу, что почувствовала во рту привкус крови, но даже не заметила боли.

Наконец Кишан снова горячо заговорил:

– Келси – мечта любого мужчины. Она идеально тебе подходит! Она любит стихи и готова часами слушать, как ты поешь или играешь на мандолине. Она все эти месяцы ждала тебя, в конце концов, она много раз рисковала жизнью, чтобы спасти твою блохастую белую шкуру! Она нежная, любящая, добрая и красивая, она сделает тебя немыслимо счастливым.

Повисла долгая пауза. Потом Рен недоверчиво проронил:

– Ты любишь ее!

Кишан ответил не сразу и так тихо, что я с трудом расслышала его слова.

– Ни один мужчина в здравом уме не может не любить ее, следовательно, ты безумен.

Рен задумчиво ответил ему:

– Что, если я и раньше никогда не любил ее? Возможно, я был ей благодарен, поэтому позволил ей верить, будто влюблен в нее, но сейчас я не чувствую даже этого.

– Поверь мне, Рен! Благодарность не имеет ничего общего с тем, что ты испытывал к ней. Ты чах по ней долгие месяцы. Ты протоптал тропу в ковре, часами мечась туда-сюда после ее отъезда. Ты написал тысячи любовных стихотворений, воспевая ее неземную красоту и убожество своей жизни без нее. Если не веришь мне, поднимись в свою комнату и прочитай своими глазами все, что ты накропал!

– Я читал.

– Так в чем тогда дело? За всю твою жалкую жизнь я никогда не видел тебя таким счастливым, каким ты был рядом с ней. Ты любил ее, в этом нет никаких сомнений.

– Я не знаю, в чем дело! – взорвался Рен. – Может быть, это следствие бесконечных пыток. Может быть, Локеш вставил мне в мозги нечто такое, что выжгло дотла всю память о ней. Но когда я

слышу ее имя или ее голос, я весь сжимаюсь. Я жду боли. Я не хочу этого, Кишан. Это несправедливо по отношению к нам обоим. Она не заслуживает того, чтобы я лгал ей. Даже если я когда-нибудь научусь ее любить, память о пытках все равно никуда не денется. Каждый раз при взгляде на нее я вижу Локеша, который спрашивает, спрашивает… Я не могу, Кишан.

– Значит… ты ее не заслуживаешь.

Снова повисло долгое молчание.

– Нет. Полагаю, что нет.

Я зажала рот рукой, чтобы заглушить рыдание. Но они услышали меня.

– Келс? – окликнул Кишан.

Я бросилась вверх по лестнице.

– Келси! Постой!

Я услышала, как Кишан рванулся за мной по ступенькам, поэтому помчалась изо всех сил. Я знала, что если не поспешу, кто-то из них меня догонит. С грохотом захлопнув за собой дверь прачечной, я взлетела еще на один лестничный пролет, ворвалась в свою ванную и заперла дверь. Забралась в душевую кабинку и села, прижав колени к подбородку. Целая гамма стуков обрушилась на мою дверь – робких и вкрадчивых, настойчивых и требовательных, совсем тихих и оглушительно громких. Похоже, весь дом по очереди пришел постучаться. Даже Рен. Наконец они оставили меня в покое.

Я ощупала свое сердце. Наша связь исчезла. Прекрасный куст тигровых лилий, который я лелеяла и берегла все время отсутствия Рена, завял. Мое сердце было выжжено жестоким морозом. Нежные лепестки, один за другим, побурели и осыпались со стеблей. Никаким поливом, подкормом и уходом их уже нельзя было вернуть к жизни. Все было кончено. Пришла зима. Стебли съежились. Цветы облетели. Мертвые, увядшие лепестки рассыпались в прах и улетели, подхваченные порывом сурового ветра. Остались лишь редкие бурые пеньки – печальное напоминание о некогда прекрасном и драгоценном саде.

Поздно ночью я вышла из своей комнаты, надела кроссовки и взяла ключи от новой машины. Никем не замеченная, я бесшумно вышла из дома и забралась на мягкое кожаное сиденье. Бесконечный серпантин пустынной темной дороги привел меня на смотровую площадку на вершине горы, возвышавшейся над поросшей лесом долиной. Откинув кресло, я растянулась во весь рост и стала смотреть на звезды, размышляя о созвездиях.

Когда-то давно папа рассказал мне про северную звезду. Он сказал, что моряки всегда сверяли свой курс по ней. Она неподвижна. Она все время на одном месте, на нее всегда можно

положиться. Как же называлась эта звезда? Ах да, Полярная! Я поискала в небе созвездие Большой Медведицы, но не нашла. Кажется, папа говорил, что оно видно только в Северном полушарии. Еще он говорил, что в Южном полушарии нет аналога Полярной звезды. Потому что она уникальный небесный феномен.

Рен однажды сказал, что он постоянен, как Полярная звезда. Он и был моей Полярной звездой. Но теперь у меня не осталось ни центра, ни дома, ни путеводной звезды. Вновь накатило отчаяние. И тогда внутренний голос со знакомым маминым сарказмом напомнил мне: «То, что ты не можешь увидеть звезду, еще не означает, что ее нет. Возможно, она на время скрылась из виду, но можешь не сомневаться – прямо сейчас она ярко сияет где-то».

Может быть, когда-нибудь я смогу отыскать этот свет. А возможно, лишь впустую растрачу свою жизнь, разыскивая его. Смогу ли я быть счастлива без него? Я не хотела даже думать об этом.

Я знала, что такое утрата. Мои родители ушли. Рен… ушел. Но я все еще была здесь! У меня остались незавершенные дела. Работа, которую я должна выполнить. Однажды я сделала это, справлюсь и теперь. Пересилю боль и буду жить дальше. Если на этом пути я смогу найти любовь, то так тому и быть. Если нет, сделаю все, чтобы быть счастливой в одиночестве. Я страдала, когда Рен исчез в первый раз, я страдаю сейчас и буду страдать снова, но все равно выживу.

Нет сомнений, я любила его и продолжаю любить, но разве в жизни, кроме любви, нет других поводов для счастья? Океан-Учитель сказал, что цель нашей жизни – быть счастливыми. Небесная Ткачиха предупредила, что не стоит впадать в уныние, если узор ткани не соответствует моим ожиданиям. Нужно смотреть и ждать, набравшись терпения и мужества.

Нити моей жизни спутались и переплелись. Я не знала, смогу ли когда-нибудь расправить их снова. Сейчас ткань моего бытия выглядела ужасно, но кто знает, какой она будет дальше? Мне оставалось лишь не терять веры в то, что однажды я вновь увижу свет самой яркой звезды.

Когда-то я сказала Рену, что наша история никогда не закончится.

И она не закончилась.

По крайней мере, пока.

Благодарности

Как всегда, хочу поблагодарить моих самых первых читателей. Мою семью – Кэти, Билла, Венди, Джерри, Хайди, Линду, Тонни, Меган, Джареда и Сьюки. И моих друзей – Рэйчел, Синди, Джоша, Нэнси, Хейди Джо, Алису и Линду.

Спешу выразить самую горячую признательность моему индийскому редактору-советчику-консультанту Садхе Сешарди, которая тоже стала моей подругой и которая, как мне кажется, полюбила моих тигров не меньше, чем я сама.

Я безмерно благодарна моему мужу, преданно читавшему вслух каждую написанную мною главу. Если бы не его правка знаков препинания, боюсь, мои читатели не смогли бы понять, что я написала! Он всегда с нетерпением ждал каждой новой главы и даже признался, что ему нравятся сцены с поцелуями. Он мой самый преданный поклонник и самый строгий критик, как всегда бывает в счастливом браке.

Хочу сказать отдельное спасибо моему брату Джареду и его жене Сьюки, которые сначала терпеливо описали, а затем продемонстрировали мне все приемы единоборств, чтобы я смогла получше изобразить боевые сцены.

Я хотела бы выразить свою глубокую признательность Цултриму Дордже, секретарю офиса Его Святейшества Далай-ламы, за предоставленное разрешение использовать в книге фрагменты изречений Далай-ламы.

Спасибо моей первой команде редакторов на Book-surge, Радаманту и Гейлу Като за их титанический труд, а также сердечное спасибо всем-всем людям из Booksurge, без которых мои тигры никогда не увидели бы себя напечатанными.

Посылаю самые добрые мысли моему агенту Алексу за все, что он для меня сделал. Его компетентные советы всегда были жизненно необходимы и принимались с глубочайшей признательностью.

Спасибо Команде Тигра из «Стерлинга», в особенности Джуди Пауэрс, а также продолжительные аплодисменты моим редакторам Синди Лох и Мэри Херн, которые сделали эту книгу много лучше, чем она была.

И напоследок я хочу поблагодарить всех моих фанатов, которые читают и без устали перечитывают мои истории, доходя до такой одержимости, что мамам приходится прятать от них книги. Вы сами знаете, кто вы такие. Вы просто сумасшедшие и потрясающие! Спасибо за ваши милые электронные и бумажные письма со словами поддержки и поощрения!

notes

Примечания

1

Знаменитая баллада Брайана Макнайта, американского певца, автора песен и телеведушего.

2

«Тата Нано» – сверхмалый городской автомобиль, выпускаемый индийской компанией «Тата Моторс», нечто среднее между автомобилем и мотоколяской. За счет радикальной экономии на комфорте производителям удалось добиться рекордно низкой цены.

3

Пер. А. Наймана.

4

Пер. А. Лукьянова.

5

У. Шекспир. Юлий Цезарь. Пер. М. Зенкевича.

6

Отрывки из стихотворения поэта-кавалера Ричарда Лавлейса (1618–1658) «К Алтее, из тюрьмы» (1642). Пер. М.Я. Бородицкой.

7

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Пер. М. Лозинского.